

Вопросы Истории

6'89

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 6

И Ю Н Ь

1989

Вопросы ИСТОРИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1926 года.
Москва. Издательство „Правда“

Главный редактор

А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

В. П. АЛЕКСЕЕВ,
Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ,
П. В. ВОЛОБУЕВ,
А. С. ГРОССМАН,
В. П. ДАНИЛОВ,
А. П. ДЕРЕВЯНКО,
В. А. ДЬЯКОВ,
М. С. КАПИЦА,
И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО,
А. И. КРУШАНОВ,
В. И. КУЗИЩИН,
В. А. КУМАНЕВ,
Б. В. ЛЕВШИН,
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ,
О. А. РЖЕШЕВСКИЙ,
К. И. СЕДОВ,
И. В. СОЗИН
(заместитель
главного редактора),
С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
А. Я. ШЕВЕЛЕНКО,
В. А. ШИШКИН,
В. Л. ЯНИН.

ЧИТАЙТЕ В № 7 НАШЕГО ЖУРНАЛА:

Е. В. Анисимов. Петр I. Рождение империи. В статье по-новому освещаются многие события внутренней и внешней политики Петра Великого, его роли и места в отечественной истории.

Журнал начинает публикацию писем **Екатерины II князю Потемкину-Таврическому**, в которых затрагиваются различные стороны жизни Российского государства XVIII века, показаны личные отношения царицы и ее фаворита, крупнейшего государственного деятеля России того времени.

В очерке о «деле Рютина» (1931 г.) рассказывается о тех, кто в годы репрессий не побоялся бросить вызов диктатуре Сталина.

В разделе «Историческая публицистика» будет продолжена публикация работы **В. А. Антонова-Овсеенко «Сталин и его время»**.

П. П. Черкасов. Кардинал Ришелье. Автор исследует жизненный путь одного из самых крупных государственных деятелей в истории Франции.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»: ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА -- ИСТОКИ И ПРИЧИНЫ

31 марта 1989 г. в редакции журнала «Вопросы истории» был проведен «круглый стол», посвященный второй мировой войне. В обсуждении приняли участие доктор исторических наук заведующий Международным отделом ЦК КПСС В. М. Фалин, доктор исторических наук заведующий отделом Института всеобщей истории АН СССР В. Л. Мальков, доктор исторических наук заведующий сектором Института всеобщей истории АН СССР О. А. Ржепшевский, доктор исторических наук ведущий научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР М. И. Семиряга, доктор исторических наук заведующий отделом Института истории СССР АН СССР В. Я. Сиполс, кандидат исторических наук политический обозреватель журнала «Новое время» Л. А. Безыменский.

Вел «круглый стол» главный редактор журнала член-корреспондент АН СССР А. А. Искендеров.

А. А. ИСКЕНДЕРОВ. Сейчас ситуация в исторической науке характеризуется тем — и об этом мы судим по получаемым в редакции письмам, — что ставится больше вопросов, нежели дается на них ответов. В связи с 50-летием начала второй мировой войны дискуссии — причем не только в нашей стране, но и за рубежом — становятся все острее. Мы хотим более четко сформулировать наши позиции по важнейшим вопросам, и при этом было бы хорошо, если бы можно было сослаться на какие-то новые документы, ввести их в научный оборот или хотя бы сказать об их существовании.

Какие вопросы основные? Это и характер войны, и 1939 год, и что считать началом войны? Как развивались события и, конечно, позиция Сталина, Молотова и других деятелей? Вновь поднимаются вопросы советско-финляндской войны, ее начинают вписывать в контекст рассматриваемых событий.

Думаю, что должен быть свободный обмен мнениями по этим и другим вопросам. Конечно, придется затронуть вопрос о наших договорах, нашей позиции, сказать, как все происходило. В последнее время появился ряд новых публикаций по этим сюжетам, в которых поднимается вопрос об ошибках, о том, были ли альтернативы, использовал ли Советский Союз все возможности, чтобы предотвратить войну.

М. И. СЕМИРЯГА. Думаю, нам прежде всего нужно договориться о том, что нас объединяет. Я чувствую, что по ряду вопросов у нас разные взгляды. Видимо, мы собрались для того, чтобы что-то уточнить, по каким-то вопросам сблизить наши взгляды, чтобы снять налет непонимания.

В. М. ФАЛИН. Цель наша, действительно, — сопоставление объективных знаний, экспертных оценок, построенных на объективных данных. Мы должны попытаться выяснить, что и как совершалось в реальности, в масштабе конкретного времени и конкретного пространства, с упором

не на идеологические подходы или оценки, которые сейчас на виду, а прежде всего и главным образом — на факты.

Наблюдая нынешнюю картину, можно, наверное, сказать, что она служит лучшей иллюстрацией к известному тезису: история есть политика, обращенная в прошлое. Причем именно политика актуальная, которая жаждет взять историю в свои служанки. Возьмите документы той поры, 1938—1939—1940-х годов, вы не встретите в комментариях правительств и заявлениях официальных лиц и доли того, что говорится теперь по части обвинений СССР в «содействии» развязыванию второй мировой войны или даже ассистирования Гитлеру и Японии в этом занятии.

Соответственно нужно было бы прежде всего прояснить несколько ключевых моментов. Вольно или невольно, часто даже подсознательно, мы становимся пленниками стереотипов, навязанных извне, овеванных традицией, но не выдерживающих серьезной научной критики.

Когда началась вторая мировая война? Мы приняли позицию официальной западной историографии и повторяем — война началась 1 сентября 1939 года. И объяснение есть под рукой — почему: потому что две великие державы — Англия и Франция — объявили войну третьей великой державе — Германии. Но уже здесь заложено противоречие. Объявление состояния войны с Берлином последовало 3 сентября, значит, по мнению участвовавших в конфликте стран, она до сего дня не была мировой. Если же принять во внимание разговоры Гендерсона с Гитлером о возможности прокламирования Англией «мнимой войны» Германии, то началом не «мнимой», а настоящей войны надобно будет считать май — июнь 1940 года.

А как прикажете быть с Албанией, которая подверглась нападению со стороны фашистской Италии 7 апреля 1939 года? Для Чехословакии война началась в сентябре 1938 г. и привела к исчезновению с карты Европы этого государства 15 марта 1939 года. Для Испании — в 1936 году. Для Эфиопии — годом раньше. Для Китая она грянула в 1931 г. и приняла крупномасштабный характер с июля 1937 г. (и китайцы справедливо ведут начало второй мировой войны с 1937 г.).

Видимо, по крайней мере в наше время, неправильно принимать удобную для определенной страны или группы стран летопись событий. Тем более что в 1939 г. СССР не был статистом. Он вел тяжелые бои с Японией. Это была отнюдь не разведка боем, а именно сражение, в котором насчитывалось большое количество жертв с той и другой стороны. Или, по европоцентристской мерке, жертвы в Европе суть мировая трагедия, а в Азии — недоразумение?

Мы имеем дело с довольно распространенным пороком. Например, считается, что во второй мировой войне химическое оружие не применялось. В Китае оно применялось более 500 раз. В общем, неверно говорить, что и в Европе химическое оружие не использовалось. Оно применялось против военнопленных. В лагерях смерти газами были уничтожены миллионы людей. Между тем пленные до конца войны считаются военными, и применение любых военных средств против них есть применение боевых средств на войне. Кому-то выгодно утверждать обратное, и мы частенько идем на поводу у этих интерпретаторов былого.

Второй вопрос, заслуживающий, как мне представляется, внимания. Сегодня целенаправленно и очень методично внедряется в сознание общественного мнения, особенно людей несведущих, аргумент, будто ключевым в переходе Европы к большой войне явилось подписание 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении.

Позвольте еще раз подчеркнуть: слияние отдельных конфликтов в мировой пожар было процессом, а не единовременным актом. В рамках и на фоне этого процесса надлежит прояснить, почему договор 23 августа стал, по сути, неизбежным? Какое место идея этого договора заняла тогда в действиях главных актеров, а ими являлись СССР, Германия, Англия,

Франция, США и Польша? Был ли договор тем рубежом, после которого все действительно пошло по наклонной, или дело обстояло иначе? И очень важный вопрос, не методологический, сугубо принципиальный: когда, с чего началось советско-германское сближение, приведшее в конечном счете к заключению договора, когда Сталин принял окончательное решение в пользу этого договора, в какой конкретный день, в какой конкретный час, в какой конкретной обстановке?

Еще одно обстоятельство, весьма, на мой взгляд, важное. Обычно говорится об «умиротворении» как политике, родившейся в 1936 г. на фоне испанских событий. Некоторые начинают ее историю с 1935 г. в контексте агрессии Италии против Эфиопии и конца пакта Бриана — Келлога. И то, и другое неточно. Если держаться фактов, надо признать, что политика «умиротворения» восходит к захвату Гитлером власти. Она нашла свое цельное воплощение уже в «пакте четырех», заключенном между Великобританией, Францией, Италией и Германией 15 июля 1933 года.

Пакт не был ратифицирован Францией. Однако намерения, положенные в его основу, тем самым отнюдь не отпали. Они реализовались затем в ряде односторонних британских решений, в договорах, соглашениях, конвенциях, заключенных Великобританией с Берлином в 1935 г. и позднее. Всех их роднил общий знаменатель: по этим договорам и договоренностям Прибалтика провозглашалась сферой влияния Германии. И не только Прибалтика. Вся Восточная Европа обозначалась как направление немецкой «законной» экспансии с дежурным примечанием, что экспансия будет мирной. За исключением по части «освоения» советских территорий, где дозволялись любые способы, военные в том числе.

Это обстоятельство объясняет многое как в отношениях между участниками тогдашней драмы, так и в позиции каждого из соответствующих государств.

Попробуем с предельной точностью определить, когда Сталин вынес решение принять Риббентропа в Москве и, при условии, что немцы удовлетворят все наши требования, подписать договор? На советско-польской комиссии в качестве такой критической даты было названо 19 августа 1939 г., то есть день, когда по прочтении ряда допесений тогдашний советский руководитель убедился, что никакого тройственного соглашения быть не может, что поляки окончательно и бесповоротно отвергли советскую военную помощь.

Похоже, Сталин знал довольно много. Информация, поступающая к нему, не ограничивалась кругом вопросов, которые обсуждали англичане и французы в Варшаве. Он был ориентирован также насчет тайных контактов, поддерживавшихся в то время между Гитлером и англичанами. Если так, Сталин вполне мог прослышать о том, что «командировочное удостоверение» было выписано не только Риббентропу в Москву, но и Герингу в Лондон. 20 августа на аэродроме в Берлине стоял «локхид» британских спецслужб, чтобы доставить Геринга на секретную встречу с Чемберленом и Галифаксом в Чеккерсе. Это не просто детективный курьез, но реальный факт, который не выбросишь из летописи событий той поры.

Позвольте процитировать один малоизвестный документ. 22 августа 1939 г., после того как Сталин «дал добро» на приезд в Москву Риббентропа и за день до подписания договора о ненападении, Секретариат Исполкома Коминтерна принял постановление «Об антисоветской кампании по поводу переговоров между СССР и Германией». В нем содержались рекомендации партиям по противодействию этой кампании, исходя из следующих установок: «Эвентуальное заключение пакта о ненападении между СССР и Германией не исключает возможности и необходимости соглашения между Англией, Францией и СССР для совместного отпора агрессору», «переговоры с Германией могут понудить правительства Англии и Франции перейти от пустых разговоров к скорейшему заключению пакта с СССР».

Видимо, именно эта директива послужила основанием для шифротелеграммы, поступившей Шуленбургу из Берлина, в которой говорилось, что Советский Союз, вступая в переговоры с Германией, не сжигает мосты для продолжения переговоров с Англией и Францией.

Еще один момент. С подписанием договора 23 августа Германия на 10 или даже 11 дней потеряла интерес к политическим контактам с СССР. Технические вопросы и детали обсуждались, но все политическое внимание Гитлера и его дипломатии с 24 августа до 2 сентября было переключено на Англию и Польшу. В Берлине явно полагали, что цель, связанная с заключением договора, достигнута. Этот договор делал маловероятным соглашение между тремя державами, и теперь при нейтральном, исключенном из игры Советском Союзе нацистской политике было сподручней выбивать замышленное из англичан, французов и поляков.

Если принять в расчет, как англичане жали на поляков, нетрудно представить себе, что второе издание Мюнхена — опять за спиной СССР и против него — висело в воздухе. К сожалению, не все материалы опубликованы. Англичане фактически ничего не раскрыли из своих разведывательных досье. Далеко не все рассекречено из правительственных и дипломатических документов. Между тем часть из них не была в 1939 г. секретом для советского руководства.

Думаю, вполне объяснимой была нервозность Сталина в самый канун войны, побудившая его лихорадочно возводить подпорки на случай, если Гитлер заявит, что договор о ненападении был дурным сном. Из донесений военной разведки Сталин с 17 августа знал, что война Германии против Польши начнется «после 25 августа». Конфликт вот-вот разразится. 27 августа К. Е. Ворошилов дает интервью, в котором выражалась готовность СССР поставлять оружие жертвам агрессии. В этом контексте читается визит Н. И. Шаронова Беку 2 сентября и вопрос советского посла: почему Польша не обращается к Советскому Союзу за помощью поставками оружия? Заметим — Англия и Франция еще не объявили войну Германии, пока неясно, как развернутся события. Сталин должен был, хотел или мог искать какие-то сверхварианты, чтобы при любом течении событий убежать от надвинувшейся опасности.

В исторической науке непроясненным остается вопрос об активности Германии в Прибалтике весной и летом 1939 года. Факт визитов генерала Гальдера в Эстонию несомненен. Очевидно также, что он вел военные переговоры. Более того, Гальдер самолично проинспектировал советско-эстонскую границу. Это делалось, понятно, не для того, чтобы установить, наличествует ли там дичь или другая живность для охоты.

Каким объемом сведений владел Берлин о реальных намерениях англичан, их планах, которые определяли линию поведения в беседах с поляками и в военных переговорах с нами? Согласно донесениям Шуленбурга, немцы были в курсе инструкций, данных Драксу, в частности, знали об установке на затягивание переговоров до октября 1939 г., хотя одновременно со Сталиным лорд Галифакс прочитал депешу — война начнется между 25 и 28 августа. По некоторым признакам, немцы неплохо ориентировались в дискуссиях, ведшихся внутри британского кабинета. В частности, они могли знать, что на заседании 10 июля 1939 г. Галифакс заявил: «После того как начнутся военные переговоры (с СССР), они не будут иметь большого успеха. Переговоры будут затягиваться, и в конце концов каждая из сторон добьется от другой обязательств общего характера. Таким образом мы выиграем время и извлечем максимум из положения, которое мы можем сейчас изменить». Еще больше их должно было вдохновить высказывание на том же заседании кабинета лорда Саймона: «Важно обеспечить нам свободу рук, дабы заявить России (после заключения с ней соглашения), что мы не обязаны вступать в войну, поскольку не согласны с ее интерпретацией фактов».

Если информация о том, как провести нас на мякине достигала Сталина, что не исключено, то советское руководство было обязано спрашивать себя, что стоит союз, смысл которого втравить нас в войну, а не совместная борьба с агрессией?

И, наконец, такой вопрос. Напомню, что советско-германский договор о ненападении еще не был ратифицирован, когда началась война с Польшей. 31 августа Верховный Совет СССР одобрил договор с более чем странном обоснованием, сформулированным Молотовым: мы пошли на сей договор лишь потому, что нам отказали в сотрудничестве Англия и Франция. Обмен ратификационными грамотами, после чего договор стал действующим правом, состоялся в Берлине 24 сентября 1939 года.

Сталин тянул не случайно. Он, конечно, опасался, что то или иное его неаккуратное действие может быть расценено как *casus belli*, и следствием станет объявление Советскому Союзу войны со стороны Польши, а затем Англии и Франции. Как известно, польский главнокомандующий отдал приказ войскам не оказывать сопротивления Красной Армии и тем самым исключил возможность объявления нам войны. Поэтому польские пленные должны были считаться не военнопленными, а интернированными.

Но если можно объяснить и понять решение о заключении договора 23 августа, если можно обосновать советское решение о вводе частей Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию (с учетом, среди прочего, немецкой прокламации о создании независимого государства на территории Западной Украины, а также приказа Кейтеля провоцировать восстание в Западной Белоруссии и Западной Украине с целью физического уничтожения евреев и поляков), то, конечно, нельзя оправдать многое из происшедшего в советско-германских отношениях после 20 сентября 1939 г. и вплоть до июня 1941 года. Мы должны провести рубеж между политикой, когда СССР официально оставался нейтральным, и политикой, когда Сталин сделал нас «другом» нацистской Германии и впал в безразличный, по всем меркам противный социализму флирт с совместными парадами и другими недостойными акциями.

Как мне представляется, немецкий военный триумф в Польше отозвался кошмаром в сознании Сталина. Он почувал, что придется держать ответ перед народом, перед историей за преступления, сделавшие Советские Вооруженные Силы небоеспособными, а страну — беззащитной, и Сталин был готов платить почти любую цену, чтобы отдалить момент истины. Давайте сами проведем этот политический и человеческий рубеж, без чего наша позиция будет недостоверной.

И одно примечание. Когда после Мюнхена нацистский Берлин затеял с нами игру, Э. Вайцзекер говорил: это «инсценировка». Первый заход на нас был совершен 22 декабря 1938 г. с предложением заключить кредитное соглашение в обмен на советское сырье и другие товары сроком на «два года». Роковые «два года» фигурировали в ряде заявлений Гитлера и даже в некоторых договоренностях, заключенных в августе 1939 года. Казалось бы, это должно было насторожить и озадачить наше руководство — почему два года, а не три или пять? Здесь бы разобраться чисто фактологически. Мы что-то проглядели. Где был просчет, стоивший нам колоссальных жертв и потерь?

М. И. СЕМИРЯГА. Можно ли применительно к 1939 г. рассматривать польских военнопленных интернированными? В литературе 1939 г. мы называли их военнопленными, так их называл, в частности, и Молотов.

В. М. ФАЛИН. Нельзя смешивать две вещи. Молотов выступал, делал много риторических заявлений, не имевших юридической силы. Если бы мы рассматривали поляков как военнопленных, значит, СССР должен был быть в состоянии войны с Польшей. Это вопрос принципиальный. Было бы серьезным заблуждением объявлять *post factum* войну с Польшей, объявив интернированных военнопленными.

М. И. СЕМИРЯГА. Вы, Валентин Михайлович, говорили относительно «двух лет». Они вас смущают, меня они тоже смущают.

В. М. ФАЛИН. Они меня не смущают. Мне хотелось бы выяснить, что за этим стояло, был ли здесь изначальный немецкий расчет: мол, мы с ними два года поиграем и подобьем бабки. Сталин полагался на букву договора, определявшего срок действия обязательства о ненападении в десять лет, тогда как он изначально мог быть двухлетним.

Л. А. БЕЗЫМЕНСКИЙ. Хочу привести следующий факт. Речь действительно идет не о юридическом сроке договора, а о немецком замысле. И он был нам известен. Когда 19 июня П. Клейст, ответственный сотрудник «бюро Риббентропа», рассказывал в Варшаве о немецких замыслах нашему разведчику и это донесение пришло в Москву, там говорилось, что на прибалтийские государства, учитывая интересы Советского Союза, не будет оказано германского военного давления ни во время нашего конфликта с Польшей, ни в последующий за этим двухлетний срок, который будет характеризоваться хорошими германо-советскими отношениями. И Сталин об этом знал.

М. И. СЕМИРЯГА. В. М. Фалин правильно ставит вопрос о начале войны, хотя это вопрос спорный, дискуссионный, и над нами, в том числе и надо мной, довлеют старые стереотипы. Когда мы знакомимся с документами Коминтерна, с нашей литературой того времени, мы обнаруживаем то же самое: что мир вползал во вторую мировую войну. А некоторые документы даже говорят о том, что война фактически уже идет.

В. М. ФАЛИН. Об этом после Мюнхена заявлял Черчилль.

М. И. СЕМИРЯГА. Здесь говорилось о том, что некоторые страны еще до официального начала войны уже воевали. Но, может быть, мы назовем эти войны не составной частью второй мировой войны, а локальными войнами? Может быть, были локальные войны и в ходе второй мировой войны? Мне трудно назвать советско-финляндскую войну составной частью второй мировой войны.

В. М. ФАЛИН. Но она была ее составной частью.

М. И. СЕМИРЯГА. Тогда, значит, мы вступили во вторую мировую войну не 22 июня 1941 года. Если мы с этим согласимся, это будет коренное изменение всей нашей интерпретации второй мировой войны. Тогда нужно считать, что мы вступили в войну, возможно, месяца три спустя после ее начала — 30 ноября 1939 г., с началом советско-финляндской войны. Есть много аргументов против ее включения во вторую мировую войну. Я бы не рискнул называть советско-финляндскую войну составной частью второй мировой войны.

В. М. ФАЛИН. Одно дело, когда государство принимает какое-то решение в условиях мирного времени. У него есть простор для выбора. Другое дело, когда оно принимает решения, причем очень важные, даже судьбоносные, в условиях, когда война уже идет. Если мы признаем, что до 1 сентября войны не было и нам давалась возможность действовать так или иначе, то тем самым мы возьмем на себя часть вины, которая нам не принадлежит. Могу привести десятки документов, ранее секретных, а теперь доступных исследователям, где повторяется один и тот же замысел: нужно втравить СССР и Германию в войну, а затем, когда они изнурят друг друга, продиктовать им свои условия.

Главным мотивом, почему англичане и французы начали ухаживать за Гитлером после его прихода к власти, было Рапалло. Им очень хотелось посадить режим в Берлине, который исключал бы всякое взаимодействие между Германией и СССР. Рапалло — это сотрудничество рейхсвера с Красной Армией, выполнение Руром заказов для пятилеток и многое другое. Все это, как считалось, дестабилизировало Европу, капиталистическую Европу. Поэтому приход фашизма к власти демократии не взволновал и в чем-то обнадежил.

В этом смысле «западные демократии» действовали логично и последовательно. Эфиопию не будем спасать, ибо альтернатива ее захвату — революция в Италии, создание там левого правительства; Испанию не станем защищать, потому что антипод Франко — левое правительство в Испании (беседа Идена с Майским). Везде и всюду — антикоммунизм. Разговор Гитлера с Галифаксом в ноябре 1937 г. подтверждает, что антикоммунизм был главным «капиталом», опираясь на который, Гитлер мог проворачивать крупнейшие аферы. В том числе и с Соединенными Штатами.

А. А. ИСКЕНДЕРОВ. Эту идею — смотреть на развязывание войны как на процесс — я хочу поддержать. Если мы подойдем к проблеме начала войны как к процессу, многое, в том числе в методологическом отношении, проясняется.

М. И. СЕМИРЯГА. Три-четыре года назад мы критиковали китайцев за то, что они объявили 1937 год началом второй мировой войны.

В. М. ФАЛИН. Мое мнение все время было неизменным — необходимо присоединиться к позиции Китая в этом вопросе и считать началом вползания человечества во вторую мировую войну даже не 1937 г., а 1931 г., когда Япония оккупировала Маньчжурию. Ведь до чего дело доходит — китайские жертвы, а это около 20 млн., не всегда включаются в общий подсчет жертв второй мировой войны.

М. И. СЕМИРЯГА. Относительно Халхин-Гола. Со стороны Японии это была разведка боем, это была армейская операция, операция армейской группы. Жертвы были большие, но что касается большой войны против Советского Союза, то Япония тогда к ней не была готова. Она рассчитывала на такую войну через 2—3 года.

В. М. ФАЛИН. Что касается Японии, то она ориентировалась на большую войну в 1946 г., после того как истечет срок действия договоров между Филиппинами и США об аренде военных баз. Для японцев это был срок, когда начнется их «большая война».

Если бы Халхин-Гол был военно-технической, а не военно-политической операцией, то заключение договора о ненападении между Германией и СССР не имело бы столь глубоких последствий для оси Берлин — Токио. Между тем договор 23 августа деформировал союз Германии с Японией. Японцы сочли, что Гитлер (а) убил «Антикоминтерновский пакт», нарушив секретную оговорку, которая запрещала вступать с СССР в политические переговоры, и (б) не поспешил на помощь Японии, попавшей в тяжелое положение на Халхин-Голе, и, более того, оказал на нее давление, побудив отказаться от намерения искать реванш.

Знал ли Сталин о японских планах, доверял ли он донесениям Зорге? Сталин перестал доверять донесениям Рихарда Зорге где-то с конца 1940 года. До этого времени донесения Зорге аккуратно ложились на рабочий стол Сталина.

О. А. РЖЕШЕВСКИЙ. Донесения Рихарда Зорге нам по документам полностью не известны. Мы знаем их лишь в отрывках. А что мы знаем в отношении Халхин-Гола? Почти ничего, особенно для ведения нашей столь серьезной дискуссии.

В. Я. СИПОЛС. Вы не могли бы, Валентин Михайлович, рассказать, о чем шла речь на недавнем заседании Комиссии ЦК КПСС по международной политике?

В. М. ФАЛИН. Речь шла прежде всего о методологии исследований. А именно, подчеркивалась необходимость ввести в научный оборот все документы, которыми мы владеем и достоверность которых не вызывает сомнений, чтобы иметь более прочный и широкий фундамент для соответствующего анализа и выводов. В частности, все материалы, относящиеся к договорам 23 августа и 28 сентября. Вопрос признавать или не признавать копии с копий за аутентичные документы — не только исторический. Это вопрос и политический: не имея оригиналов, брать сейчас

на себя ответственность за решения советского руководства полувековой давности.

В. Л. МАЛЬКОВ. Отказ от усвоенных расхожих истин и мифологем касательно одного из самых драматических и не поддающихся простому объяснению периодов в мировой истории, называемого предвоенным кризисом 1939 г., позволит по-новому взглянуть на исторический горизонт. События, о которых мы ведем речь, отложились в сознании целых поколений как результат неожиданного, непредвиденного, спонтанного по своему характеру действия, возникшего как бы вопреки естественному ходу вещей и вне всякой связи с ним.

Так произошло и с советско-германским договором о ненападении 23 августа 1939 года. Чаще всего о нем пишут и говорят, как о «крутом повороте» Сталина (на 180°!) от идеи сотрудничества с западными демократиями к ее противоположности, к примирению (пускай временному) с агрессором и соглашению с ним. Многие зарубежные и советские историки (в особенности в последнее время) повторяют это утверждение, не задаваясь вопросом, как это все согласуется с пониманием предвоенного кризиса как процесса, уходящего корнями к началу 30-х годов.

Могут спросить: а что это меняет в наших представлениях об аморальности решения Сталина стать обеими ногами на позиции национального эгоизма, каким бы спасительным с военно-стратегической точки зрения оно ни представлялось и какими бы идейно-политическими установками ни оправдывалось? Законный вопрос, если при этом еще вспомнить предупреждение Г. В. Чичерина, который в 1929 г. в письме Сталину напомнил, что в дипломатии нельзя исходить исключительно из собственной системы ценностей и «закрывать глаза на все остальное». Полной мерой за такой способ мышления пришлось расплатиться позднее, но растерянность и смятение в рядах мирового коммунистического движения после 23 августа показывали, как остро ощущалась мировым общественным мнением утрата советской дипломатией тех нравственных преимуществ, которые она получила после Мюнхена. В речи 6 ноября 1939 г. Молотов подчеркивал, что «мы живем не чужим, а своим умом», забывая о том, что после захвата Чехословакии и Польши слова эти звучали до предела цинично и жестоко.

Тем не менее не будем торопиться с окончательными выводами, исходя из требования научной объективности. Прежде всего потому, что далеко не все слагаемые обстановки (внутренние и внешние) известны. И, в частности, в этом длинном перечне не последнее место должен занять вопрос об адекватности восприятия западными странами поведения Советского Союза как партнера на переговорах во всех коллизиях, которыми были отмечены предвоенные годы. Его никак нельзя назвать во все времена одинаковым, как это делают порой, изо всех сил подчеркивая тотальное и абсолютное недоверие, которое-де питали на Западе к Советской стране из-за жестокостей сталинского режима. К чему искусственно сгущать краски (реальность и без того выглядит удручающе)? Тот, кто серьезно изучал общественное мнение западных стран в межвоенный период, не может полностью согласиться с этим.

Когда Рузвельт, став президентом США, форсировал в 1933 г. решение вопроса о восстановлении дипломатических отношений с Советским Союзом, ему не потребовалось сверхъестественных усилий для этого. Общественное мнение США было настроено в целом благоприятно, и вопрос ставился не так: доверять или не доверять Москве, а по-иному — целесообразно ли культивировать дух сближения и сотрудничества с СССР или воздержаться от этого в свете неопределенности мировой ситуации и формулы «умиротворения»? В Советском Союзе платили тем же, держа курс на превращение страны в военный лагерь, изолированный от внешнего мира. Молотов, председатель СНК СССР с 1930 г.,

до своего визита в Берлин осенью 1940 г. не покидал пределов страны.

Обе стороны (СССР и западные демократии) категорически подчеркивали обоюдную идеологическую несовместимость, заранее как бы настраивая себя на любые неожиданности и подвохи. В СССР открыто, с самых высоких трибун, говорили о «враждебном окружении», о вынашиваемых в Париже и Лондоне планах войны против Советского Союза и необходимости ввиду этого использовать в целях самозащиты там, где возможно, межимпериалистические противоречия. В западных странах, напротив, при любом удобном случае отвечали кампаниями антисоветизма, демонстративно рассматривая любую конструктивную инициативу СССР на международной арене как некую политическую фикцию, рассчитанную на обман наивных людей. Внимая М. М. Литвинову и поневоле соглашаясь с блестящей логикой и неоспоримой убедительностью его доводов в пользу системы коллективной безопасности, неделимости мира, внушали себе, что это всего лишь красивая поза, декоративная форма, скрывающая глубоко запрятанное подлинное намерение Сталина и Коминтерна — сначала усыпить бдительность Запада, а затем навязать ему чуждые взгляды.

Идеологический фактор отталкивания оказался много сильнее сил взаимного притяжения, он играл главную роль в сохранении той атмосферы отчуждения, которая не позволяла реалистической тенденции взять верх и наладить нормальный диалог между Москвой, с одной стороны, Лондоном, Парижем и Вашингтоном — с другой. И это несмотря на то, что на Западе шел процесс консолидации антифашистских сил и росла надежда, что прямое вступление СССР в схватку принесет решающий перевес демократии над нацизмом. Альтернатива вырисовывалась, но она так и осталась альтернативой и не могла, по-видимому, стать чем-то другим.

Сталинские репрессии против «троцкистско-бухариинских агентов» фашизма», уничтожение командных кадров Красной Армии не могли не снизить шансов на создание какого-то подобия дипломатического (а тем более военного) блока держав, противостоящих гитлеровской Германии. Испания добавила новый элемент, углубив пропасть взаимной неприязни.

Все это (если говорить о Западе) питало политику «умиротворения», притупляя у ее сторонников и проводников чувство опасности перед германской военной машиной и вытесняя здравый смысл. Иначе как можно объяснить беспримерное безразличие, с которым западная дипломатия проиграла свой шанс — в случае возникновения войны заставить Гитлера воевать на два фронта — и даже в самый последний и рискованный момент не нашла в себе силы для того, чтобы сделать крутой маневр, предотвращая другой?.. На этом я хочу остановиться чуть подробнее.

Еще весной 1938 г. посол Англии в Москве лорд А. Чилстон в беседе с американским послом Дж. Дэвисом сетовал на то, что «в случае если Англия своей враждебностью оттолкнет Советы и вынудит их занять позицию невмешательства, дабы сохранить мир для своего народа, это обернется для нее самым большим поражением» (Library of Congress. Joseph E. Davies Papers. Box 7, Diary, 1938).

С нарастающей последовательностью эта тема проходит в доверительной переписке американских дипломатов (прежде всего Дэвиса), поставленных в положение сторонних наблюдателей за ходом европейской драмы, и в американской печати. Известное выступление Сталина 10 марта 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) вызвало сильную тревогу (Сталин делает первый ход!), но никого не потрясло. «Это чрезвычайно важное заявление, — записал 11 марта в своем дневнике Дэвис. — Оно содержит в себе совершенно ясное предупреждение английскому и французскому

правительствам» (Davies J. Mission to Moscow. Lnd. 1942, p. 279). 27 марта 1939 г. в письме сенатору Тайдингсу он с явным расчетом довести свою точку зрения до обитателей Капитолийского холма заявлял: «Англия и Франция, после того как они не допустили Россию для участия в конференции в Мюнхене,.. могут попытаться сейчас приблизить ее вновь. Однако не исключено, что они столкнутся с нежеланием «русского медведя» снова усесться на раскаленную докрасна плиту после всего случившегося» (Library of Congress. Joseph E. Davies Papers. Box 9. Davies to Millord Tydings. March 27, 1939). Дэвис закончил письмо упреком своему правительству за глухоту и безразличие в ситуации почти экстремальной. Все, с его точки, зрения, повторяло мюнхенскую модель: «Вы знаете,— писал он,— что в течение двух лет меня не оставляло предчувствие, и очень сильное, чем все это кончится. Увы, мои повторяющиеся предсказания, адресованные государственному департаменту и «боссу» (Ф. Рузвельту.— В. М.), оправдались и даже «очень» (ibid.).

Разумеется, можно и нужно говорить об эволюции, которую претерпела политика Англии и Франции после 15 марта 1939 г., после захвата фашистами Чехословакии. Все более твердым тоном в отношении актов агрессии стала говорить и американская администрация, хотя никаких признаков того, что США откажутся от политики нейтралитета, еще не было. Беда, однако, была в том, что ни в Лондоне, ни в Париже по-настоящему не увидели эволюции, которая произошла в позиции Москвы. Откуда это бесчувствие, упорное цепляние за миражи, за старый способ общения (через послов и третьестепенных представителей)? Конечно, в основе этого лежало все то же неприятие большевизма, постоянное стремление избегать контактов с ним, сохранять дистанцию. Легче было выпрашивать мир, навещая с унижительными визитами Муссолини и Гитлера, чем попытаться напрямую выяснить отношения с Москвой. Похоже было, что никто в Форин оффисе просто не задумывался над тем, как будут восприниматься в Кремле в новых условиях затягивание ответов на запросы о военных консультациях, заигрывания с Японией, нежелание «поднажать» на Польшу и т. д.

А между тем в беседе с послом США в Англии Джозефом Кеннеди (она состоялась в Лондоне 3 апреля) Дэвис просил предупредить Чемберлена, что любая неосторожность может «подтолкнуть Сталина броситься в объятия Гитлера» (Mission, p. 281). В призыве Рузвельта к Гитлеру «держаться в рамках» от 16 апреля Дэвис усмотрел, по-видимому, простое повторение ходов той партии, которая была разыграна накануне Мюнхена, и решил предпринять последнее усилие, чтобы не допустить худших последствий. В секретных посланиях К. Хэллу и Рузвельту от 18 апреля он выдвигает беспрецедентный план американского вмешательства в московские переговоры, предложив себя в качестве честного маклера. «Они (англичане и французы.— В. М.),— писал он Рузвельту,— потеряют Советы, если не будут вести себя осторожно!» (Library of Congress. Joseph E. Davies Papers. Box 10). Предложение Дэвиса было отвергнуто, как писал ему Хэлл, «по внутренним соображениям». Вялое течение переговоров англичан и французов в Москве и энергичные действия дипломатии третьего рейха, уход в отставку Литвинова в представлении Дэвиса подводили европейскую ситуацию к роковой черте. В беседе с Рузвельтом с глазу на глаз 18 июля 1939 г. Дэвис высказал свои опасения, подчеркнув, что в Берлине существует уже уверенность в осуществимости замысла, суть которого состояла в том, чтобы предотвратить заключение соглашения между СССР, Англией и Францией. Рузвельт с пониманием отнесся к его словам, но ограничился подтверждением своего разговора с послом СССР К. А. Уманским, в котором он предостерегал от «присоединения к Гитлеру» и просил довести это до сведения Сталина (в устной форме).

По поручению президента заместитель государственного секретаря С. Уэллес направил послу в Москве Л. Штейнгарту послание для изложения советскому руководству личного мнения президента относительно переговоров, которые были названы стабилизирующим фактором мира в Европе. Только 12 августа это послание достигло Парижа в качестве промежуточного пункта, а уже оттуда направлено У. Буллитом специальным курьером в Москву. Его содержание было доведено Штейнгартом до сведения Молотова 16 августа 1939 года. Так вот: с какими бы мерками ни подходить к письму Уэллеса и инструкциям президента, общая их тональность в отношении исхода англо-франко-советских переговоров была далека от оптимизма. Ей соответствовал и довольно мрачный колорит беседы Молотова и Штейнгарта. Ее финал звучал, как пролог трагедии. Как заявил Штейнгарт, необходимо подготовить Рузвельта на случай окончания переговоров в Москве, в особенности же на случай их неудачи. Получалось, что в Вашингтоне как бы знали, что все идет прахом. Тогда это была та самая роковая «неосторожность», о которой предупреждал Дэвис. Мир стоял на пороге величайшей человеческой драмы, предотвратить которую можно было, только преодолев узконациональный, эгоистический подход. В тот момент ни одна из заинтересованных сторон по-настоящему готова к этому не была.

И последнее. Как видим, «крутой поворот» Сталина никого на Западе не мог застать врасплох, поскольку об этом дрейфе советской дипломатии, начиная с марта 1939 г., там были хорошо осведомлены и даже говорили вслух. Тогда почему же не пожелали его прервать, приложив все необходимые усилия с тем, чтобы предупредить такой преждевременный, как теперь говорят, договор 23 августа 1939 года? Не хватило времени? Едва ли — времени было достаточно. Не пали убедительных аргументов, чтобы остановить Сталина, неудержимо следовавшего уже принятому им под воздействием участвовавших сигналов бедствия и страха решению? А это еще требуется доказать.

Л. А. БЕЗЫМЕНСКИЙ. Документы, приведенные В. Л. Мальковым, возвращают нас к суровой реальности 1939 года. Мы в первую очередь не имеем права забывать о том, что дипломатическая борьба развернулась тогда в условиях решимости Германии начать войну в Европе. В Нюрнберге был вскрыт и подробно исследован заговор против мира, составленный руководителями немецкой политики. Нюрнбергский приговор имеет под собой обширную документальную базу, и очень печально, что об этих материалах часто забывают. Например, о написанном Гитлером в 1936 г. заключении к «четырёхлетнему плану»: «1. Через четыре года германская армия должна быть готова к действиям. 2. Через четыре года германская экономика должна быть готова к войне» (*Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, 1955, № 2, S. 210). Итак, 36+4...

Стал классическим в историографии текст секретной речи Гитлера от 5 ноября 1937 г. («протокол Хоссбаха»), в котором черным по белому были зафиксированы решение начать войну и ее ориентировочные сроки: не позднее 1943 г., по возможности раньше. О методах своих действий Гитлер рассказал вполне откровенно. Например, 12 декабря 1944 г. в речи, в которой объяснял предвоенную ситуацию. «Мы ведем борьбу, которая так или иначе неизбежно должна была начаться. Следует выяснить только один вопрос: был ли удачным момент ее начала? Политическая ситуация постоянно менялась. И тот, кто хочет достигнуть кажущейся ему необходимой политической цели, не действует в условиях стабильности, которая абсолютно гарантирует ему осуществление этой цели. Такого не бывает в политике, симпатии или антипатии народов — понятие весьма изменяющееся... Теоретически выгодная политическая ситуация в 1938—1939 годах отнюдь не была стабильной. Наоборот, она зависела от многих факторов, которые в любой момент могли изменить-

ся» (Hitlers Lagebesprechungen. Stuttgart. 1962, S. 715). Эти рассуждения не были академическими. Они подкреплялись мощным наращиванием вооружений и активной политической подготовкой — поисками союзников и выбором очередности жертв агрессии. Сам же повод к ней представлялся делом второстепенным.

Сейчас при обсуждении в печати различных альтернатив говорится, что, может быть, война вообще не началась бы, если бы не было советско-германского пакта. Я считаю это предположение абсолютно беспочвенным, ибо к тому времени Германия по состоянию экономического и военного планирования не могла уже ждать. Вы помните разговор между Г. Чиано и Й. Риббентропом, когда Чиано говорил: «Что вам нужно: Данциг или коридор?» Риббентроп ответил: «Нет, нам нужна война». Такие же высказывания можно найти и у Гитлера, например, 22 мая. Документы гласят: срок нападения — 1 сентября — был определен в апреле, то есть задолго до того, как появилась сама идея советско-германского пакта. Срок 1 сентября был подтвержден 11 апреля и 16 мая, в соответствии с чем и был подготовлен Браухичем оперативный план.

Теперь о другой стороне ситуации 1939 г., а именно: об истоках и причинах решений, принятых Советским Союзом, о чем сейчас немало спорят.

Конечно, можно рассуждать и так: договор с Англией и Францией был бы предпочтительнее. Готов согласиться. Но была ли эта альтернатива реальной? Увы, мы не можем скинуть со счетов факты, ставшие известными еще в 1948 г.: англо-германские закулисные переговоры и англо-германские связи того времени. Это было бы очередным искажением истории. Я берусь утверждать, что исследования, появившиеся после 1948 г., ни в коей мере не опровергли этих данных. Наоборот, они показали, что линия двойной англо-германской игры состояла не только в единичных контактах, а в целой системе многократных и многослойных зондажей и переговоров. В этом я имел случай убедиться и по документам и во время личных бесед с Гельмутом Вольтатом и Фрицем Хессе, которые вели переговоры с английскими представителями. А если говорить об архивах, то в лондонском «Public Record Office» этим переговорам посвящены многие тома, особенно документы из личного архива премьер-министра. Это были не частные разговоры, а обмен мнениями на высшем уровне.

Мне кажется, что сегодня следует подходить к оценке внешней политики Германии тех лет более дифференцированно. Едва ли обосновано (как это часто делалось раньше) всю нацистскую верхушку считать абсолютным монолитом. Были в ней различные течения, в том числе и среди промышленно-финансовых лидеров страны. Одни считали Великобританию конкурентом, другие видели в ней желанного партнера. В глубоком исследовании экономических истоков «мюнхенской политики» Беринг-Юрген Вендт (ФРГ) подробно описал те группы в деловом мире Англии и Германии, которые стремились ко второму варианту, считая войну между обеими странами губительной не только для них, но и для западного мира в целом.

Политическим выразителем подобных настроений в германской верхушке стал Герман Геринг — практически второе лицо в государстве, одновременно — крупнейший промышленник. В результате почти в каждой политической интриге между Лондоном и Берлином в 1937—1939 гг. просматривается его имя. К нему тянулись все нити — будь то в контактах принца Макса-Эгона Гогэнлоэ с Э. Галифаксом и чиновниками Форин оффис, будь то в нашумевших переговорах Г. Вольтата с ближайшим советником Чемберлена сэром Горасом Вильсоном, будь то в посреднической деятельности шведского промышленника Биргера Далеруса, наконец, в секретных встречах самого Геринга с видными деятелями

британского делового мира. Об этом сейчас накоплен огромный фактический материал.

Работая в английских архивах, я порой удивлялся, как глубока была «мюнхенская идеология» в умах лидеров Англии. Так, 27 июля 1939 г., то есть буквально на пороге войны, лорд Кемсли в беседе с Гитлером от имени Чемберлена прямо заявил, что Мюнхен — образец англо-германских отношений на будущее! Эта идеология и определяла нежелание Англии идти на союз с нами. Он не входил в ее расчеты, и вот причина того, что (как бы ни рассуждать!) альтернативы советско-германскому пакту просто не существовало.

Что говорят сейчас об альтернативах? Одну из них предложил нам О. Ф. Сувениров на страницах № 12 «Военно-исторического журнала» за 1988 год. Описывая события рокового августа 1939 г., этот автор в статье под интригующим заголовком «Клим, Куба сказал...», утверждает: существовала реальная альтернатива германо-советскому пакту. Она возникла 21 августа 1939 г., когда к Ворошилову явился глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк и от имени Даладье заявил, что есть согласие на проход советских войск через Польшу (знаменитый «кардинальный вопрос») и, кроме того, есть «возможность заключить пакт с Францией» (с. 58—59). Однако Ворошилов не пожелал даже слушать своего французского коллегу. Шанс был утерян...

Логично, но не соответствует реальным фактам. Во-первых согласия не было, о чем в своих шифровках писали английские дипломаты, отказавшиеся поддержать «демарш» Думенка. Во-вторых, кто мог в Москве тогда даже и подумать о заключении пакта с Францией без Англии?

Разумеется, мы должны подходить к оценке позиции Англии без односторонности. Были и другие настроения в британской верхушке, например, в черчиллевской группе «Фокус», порой даже у Галифакса, особенно у военных, которые понимали, что без СССР антигерманский фронт нереален. В этом смысле показателен специальный меморандум британского адмиралтейства от 19 мая, в котором прямо говорится: с военной точки зрения договор с СССР необходим. Известен и другой документ, более поздний (от 16 августа), в котором комитет заместителей начальников штабов прямо требовал оказать нажим на Польшу с целью получения согласия на пропуск частей Красной Армии. Я не исключаю, что в советском руководстве недооценивали подобные настроения. Но одно дело — настроения, другое дело — определение политического курса Англии. Здесь же господствовало жесткое неприятие Советского Союза. Известно знаменитое изречение Чемберлена: «Я лучше уйду в отставку, чем подпишу договор с Россией». И не случайно Гендерсон признался Гитлеру 23 августа в том, что он «лично никогда не верил в англо-франко-русский пакт и ему лично куда милее, что не Англия, а Германия имеет договор с Россией» (Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945 (далее — ADAP) Ser. D. Bd. 7. Baden-Baden. 1956, S. 179).

Но речь не только в личных привязанностях. В. М. Фалин абсолютно прав, указывая на глубокие корни политики «умиротворения». Тому я обнаружил примечательное доказательство. В личном архиве премьер-министра есть досье PREM 331 и 331A, в котором тщательно собраны все принципиальные документы «умиротворения», начиная от визита Галифакса к Гитлеру осенью 1937 г. (кстати, ясно, что визит был специально задуман), далее — досье неизвестный принципиальный для кабинета документ под названием «Вклад Германии в политику всеобщего умиротворения» от 25 января 1938 г., в котором предопределялся будущий Мюнхен, и различные документы, которые собирал известный нам сэр Горас Вильсон в связи с закулисными англо-германскими контактами. Последние были предметом отдельного документа, в котором Форин оф-

фис к 18 августа собрал все данные об этих контактах и их каналах (К. Буркхардт, Б. Далерус и др.).

Уже проведенный и требующий продолжения анализ подобных материалов не позволяет скидывать со счетов эту линию британской политики, которая практически завела Англию в тупик. И если объективные англо-германские и франко-германские противоречия в то время не разрешали создать столь желанный Гитлеру «священный союз» против СССР (чего так опасались в Москве), — антикоммунистический синдром сделал невозможным создание уже в 1939 г. той коалиции, которая победила в 1945-м.

Мне представляется важным еще один аспект ситуации лета 1939 года. Мы часто говорим о закулисных, тайных контактах и зондажах. Но были ли они действительно тайными? Если обратиться к немецким разведдокументам, то из них видно: в Берлине были полностью информированы о том, что происходит между Москвой и Лондоном. Содержание решений британского кабинета становилось известным послу Дирксену в тот же день. Особую роль играл «исследовательский институт» Люфт-ваффе, занимавшийся перехватом и расшифровкой телеграмм. Я имел возможность ознакомиться с отчетом этого «института» по англо-советским переговорам и из него явствует, что Гитлер знал все «зигзаги» этих переговоров и, видя английскую позицию, мог повышать ставки в своей игре с Москвой. В свою очередь, в Лондоне с января 1939 г. знали о намерении Гитлера искать сближения с СССР. Существует даже сводный отчет от 4 июля 1939 г., представленный британской секретной службой (МИ-2) по этому вопросу. Наконец, видимо, весьма обширной была информация Москвы. Альтернативная, «двойная» игра Лондона была известна Сталину, и (зная его подозрительность вообще и недоверие к Англии, в частности) можно себе представить, куда это его толкало.

Каков же политический итог? Даже если бы советское руководство преодолело все свои внутренние «тормоза», даже если бы не было оснований (а они были!) сомневаться в надежности Англии как партнера, — альтернативы пакту не было, так как заключение эффективного, равноправного союза с СССР не входило в военно-политические расчеты правительства Чемберлена, а за ним — и Даладье.

В. М. ФАЛИН. Уместно еще раз в связи с этим поставить вопрос: мог ли Советский Союз отказаться от подписания договора о ненападении с Германией в условиях, когда англичане и французы не были готовы подписать с нами соглашение? Не означал ли бы демонстративный отказ СССР принять предложение Германии заключить договор о ненападении в условиях, когда Англия и Франция имели декларации о ненападении с Берлином, приглашения немцам напасть на Советский Союз, после того, как они нанесли поражение Польше?

О. А. РЖЕШЕВСКИЙ. Обостренное внимание к событиям 1939 г. вполне понятно. Предвоенный политический кризис, разразившийся в результате захвата фашистской Германией Чехословакии (март), Клайпедской области Литвы (март) и Италией Албании (апрель), привел в конечном итоге к нападению 1 сентября фашистских агрессоров на Польшу, дальнейшему уже необратимому разрастанию второй мировой войны, альтернативы предотвращения которой оказались неиспользованными. Именно альтернативные возможности развития событий 1939 г. находятся в эпицентре развернувшихся дискуссий. Особенно остро обсуждаются причины неудачи московских переговоров СССР, Великобритании и Франции, которые велись в апреле—августе 1939 г., и советско-германский договор о ненападении, подписанный Молотовым и Риббентропом в ночь с 23 на 24 августа 1939 года.

Рассмотрим некоторые аспекты тогдашней ситуации на основе имеющих к настоящему времени в распоряжении историков документов,

прежде всего кардинальный вопрос, отсутствие согласия по которому завело в середине августа 1939 г. военные переговоры между СССР, Великобританией и Францией в тупик. Имеется в виду вопрос о пропуске советских войск в случае германской агрессии через территорию Польши, что было необходимо для организации эффективной защиты не только советских границ, но и самой Польши. 14 августа глава советской военной делегации Ворошилов предложил руководителям английской и французской военных делегаций П. Драксу и Ж. Думенку разъяснить их точку зрения на этот счет. В ночь с 14 на 15 августа английский посол в Москве У. Сидс направляет в Лондон срочную телеграмму: «Французский посол и я обсуждали с главами миссий ситуацию, создавшуюся в результате утренней встречи с советской делегацией. Он и я пришли к выводу, что русские поставили сейчас вопрос, от которого зависит успех или провал переговоров... Мы считаем, что советская делегация будет твердо стоять на этой позиции и всякие попытки поколебать ее приведут к такому же провалу, как это неоднократно имело место в ходе наших политических переговоров... Наше предложение заключается в том, чтобы французский генеральный штаб вступил в контакт с польским генеральным штабом и получил на это согласие... Прошу подчеркнуть необходимость особой срочности и исключительной секретности» (Public Record Office FO. 371/23072, pp. 190, 191).

16 августа вынес свое решение Комитет начальников штабов Великобритании. «Совершенно ясно, — сообщали кабинету министров военные, — что без быстрой и эффективной русской помощи поляки не имеют надежд на то, чтобы выдержать германское наступление на суше и в воздухе продолжительное время... мы считаем, что сейчас необходимо сообщить об этом как полякам, так и румынам. Полякам особенно следует указать, что они имеют обязательства по отношению к нам, как и мы к ним, и что им нет оснований ожидать от нас слепого выполнения наших гарантий, если они в то же время не будут сотрудничать в принятии мер, направленных на достижение общей цели; заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны. Успешное заключение этого договора будет, без сомнения, поставлено под угрозу, если выдвинутые русскими предложения о сотрудничестве с Польшей и Румынией будут отклонены этими странами» (ibid., FO 371/23071, p. 231).

В эти же дни кабинет Чемберлена стал испытывать возрастающее давление французской стороны в пользу подписания военной конвенции с Советским Союзом. Причина тому была очевидной — германская агрессия в первую очередь угрожала Франции, а не Англии. 14 августа в Лондоне от английского посла в Париже была получена телеграмма: «Французская военная миссия в Москве весьма удовлетворена ходом переговоров. Но она сообщает, что условием соглашения и той помощи, которую они готовы оказать, русские считают необходимость быть уверенными, что они в случае германской агрессии против Польши и Румынии получат разрешение этих стран на пропуск своих войск через их территорию. Что касается Польши, то русские запрашивают на это разрешение, которое относится лишь к строго ограниченной небольшой территории в районе Вильно» (Ibid., p. 211).

Давление на поляков было поручено оказать французскому военному атташе в Варшаве генералу Ф. Мюссу и французскому послу Л. Ноэлю. Их переговоры с начальником генерального штаба вооруженных сил Польши генералом В. Стахевичем и министром иностранных дел Польши Ю. Беком не принесли результатов. 18 августа в Париже получили сообщение — отказ. На следующий день Ф. Мюсс после трехчасовых переговоров со Стахевичем отправил телеграмму: «В конце концов с согласия Бека была принята формулировка: наша делегация в Москве может маневрировать, как будто бы поляками не был поставлен этот вопрос» (Documents diplo-

matiques français, 1932—1939. Ser. 2, 1936—1939. T. XVIII. P. 1985, p. 218). Так разрабатывался и проводился в жизнь еще один вариант обмана Советского Союза. Но обманывали западные дипломаты прежде всего самих себя. И первой менее чем через две недели поплатилась за это Польша.

20 августа французский посол в Москве П. Наджар посылает в Париж телеграмму: «Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позицию» (Ibid.). Ноэль, в свою очередь, сообщает, что в позиции Польши изменений не произошло, и Бек настаивает, чтобы в конвенции Польша вообще не упоминалась. Ноэль констатирует, что «позиция Польши не заключать с СССР никаких политических и военных соглашений — это «болезнь» польской политики», что укрепление связей с Францией и Англией, кредиты и прочее не были использованы для того, чтобы получить согласие Польши на сотрудничество с СССР. В тот же день Думенк получил из Парижа указание: «По приказу председателя Даладье генерал Думенк уполномочен совместно с послом подписать в общих интересах военную конвенцию».

Финал известен. 22 августа 1939 г. Думенк заявил советской делегации, что он получил от своего правительства положительный ответ на «основной кардинальный вопрос» и полномочия «подписать военную конвенцию». Однако он признал, что о позиции английского, польского и румынского правительств ему ничего не известно.

Что же происходило в эти решающие дни в Лондоне, какова была реакция английского кабинета? Формально он бездействовал, так как находился в отпуску Чемберлен — ловил рыбу в своем поместье, Галифакс охотился на куропаток. Мне довелось не так давно беседовать с весьма осведомленным английским историком Д. Уоттом, книга которого «Так пришла война» выйдет в свет в сентябре этого года. На мой вопрос «Какова была позиция английского правительства в эти дни?» он ответил: во-первых, оно потеряло контроль над событиями; во-вторых, Франция, давая согласие на подписание военной конвенции, обманывала Советский Союз, ибо знала, что Польша не пропустит его войска через свою территорию; и, в-третьих, доступ к ряду английских документов еще закрыт, так что дать исчерпывающий ответ на мой вопрос пока нельзя.

Изучение доступных документов, относящихся к критической стадии московских переговоров, показывает, что и советская делегация наверняка использовала не все эвентуальные возможности для позитивного их исхода. Одной из вероятных инициатив могло быть приглашение на переговоры полномочного представителя Польши для участия в решении вопроса о пропуске советских войск через ее территорию в случае нападения Германии. Советское правительство после заключения договора с Германией в течение нескольких дней пыталось продолжить переговоры с Англией и Францией. Но реакции Лондона и Парижа не последовало. Провал московских переговоров означал, что последняя возможность предотвратить нападение фашистской Германии на Польшу или дать агрессии надлежащий отпор и тем помешать дальнейшему разрастанию второй мировой войны утрачена.

В этих условиях Советское правительство, рассматривая последствия неизбежного разгрома Польши, считало необходимым любой ценой упредить выход вермахта на советские границы и уберечь страну от вовлечения в войну. Это и привело к заключению договора о ненападении с Германией. Договор как единственное из оставшихся в сложившейся обстановке решение давал СССР не только определенные гарантии защиты западных границ, временный нейтралитет в надвигающейся войне, но и вызывал неизбежные негативные последствия компромисса с разбойничьим нацистским режимом политического, идеологического и военного характера. Следует также учитывать, что в это время СССР совместно с МНР

отражал агрессию японских захватчиков на Дальнем Востоке и угроза войны на два фронта, а в наихудшем случае и против других империалистических государств являлась жесткой реальностью. Вопрос стоял о жизни или смерти Советского государства.

Серьезной причиной затянувшихся дискуссий о договоре 1939 г. является публикация на Западе еще в 1948 г. важных, относящихся к нему документов, о которых советские историки многие годы хранили молчание, что умело использовалось реакционной пропагандой. Между тем эти документы многое проясняют, позволяют дать договору более объективную оценку и дают основание не причислять СССР к «невоюющим союзникам» Германии или участникам «раздела Польши».

О чем идет речь? Из немецких дипломатических документов следует, что составной частью договора был секретный дополнительный протокол. Оригинал его в советских и зарубежных архивах не обнаружен. Но последующее развитие событий и дипломатическая переписка дают историкам основание заключить, что договоренности, касающиеся размежевания интересов двух стран (примерно вдоль линии рек Нарев, Висла, Сан), были в какой-то форме в августе 1939 г. достигнуты. Устанавливался восточный рубеж, который германские войска не должны были пересекать, что имело первостепенное значение для безопасности СССР.

Черчилль говорил в этой связи 1 октября 1939 г., выступая по радио: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было, без всякого сомнения, необходимо для безопасности России перед немецкой угрозой. Во всяком случае, была занята позиция и создан Восточный фронт, который немецкая армия не осмелилась атаковать». Британский государственный деятель ясно понимал значение политических и военных мер, предпринятых Советским Союзом. Но практическое осуществление достигнутых договоренностей, усугубленное обещанием «дружбы» с фашистской Германией, сопровождалось многими противоправными действиями и преступлениями, свойственными сталинскому режиму, оправдания которым ни с политической, ни с моральной точек зрения быть не может.

Л. А. БЕЗЫМЕНСКИЙ. Если говорить о протоколах, то здесь положение парадоксальное. Само наличие договоренностей нами не отрицалось — даже осенью 1939 г., что было черным по белому напечатано в «Известиях». Да и в первом издании «Истории Великой Отечественной войны» говорилось об этом. Увы, и в этом вопросе обстановка «холодной войны» сыграла свою губительную роль. Политическая конфронтация заменила исторический анализ. Как уже здесь говорилось, в архивах СССР оригинала этих протоколов нет. Как мне разъяснили в Политическом архиве МИД ФРГ, и там его нет, он погиб во время бомбежек Берлина. Что же касается происхождения бытующих в литературе копий, то они имеют своим источником негативы микрофильмов, снятых по приказанию Риббентропа, начиная с 1943 года. Микрофильмы были вывезены в Тюрингию, где сотрудник МИД Карл фон Лёш передал их англо-американской поисковой группе. Фильмы попали в Лондон, были обработаны, после чего на имя Черчилля был составлен специальный доклад (см. PRO, PREM 8/40).

Позитивы микрофильмов из «коллекции Лёша» хранятся в Национальном архиве США (группа T-120), негативы возвращены в МИД ФРГ. Примечательно, что в этих фильмах (их 19) документы снимались попеременно; сам текст договора — на фильме F-11, а секретный протокол — на фильме F-19, кадры 179—185. На этих кадрах — немецкий и русский тексты с подписями Риббентропа и Молотова, а также немецкий текст, перепечатанный на специальной пишущей машинке для Гитлера. Русский текст, в версии «копии с копии», гласит:

«СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ»

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете (Москва, 23 августа 1939 года. По уполномочию Правительства СССР В. Молотов. За Правительство Германии И. Риббентроп)».

В МИД ФРГ мне разъяснили, что в отличие от оригинала протокола, дела немецкого посольства в Москве сохранились, в чем я имел возможность убедиться. В них имеется ряд телеграмм Шуленбурга с прямыми ссылками на протокол, а также изложение его (в шифровке Риббентропа). Секретные протоколы к договору от 28 сентября 1939 г. находятся в другом микрофильме (F-2). Такова текстологическая ситуация.

Можно констатировать, что по содержанию ни один из пунктов не выходит за рамки широко бытовавшей в те времена практики. Аналогичные секретные договоренности имелись у демократий с Германией, Италией и Японией, а также у Польши. Но именно аналогия заставляет отнестись с дополнительной строгостью к тексту, известному лишь в копии. Все ли в нем верно передает оригинал, если он существовал?

М. И. СЕМИРЯГА. Какова была расстановка политических сил в мире и в чем состояло основное противоречие между ними как в 1939 г., так и в предшествовавший период? Если считать, что определяющим в тот период было противоречие между Советским Союзом и капиталистическим миром, который только и жаждал того, чтобы совместными усилиями раздавить первое в мире социалистическое государство, то из этого тезиса вытекает определенный вывод, который на протяжении длительного времени навязывался Сталиным, чтобы оправдать свое представление об СССР как о «крепости, осажденной со всех сторон врагами», и необходимость усиливать террористический режим в ней. Но если признать, что главное противоречие пролегало, как было указано VII конгрессом Коминтерна, между демократическими (в том числе и буржуазно-демократическими) и фашистско-милитаристскими странами (я с этим тезисом согласен), события будут выглядеть иначе.

Утверждение, что после мартовских событий 1939 г., когда Германия в нарушение Мюнхенского соглашения оккупировала всю Чехословакию, в европейской ситуации ничего не изменилось и Англия и Франция по-прежнему продолжали свою политику «умиротворения» вплоть до начала

войны с Германией, а то и до середины 1940 г., неизбежно порождает соответствующий вывод. Но ситуация смотрится совершенно по-иному, если признать наличие определенной эволюции во внешнеполитической линии этих стран с марта 1939 г. в сторону сближения с Советским Союзом и большей жесткости в отношении Германии. Я признаю факт такой эволюции.

Невооруженным глазом было тогда видно, что направленный против Англии и Франции конфронтационный дух так пронизал все действия советского руководства, что мешал ему открытыми глазами взглянуть на собственные интересы и трезво определить, где реальный противник, а где силы, могущие быть пусть временными, но союзниками. Отсюда проистекала и незаинтересованность Сталина и Молотова в поисках баланса интересов. Конечно же, возможность сотрудничества, а тем более военного, с Англией и Францией была в то время отягощена уроками прошлого, как далекого (англо-французская интервенция в Советскую Россию), так и близкого (Мюнхен и неудача советско-англо-французских переговоров). Давление этих уроков, как бы это ни было болезненно, надо было преодолеть, ибо речь шла о совместной борьбе с врагом, который угрожал всем странам Европы, всему человечеству.

На одном из заседаний своего кабинета летом 1939 г. Н. Чемберлен назвал возможный договор западных держав с Советским Союзом «камнем на шее», который «может висеть много лет и привести к тому, что даже сыновьям придется воевать за русские интересы». Но зная об этом, нельзя забывать и слова одного из самых влиятельных политических деятелей Англии, который отнюдь не симпатизировал нашей стране, — У. Черчилля, что если бы существовал союз СССР, Англии и Франции, то война могла бы быть предотвращена. Он неоднократно заявлял, что цели Германии остались неизменными (мировое господство) и что это ставит под угрозу интересы США и Британской империи. Россия же не представляла для Великобритании реальной угрозы. Эту мысль разделяли многие английские государственные деятели. Достаточно познакомиться с острыми дебатами, проходившими в то время в палате общин, чтобы убедиться, что существовала довольно сильная оппозиция политике Чемберлена и Галифакса даже в рядах их собственной партии и что при малейшем кризисном состоянии их правительство могло бы пасть и политика Англии претерпела бы существенные изменения. В мае 1940 г. так оно и произошло. Хорошо известно также мнение представителей высшего британского и французского командования, выступавших за установление военного союза с СССР. Правящие круги Англии и Франции не могли не реагировать и на резко изменившееся с марта 1939 г., по сравнению с мюнхенской эйфорией, настроение своей общественности в пользу принятия более решительных мер против Германии.

Выработке единого взгляда на проблемы 1939 г. серьезно мешает нерешенность вопроса о секретных протоколах к договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 года. Мы должны считаться с наличием упомянутых протоколов. Можем ли мы, живущие в 80-х годах, при исследовании советско-германского договора от 23 августа ставить себя в положение Сталина и Молотова и только с их позиций давать оценку этому договору? Конечно, надо считаться со спецификой ситуации, в которой действовали непосредственные участники тех событий. Но историк сегодня должен учитывать и последствия, которых участники событий могли и не предвидеть.

Среди этих документов особой одиозностью выделяется договор о дружбе и границе между СССР и Германией, заключенный в Москве во время вторичного приезда Риббентропа 28 сентября 1939 года. В духе этого договора было составлено «Заявление советского и германского правительств» от 28 сентября 1939 г., в котором содержался призыв к Англии и Франции прекратить войну с Германией, что отвечало бы, как

было сказано в этом документе, «интересам всех народов». Далее следовало предупреждение, что в случае отказа Англии и Франции принять это предложение, они будут нести «ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах» (Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. 4. М. 1946, с. 452—453).

Во-первых, вопреки утверждению авторов договора этот призыв не отвечал «интересам всех народов», ибо его реализация означала бы возврат к Мюнхену и новому «умиротворению» агрессора, но теперь уже за счет Польши. Во-вторых, попытка возложить ответственность за продолжение войны на Англию и Францию не имеет под собой никакого основания, ибо эти страны, как правительства, так и народы, вели оборонительную войну в интересах разгрома гитлеровской Германии и защиты своей свободы и национальной независимости. И, в-третьих, предупреждение о том, что СССР и Германия будут консультироваться о принятии «необходимых мер», носило по сути дела провокационный характер. Оно означало, что советское руководство в обстановке продолжавшейся войны совместно с одной из воюющих сторон шло на прямую конфронтацию с другой стороной, подвергая тем самым свою страну реальной угрозе быть вовлеченной в войну.

Некоторые авторы считают, что Советское правительство пошло на серьезное сближение с Германией буквально за несколько дней до 23 августа, находясь в безвыходной и опасной ситуации. Я в этом сомневаюсь: советско-германский договор не был заключен экспромтом. По крайней мере с декабря 1938 г. велись беседы германских и советских представителей по торговым вопросам. 22 августа 1939 г., выступая перед высшим командным составом вермахта, Гитлер заявил, что именно с осени 1938 г. он принял «решение идти со Сталиным» (ADAP. Ser. D. Bd. 7. Baden-Baden. 1956, S. 171—172). Затем последовали доклад Сталина на XVIII съезде партии, более энергичные немецко-советские контакты после съезда, увольнение М. М. Литвинова с поста наркома иностранных дел, которое Гитлер оценил, как имевшее решающее значение для улучшения советско-германских отношений, и чистка НКВД и, наконец, прямые официальные переговоры между СССР и Германией, завершившиеся подписанием договора о ненападении.

Что же касается безвыходной для Советского Союза ситуации, то я считаю, что эта опасность сильно преувеличивается. В 1939 г. Германия не была готова к войне с Советским Союзом и не имела на этот счет никаких разработанных оперативных планов. Япония также не была готова к большой войне.

Я разделяю мнение В. М. Фалина о том, что некоторые внешнеполитические акции СССР того времени осуществлялись не по нашей инициативе, а навязывались нам. Но за действия, даже предпринятые под внешним нажимом, если они не соответствовали коренным интересам Советского государства, Сталин и Молотов должны также сполна нести ответственность. А тем более за те шаги, которые они предпринимали по собственной инициативе, чтобы «задобрить» Гитлера. Они могли бы, например, уже на первой встрече с Риббентропом не давать ему повода для намека на возможность присоединения СССР к «Антикоминтерновскому пакту». Или не устраивать совместные «парады победы» по случаю поражения Польши, состоявшиеся во Львове, Бресте и Гродно. Или не вносить предложение, чтобы договор от 28 сентября 1939 г. не только фиксировал условленную линию разграничения государственных интересов, но и установил «дружбу» между Германией и СССР.

Обязывали ли советско-германские договоренности советское руководство поздравлять Гитлера с взятием Варшавы, Парижа или желать успехов в агрессии против Дании и Норвегии? Наконец, кто принуждал Сталина и Молотова, с одной стороны, порывать дипломатические отношения

с рядом оккупированных гитлеровцами стран, правительства которых приютила у себя Англия, а с другой — устанавливая такие отношения с гитлеровскими марионетками типа «правительства Виши» во Франции или «правительства Словакии»? Некоторые из этих акций осуществлялись буквально за несколько дней до агрессии Германии против Советского Союза. Все эти действия мы не можем простить Сталину и Молотову.

Здесь уже говорилось, что Советское правительство даже после подписания советско-германского договора было готово продолжать переговоры с Англией и Францией. Да, 22 августа 1939 г. Молотов сообщил французскому послу П. Наджиару, что заключение советско-германского договора не обязательно будет означать прекращение советско-англо-французских переговоров. Но, во-первых, это заявление делалось для того, чтобы успокоить общественное мнение как в Советском Союзе, так и за рубежом. Народам мира трудно было понять, как социалистическое государство могло пойти на соглашение с фашистским диктатором. К тому же они не знали о существовании секретного протокола. Во-вторых, когда Советский Союз участвовал в военных переговорах с Англией и Францией, он прекрасно знал, что эти переговоры направлены против не абстрактной агрессии, а конкретных действий именно Германии.

Под влиянием советско-германского договора советское руководство, а под давлением Сталина — и Исполком Коминтерна определили политический характер начавшейся мировой войны принципиально иначе, чем VII конгресс Коминтерна. Как известно, последний обоснованно определил готовившуюся фашистской Германией войну как справедливую и освободительную со стороны всех ее противников. Однако в начале сентября 1939 г. эта оценка была отменена, и Исполком Коминтерна предложил всем компартиям считать ее с обеих сторон империалистической и захватнической. Молотов пошел еще дальше, назвав Англию и Францию «агрессивными», а Германию, развязавшую эту войну, «обороняющейся» державой (Большевик, 1939, № 20, с. 2). Следуя этой ложной концепции, советские средства массовой информации вплоть до июня 1941 г. в оправдательном плане сообщали об агрессивных акциях Германии. Нетрудно понять, каким ударом по международному антифашистскому движению была подобная позиция.

Договор от 23 августа нанес большой ущерб международному престижу СССР, подорвал доверие к советской внешней политике. Многие внешнеполитические шаги советского руководства, последовавшие после заключения советско-германского договора и под его непосредственным влиянием, как правило, приводили к дальнейшей самоизоляции нашей страны. Сложившееся в результате подписания договора положение выражалось, в частности, в том, что по государственной линии у Советского Союза (правда, по его вине лишь частично) по-прежнему отсутствовали дружественные отношения с его западными соседями, чем Германия вскоре не преминула воспользоваться в своих агрессивных целях. Так, в 1939—1940 гг. советское руководство предпочло военный, а не политический путь решения спорного вопроса с Финляндией, что привело к исключению СССР из Лиги наций.

Ослепленный доверием к договору от 23 августа, Сталин игнорировал не только наши собственные данные о готовящемся нападении Германии на СССР, но и многочисленные предупреждения (всего их было 84) западных держав, которые в то время вовсе не были заинтересованы в дальнейшем усилении военной мощи Германии за счет поражения СССР.

Развязанная Германией вторая мировая война поставила в особо трудную ситуацию польский народ. Он первым в Европе подвергся вооруженной агрессии и, не получив обещанной поддержки от своих западных союзников, вынужден был в одиночестве и, говоря словами английского историка Дж. Фуллера, «мужественно до донкихотства» сражаться за свою свободу и независимость.

Какова же была в эти трагические для польского народа дни позиция СССР? 17 сентября 1939 г. Красная Армия предприняла поход с целью освобождения единокровных братьев украинцев и белорусов, проживавших в восточных воеводствах Польши. Хотя Советский Союз формально не находился в состоянии войны с нею, военные действия против польских воинских частей, по существу, имели место. Этот факт был признан Молотовым в докладе на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. Он говорил тогда о «боевом продвижении Красной Армии» и о захвате боевых трофеев, которые составляли значительную часть вооружений и боевой техники польской армии.

Глава Советского правительства заявил, что Польша развалилась благодаря совместному удару германской, а затем и Красной Армии (Большевик, 1939, № 20, с. 2). 26 декабря 1939 г. в ответе Гитлеру на поздравление по случаю своего 60-летия Сталин отмечал, что советско-германская дружба скреплена совместно пролитой кровью (Известия, 26. XII. 1939). Как известно, в ходе этих боев 737 советских бойцов погибло и 1862 человека были ранены (Большевик, 1939, № 20, с. 5). Между прочим, в том же докладе Молотов назвал поджигателями и виновниками войны Англию и Францию, а не Германию. Фашистская пропаганда ловко использовала это заявление: немецкие самолеты сбрасывали над позициями англо-французских войск листовки с высказываниями советского руководителя. В период похода в Польшу советские войска взяли много польских военнопленных. Так их тогда именовали в служебных документах и в открытой печати. Лишь с июня 1941 г. их стали называть «интернированными».

Под влиянием советско-германского договора существенно изменились направленность и характер советской пропаганды. Во всех средствах массовой информации проводилась мысль о том, что главным врагом нашей страны являются Англия и Франция. Любая критика фашизма как идеологии и политического строя в Германии запрещалась.

Сталин прекрасно понимал, что противоестественный характер советско-германских отношений может произвести крайне негативное впечатление как на мировое общественное мнение, так и на советскую общественность. Поэтому он предпринимал попытки как-то сгладить его. Так, при согласовании с послом Шуленбургом коммюнике о вступлении советских войск в Польшу Сталин говорил: «Но не забудьте, что и древние римляне не вступали в сражение голыми, а прикрывались щитами. А ныне роль таких щитов, защищающих нас от общественного мнения наших народов, играет искусно составленное политическое коммюнике» (Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-Sowjetische Beziehungen 1918—1941. Frankfurt a. M.—Bonn. 1964, S. 187). Разве это заявление Сталина не отражает характера его отношений с Гитлером, столь тщательно скрываемого от своих народов?

Итак, я считаю, что заключение советско-германского договора о нападении 23 августа 1939 г. явилось крупным политическим просчетом советского руководства. Последовавшие за ним советско-германские соглашения, подписанные в обстановке острого предвоенного политического кризиса, обеспечили Гитлеру тыл на Востоке и свободу рук на Западе. Что же касается интересов Советского Союза, то этот договор и сопутствующие ему документы углубили международную изоляцию нашей страны, нанесли удар по ее международному престижу, в известной мере обезоружили советских людей, частично усыпили их бдительность буквально накануне грозного испытания Великой Отечественной войны.

В. М. ФАЛИН. Версию М. И. Семиряги принять не могу, поскольку она строится на предвзятой интерпретации фактов, к тому же тщательно селектированных. В связи с замечанием о рубеже, на котором произошел слом советской политики, напомним о беседах Молотова с Шуленбургом 3 сентября и затем 6 сентября. В ответ на настойчивые призывы

немецкой стороны ввести советские войска в Западную Украину и Западную Белоруссию, поскольку Польша фактически разгромлена и исход кампании решен, Молотов заявил, что «если и когда мы решим взять под контроль эти территории, то сделаем это не с военным, а с политическим обоснованием». Оно может быть примерно следующего свойства: СССР вводит войска, потому что нашим украинским и белорусским братьям угрожают немцы. Шуленбург получил от Риббентрона указание заявить протест против этой «антинемецкой» акции и предложил выступить с совместным заявлением. Москва отклонила этот вариант, но, как известно, придала своему заявлению 17 сентября менее задевающий Германию вид.

А. А. ИСКЕНДЕРОВ. Насколько я понимаю, сейчас в нашем обществе дискуссия по обсуждаемым на нашем «круглом столе» проблемам идет как бы на двух уровнях — научном и общественном. Конечно, один уровень не должен подменять другой, но противостоять они не должны друг другу. Если исходить из общественного уровня, то обнаруживается такая картина. По наиболее острым вопросам и прежде всего по вопросам обеспечения европейской безопасности, считает общественное мнение, никто из народов Европы не хотел войны. Однако тогдашние правительства ряда европейских государств действовали, не принимая особенно в расчет мнение своих народов. В определенной мере это можно отнести и к лидерам нашей страны, также мало считавшимся с интересами народа и не использовавшим всех шансов, чтобы избежать войны. Если же встать на позицию, что государственные и политические деятели Запада поступали сплошь опрометчиво и недальновидно, а руководители нашей страны не совершали никаких ошибок, а если и предпринимали какие-либо неверные шаги, то только вынужденные объективными обстоятельствами, то мы не продвинемся вперед в понимании и правильной трактовке многих остро обсуждаемых сейчас в нашем обществе проблем, связанных с истоками и причинами второй мировой войны. Очевидно, и об этом надо прямо сказать, что на каком-то рубеже и мы не использовали все возможности, не всегда поступали лучшим образом, а на каком-то этапе стали выравнивать свою политику. Только в этом случае научный уровень можно будет приблизить к общественному. Без этого неизбежно их противопоставление, а этого не следует допускать. Здесь потребуются новые подходы и новое мышление, что позволит сблизить научный и общественный уровни осмысления этой непростой проблемы.

В. Я. СИПОЛС. Прежде всего о том, когда и по чьей инициативе начались советско-германские контакты, которые в конце концов привели к подписанию договора. Гитлер утверждал, что первый шаг сделал он, а именно 12 января 1939 г., когда на новогоднем приеме для иностранных дипломатов обменялся несколькими фразами с советским полпредом А. Ф. Мерекаловым. Но последний, как видно из записи в его дневнике, даже не догадался, что услышанные им слова чисто протокольного характера имели еще и какой-то другой смысл. Молотов впоследствии утверждал, что заслуга тут принадлежит Сталину, который, мол, сделал соответствующий намек 10 марта 1939 г. в докладе на XVIII съезде ВКП(б). Однако ни германский посол в Москве Шуленбург, обстоятельно докладывавший в Берлин о съезде, ни министерство иностранных дел Германии такого намека в упомянутом докладе не заметили. Не упоминается об этом намеке и в документах НКВД СССР за март — август 1939 года.

Что касается периода до середины марта 1939 г., когда Германия ликвидировала Чехословакию как самостоятельное государство, то германская (да и не только германская) печать была тогда полна различных материалов о планах создания зависимого от Германии украинского государства. Это, разумеется, не могло не сказываться на позиции СССР. Так, в советской ноте германскому правительству от 18 марта указывалось, что действия Германии в отношении Чехословакии «не мо-

гут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными» (Известий, 20.III.1939). В телеграмме НКВД советским полпредствам в Германии и других странах эта нота характеризовалась как «резкая». Так что до этого времени серьезно говорить о каких-то намеках с той или другой стороны вряд ли возможно.

Вопрос о состоянии отношений с СССР вышел на передний план во внешней политике Германии тогда, когда весной 1939 г. она начала подготовку к нападению на Польшу. Но и в то время, как говорили в Берлине, он имел только негативный аспект — как бы помешать успешному завершению начавшихся англо-франко-советских переговоров, ибо это сделало бы невозможным разгром Германией Польши. Поскольку фашистская Германия не решалась пока на войну с СССР, Гитлер заявил Риббентропу, что «необходимо инсценировать в германо-русских отношениях новый рапалльский этап» и «проводить с Москвой в течение определенного времени политику равновесия и экономического сотрудничества» (ADAP, Ser. D. Baden-Baden. 1956, Bd. 6, S. 465). По словам статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вайцекера, германские руководители и дипломаты «начали ухаживать за русскими» (Die Weizsäcker — Papiere, 1939—1950. Frankfurt a. M. 1974, S. 175).

Прежде всего это стало заметно по тону германской печати. Вместе с тем германские представители в беседах с советскими дипломатами начали заговаривать о расширении торговых связей, а затем и вообще об улучшении отношений с СССР. П. Клейст, советник Риббентропа, получил от него соответствующие указания 7 апреля (Kleist P. Die europäische Tragödie. Fr. Oldendorf. 1971, S. 22—23). Германия, как и в прежние годы, была заинтересована в торговле с СССР, и первые зондажи ее представители начали именно с экономических вопросов. Так, 17 апреля Вайцекер заявил в беседе с Мерекаловым о заинтересованности германского правительства в развитии с СССР экономических отношений (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, д. 2036, лл. 61—62).

Согласно записи этой беседы, составленной Вайцекером, Мерекалов в ходе ее якобы заявил, что нет причин, почему отношения между двумя странами не могли бы иметь нормальный характер, а затем постепенно и дальше улучшаться (ADAP Bd. 6, S. 222). Именно этой записью открывается сборник документов «Нацистско-советские отношения, 1939—1941», изданный в Вашингтоне в 1948 г., то есть в разгар «холодной войны». На основе этого документа многие западные историки утверждают, что инициатива переговоров об улучшении советско-германских отношений исходила от советской стороны. Но так ли это?

5 апреля 1939 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов дал Мерекалову указания потребовать от МИД Германии прекращения мер, срывающих поставки заводами «Шкода» Советскому Союзу военной техники, за которую уже внесены авансы и очередные платежи (АВП СССР, ф. 059, оп. I, д. 2038, л. 40). Именно на основе этих инструкций Мерекалов и действовал 17 апреля, беседуя с Вайцекером. Никаких других указаний он в то время из Москвы не имел. Разумеется, вовсе не исключено, что Мерекалов в ходе беседы сказал что-то и об улучшении советско-германских отношений. Ведь улучшение отношений со страной пребывания входит в обязанности каждого дипломата. Во всяком случае, если бы Мерекалов имел указания заговорить об этом с Вайцекером, то он отразил бы это и в своей телеграмме в НКВД об этой беседе, но такого рода высказывания в ней даже не упоминаются.

Так что фактически здесь имеет место попытка западных историков изобразить протест Мерекалова как предложение об улучшении советско-германских отношений. Факты свидетельствуют как раз об обратном: инициатива улучшения отношений исходила от германской стороны. 5 мая заведующий восточноевропейской референтурой Отдела экономической политики МИД Германии Ю. Шнурре сообщил временному повс-

ренному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову, что германское правительство согласно, чтобы заводы «Шкода» выполнили советские заказы (ADAP. Bd. 6, S. 355). Поскольку речь шла о поставках военной техники, это было немаловажным симптомом. Кстати, Мережанов к этому времени покинул Берлин, и в течение лета 1939 г. советское полпредство возглавлял временный поверенный в делах. Это тоже был своего рода симптом. Если бы Советское правительство стремилось к улучшению отношений с Германией, то оно первым делом послало бы в Берлин авторитетного посла.

Зондажи германских дипломатов о возможности улучшения советско-германских отношений продолжались и позже. Можно отметить заявления Вайцзекера Астахову 30 мая, Шуленбурга — Молотову 28 июня, Шнурре — Астахову 24 и 26 июля и другие. Но Советское правительство оставляло эти обращения без ответа. Шнурре писал, касаясь позиции Советского правительства, что оно, должно быть, не желает одновременно с происходящими в Москве переговорами с англичанами и французами вести также переговоры с Германией (ADAP. Bd. 6, S. 687). Впервые Молотов ответил на сообщения Астахова об обращениях к нему немецких представителей только 27 июля, послав ему следующую телеграмму: «Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, д. 2038, л. 93).

К концу июля 1939 г. в Германии началась непосредственная подготовка к нападению на Польшу. Германскому правительству было известно, что Лондон и Париж дали согласие на переговоры военных делегаций СССР, Англии и Франции. Это не могло не вызвать у него определенного беспокойства. Но в Берлин поступали и сведения о том, что на самом деле позиция Англии и Франции не изменилась и заключать с Советским Союзом договор о взаимопомощи они все же не собираются. Это давало германскому правительству возможность рассчитывать, что англо-франко-советские переговоры окажутся безрезультатными. А отсюда вытекало, что Советское правительство ввиду отсутствия других альтернатив в конце концов может оказаться вынужденным изменить свое отношение к германским зондажам.

В начале августа 1939 г. германское правительство стало особенно настойчивым. Оно пыталось получить принципиальное согласие советской стороны начать обмен мнениями по вопросу об улучшении отношений и заявляло, что в случае положительного ответа готово внести конкретные предложения. 3 августа Шуленбург прямо заявил Молотову, что германское правительство желает улучшения отношений с СССР (там же, ф. 06, оп. 1а, д. 1, лл. 7—12). Докладывая об этой беседе в Берлин, он, однако, был вынужден констатировать, что в Москве по-прежнему существует недоверие к Германии и что Советское правительство «преисполнено решимости договориться с Англией и Францией» (ADAP. Bd. 6, S. 894). 6 августа Вайцзекер отмечал в своем дневнике, что несмотря на усилия немцев, Москва положительного ответа не дает (Die Weizsäcker—Papiere, S. 157—158).

Положение Советского Союза оказалось между тем весьма опасным. Начавшиеся в Москве 12 августа переговоры военных делегаций СССР, Англии и Франции уже к 14 августа фактически зашли в тупик. Надежд на заключение с Англией и Францией союзного договора и военной конвенции уже не оставалось. Это означало, что обуздать германских агрессоров невозможно. А разгром Германией Польши означал бы выход германских войск к советским границам. Вырисовывалось и другое обстоятельство. Весной 1939 г. правительство Н. Чемберлена исходило из того, что предоставлением Польше гарантий (на самом деле это были псевдогарантии) и началом переговоров с СССР (точнее — псевдопереговоров) оно сможет побудить Германию пойти на соглашение с Англией. Но эти

надежды не оправдались. Германия готовилась к нападению на Польшу, несмотря на английские гарантии. Это ставило Англию, как и Францию, в исключительно сложное положение: в случае вторжения германских войск в Польшу они обязаны были объявить Германии войну. Но Польша все равно была бы разгромлена в самые короткие сроки. После этого Англия и Франция оказались бы в состоянии войны с Германией, сражающейся теперь уже на одном фронте — Западном. А это означало, что никаких надежд на победу у Англии и Франции не было бы.

В Лондоне ломали голову, как быть. Определенный опыт у Чемберлена уже был. Англия осенью 1938 г. «освободила» Францию от ее союзных обязательств в отношении Чехословакии путем заключения Мюнхенского соглашения. Почему бы не пойти теперь на новый Мюнхен за счет Польши? И все усилия британское правительство направило на то, чтобы добиться согласия Германии на новую сделку типа мюнхенской. Как видно из донесений советского полпреда в Лондоне И. М. Майского, Советскому правительству эти попытки было хорошо известны, и они, естественно, не могли не вызывать беспокойства. Ведь их претворение в жизнь могло бы поставить Советский Союз в еще более опасное положение, чем то, в котором он оказался в результате Мюнхенского соглашения. Опять возникла бы опасность создания антисоветского блока четырех великих держав Западной Европы (с участием также и Польши), причем теперь в условиях, когда СССР фактически уже находился в состоянии войны с Японией (шли ожесточенные сражения в районе реки Халхин-Гол).

Встает вопрос, оставалась ли у Советского Союза иная альтернатива, кроме как откликнуться на германские предложения. Даже 50 лет спустя пока никто разумной альтернативы не выявил. Возможности для выбора были у СССР крайне ограничены. Между тем 10 августа Шнурре заявил Астахову, что чрезвычайную актуальность приобрел вопрос о Польше, причем не исключено, что потребуется «военное решение». Но он добавил, что германские интересы в Польше ограничены, Германия готова считаться с интересами СССР, сказал он, связанными с обеспечением его безопасности (ADAP. Bd. 7, S. 15).

В позиции Советского правительства произошли сдвиги в середине августа, когда стало ясно, что происходившие в то время переговоры военных делегаций СССР, Англии и Франции ввиду обструкционистской позиции Лондона, Парижа и Варшавы зашли в тупик. Об этом свидетельствуют беседы Молотова с Шуленбургом 15 и 17 августа. Во время первой из них германский посол зачитал заявление, текст которого был прислан ему из Берлина: «Германия не имеет никаких агрессивных намерений против СССР. Германское правительство стоит на точке зрения, что между Балтийским и Черным морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, Прибалтийских государств, Польши, Юго-Востока и т. п.». Далее в заявлении указывалось, что обострение германо-польских отношений делает «необходимым, чтобы в германо-советские отношения в скором времени была внесена ясность». Германский посол заявил, что Риббентроп готов прибыть в Москву, чтобы изложить позицию Германии. Это дало бы возможность «заложить фундамент для окончательного приведения в порядок германо-советских отношений».

Выслушав посла, Молотов отметил, что министр иностранных дел Италии Чиано сказал советскому поверенному в делах в Италии о существовании «плана Шуленбурга», в котором предусматривается: 1) содействие Германии урегулированию взаимоотношений СССР с Японией; 2) заключение пакта о ненападении и совместное гарантирование Прибалтийских стран; 3) заключение широкого экономического соглашения. Молотов спросил, насколько эти сведения соответствуют действитель-

сти. Особую заинтересованность он проявил в отношении договора о ненападении (АВП СССР, ф. 0745, оп. 15, д. 8, лл. 119—125).

Еще в 1934 г. была подписана польско-германская декларация о ненападении, а в 1938 г. — англо-германская и франко-германская декларации о ненападении. Но как показали дальнейшие события, Берлин особого значения этим актам не придавал. Учитывая это, Советское правительство в ответ на германские зондажи стало добиваться, чтобы в основу советско-германских отношений был положен оформленный по всем правилам договор о ненападении. Более того, оно проявляло заинтересованность в том, чтобы те заверения, которые были высказаны германским послом, также были зафиксированы в письменном виде.

17 августа Шуленбург зачитал Молотову заявление, что Германия готова заключить с СССР договор о ненападении, а также гарантировать совместно с СССР Прибалтийские государства. Она согласна также употребить свое влияние для нормализации советско-японских отношений. Посол сообщил, что Риббентроп готов прибыть в Москву уже 18 августа. В ответ Молотов заявил о готовности Советского правительства улучшить отношения с Германией, по согласию на приезд в Москву Риббентропа не дал. Он подчеркнул, что необходимо сначала провести соответствующую подготовку (там же, оп. 19, д. 4, лл. 122—128). При этом он выдвинул два конкретных предложения. Во-первых, заключить сначала торгово-кредитное соглашение. Переговоры о нем уже шли, и по этому соглашению предусматривалось предоставление Германией Советскому Союзу кредита в размере 200 млн. марок для закупки станков и оборудования, прежде всего для оборонных предприятий. Погашение кредита предусматривалось через 5—7 лет. В тогдашних условиях, когда другие страны отказывались осуществлять такого рода поставки Советскому Союзу, это соглашение имело существенное значение для укрепления обороноспособности страны. Согласие Германии осуществлять такого рода поставки было бы также свидетельством того, что в ближайшее время нападать на СССР она не собиралась. Во-вторых, заключить договор о ненападении и одновременно подписать специальный протокол, в который войдут «вопросы, затронутые в германском заявлении 15 августа» (там же).

Германское правительство сразу же приняло эти предложения. Оно все настойчивее добивалось скорейшего приезда в Москву Риббентропа. Советская же сторона затягивала ответ о возможности визита. Лишь после того, как 21 августа в Москве была получена по этому вопросу телеграмма Гитлера, Советское правительство, наконец, дало согласие на приезд Риббентропа.

Поскольку Англия и Франция не желали соглашения с СССР, переговоры с ними так и остались безрезультатными, хотя и продолжались почти полгода. Германии же, действительно стремившейся к заключению договора о ненападении, хватило на переговоры о согласовании его текста всего одного дня. Чемберлен, трижды летавший в сентябре 1938 г. на переговоры с Гитлером, счел унижительным принять советское предложение о приезде в Москву британского министра иностранных дел Галифакса. Риббентроп же упорно добивался согласия Советского правительства принять его.

Текст советско-германского договора о ненападении, подписанный в Москве 23 августа 1939 г. в результате переговоров с Риббентропом, был на следующий же день опубликован в советских газетах и достаточно широко известен. Подлинник подписанного одновременно секретного дополнительного протокола не сохранился ни в советских, ни в германских архивах. Но в архиве МИД ФРГ имеется фото пленка, на которой среди других документов есть также русский и немецкий тексты этого протокола. На Западе эти тексты опубликованы во многих изданиях и считаются достоверными. Советское руководство считает невозможным признать адекватность копий протокола, которые ходят на Западе.

В работах советских авторов вопрос о достоверности этих текстов пока не рассматривался. Поскольку теперь они опубликованы и у нас («Tiesa», орган ЦК КП Литвы, 20.XII. 1988), очевидно, наступило время заняться их анализом. Доступные историкам немецкие документы говорят в пользу вывода о том, что дополнительный протокол был подписан. Германские документы свидетельствуют и о том, что по этому протоколу Германия взяла на себя ряд дополнительных односторонних обязательств, которые она предлагала в ходе советско-германских переговоров перед подписанием договора. Суть этих обязательств сводилась к тому, что в случае войны, которая могла бы разразиться в связи с германо-польским конфликтом, германские войска не будут вторгаться в Латвию, Эстонию, Финляндию и Бессарабию, а в Польше не пойдут дальше линии рек Нарев, Висла и Сан.

Получение Советским Союзом от Германии таких обязательств имело в тогдашних конкретных условиях большое значение. Они ограничивали сферу распространения германской агрессии, а тем самым укрепляли безопасность западных границ нашей страны. Именно этими дополнительными обязательствами Германии в значительной степени и определялось вообще значение для Советского Союза договора о ненападении с Германией.

Несмотря на подписание этого договора, Советское правительство все же по-прежнему было заинтересовано и в заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи. Оно неоднократно заявляло о том, что считает совместимыми оба договора (*Documents diplomatiques français, 1932—1939. Ser. 2. P. 1985. T. 18, pp. 326—328*). обстоятельно изучив этот вопрос, к такому же выводу пришло и французское правительство (*Bartel H. Frankreich und die Sowjetunion, 1938—1940. Stuttgart. 1986, S. 256*). Однако Чемберлен открыто продемонстрировал в те дни, что не желает иметь ничего общего с СССР, а лихорадочно добивается соглашения с Германией. Заключение договора о взаимной помощи между СССР, Англией и Францией, что могло бы предотвратить вторую мировую войну, было в таких условиях невозможно.

Огромную опасность представлял бы собой для СССР и новый Мюнхен за счет Польши. В работах советских и зарубежных историков приведено немало фактов о сотрудничестве Германии и Польши в период Мюнхена, которое было направлено не только против Чехословакии, но и против СССР. Но в Берлине германо-польское сотрудничество против СССР мыслилось одновременно и как примирение польских правителей с ролью младших партнеров агрессора. Опасаясь полной потери авторитета в польских народных массах, правительство Польши не решалось тогда пойти на добровольную капитуляцию перед Германией. Но со временем его позиция начинала меняться. Так, вице-министр иностранных дел Польши А. Арцишевский заявил в мае 1939 г. германскому послу в Варшаве Г. Мольтке, что министр иностранных дел Польши Ю. Бек был бы готов договориться с Германией, если бы удалось найти какую-либо форму, которая не выглядела бы как капитуляция.

Именно такой позицией Варшавы, очевидно, объясняется ее категорический отказ дать согласие на сотрудничество с СССР в борьбе против германской агрессии. 18 августа польский посол в Берлине Ю. Липский поставил перед своим правительством вопрос о целесообразности срочного визита Бека в Германию для переговоров с нацистскими руководителями. На следующий же день польское правительство одобрило это предложение. 20 августа Липский срочно вылетел в Варшаву, чтобы обсудить с Бекем содержание предстоящих переговоров (*Papers and Memoirs of Jozef Lipski. N. Y. 1968, pp. 563—565*). Вряд ли у польских правящих кругов могли быть сомнения в том, какой характер носили бы эти «переговоры» и чем бы они кончились. Тогдашний президент Польши И. Мосицкий несколько недель спустя признал: «Польша в конце концов была

готова принять германские требования» (Правда, 28.IX.1939). Превращение же Польши в вассала Германии означало бы, что впоследствии, когда Германия решит начать войну против СССР, Польша оказалась бы в одной упряжке с агрессором.

И еще один момент. Нам пока мало что известно о поездках Ф. Гальдера и В. Канариса в Прибалтику и Финляндию летом 1939 года. Что же касается вообще вопроса о германской экспансии в Прибалтике накануне второй мировой войны, то было бы неправильно считать, что он мало изучен. Ученые Советских республик Прибалтики разработали этот вопрос довольно основательно. Но результаты исследований по этому вопросу публиковались в выходящих там книгах и статьях, причем, как правило, на латышском, литовском и эстонском языках. В обобщенном виде материал на эту тему приведен в разделе «Капитулянтская позиция эстонской, латышской и литовской буржуазии перед лицом экспансионистской политики фашистского рейха. 1933—1939 гг.» коллективной монографии «Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии» (М. 1978).

В. М. ФАЛИН. Говоря об утрате нами на каком-то этапе нравственных ориентиров, мы сравниваем внешнюю политику при Сталине с ленинскими принципами, с той практикой и обычаями, которые были широко распространенными в деятельности правительств и дипломатии тех лет. Когда идея коллективной безопасности стала недостижимой, мы перевели свой курс на рутинные рельсы, взяли на вооружение нормы, в соответствии с которыми вели дела и англичане, и французы, и американцы, и немцы, и поляки, и многие, многие другие. Советский Союз делили до войны десятки раз все кому не лень, и не только на сферы влияния и интересов. Напомню, что и во время второй мировой войны американцы и англичане разграничили сферы влияния и ответственности вдоль условной линии между Индийским и Тихим океанами. Лондон фактически отстранялся от операций против собственно Японии. Шел 1942 год. С прицелом на послевоенный период Австралия и Новая Зеландия перекочевали тогда в сферу американской ответственности.

Желательно не упускать это из виду, чтобы не взять на себя авторство безнравственной дипломатии. С широких позиций можно считать, что СССР, к сожалению, опустился, он опустился до того зауженного, назовем его деляческого, уровня, который процветал в то время.

Теперь по некоторым положениям, высказанным М. И. Семирягой.

Водораздел между силами войны и силами демократии. Этот водораздел, судя по документам, не был столь четким, чтобы можно было предъявить Сталину обвинение в том, что он пренебрег им. В жизни обстояло по-другому. Англичане и французы не хотели никакой войны. Любая война в Европе, заявляли они, обязательно обернется против капитализма. Но на этом точка не ставилась. Если уж суждено быть войне, рассуждали в Лондоне и Париже, пусть это будет война между Германией и Россией, Италией и Россией, Японией и Россией. Сия оговорка присутствует везде, и поскольку она Сталину была известна, то выступала как корректирующий момент в его решениях.

После Мюнхена британская позиция эволюционировала. Обращение англичан к нам 17 марта тому реальное свидетельство. Но опять-таки надо спросить себя: была ли это эволюция по форме или по существу? Возьмем записи Черчилля, его борьбу против Чемберлена, и мы убедимся, что тогдашний британский премьер шел на максимум уступок Гитлеру и на минимум уступок нам. Если мы будем доискиваться, против кого воевали «западные демократии» — против фашизма или не против фашизма, то из документов сделаем вывод, что они воевали против внешней политики фашизма. Или еще точнее — против того разворота, который приобрела на известном этапе внешняя политика фашистской Германии.

Исторические альтернативы. Нужно просчитывать все. Негоже сортировать их по методу нравится — не нравится.

Историзм. Разумеется, нельзя не учитывать, что было дальше. Но сначала надо разобраться, как стало, прежде всего восстановить реальный ход и взаимосвязи событий. Не как виделось тогда со стороны или смотрится сейчас, а именно так, как было. Лишь после этого можно приступать к научному осмыслению событий, к оценке того, что подтвердилось и что нет из расчетов, на основании которых делался выбор и т. д.

Следовательно, для познания былого с позиций современности необходимо справиться с первой частью работы: накоплением материальной базы для анализа. Это самое трудное и сложное. По возможности закрытие всех «белых пятен». Многие документы, похоже, не увидят свет. Американцы приступили к уничтожению большей части своих архивов, к которым не прикоснулся ни один ученый. Предлог: поскольку «спроса» на документы нет, нечего тратить деньги на их дальнейшее хранение.

Мы сделаем доброе дело для науки и в особенности для политики, показав, что вторую мировую войну — по крайней мере в том реальном масштабе, какой она приобрела в 1939 г., — можно было предотвратить. Вторая мировая война не есть результат объективного столкновения объективных интересов сил. Это — рукотворная война. Она разразилась, поскольку ее хотели, готовили и сознательно зажгли. Другое дело, что почти с самого начала она пошла не тем руслом, в какое ее канализировали. И, конечно, финал войны подтвердил «худшие опасения» Г. Никольсона и ряда других британских пророков, что наибольшие потери в ней понесет капитализм как система.

Наш тогдашний, 30-х годов, призыв рассматривать безопасность как величину неделимую не был красивой теоретической формулой, какой-то политико-риторической фразой. Он отражал объективную ситуацию. Нельзя было безнаказанно делить неделимое бесчисленное количество раз. Когда этим занялись и преуспели, рано или поздно катастрофа должна была грянуть. Чтобы предотвратить худшее, нужно было объединять разрозненные силы мира против динамичных и активных агрессивных сил.

И, наконец, самое трудное. На определенном этапе дипломатической, политической и даже военной борьбы мы нередко поступали характерными признаками социалистической политики. Советский Союз вписывался в ту игру сил, в ту силовую игру, в ту политику силы, которую нам навязали. Не подлежит сомнению, что в течение большей части предвоенных и военных лет не мы владели инициативой. СССР вынужден был приспособливаться к тому, что делали другие. Из-за одного этого рамки нашего поиска были гораздо более ограниченными, чем у англичан, французов, американцев и даже немцев. Не однажды нас ставили или мы сами себя ставили в такое положение, когда выбора у нас просто не было.

Это чрезвычайно важно — у кого инициатива. Владеющий ею обеспечивает себе и оперативный и даже стратегический простор при принятии решений. При относительной слабости и в силу специфики строя Советский Союз вынуждался ждать погоды у моря, которое его окружало. С этой точки зрения самым опасным моментом второй мировой войны был для нас февраль — март 1940 года. Война могла тогда переродиться в «крестовый поход» против социализма. На фоне советско-финляндского вооруженного конфликта Вашингтон примерялся, не отдать ли нацистам на съедение Польшу, если гитлеровский рейх оплатит сей дар мощным ударом по Советскому Союзу. Стоило бы повнимательней вникнуть в бумаги С. Уэллеса. Они, думается, очень поучительны для понимания общей философии позиций США, Англии, Франции, Италии, отчасти Германии также в критическом 1939 году.

СТАТЬИ

РОССИЙСКИЕ МАСОНЫ XX ВЕКА

В. И. Старцев

Опубликование материалов о российских масонах, и в частности статьи О. Ф. Соловьева¹, можно только приветствовать. Пора без сенсаций, с научной объективностью, в строгом соответствии с источниками закрасить и это «белое пятно», снять покров тайны, намеренно набрасываемый на эту тему. Почти 20 лет я изучаю материалы о возникновении и развитии масонского движения в России начала XX века. Еще 15 февраля 1972 г. я подал тогдашнему главному редактору издательства «Наука» заявку на публикацию научно-популярной книги «Загадка «Астреи», но получил отказ. В 1974 г. вышла работа Н. Н. Яковлева «1 августа 1914». Сенсационность, отсутствие, в силу популярного характера книги, ссылок на источники и научного разбора придали авторским разоблачениям скандальный оттенок. В 1976 г. Е. Д. Черменский отверг все сообщенные Яковлевым факты о наличии и деятельности масонов в России перед Февральской революцией, квалифицируя их как «черносотенный миф»².

В 1978 г. я попытался со ссылками на источники показать наличие лож в России в указанное время³ (все эти факты пересказывает теперь Соловьев). Независимо от Яковлева и меня на основании изучения появившихся на Западе источников Э. Генри дал свою версию возникновения и деятельности масонских организаций в России⁴. В 1980 г. акад. И. И. Минц напечатал памфлет⁵, где, следуя за Черменским, отмахнулся от темы масонов в русской истории. Попутно он заключил в одни скобки и публицистические пассажи Яковлева и строго документированные данные из моей книги. Я ответил Минцу в работе, вышедшей тогда же⁶, но это вызвало строгую отповедь со стороны Е. Ф. Ерыкалова. Минц тоже критиковал меня в рецензии на мою книгу «Крах керенщины»⁷. Появились и другие материалы о масонах, в частности книги В. Я. Бегуна и О. Ф. Соловьева.

СТАРЦЕВ Виталий Иванович — доктор исторических наук, зав. кафедрой Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

¹ Соловьев О. Ф. Масонство в России. — Вопросы истории, 1988, № 10.

² Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М. 1976, с. 7–9.

³ Старцев В. И. Революция и власть. М. 1978, с. 204–207, 254.

⁴ Генри Э. Новые заметки по истории современности. М. 1976.

⁵ Минц И. И. Метаморфозы масонской легенды. — История СССР, 1980, № 4.

⁶ Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства. Л. 1980, с. 121–123.

⁷ См.: Вопросы истории, 1984, № 3; История СССР, 1984, № 4.

Хотя моя основная задача — привлечь внимание к появившимся новым источникам, не использованным в статье Соловьева, отвечу сначала на те характеристики, которые даются в ней моим книгам. Вслед за Минцем Соловьев проводит мысль о том, что в них лишь повторяются концепции и доводы Яковлева. «Аналогичные доводы, построенные на тех же источниках (или вообще без указания источников), воспроизвел и В. И. Старцев, не приводя новых существенных данных»⁸. Между тем я начал исследование масонов без всякой связи с работой Яковлева, точно так же, как и Генри. Что же касается источников, то их действительно не так много. Ими вынужден пользоваться и сам Соловьев в своей статье. Какие же это источники? Упоминания о масонских связях А. Ф. Керенского, Н. В. Некрасова, М. И. Терещенко и А. И. Копвалова в воспоминаниях П. Н. Милюкова, вышедших в свет в 1955 г., и письма Е. Д. Кусковой, приведенные в книге Г. Я. Аронсона «Россия в эпоху революции».

Все это Яковлев взял из книги Г. М. Каткова⁹, который в своих выводах менее категоричен, чем использовавший его работу Яковлев. § 2 гл. 8 его книги начинается словами: «К этому же времени (начало первой мировой войны.— В. С.), вероятно, относится создание тайного общества, связанного с масонством и устроенного по образцу масонских лож. До недавнего прошлого все, кто так или иначе был осведомлен о существовании этого общества, тщательно скрывали ту роль, которую политическое масонство сыграло в подготовке Февральской революции. Историки в большинстве случаев избегали касаться этой темы — отпугивала оскомины, оставшаяся от популярной в 20-е годы теории «жидомасонского заговора». Решающий вывод тоже сделан Катковым в весьма осторожной форме: «Даже если исключить прямое воздействие масонства на политические события, то не следует все же преуменьшать его общего влияния в создавшейся политической атмосфере. Деление на посвященных и непосвященных было шире партийных границ. Партийная принадлежность и партийная дисциплина должны были уступать более прочным масонским узам. Более всех от этого пострадала партия кадетов. Когда настал час формирования Временного правительства, решения выносились не партийными комитетами, а влиятельными масонскими группами»¹⁰. У Яковлева все это выглядит гораздо размахистей и категоричнее.

Катков, а вслед за ним Яковлев ошибались, когда считали, что тайное общество было создано только во время войны. Нет, оно возникло на 4—5 лет раньше. Но с цитированным выводом Каткова следует согласиться.

Вот еще одно, не введенное в научный оборот, свидетельство Милюкова из его воспоминаний, опубликованных в 1938 г.: «В Союзе освобождения секретной организации, кроме «технической группы», не было, и целью его была как раз легальная деятельность, хотя и в «явочном» порядке. Но несколько позднее и из этого круга я получал неоднократные и настойчивые предложения — в последний раз это было через милейшего историка революционных движений В. Я. Богучарского — войти в некий тайный союз. Дорожа своей свободой и не желая подчиняться решениям неизвестного мне коллектива, я упорно отказывался. Впоследствии мне, однако, пришлось считаться с готовыми решениями, принятыми без моего участия, и довольствоваться тем, что я не нес за них личной ответственности. Все же о своем отказе я никогда не жалел. Против целого течения я все равно идти бы не смог»¹¹.

⁸ Соловьев О. Ф. Ук. соч., с. 18.

⁹ См.: Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М. 1974, с. 4—10; Катков Г. М. Февральская революция. Париж. 1984, с. 175—182. Яковлев использовал английское издание этой книги 1967 г., позднее вышел ее русский перевод.

¹⁰ Катков Г. М. Ук. соч., с. 175, 181.

¹¹ Милюков П. Н. Роковые годы.— Русские записки, Париж, 1938, ноябрь, с. 139.

Но вернемся к книге «1 августа 1914». Ее автор пытается извлечь нечто многозначительное из допросов Е. К. Климовича и С. П. Белецкого по вопросу о том, что знала полиция о масонах. Знала она, увы, очень мало, а Яковлев указывает, что комиссия и не была заинтересована в том, чтобы установить правду о масонах. Может быть, это и так, ибо и адвокат Н. К. Муравьев¹² и П. Е. Щеголев (о чем пишет и Соловьев) сами были масоны. Яковлев приводит два показания Некрасова об его участии в масонстве, и второе (особенно), данное в 30-е годы, удивительным образом совпало со сведениями, которые независимо от этого показания появились за рубежом в 50-е годы. Затем Яковлев цитирует свидетельство Л. А. Велихова, члена IV Государственной думы¹³. Эти данные должны быть серьезно разобраны советскими историками. Передержки, допущенные Яковлевым, как и его выпады против «непатриотичной русской буржуазии», не могут умалить значения этих фактов.

В моей книге «Революция и власть» даже краткое упоминание о русских масонах XX в. сопровождается ссылкой на источники. Во-первых, на публикацию Л. Хаймсона «Проблема социальной стабильности в городской России в 1905—1917 гг.». Там рассказывается об интервью Н. С. Чхеидзе и А. Я. Гальперна Б. Н. Николаевскому об участии видных меньшевиков в русском политическом масонстве. Затем указывается на исключительную ценность публикации Б. Элькина, в которой приведены факсимиле документов «Великого Востока Франции», доказывающих, что в 1907—1908 гг. были организованы две ложи, в Москве и Петербурге, которые постепенно расширялись¹⁴. В моей книге «Внутренняя политика Временного правительства» к этим источникам добавлены мемуары И. В. Гессена и книга С. П. Мельгунова¹⁵.

Теперь относительно «аналогичности доводов». «Разумеется,— писал я,— не следует преувеличивать влияние руководства «Верховного Совета народов России» на политическую жизнь страны, а тем более на масонское революционное движение. Однако сведения о деятельности «Верховного Совета народов России» интересны и с позиции борьбы русской буржуазии с военно-полицейской машиной самодержавия, и в плане рассмотрения ее попытки подчинить своему влиянию революционное движение в стране». А у Яковлева говорится: «Какая отсюда следует мораль? Установление того, что верхушка всех без исключения российских буржуазных партий была объединена в рамках некой сверхорганизации — масонов, позволяет по-иному взглянуть на подоплеку событий тех лет»¹⁶. Отсюда ясно, что нельзя считать мои основанные на критическом изучении источников весьма осторожные выводы аналогичными концепции Яковлева, хотя он во многом опирается на те же источники. И тем более я не несу ответственности ни за произвольное толкование приводимых мною источников при создании «фантастических картин» В. А. Пигалева, ни за стремление В. Я. Бегуна найти связи между масонами в России и «иудаизмом и международным сионизмом».

И последнее. Относительно моего выступления на «круглом столе» 8 января 1988 года. Приведу соответствующее место из интервью И. И. Минца: «Вспоминая о масонах, не создаю ли я с помощью «Огонька» в некотором роде дополнительную рекламу этой и без того популярной «проблеме»? В моду она вошла благодаря преимущественно усилиям нашего молодежного издательства, которое, как принято говорить у сне-

¹² Берберова Н. Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986, с. 143.

¹³ Яковлев Н. Н. Ук. соч., с. 234.

¹⁴ Haimson L. The Problems of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917.—Slavic Review, 1965, March; Elkin B. Attempts to Revive Freemasonry in Russia.—The Slavonic and East European Review, vol. 44, July 1966, № 103.

¹⁵ Гессен И. В двух веках.—Архив русской революции, Берлин, 1937, т. 22; Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж. 1931.

¹⁶ Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства, с. 99; Яковлев Н. Н. Ук. соч., с. 235.

циалистов, ввело в «научный оборот» сенсационные фантазии английского историка Дж. Каткова. Тот, правда, тоже не сам сделал «открытия» насчет масонов. Истинным автором всей легенды, как теперь выяснено по документам петербургского департамента полиции, был не кто иной, как директор этого учреждения С. П. Белецкий. Идея его, как мы теперь видим, доказала свою жизненность, да такую, что и сам автор едва ли мог ожидать, чтобы этот скверный анекдот завладел умами образованных людей в конце XX века. Для большинства историков не секрет, что исходным материалом для мастеров контрреволюционной пропаганды послужили в данном случае откровенные инсинуации черносотенцев. Одним из немногих авторов, пишущих о масонах и державших в руках реальные документы, является историк О. Соловьев, он-то и раскрыл в своей книге «Международный империализм — враг революции в России» (1982) приоритет полицейского «авторского коллектива». Вот из такого «первоисточника» наша молодежь, не подозревая того, черпает свои познания о масонах, их роли в освободительном движении. Единственный способ рассеять это наваждение — довести до читательской аудитории разоблачение, сделанное О. Соловьевым. Но его книга издана в специальном научном издательстве тиражом в сотню раз меньшим, чем книги, навязывающие молодежи сплетни под видом научных открытий¹⁷. Вот в этой цитате содержится ошибочная оценка российского масонства начала века. Так что характеристика, данная мною интервью Минца, обоснованна.

Прежде чем познакомить читателя с теми источниками о масонстве XX в., которые появились в 1985—1988 г. и пока ускользнули от внимания Соловьева, хочу сказать, что источниковедческое значение его двух книг и статьи весьма велико. В частности, расширяют наши познания об особенностях тактики и работы российских масонов приведенные им факты о регистрации в Петербурге 29 сентября 1909 г. клуба «Образование», в дирекцию которого вошли масоны М. М. Ковалевский, А. А. Орлов-Давыдов и А. А. Стахович, а в Москве в октябре 1909 г. — «Общества единения народностей России». Вполне допустимо связать образование этих организаций с ложами «Полярная звезда» и «Возрождение». Но вот факт закрытия самих этих лож в указанное Соловьевым время требует доказательств. Положительным является и обращение Соловьева к «малоизвестной рукописи» Л. К. Чермака «Как я был масоном». Правда, кроме Бегуна ее использовал В. Шульгин в статье, посвященной биографии С. П. Швецова и опубликованной в 1985 году¹⁸.

В остальном же материал, содержащийся в статье Соловьева, не выходит за рамки источников, впервые напечатанных на русском языке Яковлевым, Генри и мною. Так, из сборника «За кулисами видимой власти» (столь раздражающего Минца); без ссылок приводятся в статье сведения о вступлении русских интеллигентов во французские ложи в конце XIX и начале XX века¹⁹. На основании публикации Элькина Соловьев пишет о возрождении Ковалевским масонских лож в России в 1907—1908 гг. по поручению «Великого Востока Франции» («Возрожде-

¹⁷ Минц И. И. Оружие не менее острое... — Огонек, 1988, № 1.

¹⁸ В. В. Шульгин сообщил мне о рукописи Чермака 6 декабря 1982 года. «Данные рукописи, — писал он мне, — можно сопоставить с фактами, приводимыми И. И. Майновым в своей автобиографии, опубликованной в т. 40 Энциклопедического словаря Гранат. Это тем более целесообразно сделать, т. к. И. И. Майнов входил в ту же ложу, что и Л. К. Чермак. Правда, Майнов, в отличие от Чермака, вовсе не называет фамилий, говоря лишь о существовании в 1912—1917 гг. «тайного союза, присвоившего себе наименование «Объединение Общественных Организаций». Упоминает о масонах и Н. Чарушин в заметке о Н. В. Чайковском. Последний в 1913 или 1914 г. агитировал Чарушина войти в «комбинированную политическую организацию большого состава», построенную «по образцу бывших масонских организаций» (Каторга и ссылка, 1926, № 5(26), с. 216).

¹⁹ См.: Вопросы истории, 1988, № 10, с. 13; За кулисами видимой власти. М. 1984, с. 88—94. Данные почерпнуты из работ польского историка Л. Хасса.

ние» в Москве и «Полярная звезда» в Петербурге). Извлеченные из коллекции ЦГАОР СССР и фонда Департамента полиции отрывочные сведения о разысканиях по масонскому вопросу и создании ложеложки «Астрея», содержащиеся в статье, могли бы быть дополнены сведениями из мемуаров Мельгупова, изданных после его смерти²⁰. Он упоминает и о деятельности Персица.

Разыскания Соловьева по полицейской части, по сути дела, не дали новых фактов о собственно масонской организации. Он признает, что полиция просмотрела настоящие масонские ложи, не раскрыла даже «Возрождение» и «Полярную звезду», хотя и вела за членами этих лож наблюдение как за общественными деятелями.

Наиболее важные сведения, появившиеся за рубежом, исходят от американского историка Н. Смита и литературоведа из числа русских эмигрантов Н. Н. Берберовой. В их работах приведены полностью или в изложении источники, расширяющие наши сведения о русском политическом масонстве XX века. Объединив свои усилия, они провели поиск материалов во многих хранилищах. Главным их открытием было сообщение, что русский масонский архив, содержащий документы с 1922 по 1970 г., находится в Париже. Они познакомились также с собраниями ряда библиотек и архивов, главным образом в США²¹.

По итогам своих исследований Смит написал несколько статей, а Берберова выпустила книгу. Интересна источниковедческая статья Смита²². Все известные до сих пор материалы о русском политическом масонстве он делит на четыре группы: 1) источники, враждебные франкмасонству; 2) слухи, исходящие из заслуживающих доверия немасонских источников; 3) слухи, имеющие хождение в русских эмигрантских масонских кругах; 4) свидетельства русских масонов. К первой группе он относит писания черносотенцев, упражнявшихся в 20-х — начале 30-х годов на тему о большевистско-жидо-масонском заговоре. Выделяет он только книги Н. Свиткова (под этим псевдонимом писал Ф. Степанов) «Масонство в русской эмиграции» (Париж. 1932) и В. Ф. Иванова «От Петра Первого до наших дней: русская интеллигенция и масонство» (Харбин. 1932).

Как пример нечестности подобных авторов, Смит упоминает включение Степановым-Свитковым в список масонов без всяких доказательств В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Я. М. Свердлова, Л. Б. Каменева, В. Д. Набокова, П. Б. Струве, В. М. Чернова, а также информацию аббата Турмантена со ссылкой на брошюру Щеголева «Охранники и авантюристы». Смит сообщает далее, что во время фашистской оккупации Франции немецкие власти опубликовали списки 14 тыс. французских масонов, среди которых исследователя русского масонства могут заинтересовать пять или шесть десятков фамилий.

Именно эту группу антимасонских источников пополняет своими исследованиями (и, в частности, своей статьей) Соловьев. Но несмотря на то, что документов, исходящих от полиции, теперь в распоряжении исследователей стало больше, это не может поколебать главный вывод: полиция не была в курсе деятельности масонских организаций. Причиной этого была, возможно, чистка материалов охраны (ее осуществление министр юстиции Временного правительства Керенский сразу же поручил масону Котляревскому). Но убедительных подтверждений этому пока не найдено.

Среди источников второй группы Смит выделяет работу Мельгупова «На путях к дворцовому перевороту», впервые появившуюся в качестве серии фельетонов в нью-йоркской эмигрантской русской газете «За свобо-

²⁰ См. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. 1, ч. 1. Париж. 1964, с. 144–145.

²¹ Подробнее см.: Берберова Н. Н. Ук. соч., с. 8–11.

²² Smith N. Political Freemasonry in Russia, 1906–1918. A Discussion of the Sources — The Russian Review, 1985, vol. 44.

ду» в 1930 году. Смит справедливо отмечает неполноту сведений Мельгунова, отсутствие ссылок на источники, что вызывало недоверие со стороны исследователей. Затем Смит называет работу Гессена «В двух веках» и воспоминания Милюкова, увидевшие свет в 1955 году. Гессен упоминает Ковалевского как главного инспиратора возрождения масонства, указывает, что до Февральской революции оно прошло в своем развитии две фазы — чисто масонское и «карбонарского характера». Смит напоминает многозначительные слова Милюкова, что в свете действий «данной организации» (названия ее он не сообщал) история последних лет царствования Николая II и 1917 года должна быть «переписана».

Работы Аронсона практически недоступны советскому читателю. Первая из них появилась в виде серии статей в нью-йоркской эмигрантской газете «Новое русское слово» (8–12 октября 1959 г.). В 1966 г. Аронсон выпустил в Нью-Йорке книгу «Россия накануне революции», содержащую публикацию трех писем Кусковой (их впоследствии включил в свою книгу Катков и через Яковлева они дошли и до нашего читателя). В действительности писем Кусковой, в которых есть сведения о масонстве, значительно больше. Они хранятся в фонде Вольского в Гуверовском институте и в архиве Керенского в Техасском университете в Остине. Нескольким писем Кусковой Л. О. Дан приведено в статье Б. Нортон²³. Ко второй группе источников Смит относит также переписку между Керенским и его друзьями о целесообразности сохранения в дальнейшем тайны русских масонов.

Третью группу источников, по Смицу, составляют краткие исторические заметки, которые масоны составляли для себя, используя свои записи и память «братьев». Эти материалы обнаружены, в частности, в архиве «Северной звезды», главной среди русских эмигрантских лож, подчинявшихся «Великому Востоку Франции». Кроме того, еще в 1922 г. в Англии опубликована работа английского масона русского происхождения Б. Телепнева «Франкмасонство в России». С ним беседовал на эти темы и Л. Д. Кандауров, бывший работник российского консульства в Париже, старый масон и «возродитель» русского масонства в эмиграции во Франции. В 1929 г. на международной конференции Высших Советов масонства шотландского обряда Г. Б. Слиозберг прочел доклад «Воспоминания о русском франкмасонстве». Кандауровым в начале 30-х годов написана история русского масонства с 20-х годов XIX в., она охватывает и мартинистов, и розенкрейцеров, и украинские логи. Но этот текст, по свидетельству видевшего его Смита, очень краток — всего 12 машинописных страниц.

В шести кратких тезисах Смит приводит некоторые сведения о последней, политической стадии русского масонства (об «организации Керенского», как он ее называет): «1. Название движения «Великий Восток народов России» было навеяно, очевидно, французскими поручителями первых лож. 2. Секретарем Верховного Совета в течение всех шести или семи лет существования этой организации был меньшевик А. Я. Гальперн²⁴. 3. Главой специальной логи в IV Государственной думе за весь период ее существования был прогрессист И. Н. Ефремов. 4. В 1915 г. имелось 40 лож, но 10 или 12 закрылись из-за несогласия по вопросу об ответственности правительства за военные катастрофы 1915 года. 5. После Февральской революции организация пережила быстрый упадок: ее политическая цель была достигнута, а новая не сформулирована. 6. Организация Керенского была масонской только по названию».

В составе четвертой группы материалов Смит выделяет девять источников. Первый — около десяти писем Кусковой Дан, Н. В. Вольскому

²³ Norton B. Russian Political Masonry and the February Revolution of 1917.— International Review of Social History, 1983, vol. 28, pt. 2.

²⁴ В кабинете Керенского — управляющий делами Временного правительства.

(Валентинову) и Керенскому. Часть из них опубликована, остальные находятся в архивах. Второй — заявление Керенского в его мемуарах 1965 г. о принадлежности к масонам с 1912 г. и о характере и деятельности организации. Третье — интервью Чхеидзе и Гальперна Николаевскому, записанное последним в 20-е годы и в кратком изложении пересказанное Хаймсоном в 1965 году. Четвертое — воспоминания князя Оболенского, написанные в 30-е годы и частично опубликованные Смитом в 1968 году. Пятое — показание Некрасова НКВД, данное во второй половине 30-х годов, и цитата из воспоминаний Л. А. Велихова, опубликованная Яковлевым в 1974 году. Шестое — заявление В. А. Маклакова, написанное во время второй мировой войны и хранящееся в архиве Керенского. Седьмое — несколько писем Керенскому от его коллег-масонов (1959—1963 гг.), хранящиеся в его архиве. Восьмое — запись лекции М. С. Маргулиеса в ложе «Северная звезда» и аналогичная по содержанию статья в масонском журнале (1925 г.). Запись лекции находится в фонде «Северной звезды» в Русском масонском архиве в Париже. Девятое — фрагмент воспоминаний князя Д. О. Бебутова, написанных между 1911 и 1914 гг., хранящийся в архиве Гуверовского института.

Советским исследователям пока были известны — и то не полностью — только первые пять свидетельств русских масонов. Поэтому расскажу о последних четырех — с той полнотой, которую делают возможной высказывания Смита и приводимые им цитаты. По его словам, свидетельства Маргулиеса и Маклакова содержат самую существенную информацию о начальном этапе истории возрожденного русского масонства в 1906—1911 годах. Маклаков рассказывает также об истории эмигрантского масонства. Смит изумлен тем, что оба эти автора единодушно подчеркивают политический характер русского масонства с первых шагов его восстановления. Первая фраза Маргулиеса: «Наше братство имело по преимуществу политический характер», члены его собирались не для того, чтобы искать моральное усовершенствование, а для «взаимной поддержки в борьбе против царского самодержавия». Мистическая и эзотерическая стороны никогда не находили поддержки в этих ложах. Об этом же пишет Маклаков. Оба они утверждают, что не были членами «организации Керенского».

На основании других свидетельств Смит далее дает краткий очерк существования «Великого Востока народов России». Он подчеркивает, что эта, вторая, фаза в развитии русского масонства XX в., началась не в 1915 г., как утверждали Катков, Аропсон (а из советских историков — Яковлев), а примерно в 1910 году. Смит повторяет утверждения Кусковой и Керенского, что это была «нерегулярная» масонская ложа (отменены ритуалы, принимались женщины и пр.). Правда, Смит признает, что организационно сохранялась структура лож системы «Великого Востока Франции», масонские клятвы и обязательство строго сохранять масонскую тайну. Смит определяет и масштабы движения в 1917 г.: примерно 30 лож и 350 членов. В условиях открытой и массовой политической борьбы 1917 г. деятельность организации стала быстро клониться к упадку. Смит приводит слова масона Я. Л. Рубинштейна, меньшевика, одно время являвшегося городским головой Харькова. Он сравнивал деятельность организации со свечой, пламя которой было погашено ураганом событий 1917 года: «Свеча продолжала мерцать, что значило ее пламя среди постоянных вспышек молний»²⁵.

Смит выделяет и еще одну категорию источников, увы, почти отсутствующую сегодня. Это делопроизводственные материалы масонов. Пока в этой группе только списки лож 1907—1908 гг., опубликованные Элькиным. С большой натяжкой сюда может быть отнесена и пресловутая «Диспозиция № 1», а также масонский устав из книги Е. Сидоренко

²⁵ Рубинштейн — Керенскому, 15.XI.1959 (Архив Керенского, д. № 217).

«Итальянские угольщики». Парижский архив «Северной звезды» не содержит, как утверждает Смит, материалов о раннем масонстве — как Ковалевского, так и Керенского. Впрочем, имеется многозначительное исключение. Л. А. Кроль, кадетский лидер, работавший на Урале и в Сибири, как значится в его досье, был принят в петербургскую ложу «Малая Медведица» в 1912 г. и получил степень мастера в 1914 году. В 1916 г. он являлся делегатом всероссийского конвента масонов, с 1917 г. — председателем ложи «Большая Медведица» в Екатеринбурге. Кроль пояснял, что он никогда не был членом регулярной масонской ложи. Поэтому, делает вывод Смит, и «Большая» и «Малая Медведицы» — это ложи системы «масонства Керенского».

Заканчивает Смит свою источниковедческую статью тем, что ожидает многого от публикации архива Кусковой, 30 лет со времени смерти которой исполняется в 1989 г. (ее архив хранится в Национальной библиотеке в Париже). В 1995 г. могут быть извлечены новые факты из обещанной Керенским полной истории масонства в России в XX веке. Наконец, открытия возможны в коллекции Николаевского и в наших архивах. Находки Соловьева (в архиве Департамента полиции) и Шульгина дают основание надеяться на это. Надо также основательнее исследовать советские и эмигрантские публикации 20-х — начала 30-х годов.

Еще более значительный вклад в источниковую базу темы вносит книга Берберовой²⁶. С 1950 г. она начала работать над историей русского масонства XX в. и собирать материал по персоналиям. Тогда у нее было всего 100 карточек. Перед поездкой в Париж для работы в Русском масонском архиве у нее было уже 220 карточек, а после возвращения оттуда — 660. Хотя подавляющее большинство этих 660 человек — русские эмигрантские масоны (они вступили в орден после 1922 г.), работа Берберовой дает возможность установить значительно большее число фамилий русских политических масонов до Октября 1917 г., чем это было известно прежде.

Смит, определявший их число в 350 человек, с сожалением отмечал, что известны фамилии только 10% людей, входивших в ложи. Берберова расширяет их круг: в ее книге (с. 103—166) помещен биографический словарь русских масонов XX в., о которых ей удалось собрать сведения. Они взяты из 49 различных собраний документов или источников информации: архивы и библиотеки, их рукописные фонды, сведения, полученные лично и от членов семьи, из бесед с людьми, обладавшими, по мнению автора, достаточной информацией. По мнению опытного литератора и литературоведа Берберовой, все эти источники равноценны. Она доверяет и упоминанию в записке Кандаурова, и очерку А. П. Лукина, в котором рассказывается о «декабристском» кружке в Гельсингфорсе перед Февральской революцией, и публикации в «Journal officiel», осуществленной немцами осенью 1941 г., и застольным разговорам у М. Горького в Сорренто в середине 20-х годов. Поэтому, строго говоря, по каждой фамилии, упомянутой в списке Берберовой, возможны споры, а к ее подсчетам надо, видимо, относиться как к приблизительным.

Попытаемся выделить из этого списка тех, кто, по данным Берберовой, стал масоном до Октября 1917 г., включая сюда и ложи 1907—1909 гг., и «масонство Керенского», и другие ложи, существовавшие в тот период параллельно. По подсчетам, это около 180 человек, хотя определенные сомнения относительно ряда конкретных лиц остаются. Тем не менее представляет интерес распределение этих людей по партийной

²⁶ Н. Н. Берберова выехала из РСФСР в 1922 г. вместе с мужем В. Ф. Ходасевичем. До 1940 г. печаталась в ведущих либеральных эмигрантских изданиях, в 30-е годы написала книгу о П. И. Чайковском. С 1958 г. преподавала сначала в Йельском, а затем в Принстонском университете. Ее двухтомная автобиография «Курсив мой» опубликована в 1969 г. на английском, а в 1972 г. — на русском языке, книга «Железная женщина» — о баронессе М. И. Будберг — в Нью-Йорке в 1981 году.

принадлежности. Больше всего среди них было кадетов — 43, в том числе 9 членов ЦК; эсеров — 14, из них 4 члена ЦК; меньшевиков — 10, народных социалистов и трудовиков — 8 человек. Октябристов пока выявлено только 4 человека, прогрессистов — 6.

Эти данные подтверждают мнение многих исследователей (в том числе и Соловьева, и мое, и даже Яковлева), что внутри масонства как Ковалевского, так и Керенского большинство принадлежало буржуазным партиям, а среди них кадетам (43 человека из 85). К ним добавляются еще 10 октябристов и прогрессистов. Наличие 22 представителей мелкобуржуазных партий соответствует второстепенной, прирученной, соглашательской роли меньшевиков и народников внутри русского политического масонства, их согласию с ролью буржуазии как гегемона буржуазно-демократической революции. А то, что отдельные представители соглашательских партий (тот же Керенский) сыграли в масонстве важную роль, говорит лишь о том, что они защищали интересы буржуазии, а не трудовых классов России.

Среди тех, кто вошел в наш подсчет, 20 членов IV Государственной думы. И это естественно, ибо известно о существовании «Думской ложи» в рамках «Великого Востока народов России». Установлен и факт наличия «Военной ложи», к образованию которой приложила руку еще «Полярная звезда». Но данные Берберовой дают непомерно большое число военных: 27 человек. Если принадлежность к масонам В. Теплова, Д. М. Вердеревского, П. А. Половцева и десятка других военных сомнений не вызывает, то иначе обстоит дело с генералом Н. В. Рузским. Масонство его Берберова принимает безоговорочно, хотя тут нужны более ясные и прямые источники. О генерале М. В. Алексееве она пишет: «Масон до 1917 г.» и «был введен А. И. Гучковым в Военную ложу». Историки знают о переписке Гучкова и Алексеева, от которой Алексеев в конце 1916 г. отрекался, но, оказывается, он был и членом «Военной ложи»? Впрочем, дальнейшие исследования покажут, так ли это.

Вряд ли можно зачислять в масоны 7 морских офицеров — членов «декабристского» кружка в Гельсингфорсе. Но, как утверждает Берберова, бывший капитан 2 ранга Лукин, сотрудник парижских «Последних новостей», уверял ее, что он состоял в «Морской ложе» (подотдел «Военной»), как и прочие шесть офицеров.

Последние две категории, по которым проводился подсчет, — чиновники, включая министров и товарищей министров, — их было 12 на 1917 год. А общественных деятелей и беспартийных представителей интеллигентных профессий насчитывается 34.

К фамилиям 15 масонов Берберова сделала комментарии²⁷. В справке об Авксентьеве она затрагивает тему антисоветской деятельности масонов во время гражданской войны. В уфимском правительстве, в частности, с осени 1918 до весны 1919 г. состояло в разное время под председательством Авксентьева 13 человек. Только двое из них не были масонами. О П. А. Бурышкине Берберова добавляет, что им была записана «История Достойной ложи «Северная звезда» за период с 1907 по 1919 г., когда последняя была «усыновлена» французской ложей «Дружба народов», отмечая фактологическую неудовлетворенность этой работой.

В примечании о князе Вяземском упоминается его доклад «Четверть века существования русского масонства», сделанный 9 декабря 1957 г. в Объединении русских лож шотландского обряда и напечатанный в гектографированном «Вестнике объединенных масонских лож» (Париж,

²⁷ Комментарии касаются следующих лиц: Н. Д. Авксентьев, Г. В. Адамович, Б. А. Бахметев, П. А. Бурышкин, Н. П. Вакар, В. Л. Вяземский, А. В. Гольстейн, Р. Б. Гуль, А. В. Давыдов, Л. Д. Кандауров, М. М. Карпович, М. С. Маргулис, К. Д. Набоков, В. П. Обнинский, И. Г. Церетели.

1960, № 5). Там Вяземский касался, в частности, масонства XVIII—XIX вв. и возрожденного русского масонства 1907—1916 годов. К его докладу, пишет Берберова, «необходимо относиться сдержанно, так как, будучи исключительно предан тайному обществу, он кое-что важное искажает, и даже иногда утаивает». Относительно Кандаурова в комментарии говорится, что им было организовано из русских дипломатов-масонов в Париже во время первой мировой войны «Общество», которое облегчило воссоздание масонства в эмиграции в 1920—1922 годах.

Интересные подробности биографического характера сообщаются в комментарии о Маргулиссе. С ним связана история, похожая на легенду. Эмиссар «Великого Востока Франции» Сенполь, приехавший в 1908 г., чтобы официально открыть ложи «Возрождение» и «Полярную звезду», произвел Маргулиеса сразу в три масонские первые степени в тюрьме «Кресты», где тот отбывал заключение по политическому делу. 25 февраля 1925 г. на торжественной сессии объединенных русских лож в Париже Маргулиес делал доклад «25 лет русского масонства» (напечатан в том же году в масонском журнале «Акация», не поступавшем в продажу).

В комментарии о левом кадете Обнинском Берберова обращает внимание на его книги «Новый строй» и «Последний самодержец» как источник об идеологии и политических целях русского масонства. Относительно Церетели она утверждает, что нигде в дореволюционных списках масонов его имя не значится, и только после 1920 г. в документах Парижского архива русских масонов он упоминается как кандидат. Но Аронсон считает, что в 1917 г. Церетели уже был членом «Великого Востока народов России», что «подтверждается» его символическим рукопожатием с А. А. Бубликовым на Московском совещании.

Гораздо большую ценность имеет в книге Берберовой раздел «Архивные материалы». Там идет речь о документах, относящихся к таким членам масонских лож, как Д. О. Бебутов, великий князь Николай Михайлович, А. И. Гучков, Д. С. Навашин, Е. Д. Кускова, А. И. Коновалов, А. Ф. Керенский, В. А. Маклаков, Г. Я. Аронсон. В книге опубликовано извлечение из мемуаров Бебутова (1859—1917), относящееся к началу организации масонских лож в России в 1907—1908 годах. Это всего 9 страниц из рукописи в 630 страниц, хранящейся в коллекции Николаевского. Бебутов написал ее, видимо, до начала первой мировой войны. Когда она разразилась, он находился в Германии и был интернирован. В Россию смог пробраться только в 1916 г., где вскоре и умер. А мемуары его, очевидно, остались в Германии. Хотя фигура Бебутова в истории русского масонства одиозна (есть подозрение, что он был провокатором), мемуары его интересны, содержат много подробностей. Пожалуй, публикация отрывка из них — самый большой вклад Берберовой в расширение источниковой базы изучения русского масонства XX века.

«Осенью 1906 г., — пишет Бебутов, — я решил заняться специально организацией масонов в России. Я находил, что это — единственная организация, которая, если сумеет твердо основаться, в состоянии будет достичь нужных результатов для России. Но я боялся, что масонство не особенно вяжется с натурой русского человека... Весь вопрос в строгой дисциплине. Масонство в Европе достигло того, что правительства прислушиваются к решениям масонов. В Европе во всех органах управления имеются масоны. Они в курсе всего правительственного механизма, в курсе всей экономической жизни страны... И, если проследить историю масонов, то становится ясным, что масоны представляют силу, с которой правительству приходится считаться. В чем же лежит эта сила? Только в строгом исполнении всех масонских постановлений, что заставляет людей действовать солидарно. Все, что принято рассказывать о масонах, об ужасах, происходящих на заседаниях, — все это неправда. Но заседания в строгом порядке и необходимое требование взаимной поддержки составляют всю силу масонов. К несчастью, эти главные условия состав-

ляют большую противоположность с натурой русского человека»²⁸. Если отбросить наивные (но вполне справедливые) сетования по поводу натуры русского человека, Бебутов вполне определенно сознавал политическую цель деятельности масонов в России.

Бебутов рассказывает, что вербовал его в масоны Е. И. Кедрин. Процедура посвящения была назначена на 27 апреля 1906 г. — день открытия I Государственной думы — и проходила в редакции газеты «Страна», которую редактировал Ковалевский. Он в качестве мастера-наместника ложи и принял Бебутова в масоны. Кроме него и Кедрина, при этом были еще де Роберти, Лорис-Меликов, В. А. Маклаков, принятые в 1905 г. во французскую ложу «Космос», созданную для русских масонов. Следовательно, костяк будущих лож «Возрождение» и «Полярная звезда» действовал уже весной 1906 года. В декабре 1906 г., пишет Бебутов, было принято еще 25 человек, фамилии которых он называет (всех их можно найти в делопроизводственных документах «Великого Востока Франции», опубликованных Элькиным).

Любопытно, что «Великий Восток Франции» не спешил обременять себя новыми подчиненными в России. Ковалевский осенью 1907 г. сумел достать патенты на открытие лож только от «Великой Ложи» шотландского обряда, старого и признанного Францией. Все были этим недовольны и требовали установления сношений именно с «Великим Востоком» и приезда оттуда уполномоченных. В феврале 1908 г. Бебутов и Баженов поехали в Париж, были приняты гроссмейстером «Великого Востока», лидером партии радикалов в парламенте Лафером. 8 мая 1908 г. в Петербург прибыли Булэ и Сеншоль, резиденты «Великого Востока Франции». Их разместили в гостинице «Англетер». Тогда-то Бебутов и повез их в «Кресты» навестить Маргулиеса.

Далее Бебутов сообщает важную деталь: французы произвели семь членов ложи «Полярная звезда» в 18 градус, и они образовали капитул, т. е. ложу второй степени, которая получала право от своего имени открывать новые ложи. Это обстоятельство важно для того, чтобы решить, являлась ли организация Керенского масонской по существу или только по названию. Затем Сеншоль и Булэ ездили в Москву и открыли там ложу «Возрождение». Правительство П. А. Столыпина, горделиво заявляет Бебутов, об этом не знало. После этого в масоны были приняты еще 19 общественных деятелей (включая Некрасова, М. А. Караулова, Ф. А. Головина), один генерал и пять офицеров. В августе 1908 г. три представителя от «Полярной звезды» были избраны на ежегодный конвент «Великого Востока» в Париже.

Совершенно неизвестными для исследователей являются следующие факты, сообщаемые Бебутовым: в ноябре 1908 г. был проведен первый русский масонский конвент. Он заседал три дня — первый в доме Бебутова, второй — у Орлова-Давыдова, третий — снова у Бебутова. На конвенте был избран первый Верховный совет русского масонства. Первыми тремя избранными его членами стали князь Д. Д. Урусов, Маргулиес и Головин (бывший председатель II Государственной думы, член ЦК кадетской партии). Эти сведения показывают, что уже зимой 1908—1909 гг. русское масонство полностью оформилось, получило от «Великого Востока Франции» права на дальнейшее самостоятельное развитие, провело свой первый конвент и избрало Верховный совет. Теперь оно могло уже способами и средствами, принятыми у масонов, реагировать на любые трудности (а они скоро начались из-за преследований полиции и развязанной черносотенцами и правительством антимасонской кампании).

Среди документов, собранных Берберовой о Гучкове, — переписка между Вольским и Николаевским. Так, в письме от ноября 1955 г. Ни-

²⁸ Цит. по: Берберова Н. Н. Ук. соч., с. 184—185.

колаевский перечисляет собранные им материалы о русском масонстве и называет интервью, которые давали ему Чхеидзе, Гальперн и Гечкори («члены Верховного совета русских лож»), и воспоминания Бебутова. И вообще, пишет Николаевский, материалов на целый том — устав, история обоих конвентов, «усыпления» ложи Маргулиеса — Бебутова (подозревали в провокации) и пр. С. Н. Прокопович вошел в ложу (бельгийскую) действительно в 1898 г. — сразу же после того, как вышел из Союза русских социал-демократов. Есть материалы о переговорах, которые Бебутов в 1909 г. вел с Г. В. Плехановым, эсерами и т. д.²⁹ (о них пишет Соловьев). Вольский сообщал Николаевскому 27 ноября 1959 г.: «Известно ли Вам, что Гучков был масоном, но масоны отвернулись от него, во-первых, узнав, что он находится в сношениях с германским генеральным штабом, и, во-вторых, что имеет какое-то отношение к делу Конради?»³⁰.

В одном из примечаний к документам о Гучкове Берберова поясняет: Б. В. Никольский, «наконец, понял тактику масонов, которая при «полной и окончательной радиации» требует отрицания, что такой-то когда-либо был масоном»³¹. В биографическом же словаре Берберова пишет о Гучкове: «Ген. Сухомлинов называл его «масоном первого призыва»... Вошел в первые русские ложи до 1914 г. После 1920 был «радирирован» — вычеркнут из масонских списков навсегда»³². Сведения о принадлежности Гучкова к масонам заставляют по-другому взглянуть на кадетов и октябристов в 1907—1916 годах. Кроме того, можно сделать вывод: заговорщическая группа Гучкова, в которую входили виднейшие и влиятельнейшие руководители российского политического масонства Терещенко и Некрасов, была масонской целиком, и заговор этот был все-таки масонским.

В документах, связанных с русским эмигрантом и французским масоном Д. С. Навашиным (1889—1937), упоминается, что в России в 1916—1917 гг. он входил в ложу «Астрея». Это говорит о том, что название было избрано не только полицией (в 1909 г.), чтобы создать провокационную приманку, лжеложу, но и русскими масонами в соответствии с масонской традицией — для наименования одной из действовавших в то время лож.

О Кусковой Берберова отзывается критически. Та считала себя главной хранительницей «масонской тайны» и ревниво оберегала ее до конца 50-х годов. Когда Керенский в 1956 г. хотел что-то написать о роли масонов во Временном правительстве, Кускова выговаривала ему: «Ваша версия, как Вы сами, вероятно, чувствуете, убийственна для престижа Временного правительства и ее пока лучше не муссировать, как бы правдива она ни была»³³. Кускова опасалась, что клевета черносотенцев все еще жива и что последние русские эмигранты будут смотреть на масонское Временное правительство как на кучку исполнителей «жидо-масонского заговора». Надо прислушаться к сомнениям Берберовой по поводу некоторых утверждений Кусковой. Именно ее письмо Вольскому из Женевы от 10 ноября 1955 г. породило версию, что у «масонства Керенского» не было никаких связей с французским и что все ритуалы в нем были отменены. Берберова называет это «ложью во спасение»³⁴, о которой говорили масоны, чтобы как-то «отмыть» Керенского и его друзей от привычного масонского облика, известного широкой публике по антима-сонским и черносотенным описаниям.

²⁹ Там же, с. 199.

³⁰ Там же, с. 200. Здесь имеются в виду переговоры Гучкова с германским Генеральным штабом в 1920 г. об антисоветском походе и убийство В. В. Воровского белогвардейцем Конради.

³¹ Там же, с. 207.

³² Там же, с. 123.

³³ Там же, с. 212.

³⁴ Там же, с. 216.

Весьма интересны сведения, которые Берберова сообщает о Керенском. В мемуарах, изданных в 1965 г., Керенский признал свое масонство с 1912 г., но не указал ложу, в которой состоял. Берберова дважды отмечает, что это была «Малая Медведица». О Кроле же в ее книге сказано, что он вступил в «Малую Медведицу» в 1910 году³⁵. Итак, эта ложа не только не закрылась в 1910 г., а существовала и дальше. Она как бы соединяет «масонство Ковалевского» и «масонство Керенского». По-видимому, столь большой разницы между этими двумя масонствами, как уверяют Кускова, Керенский, Аронсон, Катков и Яковлев, не было. А если вспомнить, что, по словам Николаевского, сохранились материалы об «истории усыпления ложи Маргулиеса», то приходится сделать вывод, что, видимо, в 1910 г. «усыплена» была только «Полярная звезда», старый капитул, а вместо него образовался новый — «Малая Медведица». От нее-то и взяло начало «новое масонство», в которое не вошли только 10—15 «отцов-основателей». Впрочем, и они где-то продолжали свою масонскую жизнь.

Другое обстоятельство, заслуживающее особого внимания, — основывающееся на ряде свидетельств утверждение Берберовой, что Керенский понимал безнадежность своего положения во Временном правительстве. Спасти последнее мог только сепаратный мир с Германией. Но как раз этого Керенский сделать не мог. Не потому, что не хотел, а потому, что дал обещания французским социалистам-масонам и английским лейбористам-масонам не покинуть их в войне и не нарушить масонской клятвы. Вот почему Кускова советовала отрицать всякие связи русского масонства с французским! Ибо, не нарушив масонскую клятву, данную «Великому Востоку Франции», которому и «масонство Керенского» продолжало подчиняться, Временное правительство будто бы способствовало крушению буржуазного строя в России, помогло большевикам и Ленину добиться победы.

В мемуарах 1965 г. Керенский цитирует (с. 385—386) книгу французского агента в России Ф. Гренара «Русская революция»: «Союзники России были ослеплены своим желанием держать Россию в состоянии войны, не заботясь о том, сколько это будет ей стоить. Они были не способны судить о том, что было возможно и что невозможно в это время. Они только помогали Ленину в его игре с целью изолировать главу правительства от народа все больше и больше. Они не могли понять, что, насильно удерживая Россию в войне, они тем самым обязаны принять и последствия этого: внутреннее недовольство в стране, отсутствие стабильности в этот переходный период. Настаивая без передышки на своих требованиях, почти приказах, обращенных к Керенскому, о том, чтобы страна вернулась на нормальный путь, они не принимали во внимание обстоятельства, в которых ему приходилось работать, и фактически только еще усиливали тот хаос, с которым ему приходилось бороться. Брюс Локкарт, работавший во время войны в английском консульстве в Москве, был такого же мнения о политической роли союзников, которую они играли в России в то время»³⁶.

Берберова проверила — в книге Гренара этой цитаты нет, нет и упоминания о Локкарте вообще. Она пишет, что это необъяснимый случай в поведении Керенского, которого она лично знала, и что ей неизвестно, откуда он взял («из чьей книги») этот абзац. Далее Берберова пишет вполне определенно, что французские радикал-социалисты приезжали в Россию в 1917 г. «напомнить ему о клятве, данной им при принятии его в члены тайного общества в 1912 г., в случае войны никогда не бросать союзников и братьев по «Великому Востоку», тем самым не давая ему

³⁵ Там же, с. 133—134.

³⁶ Цит. по: там же, с. 222.

абсолютно никакой возможности не только стать соучастником тех, кто желал сепаратного мира, но и обещать его».

В разделе о Керенском публикуются 11 писем масонов Фрумкина, Я. Л. Рубинштейна, Станкевича и Погосяна, которые в основном содержат советы сначала — ничего не отвечать на разоблачения Аронсона, а затем — как отвечать. Заслуживает упоминания отрывок из письма Рубинштейна Керенскому из Парижа от 21 декабря 1959 года. Тогда Керенский уже решил отвечать на разоблачения Аронсона и указывал при этом на пример Маклакова. «Ссылка на покойного В. А. М[аклакова], — возражает Рубинштейн, — не убедительна. Ведь он был в ином созвездии, и к тому же в свое время купно с другими был притушен»³⁷. Это еще одно подтверждение, что «усыплена» была только «Полярная звезда» и самые активные масоны первого призыва были лишены руководящей роли, «притушены», но не «радиированы», как Гучков. Остается лишь загадкой, где и как они проводили свою масонскую работу.

Тер-Погосян и Рубинштейн в письме Керенскому от 22 декабря 1962 г. дали ему целую инструкцию о том, что именно разрешается ему писать о масонстве в России в воспоминаниях, которые к тому же надлежало положить в сейф библиотеки на 25 лет. В письме содержится и такое наставление: «Организация» была связана с одноименными прежних времен только «духовно», она была «совершенно независима от каких бы то ни было иностранных организаций», она была просто одной из существовавших тогда конспиративных организаций (это совсем в духе того, что пишет Соловьев!), не требовала никакого подчинения от своих членов и приказов им не давала, поэтому члены «Организации» могли оставаться лояльными членами своих партий, к захвату власти «Организация» не стремилась, никакой активной роли в Февральской революции «по своему строению и духу» играть не могла, директив своим членам, которые «оказались членами Вр. прав. она не давала» и вообще была «крайне малочисленна»³⁸. Керенский, чье тщеславие и мания величия были выше масонских уговоров, написал в своих мемуарах об «Организации» гораздо больше, серьезнее и ...напыщеннее.

Собрала Берберова ряд сведений и о Маклакове, но все они касаются его деятельности во Франции, куда он выехал в момент Октябрьского вооруженного восстания, будучи назначен Временным правительством послом в Париж. Об Аронсоне она сообщает, что хотя он отрицал свое масонство, но первую степень (ученика), видимо, все же имел. В ее биографическом словаре, кроме того, указывается, что «в 1913 г. впервые в Витебске [Аронсон] был на закрытом собрании Витебской ложи, куда его привел Марк Шагал и где он слушал речь Керенского»³⁹.

В первой главе книги Берберовой имеется несколько важных или обобщающих мест, о которых тоже следует упомянуть. Так, она подсчитала, что к французскому масонству на 1906 г. принадлежали 15 русских либеральных буржуазных деятелей (добавим сюда еще и Прокоповича, вступившего в бельгийское масонство), а в 1908 г. были уже открыты 18 лож. Берберова утверждает, что Сеншоль и Булэ приезжали в Россию несколько раз, что они открывали здесь ложи, подчиненные как «Великому Востоку», так и «Великой ложе Франции» (шотландский обряд). Далее в книге приводится список 17 российских послов, посланников и консулов, являвшихся масонами к февралю 1917 года. Не зря поэтому именно Кандауров стал «собирателем» русских масонских сил, как только стало ясно, что гражданская война выиграна большевиками. Эти факты требуют должной оценки, ибо подтверждают слова Кусковой о проникновении масонской сети и в среду государственных служащих.

³⁷ Там же, с. 228.

³⁸ Там же, с. 231–232.

³⁹ Там же, с. 110.

Правда, остается неясным, в какой масонский союз входили дипломаты, связаны ли они были прямо с «Великим Востоком народов России».

О деятельности русских масонов в 1908—1912 гг. Берберова пишет: «В своем докладе в 1925 г. в Париже Маргулиес, касаясь этого периода, между прочим, упоминает петербургскую «Военную ложу», в которую краткое время входили Гучков, ген. Вас. Гурко, Половцев и еще человек десять высоких чинов русских военных. 1909 г. был годом процветания ложи «Возрождение», «Военной ложи» и «Феникса». В это же время Департамент полиции стал сильнее нажимать на мартинистов. Некоторые спиритические ложи закрылись сами, «от скуки и страха», как пишет Кандауров. В 1910 г. была основана «Малая Медведица». В нее не принимались ни октябристы, ни военные. Исключение было сделано только для полковника (позже — генерал-майора) Теплова. Туда вошли А. М. Колюбакин, Гальперн, Ефремов, и в ложе произошел раскол на «правых и левых» (вступление Колюбакина, Гальперна и Ефремова вызвало раскол, т. к. принятые братья были гораздо левее основателей.— В. С.). Вскоре «Малую Медведицу» приструнили. В 1912 г., после некоторых неприятностей с полицией в связи с болтливостью Бебутова, частично возобновилась деятельность нескольких лож. Кандауров пишет об этом так: «Устранили тех дорогих братьев, болтливость которых была установлена». «Малая Медведица» вновь собирается на частной квартире: Керенский, Волков, Демидов, Кроль, Барт и др. Они напечатали свой устав под названием «Италианские угольщики» (т. е. карбонарии), чтобы его закамуфлировать. В том же году был в строгой тайне создан «Верховный Совет народов России», который контролировался масонским Конвентом. Уже через год в этом совете в качестве «секретарей» (должность в масонской ложе.— В. С.) ...оказались Керенский, Терещенко и Некрасов. Съезды Верховного Совета народов России проводились в 1912, 1914 и 1916 годах. Некрасов был и оставался секретарем, Керенский и Гальперн из секретарей поднялись до членов. Некрасов стал членом, когда умер Колюбакин»⁴⁰.

В 1915—1916 гг., по словам Берберовой, открылось несколько новых лож, в том числе «Думская», в которой скоро стало около 40 человек. В связи с большими расхождениями на политической почве 10 «братьев» пришлось временно «усыпить». Берберова далее утверждает, что «списки членов будущего правительства, которые, как мы знаем, имели хождение в 1915—1916 гг., составлялись досточтимыми мастерами лож по требованию Верховного Совета народов России».

Ряд новых деталей сообщает автор и о деятельности масонов в 1917 году. По ее подсчетам, уже в первом составе Временного правительства 10 человек из 11 (кроме Милюкова) были масоны. В последнем же составе — все, кроме А. И. Верховского и А. В. Карташева. По данным «Великого Востока Франции», которые приводит Берберова, накануне Февральской революции в России имелось 28 лож, подчиненных «Великому Востоку» и «Великой ложе Франции». Она полагает, что число это преуменьшено. Так это или нет, но сам факт присутствия подобной статистики в главном масонском «ведомстве» Франции доказывает, что усиленно насаждавшаяся в воспоминаниях русских масонов (Керенский, Кускова) версия о полном их разрыве с французским масонством является намеренной неправдой. Связь никогда не порывалась, просто она была замаскирована.

«Великий Восток народов России» был отделением «Великого Востока Франции» и настоящим, а не только «по названию» или «по форме» масонским союзом. Следует тщательно проверить версию Берберовой о «тирании Парижа над Петроградом» в годы первой мировой войны и особенно в 1917 году. В частности, полковник Н. Н. Пораделов рассказывал

⁴⁰ Там же, с. 25—26, 59.

ей в 1941 г., что был свидетелем того, как А. Тома и М. Кашен умоляли Керенского не бросать Францию в войне и не заключать сепаратного мира. Тома стоял на коленях перед Керенским, а Кашен, рыдая, закрыл платком лицо. Берберова напоминает, что оба они были членами руководства «Великого Востока Франции»⁴¹.

Берберова приводит и много других косвенных источников, сопоставляет известные и малоизвестные отрывочные свидетельства. Но они могут быть оспорены. Я изложил выше только те материалы, которые ранее не были известны у нас. Они еще раз с неопровержимостью доказывают существование в России масонства в 1906—1917 годах. Оно носило политический характер, так как подавляющее число его членов привлекали в организацию не обрядность или поиск потаенных истин, а возможность использовать совместные усилия в борьбе с самодержавием. Сила масонов состояла прежде всего в политическом весе и деятельности каждого отдельного «брата», но роль их после вступления в общество удесятерилась связями и влиянием всех совокупно.

К признаниям масонов нужно относиться в высшей степени критически, ибо масонская мораль обязывает обманывать «профанов» во всех случаях, когда это необходимо. Новые источники заставляют усомниться в ряде утверждений Кусковой и Керенского, поскольку они были согласованы ими в качестве предельных, больше которых недопустимо сообщать правду об организации. Первое: связи между «Великим Востоком народов России» и «Великим Востоком Франции» не были в действительности разорваны. Второе: между «масонством Ковалевского» и «масонством Керенского» нет китайской стены, одно перелилось в другое, первое продолжало существовать рядом со вторым. Третье: «масонство Керенского» было регулярной масонской ложей. Все его основатели были приняты в масоны с полным соблюдением формальностей. «Великий Восток Франции» сблек их правом открывать новые ложи и организации. Масонская клятва и обязательство повиноваться уставу и начальникам является важнейшим элементом существования и деятельности масонства как общественного института.

* * *

Уже после завершения работы над этой статьей мне представилась возможность провести несколько дней в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США). Благодаря любезности и вниманию профессора Т. Эмонса, аспиранта С. Ляндреса и сотрудников архива я смог ознакомиться с содержанием коллекции Николаевского, включающей собранный им материал о русском политическом масонстве начала XX века. Среди этих документов и знаменитые интервью, взятые Николаевским во второй половине 20-х годов у ряда бывших политических деятелей старой России. Особого внимания заслуживают интервью Гальперна, Е. П. Гегечкори и Чхеидзе, о существовании которых сообщил еще Хаймсон в своей статье. Эти интервью были взяты Николаевским у Чхеидзе 24—26 августа 1925 г. в Марселе, у Гегечкори — 7 августа 1928 г. в Брюсселе, у Гальперна — 16 и 18 августа 1928 г. в Париже.

Из того же фонда мною получены (в копии) устав ордена «Великого Востока народов России» 1912 г., часть отчета ложи «Лотос» шотландского устава (1933—1949 гг.) с историческим очерком о русском масонстве до Октября 1917 г., доклад князя В. А. Вяземского «Первая четверть века существования зарубежного масонства», прочитанный в «Лотосе» 9 декабря 1957 г., с кратким историческим очерком, и ряд других документов (Новый журнал, Нью-Йорк, 1985, кн. 161).

⁴¹ Там же, с. 34—35.

Материалы эти в целом подтверждают существование русского политического масонства в начале нашего века, вступление ряда русских буржуазных либералов и радикалов во французское и бельгийское масонство в конце XIX и начале XX в., существование русского масонства в 1906—1917 гг. и его остатков даже вплоть до 1919 г., возрождение русского масонства в эмиграции во Франции в 1919—1922 годах. Самым ценным из только что перечисленных материалов является интервью Гальперна Николаевскому.

Гальперн вступил в масонскую ложу, еще подчинявшуюся «Великому Востоку Франции», в 1911 г., был участником всех трех дореволюционных масонских русских конвентов. С 1912 г. он избирался в состав «Верховного Совета народов России», а с конца 1916 до конца 1918 г. был его секретарем. По сведениям, сообщаемым Чхеидзе, Гальперном и Гегечкори, все они были членами «настоящего», французского масонства, работавшего по уставу «Великого Востока Франции». До конституирования в 1912 г. «Великого Востока народов России» как провинциального отделения «Великого Востока Франции» было проведено, вероятно, два конвента и уже существовал Верховный совет. На конвенте 1912 г. по предложению Некрасова произошло выделение русских лож в самостоятельный «Великий Восток народов России» с последующим утверждением его французскими масонами.

Автором устава ордена «Великого Востока народов России» являлся С. Д. Мстиславский (Масловский) — эсер левого толка, писатель, библиотекарь Академии Генерального штаба. Он же являлся и автором пресловутой «монографии» «Италийские угольщики», изданной под псевдонимом Евграф Сидоренко. Сравнение текста устава, помещенного в разных главах этой монографии, с текстом устава 1912 г. доказывает их значительное сходство. Вместе с тем задачи и цели ордена, формула обещания были при публикации в книге «Италийские угольщики» опущены.

Цели же ордена формулировались так: «Создание связанного моральной общностью и взаимным доверием братского ордена; братья сохраняют свободу политического действия, но стремятся к утверждению и защите прав человека и гражданина. Обязанности братьев изложены в формуле обещания, даваемого при посвящении». Отсюда следует, что принадлежность к разным партиям не мешала вступлению в орден. В высшей степени интересен и текст «орденского обета»: «Обещаю любить братьев моих масонов, защищать их в опасности, хотя бы жизни моей грозила смерть. Обещаю хранить орденскую тайну, не раскрывать существования братства, хотя бы я был спрошен об этом на суде, не раскрывать ничего, что я узнаю как брат. Обещаю исполнять постановления своей ложи и высших масонских властей». Слова клятвы свидетельствуют о том, что «Великий Восток народов России» был настоящей, или регулярной, масонской ложей.

Судя по показаниям Чхеидзе, Гальперна и Гегечкори, «Великий Восток народов России» объединял левых кадетов, трудовиков, народных социалистов, эсеров и меньшевиков разных направлений. К Февральской революции только в Петрограде организация насчитывала, по свидетельству Гальперна, 85 человек. Среди масонов, впервые называемых в интервью, меньшевик-интернационалист Н. Н. Суханов, Зинаида Гиппиус, Д. Мережковский, Б. В. Савинков (прият в 1917 г.), профессора Д. И. Рuzский (двоюродный брат генерала Рuzского), С. П. Костычев. Подтверждается практически полное игнорирование политического масонства большевистской партией (единственным из большевиков в одну из московских лож был прият И. И. Скворцов-Степанов). В интервью упоминаются «Думская», «Военная» и «Литературная» специальные ложи по профессиям. Наиболее деятельной была «Думская» в Петербурге—Петрограде, объединявшая членов IV Государственной думы из разных фракций. Это был как бы еще один мини-«прогрессивный блок», но

сдвинутый влево и включающий членов Думы — трудовиков и социал-демократов.

«Верховный Совет народов России» был хотя и тайным, но весьма действенным институтом формирования общественного мнения и оппозиционных настроений, формой политического союза значительных секторов буржуазно-либерального и революционного движения без октябристов, с одной стороны, и большевиков — с другой. Вместе с тем, как свидетельствует Гальперн, стремительный и бурный характер Февральской революции, и особенно восстания 27 февраля 1917 г., явился абсолютной неожиданностью для масонов. Они не были готовы к событиям 27 февраля, проведя последнее заседание своего Верховного совета 26 февраля. В ходе событий марта—октября 1917 г. масонская организация действовала все тише, она оказывала все меньшее влияние на общее направление хода революции. Тем не менее Верховный Совет провел вплоть до начала октября несколько важных заседаний. Масонские соображения были главными при проведении кадровой политики Временного правительства, при назначениях на высшие, средние и дипломатические посты.

Октябрьская революция сделала невозможной какую-либо заметную деятельность русских политических масонов. Они рассматривали большевиков, взявших власть, как своих кровных врагов и после ухода в эмиграцию во Францию возобновили свою организованную деятельность, придав ей резко антисоветский характер. Новые материалы еще раз убедительно доказывают несостоятельность утверждений как белогвардейцев и черносотенцев в 20-е годы, так и современных великорусских националистов о принадлежности большевиков к «масонскому заговору».

КТО ПРОТИВ КОГО УСТРОИЛ ЗАГОВОР?

Дональд Камерон Уотт

В начале июня 1937 г. в Советском Союзе состоялся процесс над участниками «антисоветской троцкистской военной организации». Этому событию посвятили свои труды Дж. Эриксон и Р. Конквест. Эти труды являются наиболее полными в западной литературе исследованиями о репрессиях советского военного командования¹.

Весь мир был ошеломлен известием об аресте и предании суду по обвинению в измене, шпионаже и подготовке государственного переворота первого заместителя народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского, командующих войсками Киевского и Белорусского военных округов командармов 1 ранга И. Э. Якира и И. П. Уборевича, начальника Военной академии им. М. В. Фрунзе командарма 2 ранга А. И. Корка, комкоров В. М. Примакова, В. К. Путны, Б. М. Фельдмана и Р. П. Эйдемана. Советская пресса связала с этим событием и самоубийство заместителя наркома обороны СССР, начальника Политического управления РККА армейского комиссара 1 ранга Я. Б. Гамарнича.

Западные специалисты, внимательно следившие за ходом политической жизни в СССР, предвидели возможность проведения акции против высшего командования. Основанием для этого послужило неожиданное назначение Тухачевского в середине мая 1937 г. командующим войсками Приволжского военного округа и замена его на посту первого заместителя наркома обороны СССР Маршалом Советского Союза А. И. Егоровым. Всех удивила быстрота проведения акции, что породило множество вопросов: были ли эти люди оклеветаны (а если были, то кем), или они действительно намеревались свергнуть И. В. Сталина?

Эриксон и Конквест излагают различные версии о репрессиях в отношении советского военного командования. В отличие от Эриксона Конквест использовал работы, изданные в Советском Союзе в первой половине 60-х годов, в период десталинизации². Оба автора считают, что решение о репрессиях было принято летом 1936 г. (если не раньше), когда состоялся первый большой политический процесс над Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым и другими. В то время органы НКВД, которые возглавлял Г. Г. Ягода, арестовали командира одной из дивизий Киевского военного округа, бывшего в годы гражданской войны командиром партизанского отряда Шмидта и начальника штаба одной из

УОТТ Дональд Камерон — профессор Лондонской школы экономических и политических наук.

¹ Erickson J. The Soviet High Command, 1918—1941. Lnd. 1962; Conquest R. The Great Terror. Lnd. 1968.

² См.: Якир П. И., Геллер Ю. А. Командарм Якир. М. 1963; Петров Ю. П. Партийное строительство в Советской Армии и Флоте. М. 1964; Никулин Л. Маршал Тухачевский. М. 1964; Панков Д. В. Комкор Эйдеман. М. 1965.

авиационных частей Кузьмичева. Поводом для их ареста послужили показания С. В. Мрачковского, И. И. Рейнгольда и Е. А. Дрейцера, привлеченных к суду по делу о так называемом антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском блоке. Шмидт и Кузьмичев обвинялись в подготовке убийства К. Е. Ворошилова якобы по указанию Мрачковского, переданному им через Дрейцера. В обвинительном заключении говорилось о выделении дела «группы Мрачковского» в особое производство, так как расследование еще продолжалось. В ходе следствия Дрейцер 21 августа сообщил, что Путна в бытность военным атташе в Лондоне поддерживал связь с выдворенным за пределы СССР Л. Д. Троцким. Повидимому, в сентябре 1936 г. Путна и другие военные, в частности комдив Ю. В. Саблин и комкор Примаков, были арестованы.

Выступая осенью 1936 г. на Пленуме ЦК ВКП(б), члены ЦК Ворошилов, Гамарник и Якир, а также кандидаты в члены ЦК заместитель Гамарника А. С. Булин, М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, В. К. Блюхер и С. М. Буденный высказались против действий Ягоды и проведения процесса над Н. И. Бухариным, К. Б. Радеком и другими членами оппозиции. Не поддержали они и кандидатуру Н. И. Ежова, которым Сталин решил заменить Ягodu. В то время распространялись слухи о подготовке Ягодой вслед за процессом над Зиновьевым и Каменевым показательного процесса над военными деятелями, в котором «звездами» должны были стать Тухачевский и Путна.

План Ягоды претворил в жизнь Ежов, который, по версии Эриксона и Конквеста, решил прибегнуть к сфабрикованным свидетельствам. В декабре 1936 г. Ежов отдал распоряжение руководителю советской разведки в Париже подобрать из его сотрудников двоих для «перевоспложения в офицеров германской армии». Шмидт на допросах был постепенно сломлен, у него было вырвано признание, что якобы он по указанию Якира намеревался поднять свою дивизию на восстание. На очной ставке с Якиром Шмидт отказался от своих показаний, но после его ухода снова подтвердил их.

В январе 1937 г. начался второй большой процесс — по делу о так называемом параллельном антисоветском троцкистском центре были привлечены Ю. Л. Пятаков, К. Радек, Г. Я. Сокольников и другие. На одном из открытых судебных заседаний, 24 января, Радек сказал, что Тухачевский послал к нему в Берлин Путну, являвшегося якобы членом «параллельного центра», и Путна воспользовался случаем, чтобы обсудить с Радеком деятельность троцкистской группы. Однако Радек исключал возможность того, что Тухачевский был информирован об этой деятельности Путны. Один из свидетелей, работник ТАСС Ромм, показал, что Путна, находясь в Берлине, познакомил его в 1931 г. с С. Л. Седовым, сыном Троцкого. Подсудимым были предъявлены обвинения по поводу их связей с военным атташе — генералом и пресс-атташе одного из посольств в Москве. В то время в Москве единственным военным атташе в генеральском звании был представитель Германии Э. Кёстринг. Однако, как сообщали дипломатические представители³, в советской печати показания Радека и материалы, компрометировавшие немцев, не публиковались.

По мнению дипломатов, в феврале 1937 г. Тухачевский явно не занимался служебными делами, но на все их запросы следовал ответ: он проводит отпуск в Сочи⁴. На очередном Пленуме ЦК ВКП(б), проходив-

³ См.: Донесения английского посла в Москве виконта А. Чилстона от 26 января и французского посла Р. Кулондра от 10 февраля 1937 г. (Public Record Office, Foreign Office (PRO, FO) 371/21099, № 514/250/38; Documents Diplomatiques Françaises (далее — DDF), 1932—1939, ser. 2, vol. 4, № 420).

⁴ См. Донесение Чилстона от 23 февраля 1937 г. (PRO, FO, 371/21099, № 1082/250/38). В кн.: British Documents of Foreign Affairs (далее — B DFA). Pt. 2, 1914—1939. Ser. A. The Soviet Union. Vol. 14; см. также донесения Р. Кулондра от

шем в феврале — марте, Якир вновь выступил против репрессий. Те, кого расстреляли после процесса по делу о «параллельном центре», возможно, были невиновны, сказал он. Вскоре после Пленума Тухачевский присутствовал на приеме в американском посольстве. Было объявлено о его предстоящей поездке в Лондон во главе советской делегации на коронацию Георга VI и о запросе на Тухачевского соответствующих виз. 3 апреля Ягода, назначенного ранее наркомом связи, арестовали и расстреляли⁵. Вместо него наркомом связи был назначен входивший в окружение Тухачевского командарм 2 ранга И. А. Халепский, ведущий эксперт по танкам, который таким образом был отстранен от прямого командования войсками.

Вскоре после февральско-мартовского Пленума, НКВД, который «перетряхнул» возглавивший его Ежов, был подготовлен для дальнейших «операций», «карьеристы и провокаторы в органах Наркомвнудела сфабриковали дело о «контрреволюционной военной фашистской организации» в вооруженных силах»⁶. Все обвиняемые по этому делу 1 мая в последний раз появились на военном параде. К тому времени уже полным ходом шли аресты их сотрудников. 11 мая были арестованы Корк и начальник штаба Особой Дальневосточной армии комкор А. Я. Лапин, 20-го — Эйдеман, 26-го — Тухачевский, 31-го — Якир. В последний день мая ушел из жизни Гамарник. 1—4 июня состоялось заседание Военного Совета при Наркомате обороны СССР, а затем заседание Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, которое приговорило их к расстрелу. Этим событиям предшествовали новые назначения: командарма 2 ранга И. Ф. Федько — на Киевский военный округ, командарма 1 ранга И. П. Белова — на Белорусский, Маршала Советского Союза Буденного — на Московский, командарма 2 ранга П. Е. Дыбенко — на Ленинградский, комкора Н. В. Куйбышева — на Закавказский, комкора М. Г. Ефремова — на Приволжский⁷. Приговор Специального судебного присутствия подписали К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Б. М. Шапошников, В. К. Блюхер, Я. И. Алкснис и другие высшие военные. Все они, за исключением двух первых — ветеранов 1-й Конной армии и Шапошникова, впоследствии также были репрессированы.

Почти сразу же в дипломатических кругах стали распространяться слухи о готовившемся в СССР перевороте. Английский посланник в Праге Б. Ньютон на основе сведений, полученных от премьер-министра Чехословакии М. Годжи и министра иностранных дел К. Крофты, докладывал, что в январе 1937 г. на тайных германо-чехословацких переговорах Германия выразила надежду на «значительные перемены» в Советском Союзе⁸. Английский посланник в Каунасе 3 июля сообщал, что по возвращении из Москвы министр иностранных дел Латвии Мунтерс говорил о подготовке переворота «красными генералами», которые, однако, не были связаны с другими державами⁹. Французский посол в Лондоне 25 июня передавал «сведения из надежного источника», полученные английским правительством, о якобы имевших место тайных советско-германских переговорах при посредничестве командарма 2 ран-

10 февраля (DDF, vol. 4, № 420) и английского военного атташе полковника Х. Хотблэка от 19 апреля 1937 г. (PRO, FO, 371/2100, № 2203/250/38).

⁵ Ягода был осужден по делу о так называемом антисоветском право-троцкистском блоке в марте 1938 года.

⁶ Указанная работа Ю. П. Петрова (с. 299) цитируется: *Conquest R. Op. cit.*, p. 213.

⁷ Телеграмма советника английского посольства в Москве Д. Маккилона от 9 июня 1937 г. (DDF, vol. 5, p. 65).

⁸ Телеграмма Б. Ньютона от 21 июня 1937 г. (PRO, FO, 371/21104, № 3287/461/38).

⁹ Допосение Престона в Лондон от 3 июля 1937 г. (PRO, FO, 371/21107, № 3658/2322/38).

га Корка¹⁰. Это сообщение использовал специальный корреспондент лондонской «Evening Standard», который для большей убедительности подчеркнул, что данное сообщение подтверждает военный атташе Германии в Лондоне полковник Г. фон Швейпенбург, якобы состоявший ранее в дружеских отношениях с Путной¹¹.

Репрессии в отношении советского военного командования осуществлялись в столь гигантских масштабах, что вокруг них на международной арене стали накапливаться различного рода слухи и версии. Наиболее устойчивой была версия, выдвинутая президентом Чехословакии Э. Бенешем, изложенная им впоследствии в мемуарах¹². Эта версия исходила из того, что между советским Генеральным штабом и соответствующими военными деятелями Германии имела место настоящая интрига, о чем «неосторожно проговорился» один из представителей Германии на секретных германо-чехословацких переговорах, проходивших в октябре 1936 — январе 1937 года. Бенеш сообщил об этом советскому послу в Праге С. С. Александровскому. Бывший премьер-министр Франции Л. Блюм вспоминал в 1946 г., что еще в декабре 1936 г. Бенеш передал полученное им известие сыну Блюма¹³. Французский посол в Москве Р. Кулондр утверждает в мемуарах, что в феврале 1937 г. советский посол в Париже В. П. Потемкин говорил с Э. Даладьё о готовившемся заговоре. Военный атташе Чехословакии в Москве генерал Дастны вспоминал, что в 1937 г. Бенеш сообщил ему о полученных из Берлина «неопровержимых доказательствах заговора, подготовленного Тухачевским и германским Генеральным штабом». Аналогичные данные Дастны сообщил в марте 1938 г. Гендерсону, поверенному в делах США в Москве¹⁴.

Сообщения Бенеша способствовали возникновению в международных сферах второго варианта версии о «заговоре». Суть его заключается в следующем: документы о контактах между военными деятелями Германии и Советского Союза были сфабрикованы руководителем СД — службы безопасности СС — бывшим морским офицером Р. Гейдрихом. Об этом говорится в мемуарах бывших сотрудников СД В. Хагена (псевдоним В. Хёттля)¹⁵ и В. Шелленберга¹⁶, а также в работе Дж. Колвина — первого среди многочисленных биографов руководителя абвера адмирала В. Канариса¹⁷. В связи с тем что после окончания второй мировой войны архивы СД и абвера не сохранились, а Канарис и его помощник Г. Остер были казнены за участие в антигитлеровском заговоре, спекулирующим на версии о «заговоре» в Красной Армии было где развернуться.

Возникает вопрос: чем могут историки дополнить реконструкции событий 1936—1938 гг., осуществленные Эриксоном и Конквестом? Во-первых, в отличие от Эриксона, располагавшего только германскими источниками, теперь исследователи могут использовать английские, французские и американские документы, позволяющие шире осветить события того времени¹⁸. Во-вторых, имеется возможность воссоздать атмосферу тех лет, пропитанную смесью сообщений и слухов; последние,

¹⁰ DDF, vol. 5, № 123.

¹¹ Ibid., № 151. Имеющимися английскими и немецкими источниками эта связь не подтверждается.

¹² The Memoirs of Dr. Eduard Beneš: From Munich to New War and New Victory. Lnd. 1954.

¹³ Les Evénements survenus en France. Témoignages. I, p. 129.

¹⁴ См. Celovsky В. Das Münchener Abkommen vom 1938. Stuttgart. 1958. S. 89; Допесение Кеннану в Вашингтон от 3 марта 1938 г. (Foreign Relations of United States (FRUS), The Soviet Union 1933—39. Washington. 1958, p. 519).

¹⁵ Die Geheime Front. Zürich. 1958.

¹⁶ The Schollenberg Memoirs. Lnd. 1956.

¹⁷ Colvin J. Canaris. Chief of Intelligence. Lnd. 1957.

¹⁸ Об английских и французских источниках см. в сносках 3 и 4, об американских — сноску 14.

естественно, влияли на достоверность получаемой информации. Это позволяет освободиться от недостатков историографии предыдущих лет, когда не совсем точно излагались воспоминания участников событий, а также проверить выводы наиболее добросовестных историков, сделанные ими на основе критического анализа доступных им источников.

Историки также располагают теперь свидетельствами бывшего начальника Русского подотдела иностранных армий военного министерства Германии полковника К. Шпальке¹⁹, германского военного атташе в Москве генерала Кёстринга²⁰ и документами, добытыми агентами английской разведки и сохранившимися в архиве бывшего помощника английского военно-воздушного атташе в Берлине полковника Кристи²¹, а также биографией Канариса, написанной Г. Хёне²². Однако все эти источники не могут заменить документов министерства иностранных дел Чехословакии, ее Генерального штаба и чехословацкой разведки²³ и соответствующих советских материалов. Если чехословацкие архивы недавно были открыты для историков, то советские архивы, особенно документы НКВД, и архивы английской разведки пока еще недоступны²⁴.

Английские и французские источники свидетельствуют, что осенью 1936 г., несмотря на ожесточенную пропагандистскую войну между Советским Союзом и Германией, то и дело возникали слухи о советско-германском сближении. В качестве его сторонников называли: в Германии — рейхсвер, министра экономики Х. Шахта и промышленников, определенную группу нацистов, в которой фигурировал Г. Геринг²⁵, в Советском Союзе — военных деятелей, в том числе Ворошилова. Эти сообщения появились в январе и феврале 1936 г., а затем, начиная с октября того же года, стали все чаще поступать из Парижа, Берлина, Вены, из прибалтийских столиц, особенно из Таллина. Английский посланник в Вене У. Селби передал несколько таких сообщений. Так, 6 октября²⁶ он сообщил полученные от корреспондента «Manchester Guardian» в Вене М. У. Фодора через племянника Геринга сведения, что Геринг и рейхсвер настроены в пользу сближения с Советским Союзом. 17 ноября Селби передал высказывание своего чехословацкого коллеги Веверки о вероятности изменения отношения Гитлера к России под влиянием рейхсвера, что может привести к примирению между обеими странами²⁷.

Поступали сообщения и от английского посланника в Таллине У. Х. Гальена. 11 ноября он передал, что, по мнению эстонского прави-

¹⁹ См. Spalke K. Der Fall Tschatschewski. Die Wehrmacht, die Rote Armee und «die grosse Säuberung». — Die Gegenwart, 1958, vol. 13, № 304; e j u s d. Gespräche in Moskau. Die Reichswehr und Rote Armee in 1946. — Ibid., № 315.

²⁰ Его документы опубликованы в кн: Teske H. Profit bedeutender Soldaten. Bd. I. General Ernst Koestring. Der Militärischen Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion, 1921—1941. Frankfurt a. M. 1969.

²¹ Архив полковника Кристи хранится в Кембридже в Черчилльском колледже.

²² H ö h n e H. Canaris. Lnd. 1979.

²³ См.: Воспоминания генерала Ф. Моравца (Moravec F. Master of Spies. Lnd. 1975) и статью И. Пфаффа (Pfaff I. Prag und der Fall Tschatschewski. — Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte, 35/1. Januar 1987, S. 95—124). Статья западногерманского историка опубликована в «Военно-историческом журнале». 1988, №№ 10, 11.

²⁴ В последнее время в советской печати появились публикации, содержащие выдержки из архивных документов по делу Тухачевского и других (см.: Виктор в Б. «Заговор» в Красной Армии. — Правда, 29.IV.1988; Хорев А. Маршал Тухачевский. — Красная Звезда, 4.VI.1988).

²⁵ См.: Допесение начальника северного отдела МИД Англии Колиера виконту Чиллетоу от 24 января 1936 г. (PRO, FO, 371/20348, № 477/187/38); телеграмма Финкса из Берлина № 274 от 8 октября 1936 г. (PRO, FO, 371/19913, С. 7072/4/18); резолюция Ванситгарта на депеше от 16 ноября 1936 г. (PRO, FO, 371/20347, № 5715/187/38).

²⁶ Телеграмма У. Селби № 63 (PRO, FO, 371/19913, С. 7101/4/18).

²⁷ Допесение У. Селби Сардженту от 17 ноября 1936 г. (PRO, FO, 371/20368, P. 6880/6880/3).

тельства, «советское движение в сторону Германии уже началось»²⁸. На следующий день он сообщил, что его советский коллега Устинов опровергает слухи о советско-германских отношениях как германскую пропаганду с целью напугать англичан²⁹. 16 декабря французский посланник в Таллинне М. Алло после беседы с начальником штаба эстонской армии Реэле и только что возвратившимся из Берлина шефом военной разведки полковником Маазингом сообщал, что, по мнению последнего, в рейхсвере убеждены: «благодаря последовательному устранению евреев Сталиным» власть перейдет к военным, в частности к Ворошилову и Егорову, «которые никогда не переставали ориентироваться на Германию»³⁰.

Полковник Кристи через свои каналы получал сведения, дополнявшие сообщения, поступавшие в Лондон. 10 октября его связной «Фил» сообщил из Парижа, что германская армия шокирована антисоветским тоном выступления Гитлера в сентябре в Нюрнберге на партийном съезде и открыто выражает свои симпатии Красной Армии³¹. По сообщению «Фила», во время обмена тостами между генералом К. Фричем и советским военным атташе Орловым говорилось, что «армия СССР готова завтра сотрудничать с Гитлером, пусть лишь Гитлер, партия и германская внешняя политика совершат поворот на 180°, а союз с Францией пусть отпадет. Это могло бы случиться, если бы, например, Сталин умер, а Ворошилов, Тухачевский и армия установили военную диктатуру».

В дописании от 11 ноября³² отмечалось, что рейхсвер считает в перспективе Россию лучшим союзником Германии, но препятствием к этому союзу являются расхождения между гитлеризмом и сталинизмом, в частности по вопросу о допущении евреев на высокие должности. В источниках, поступавших от рейхсвера, утверждалось, что руководство Красной Армии является «антисемитским»; оно приобретает все большее влияние на Сталина, а после его смерти готово установить военную диктатуру. 17 декабря Э. Мильх, «второй» человек в люфтваффе после Геринга, в беседе с Кристи сказал, что Красная Армия настроена против Коминтерна, марксизма и евреев, но верна Сталину. 21 декабря, ссылаясь на «наиболее достоверные источники», другой собеседник Кристи, «д-р Коуман», сообщил, что Сталин серьезно болен и рейхсвер рассчитывает на его скорую смерть³³.

Все эти разноплановые известия связывала общая тема — якобы существовавшие контакты между рейхсвером и Красной Армией, все большее их влияние в политическом руководстве своих стран. Сведения об этих контактах поступали и из французских, чехословацких, прибалтийских источников или источников в Берлине, также предрекавших приход к власти военных после смерти Сталина. Эти сведения, распространявшиеся наряду со слухами о подготовке заговора военного командования против советского руководства, сопоставлялись с позицией руководителей Красной Армии в отношении Ягоды и снятия его с поста наркома внутренних дел в сентябре 1936 года. Шпальке утверждает, что сообщения «о триумфе вождей Красной Армии» породили в европейской прессе новые слухи о превращении ими Сталина в свою марионетку³⁴. Фишс 1 марта 1937 г. докладывал, что руководство рейхсвера исключает возможность столкновения между Сталиным и Красной Армией, так как он выполняет все пожелания ее руководства. Фишс ссылаясь на опублико-

²⁸ Донесение У. Х. Гальена в Форин оффис от 11 ноября 1936 г. (PRO, FO, 371/20347, № 5685/187/38).

²⁹ Донесение У. Х. Гальена в Форин оффис от 12 ноября 1936 г. (Ibid., № 5849/187/38).

³⁰ DDF, Vol. 4, № 103.

³¹ Christie Papers, Chr. 1/17.

³² Ibid., Chr. 1/18.

³³ Christie Papers, Chr. 1/17, pp. 79–80, 89.

³⁴ Spalke K. Der Fall Tuschatschewski; e j u s d. Gespräche in Moskau.

важное в органе вермахта газете «Deutsche Wehr» письмо из Москвы, в котором категорически отрицается стремление советского командования к каким-либо переменам в политике Советского Союза³⁵.

Именно в этот момент Радек дал показания против Путны. Это сразу же уловили английское и французское посольства. Поляки использовали показания Радека для распространения слухов об участии Ворошилова в заговоре. Французский посол в СССР сообщал об отсутствии Тухачевского 9 февраля на приеме в честь министра иностранных дел Финляндии, хотя там были Ворошилов и Егоров³⁶. Кулондр отметил также, что 24 января он послал приглашение Тухачевскому на прием 30 января, но получил ответ, что маршал находится в отпуске. Почти одновременно из Москвы в столицы западноевропейских государств поступили сообщения: Кулондра — об аресте одного из сотрудников аппарата Тухачевского; начальника штаба эстонской армии генерала Й. Лайдонера — об аресте Тухачевского; А. Чилстона — об аресте свыше 200 командиров Красной Армии³⁷. Англичане передавали, что во время поездки в феврале 1937 г. Маршала Советского Союза Егорова по прибалтийским странам его сопровождали четверо никому не известных военных, явно следивших за тем, чтобы он вернулся в Россию³⁸. Сообщалось также, что советский военный атташе в Риге информировал своего чехословацкого коллегу полковника О. Фарского о признании Путны виновным в сговоре с германскими офицерами и его расстреле³⁹.

Однако весной 1937 г. в английской и французской печати снова появились публикации о германо-советском сближении. В разговоре с английским военным атташе полковником Файербрэйсом военный атташе Германии в СССР Кёстринг отметил благожелательное отношение к нему со стороны советского высшего командования, когда правительство СССР потребовало его отозвания⁴⁰. Но уже 18 апреля в Германии было опубликовано официальное опровержение сведений о советско-германском сближении⁴¹. Бенеш 21 апреля в беседе с французским послом в Чехословакии В. Лакруа отметил, что Гитлер не допустит такого сближения⁴². Он также подчеркнул роль руководства Красной Армии в отстранении Ягоды, но выразил сомнение, что оно одержало верх. Слухи о германо-советском сближении были опровергнуты 27 апреля и советским послом в Чехословакии Александровским, который по указанию наркома иностранных дел М. М. Литвинова сообщил об этом министру иностранных дел Чехословакии Крофте⁴³.

Бездоказательность подобного рода слухов подтверждается и германскими дипломатическими документами, свидетельствующими об ухудшении с 1936 г. советско-германских отношений. Этому способствовали аресты граждан Германии в Советском Союзе, в том числе и по обвинению в принадлежности к контрреволюционной нацистской организации⁴⁴. Германское посольство, протестуя против этих акций и отрицая наличие

³⁵ Донесение Фиппса в Форин оффис от 1 марта 1937 г. (PRO, FO, 371/21095, № 1224/346/88).

³⁶ DDF, vol. 4, № 120 от 10 февраля 1937 года.

³⁷ Донесение У. Х. Гальена в Форин оффис от 8 февраля (BDF, vol. 14, № 31); телеграмма Чилстона от 2 февраля 1937 г. (PRO, FO, 371/210099, № 567/250/38).

³⁸ Донесение Престона из Ковно в Форин оффис от 22 февраля 1937 г. (BDF, vol. 14, № 44).

³⁹ Донесение сэра Эд. Мэнсона из Таллина в Форин оффис от 26 февраля 1937 г. (ibid., №№ 40, 41). В действительности Путна был расстрелян 12 июня 1937 г. — *Ред.*

⁴⁰ PRO, FO, 371/21104, № 3777/462/38, 15 June 1937.

⁴¹ DDF, vol. 5, № 316. Отклики см.: Известия, 18.IV.1937.

⁴² DDF, vol. 5, № 315, 21 April 1937.

⁴³ Ibid., № 356 от 27 апреля 1937 г.

⁴⁴ См. Телеграмма № 161 из Москвы (фотокопия МИД Германии, имеющаяся в библиотеке МИД Великобритании и Национальном архиве США, 7220/E 5300252. 5300269-71).

в России нацистских организаций, в то же время просило не предавать огласке случаи ареста.

Радек в своих показаниях упомянул Кёстринга и германского пресс-атташе Баума, поэтому 17 февраля 1937 г. советская сторона потребовала их отзыва из Советского Союза. Начальнику отдела внешних сношений Генерального штаба комкору А. И. Геккеру Кёстринг заявил об абсурдности обвинения его в том, что он в 1934 г. обсуждал с Радеком вопрос об отделении Украины от России, так как в то время находился в Африке⁴⁵. После того как военный министр Германии генерал-фельдмаршал Ф. фон Бломберг сообщил, что в случае отзыва Кёстринга последует ответная мера в отношении советского военного атташе, нарком иностранных дел СССР уведомил германского посла о снятии обвинений с Кёстринга⁴⁶.

Однако аресты германских граждан продолжались. В связи с этим посол Германии в Советском Союзе фон Шуленбург 27 марта встретился с Литвиновым. Посол отметил также попытки органов НКВД добиться от арестованных признаний в их вербовке с целью организации саботажа и покушения на Сталина⁴⁷. Когда речь идет о планировавшихся акциях против руководства Красной Армии, еще большее значение имеет донесение германского консула в Киеве о том, что там были запланированы крупные антитроцкистские демонстрации, которые должны были совпасть с крупными же арестами, и что в последний момент они были отменены. За процессом Радека, очевидно, должен был последовать большой показательный процесс германских граждан. Все это теперь было отложено⁴⁸.

В апреле 1937 г. послы Польши, Италии и Франции сделали запросы, существует ли германо-советское соглашение⁴⁹. Министр иностранных дел Германии барон К. фон Нейрат в своем ответе возложил ответственность за распространение подобного рода слухов на чехословаков, а нарком Литвинов — на поляков. Одновременно, после того как Германия согласилась возбудить ходатайство перед Франко об освобождении советских торговых моряков, захваченных во время гражданской войны в Испании, была достигнута договоренность об освобождении германских подданных⁵⁰.

Эти события совпали с новой волной арестов военных кадров в Советском Союзе, о чем все чаще сообщалось в донесениях дипломатических представителей западных стран. Существуют три версии, объясняющие причины репрессий против советского военного командования. Первая версия предусматривает два варианта роли чехословаков в этом: первый — сообщение Бенеша Александровскому о якобы имевшем место заговоре советского Генштаба и военных деятелей Германии, провалившемся из-за неосторожности немцев; второй — фальсификация СД соответствующих документов, переданных представителями этой организации чехословакам. Вторая версия исходит из существования конфликта между Сталиным и руководством Красной Армии. Согласно третьей версии, Сталин, стремившийся к единоличному правлению, пытался путем ссылки на заговор разгромить своих возможных противников. Ни одна из версий не исключает других.

В этой связи важное значение имеет чехословацкий источник, недавно опубликованный И. Пфаффом⁵¹. Его статья позволяет связать воедино

⁴⁵ Teske H. Op. cit., pp. 101–103; Documents on German Foreign Policy (DGFP). Ser. C. Vol. 6, № 213.

⁴⁶ DGFP, Ser. C. Vol. 6, № 218; Меморандум от 6 марта 1937 г. (ibid., № 253).

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid., № 187, донесение от 8 февраля 1937 г.

⁴⁹ Ibid., №№ 187, 322, донесение от 8 февраля и 17 апреля 1937 г.

⁵⁰ Ibid., №№ 351, 391.

⁵¹ Pfaff J. Op. cit. (см. также Военно-исторический журнал, 1988, №№ 10, 11.–

Ред.).

роль СД, президента Чехословакии Бенеша и министра иностранных дел Крофты. Недостатком публикации Пфаффа является то, что он плохо знаком с исследованием Ковквеста, касающимся версии об интриге НКВД против руководства Красной Армии, и не придает значения колебаниям интенсивности слухов о германо-советском сближении, распространившихся в столицах Восточной Европы.

Начиная с осени 1936 г. в Чехословакии и Германии состоялись тайные встречи между А. Гаусхофером, сыном известного германского геополитика, и имперским советником министерства труда графом фон Траутмансдорфом, с одной стороны, и представителями Чехословакии, в том числе президентом Бенешем, — с другой⁵². А. Гаусхофер (впоследствии казненный за участие в антигитлеровском заговоре), являясь неофициальным посредником между Германией и Чехословакией, действовал по непосредственным указаниям Гитлера и Гиммлера. Однако к концу января 1937 г. переговоры прекратились. Несмотря на то, что после войны Траутмансдорф отрицал факт этих переговоров, чехословацкие дипломатические документы свидетельствуют о его встрече 9 февраля в Берлине с послом Чехословакии В. Мастным, которому он сообщил об изменении подхода Гитлера к Чехословакии. Фюрер, отмечал Траутмансдорф, получил известие из Советского Союза о плане устранения Сталина и установлении военной диктатуры и, в случае претворения этого плана в жизнь, полностью изменит свое отношение к России и одновременно будет готов уладить все разногласия как в Восточной, так и в Западной Европе⁵³.

Мастный, подвергнув сомнению сообщение Траутмансдорфа, тем не менее срочно выехал в Прагу, где встретился с Бенешем и Крофтой. Известия о германо-советских связях, столь распространенные летом — осенью 1936 г., стали объектом внимания в Чехословакии. Еще в апреле этого года белоэмигрантская община в Праге пустила слух о якобы имевшихся в Красной Армии планах выступления против Сталина и возрождения (после его устранения) тесных отношений с рейхсвером, существовавших в 20-е годы, с одновременным отказом Советского Союза от обязательств перед Чехословакией⁵⁴. В октябре — ноябре чехословацкие послы в Варшаве и Берлине передавали сообщения о просоветских настроениях в рейхсвере и усилиях Германии по восстановлению хороших отношений с СССР⁵⁵. В декабре бывший украинский посланник в Берлине Р. Смаль-Стоцкий сообщал из Варшавы о якобы существующем плане нацистов совершить переворот в России при поддержке троцкистов и руководства Красной Армии⁵⁶. Немецкие агенты, арестованные в Праге в октябре 1936 г. при попытке проникнуть в помещение советского военного атташе, утверждали, что этот атташе тесно связан с абвером⁵⁷.

Бенеш, поверивший в слухи о заговоре против Сталина и последующем сближении СССР с Германией, с огромным облегчением встретил известие о процессе над Радеком и Пятаковым и аресте Тухачевского. Однако доклад Мастного о его встрече с Траутмансдорфом возродил опасения Бенеша и сделал его более восприимчивым к подложным материалам СД о военном заговоре против Сталина. Пфафф, анализируя попавший к нему чехословацкий документ, сумел найти ответ на один из ранее неясных вопросов. Начальник немецкого отдела чехословацкой

⁵² См. Weinberg G. The Secret Hitler — Benes Negotiations in 1936—1937.— Journal of Central European Affairs, XIX, 1959—1960.

⁵³ Дописание Мастного от 9 февраля 1937 г. (Pfaff J. Op. cit.).

⁵⁴ Меморандум МИД Чехословакии от 30 апреля 1937 г. (11/632/36) (Pfaff J. Op. cit.).

⁵⁵ Донесения Славика из Варшавы в Прагу от 21 октября 1936 г. и Мастного из Берлина от 30 ноября 1936 г. (Pfaff J. Op. cit.).

⁵⁶ Меморандум МИД Чехословакии от 14 декабря 1936 г. (Pfaff J. Op. cit.).

⁵⁷ Донесение президента полицейского управления Праги министру иностранных дел Чехословакии от 7 октября 1936 г. (Pfaff J. Op. cit.).

военной разведки генерал Ф. Моравец, координировавший в соответствии с чехословацко-советским соглашением 1935 г. разведывательную деятельность против Германии с советской военной миссией в Праге, отрицал, что он получил от Бенеша какие-либо сведения о германо-советском заговоре против Сталина⁵⁸. Это утверждение придавало определенную достоверность сообщению бывшего сотрудника СД Хётля о передаче фальшивого досье СД непосредственно резиденту НКВД в Берлине⁵⁹. Этот резидент, некто Смирнов, в 1936 г. был отозван и, видимо, обречен на смерть. Агентурная сеть НКВД в Германии некоторое время бездействовала. Берия принял меры к ее восстановлению в январе 1939 года. Не в лучшем состоянии находилась и сеть Главного разведывательного управления Красной Армии.

Министр иностранных дел Чехословакии имел свою разведывательную службу. Ее наиболее надежный агент в Германии, журналист К. Виллиг, получивший в 1946 г. личную благодарность Бенеша, в действительности был агентом СД и специализировался на дезинформации.

Теперь сосредоточим внимание на версии о фабрикации документов Гейдрихом и передаче их Советскому Союзу через чехословацкие спецслужбы. Шпальке утверждает: летом 1937 г. Гейдрих хвастался, что именно он разгромил высшее командование Красной Армии⁶⁰. Эта версия выглядит примерно так⁶¹. Зимой 1936 г. глава русской белоэмигрантской организации в Париже генерал Скоблин сообщил Гейдриху о якобы существующем заговоре руководителей Красной Армии и Генерального штаба Германии. Сотрудник Гейдриха Янке посчитал это сообщение «фальшивкой НКВД», за что был арестован. Незадолго до рождения 1936 г. Гейдрих доложил Гитлеру и Гимmlеру о своем намерении сфабриковать документы для разоблачения этого заговора. Однако Канарис отказался передать ему документы о секретном германо-советском сотрудничестве.

Тогда Гейдрих совместно с штабс-артенфюрером СС Беренсом организовал похищение из ведомства Канариса необходимых материалов и в апреле 1937 г. начал работу по составлению досье, к которой были привлечены специалист по фальшивкам из СС и четверо бывших агентов ГПУ. В досье вошли автографы Тухачевского, его гостиничные счета и другие документы. В середине мая досье было передано Советскому Союзу, о чем Канарис узнал лишь в июле, когда Гейдрих сказал ему, что «идея исходила от самого фюрера. Верхушку русских вооруженных сил следовало децимировать»⁶².

Большую роль в проведении этой акции сыграл генерал Скоблин, который, как известно, был агентом-двойником: работал и на германскую разведку и на НКВД. Ряд историков утверждает, что он действовал по инструкциям самого Сталина. Конквест добавляет о расстреле Шмидта после получения досье — в его показаниях больше не нуждались⁶³. Досье до сих пор не опубликовано, но возможно, что оно находилось в центре внимания на июньском заседании в Наркомате обороны СССР. Быстрота проведения арестов после смерти Шмидта позволяет предположить, что случилось какое-то событие, устранившее прежнюю нерешительность Сталина и позволившее его сторонникам, особенно Ворошилову, преодолеть сопротивление ряда военных деятелей, имевшее место в сентябре 1936 и феврале 1937 года.

⁵⁸ Moravec D. Op. cit., pp. 105–110.

⁵⁹ Цит. по: Erickson J. Op. cit., p. 457.

⁶⁰ Spalke K. Der Fall Tuchatschewski.

⁶¹ Höhne H. Op. cit., pp. 248–249; The Schellenburg Memoirs. Lnd. 1956, pp. 46–49; Erickson J. Op. cit., pp. 433–436; Conquest R. Op. cit., pp. 219–220; Anon. Zum Fall Tuchatschewski.—Gegenwart, 13. 1978, № 305; Puttkamer J. von. Von Stalingrad zur Volkspolizei. Wiesbaden. 1961, S. 105–106.

⁶² Puttkamer J. Op. cit., p. 106.

⁶³ См. Conquest R. Op. cit., pp. 219–220.

Еще один факт нуждается в комментарии. Если первая волна слухов в январе 1936 г. о германо-советском сближении не соответствовала действительности и, по мнению англичан, являлась частью германской политики с целью оказать давление на Англию, то вторая волна приходится на время после устранения Ягоды в сентябре 1936 г., а третья — на период, когда досье и окончательный план акции против руководства Красной Армии находились уже в процессе подготовки с апреля 1937 года.

Интенсивность и устойчивость слухов дают основание предполагать, что они не возникли сами по себе. Американский посол в Осло Э. Дж. Дрекслер Бидл IV 5 февраля 1937 г. сообщал о поступлении этих слухов от английских, финских, польских и германских высших кругов⁶⁴. Однако наличие английского источника маловероятно, так как в конце 1936 г. министерство иностранных дел Англии опровергло подобные слухи как злонамеренные германские измышления, ввиду авторитетного сообщения виконта Чилстона⁶⁵, разосланного циркулярно в английские миссии за рубежом. У финнов, как и у их соседей в Прибалтике, должно было вызвать беспокойство, что Советы могли использовать Таллинн и Ригу в качестве пунктов для распространения «дезинформации». Польша, обеспокоенная возможным германо-советским сотрудничеством, считала целесообразным повторять любые слухи, чтобы увидеть, какого рода опровержения последуют на них⁶⁶.

Требуется объяснения заинтересованность Германии в распространении подобных слухов. В конце декабря 1936 г. глава советской торговой миссии в Берлине Д. Канделаки якобы передал по поручению Сталина его тайное обращение к руководству Германии. 29 января 1937 г. Канделаки встретился с министром экономики Шахтом и вручил ему декларацию «от имени Сталина и Молотова» с предложением начать переговоры об улучшении германо-советских отношений⁶⁷. Шахт сообщил об этом министру иностранных дел, который после встречи с Гитлером заявил об отказе вести какие-либо переговоры в данный момент. Нейрат сказал: «Если делам суждено развиваться к установлению абсолютного деспотизма, опирающегося на военных, то в этом случае мы, конечно, не должны упустить нужный момент, чтобы снова занять сторонников в России»⁶⁸. Это высказывание совпадает с тем, что сказал ранее Мазны Траутмансдорфу. Но до сих пор неизвестно, состоялась ли новая встреча Шахта с Канделаки и каким образом до последнего были доведены сведения об отсутствии интереса со стороны Германии к высказанному предложению. Не ясна и причина отклонения Гитлером предложения Канделаки. Возможно, Гитлер питал надежды на использование антикоминтерновской кампании с целью получить молчаливое согласие Англии на претворение в жизнь своих планов экспансии в Восточной Европе⁶⁹.

Совпадение ответов Нейрата и Траутмансдорфа вводит в искушение поверить в получение германскими разведывательными органами сведений о заговоре в Красной Армии с целью свержения Сталина, но сделать это трудно, так как советские источники свидетельствуют о протестах

⁶⁴ FRUS. 1937. Vol. I, pp. 41, 46.

⁶⁵ PRO, FO, 374/24347, № 5715/187, 38, депеша Чилстона в Форио оффис, 16 ноября 1936 г.

⁶⁶ В августе 1936 г. Геринг подбросил полякам через заместителя польского министра иностранных дел графа Шембека версию, что Тухачевский, возвращаясь с похорон английского короля Георга V, изменил программу своей поездки, чтобы встретиться с Гитлером и высшими чинами рейхсвера (S z e m b e k J. Journal Politique, 10.VIII.1936).

⁶⁷ Меморандум от 6 февраля 1937 г. (DGFP, Ser. C. Vol. 6, № 187).

⁶⁸ Ibid., № 195.

⁶⁹ 25 ноября 1936 г. Германия и Япония подписали «Антикоминтерновский пакт». — *Ред.*

Тухачевского, Якира, Гамарника и других представителей советского военного командования, которые знали о действиях НКВД против их ближайших сотрудников. Возможно, что Нейрат и Гитлер также поверили дезинформации, подготовленной Гейдрихом⁷¹.

Как бы ни развивались события на деле, чехословацкий источник свидетельствует о повторении в начале апреля сообщений о германо-советских контактах, что побудило посла Польши в Германии Ю. Липского обратиться за разъяснениями к Нейрату, а итальянского посла в Советском Союзе Россо — к Шуленбургу. Об этом также сообщали послы разных стран в СССР: Павлу (Чехословакия), Славик (Польша) и Ш. Оуский (Франция)⁷². Эти донесения совпадали с действиями Геринга, который 7 апреля встретился в Берлине с Мастным⁷³. Содержание их беседы никому не известно, но Мастный немедленно выехал в Прагу, где 17 апреля был принят Бенешем. Президент Чехословакии направил сразу же главу чехословацкой тайной полиции К. Новака в Берлин, где тот встретился с ведущей фигурой в СД Мюллером. Бенеш, получив информацию от Мастного, в период с 22 апреля по 7 мая имел четыре встречи с послом СССР. В них принял участие в Крофта. На первой встрече Александровский отверг сообщения чехословацкой стороны как абсурдные, но показанное ему досье поколебало его позиции. Видимо, это сыграло какую-то роль в том, что запрос МИДу Великобритании о выдаче визы Тухачевскому для поездки на коронацию Георга VI был отменен 4 мая. В качестве причины была названа болезнь Тухачевского.

10 мая Бенеш в частном письме предупредил Л. Блюма о необходимости проявлять предельную осторожность в отношениях с советским Генеральным штабом из-за подозрительных контактов между ним и Генеральным штабом Германии. Это позволяет сделать вывод, что одной из целей интриги являлся срыв усилий Тухачевского сохранить военное соглашение с Германией в ущерб франко-советскому договору 1935 года. Это предположение основано на изучении таких свидетельств или штрихов, которые подтверждают наличие конфликта между Сталиным и руководством Красной Армии и исходят главным образом от советских военных историков, использовавших доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 г. «О культе личности и его последствиях». Возможно, военные руководители действительно выступали против Ягоды и процессов 1936 г., а также смелые и решительные люди, как Якир, пытались помешать Ежову продолжить дело Ягоды и предпринимали меры по спасению тех, кто был арестован органами НКВД. Возможно также, что руководители Красной Армии действительно были против действий аналогичных органов в Испании.

Всего этого было достаточно для возникновения подозрений у Сталина. Щпальке утверждает, что стремление Тухачевского сохранить военные связи с Германией в ущерб франко-советскому договору расходилось с надеждами Сталина вызвать войну между Германией и западными странами, а также с его опасениями оказаться жертвой подобной же интриги с их стороны. Высказывания Сталина об «изменических отношениях» Тухачевского с «международным фашизмом» были направлены не против Германии и Италии, а против Англии и Франции. Поэтому «дипломатия» Тухачевского была прямой угрозой политике Сталина и в

⁷¹ Пфафф ссылается на чехословацкого историка В. Крала, который приписывает эту интригу бюро И. Риббентропа как составную часть его кампании против Нейрата (Kral V. Spoejectvi ceskoslovensko-sovetske v evropske politice, 1935–1939. Praha 1970, s. 208. Однако участие в этом создателя «Антикоминтерновского пакта» Риббентропа, враждовавшего с Нейратом и министром юстиции Г. Франком, маловероятно. Участие же руководителя СД Гейдриха возможно.

⁷² Донесения от 7 и 8 апреля 1937 года. Цит. по: Pfaff J. Op. cit. (у Пфаффа ссылка на архив Министерства иностранных дел Чехословакии).

⁷³ Следующие два абзаца написаны на основе статьи Пфаффа.

конечном счете его личной безопасности. Поскольку не удалось, видимо, ни убедить Тухачевского прекратить эти попытки, ни устранить его одного, было решено искоренить все советское высшее командование, за исключением сторонников Сталина — Ворошилова и Буденного — и др.

Материал, которым СД и Бенеш снабдили Сталина, позволил преодолеть сопротивление руководителей Красной Армии и обеспечил правомерность его действий в глазах его сторонников в партии. Этому Сталин, учитывая принятие новой Конституции СССР, придавал большое значение. Те, кто пережил репрессии, отмечали стремление Сталина соблюсти внешнюю законность, чему способствовало досье, сфабрикованное Гейдрихом и переданное чехам Мاستным, а Александровскому — Бенешем. В протоколе заседания ближайшего окружения Сталина от 24 мая 1937 г. упоминается письмо Бенеша Сталину от 8 мая⁷⁴. Это позволяет сделать предположение об использовании досье на судебном заседании 8 июня⁷⁵. В результате Сталин получил возможность лишить подсудимых какой-либо поддержки в руководстве.

Использованные здесь дипломатические документы и другие западные источники должны рассматриваться совокупно с советскими источниками, чтобы показать, во-первых, что выполнение задачи подчинения и разрушения руководства Красной Армии давалось нелегко; что элементы заговора, которые привели Гейдриха и Ежова к столь необычному сотрудничеству, неподдельны; что действия НКВД против руководства Красной Армии были долгим и трудным процессом, в ходе которого встретилось много неудач, а первоначальные срывы, возможно, стояли Ягоде жизни; что в конечном счете к этому добавилось то, что, вполне возможно, начиналось как немецкие попытки посеять недоверие между участниками франко-советско-чехословацкого пакта, который сдерживал экспансионистские планы Гитлера в Восточной Европе, а в результате советская военная мощь была устранена как существенный элемент в расчетах крупнейших европейских держав, вплоть до лета 1939 г., не в последнюю очередь и в собственном военном планировании Гитлера, которое, начиная с военных приказов лета 1937 г., не обнаруживает никаких признаков того, что советская военная мощь рассматривалась всерьез.

Больше всего это показывает чрезвычайную уязвимость, незащищенность и легковерие того деятеля межвоенной европейской политики, который представлялся воображению своих поклонников намного крупнее и героичнее, чем это оправдывалось реальностью, — Эдуарда Бенеша. В то время когда реакция англичан и французов на слухи зимы 1936—1937 гг. характеризуется той или иной степенью недоверия, Бенеша они повергали в панику. Вплоть до своего смертного часа он верил в подлинность подслушанных ему документов, несмотря на все более обидные аргументы его собственных дипломатов и военных. Послать свою полицию за подтверждением от гестапо достоверности материала, там же и сработанного, было актом умопомрачительной наивности. Он получил по заслугам в 1938 г., когда сторонники великой коалиции Англии и Франции с Советским Союзом во имя сдерживания Гитлера были категорически отвергнуты английским и французским руководством. Сталин, в свою очередь, также получил свое в июне 1941 г., когда деморализованная армия, ведомая такими персонажами, как Буденный и Мехлис, познала мощь рейхсвера. Лишь обширным ресурсам пространства и людской силы, героическому сопротивлению советских народов и, вполне возможно, полному краху замысла немцев использовать первоначальные проявления враждебности этих народов к Советскому государству и руководству суждено было спасти Советский Союз от судьбы Польши, Норвегии, Нидерландов, Франции, Югославии и Греции.

⁷⁴ Воспроизведено у Ифаффа (Op. cit.).

⁷⁵ Заседание Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР состоялось 11 июня 1937 года. — Ред.

ХУННЫ В АЗИИ И ЕВРОПЕ

Л. Н. Гумилев

П р е а м б у л а. Посредствующим звеном между гуманитарным источниковедением и исторической географией является учение об этногенезе: возникновении и исчезновении этносов, процессах, протекающих в тех или иных пространственных регионах в определенные отрезки исторического времени, т. е. времени, исчисляемого событиями, находящимися в причинно-следственной связи.

Историко-географический подход позволяет дать объяснение тем событиям, которые ранее не поддавались интерпретации и часто оставались без того внимания, которого они заслуживали. Такова судьба этноса «хун», существовавшего с III в. до н. э. по X в. и оставившего после себя разнообразные реликты в составе тюрко-монгольских этносов.

Выбор сюжета не случаен. Закономерность взаимодействия этноса и ландшафта особенно наглядна в экстремальных условиях, так же как и столкновения этносов с разнообразными типами культуры и хозяйства. Центр тяжести нашего исследования лежит в выявлении связи между развитием хуннской кочевой державы и резкими климатическими колебаниями, и прежде всего великой засухой III в., превратившей на время цветущую степь в полупустыню¹. Цель работы и вывод ее таков: предки тюркских этносов — хунны были посетителями полноценной оригинальной культуры, союзниками древних славян — антов, стремление принизить их неправомерно.

В е л и к а я с т е п ь. Посредине евразийского континента, от Уссури до Дуная, тянется Великая степь, окаймленная с севера сибирской тайгой, а с юга — горными хребтами. Эта географическая зона делится на две части, не похожие друг на друга. Восточная называется Внутренней Азией; в ней расположены Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан. От Сибири ее отделяют хребты Саянский, Хамар-Дабан и Яблоновый, от Тибета — Куньлунь и Наньшань, от Китая — Великая стена, проведенная между сухой степью и субтропиками северного Китая, а от западной части — горный Алтай, Тарбагатай, Саур и западный Тяньшань. Западная часть Великой степи включает не только нынешний Казахстан, но степи Причерноморья и даже — в отдельные периоды истории — венгерскую пушту.

ГУМИЛЕВ Лев Николаевич — доктор исторических наук, профессор Ленинградского университета.

¹ Статья покоится на фундаменте из моих монографий «Хунны» (М. 1960); «Хунны в Китае» (М. 1974); «Древние тюрки» (М. 1967) и 14 статей под общим подзаголовком «Ландшафт и этнос» (Вестник Ленинградского университета, серия географии и геологии, 1964—1973). Экстрактом этой серии является статья «История колебаний уровней Каспия за 2000 лет (с IV в. до н. э. по XIV в. н. э.)». В кн.: «Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене» (М. 1980).

С точки зрения географии XIX в. эта степь — продолжение восточной степи, но на самом деле это не так, ибо при этом не учитывается характер движения воздушных масс², атмосферные токи, несущие дождевые или снежные тучи. Циклоны с Атлантики доносят влагу до горного барьера, отделяющего восточную степь от западной. Над Монголией висит огромный антициклон, не пропускающий влажных западных ветров. Он прозрачен, и через него легко проходят солнечные лучи, раскаляющие поверхность земли. Поэтому зимой здесь выпадает мало снега и травоядные животные могут разгребать его и добывать корм — сухую калорийную траву. Весной раскаленная почва размывает нижние слои воздуха, благодаря чему в зазор вторгается влажный воздух из Сибири, а на юге — тихоокеанские муссоны. Этой влаги достаточно, чтобы степь зазеленела и обеспечила копытных кормом на весь год. А там, где сыт скот, процветают и люди. Именно в восточной степи создавались могучие державы хуннов, тюрков, уйгуров и монголов.

А на западе степи снежный покров превышает 30 см и, хуже того, во время оттепелей образует очень прочный наст. В результате скот гибнет от бескормицы. Поэтому скотоводы вынуждены на лето, обычно сухое, гонять скот на горные пастбища — джейляу, что делает молодежь, а старики заготавливают на зиму сено. Даже половцы имели свои постоянные зимовки, т. е. оседлые поселения, и потому находились в зависимости от русских князей, ибо, лишённые свободы передвижения по степям, они не могли уклоняться от ударов регулярных войск. Вот почему в западной части Великой степи сложился иной быт и иное общественное устройство, нежели в восточной³.

Циклоны и муссоны иногда смещают свое направление и текут не по степи, а по лесной зоне континента, а иногда даже по полярной, т. е. по тундре. Тогда узкая полоса каменистой пустыни Гоби и пустыня Бет-Пак-дала расширяются и оттесняют флору, а следовательно, и фауну на север, к Сибири, и на юг, к Китаю. Вслед за животными уходят и люди «в поисках воды и травы»⁴, и этнические контакты из плодотворных становятся трагичными. За последние две тысячи лет вековая засуха постигала Великую степь трижды: во II—III вв., в X в. и XVI в., и каждый раз степь пустела, а люди либо рассеивались, либо погибали. Но как только циклоны и муссоны возвращались на привычные пути, трава одевала раскаленную почву, животные кормились ею, а люди обретали снова привычный быт и изобилие.

Грандиозные стихийные бедствия не влияли ни на социальное развитие, ни на культуру, ни на этногенез. Они воздействовали только на хозяйство, а через него — на уровень мощи кочевых держав, ибо те слабели в экономическом и военном отношении, но восстанавливались, как только условия жизни приближались к оптимальным. Но это не означает, что в Великой степи не было никаких государственных перемен. Народы там развивались не менее бурно, чем в земледельческих районах Запада и Востока. Социальные сдвиги были, хоть и не похожие на европейские, но не менее значительные, а этногенез шел по той же схеме, как и во всем мире. Кочевники Великой степи играли в истории и культуре человечества не меньшую роль, чем европейцы и китайцы, египтяне и персы, ацтеки и инки. Только роль их была особой, оригинальной, как, впрочем, у каждого этноса.

² Гумилев Л. Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. — История СССР, 1967, № 1.

³ Гумилев Л. Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период. В кн.: Чтения памяти академика Л. С. Берга. Вып. VIII—XI. Л., 1968.

⁴ Грумм-Гржимайло Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период. — Известия Всесоюзного географического общества (ВГО), 1933, т. XV, вып. 5.

Монголия до хуннов. Нет ни одной страны, где бы со времен палеолита не сменилось несколько раз население. И Монголия — не исключение. Во время ледникового периода она была страной озер, окаймленных густыми зарослями и окруженных цветущей степью. Горные ледники Хамар-Дабана и восточных Саян давали столь много воды, что на склонах Хэнтэя и монгольского Алтая росли густые леса. Кое-где они сохранились поныне, пережив несколько периодов жестоких усыханий степной зоны евразийского континента, погубивших озера и придавших монгольской природе ее современный облик.

Тогда среди озер и лесов, в степи паслись стада мамонтов и копытных, дававших пищу хищникам, среди которых первое место занимали люди верхнего палеолита. Они оставили потомкам схематические изображения животных на стенах пещер и утесов. Великая степь, простиравшаяся от реки Хуанхэ почти до берегов Ледовитого океана, была населена самыми различными племенами. Здесь охотились на мамонтов высокорослые европеоидные кроманьонцы, широколицые, узкоглазые монголоиды Дальнего Востока и даже американоиды, видимо, пересекавшие Берингов пролив и доходившие до Минусинской котловины⁵.

Так было в течение тех десяти тысячелетий, пока ледник перегораживал дорогу Гольфстриму и теплым циклонам с Атлантики. Пока он наращивал свой западный край, передвигался от Таймыра (18 тыс. лет до н. э.) в Фенноскандию (12 тыс. лет до н. э.), откуда сполз в Северное море и растаял, его восточный край таял под лучами солнца, пропускаемыми антициклоном. С тающего ледника стекали ручьи, которые орошали степи, примыкавшие к леднику, наполняли впадины, превращая их в озера, и создавали тот благодатный климат, в котором расцветала культура верхнего палеолита.

Но как только ледник растаял и циклоны прорвались на восток по ложбине низкого давления, пошли дожди и снегопады, а от избытка влаги выросли леса, отделившие северную степь — тундру, от южной — пустыни. Мамонты и быки не могли добывать корм из-под трехметрового слоя снега, и на месте степи появилась тайга. А на юге высохли озера, погибли травы, и каменистая пустыня Гоби разделила Монголию на внешнюю и внутреннюю. Но в I тыс. до н. э. эта пустыня была еще не широка и проходима даже при тех несовершенных способах передвижения: на телегах, запряженных волами, где колеса заменяли катки из стволов лиственницы, просверленные для установки осей.

Накануне исторического периода — во II тыс. до н. э. — племена, жившие севернее Гоби, уже перешли от неолита к бронзовому веку. Они создали несколько очагов разнообразных культур, существовавших одновременно и, очевидно, взаимодействовавших друг с другом. Оказалось, что в Минусинской котловине археологические культуры не следуют одна за другой, эволюционно сменяя друг друга, а сосуществуют⁶.

Согласно тем же датировкам, переселение предков хуннов с южной окраины Гоби на северную совершилось не в XII в., а в X в. до н. э. и тем самым связывается с образованием империи Чжоу, породившей античный Китай и впоследствии знаменитую ханьскую агрессию. А эти грандиозные события, в свою очередь, сопоставимы с началом скифского этногенеза, последующие фазы которого описаны Геродотом⁷. Итак,

⁵ А. Каримуллин доказал, что очень много дакотских и тюркских слов совпадает по звучанию и смыслу. Если в Америке нет следов древнего пребывания азиатских монголоидов, то американоидные черты встречаются в скелетах Сибири III—II тыс. до н. э. Следовательно, не тюрки проникали в Америку, а индейцы — в Сибирь (см. Вопросы географии США. Л. Доклады Географического общества СССР, 1976, с. 123—126).

⁶ Руденко С. И. Культуры бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки. — Доклады Географического общества СССР, 1968, вып. 5.

⁷ Геродот. История в девяти книгах. Т. 1. М. 1888, с. 11.

рубеж доисторических периодов и исторических эпох падает на X в. до н. э.

Ныне в распоряжении ученых, кроме радиоуглеродных дат, появились имена народов, ранее называвшихся условно, по местам археологических находок или по искаженным чтениям древнекитайских иероглифов, которые в I в. до н. э. произносились не так, как сейчас. И оказалось, что вместо «пазырыкцы» следует говорить «юечжи», а затем было доказано, что эти знаки произносились «согдой», то есть согды. Тагарцы обрели свое историческое имя — данлины, сюнну — хунны, тоба — табачи, сяньби — сибирь, ту-кю — тюркюты. Только слово «кидань» пришлось сохранить, ибо его правильное звучание «китай» перешло на «жителей Срединной равнины», которых по ошибке стали называть китайцами.

Но, несмотря на все успехи науки, связанная история народов Великой степи может быть изложена начиная с III в. до н. э., когда племена Монголии были объединены хуннами, а полулегендарные скифы Причерноморья сменены сарматами. Тогда же возникла могучая держава Средней Азии — Парфия и был объединен Китай. С этого времени можно осмыслить этническую историю Евразийской степи.

Но для того чтобы последующий исторический анализ и этнологический синтез были успешны, напомним еще раз, что необходимо вести повествование на заданном уровне. Это означает, что там, где требуется широта взгляда, например, для уяснения судьбы этноса или суперэтноса (системы из нескольких этносов), мелкие отличия не имеют значения. Выбор определяется поставленной задачей. Нам нужно охватить промежуток в 1500 лет, Великую степь и сопредельные страны — последние для самоконтроля и пополнения информации.

Хунну и фаза подъема кочевого мира. Нет, не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка. Все этносы имеют двух и более предков, как все люди имеют отца и мать. Этнические субстраты — компоненты возникающего этноса в момент флуктуации энергии живого вещества биосферы сливаются и образуют единую систему — новый, оригинальный этнос, обретающий в этом слиянии целостность, создающую свою, опять-таки оригинальную культуру. Момент рождения этноса хунну связан с переходом племен хяньюнь и хунюй с южной окраины пустыни Гоби на северную и слиянием их с аборигенами, имевшими уже развитую и богатую культуру. Имя этноса, создавшего культуру плиточных могил⁸, украшенных изображениями оленей, солнечного диска и оружия, не сохранилось, но нет сомнения в том, что этот этнос наряду с переселенцами с юга был компонентом этноса хунну, или хуннов, относящегося к палеосибирскому типу монголоидной расы⁹.

В IV в. до н. э. хунны образовали мощную державу — племенной союз 24 родов, возглавляемый пожизненным президентом (шаньюем) и иерархией племенных князей «правых» (западных) и «левых» (восточных). Новый этнос всегда богаче и мощнее, нежели старые, составившие его: хуннам предстояло великое будущее.

Не только хунны, но и их соседи оказались в ареале толчка IV—III вв. до н. э., на этот раз вытянутого по широте от Маньчжурии до Согдианы. Восточные кочевники, предки сяньбийцев (древних монголов), подчинили себе хуннов, а согдийцы (юечжи), продвинувшись с запада, из Средней Азии до Ордоса, обложили хуннов данью. На юге «Срединная равнина» была объединена Цин Ии-хуаном, который вытеснил хуннов из Ордоса в 214 г. до н. э., живя их восточных и

⁸ Сосновский Г. П. Ранние кочевники Забайкалья. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры, 1940, т. VIII; его же. Плиточные могилы Забайкалья. — Труды отдела истории первобытной культуры Эрмитажа, 1941, т. 1.

⁹ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. — М.—Л. 1948, с. 121.

охотничьих угодий на склонах хребта Инь-шань и на берегах Хуанхэ. А хуннский шаньюй Тумань готов был на все уступки соседям, лишь бы они не мешали ему избавиться от старшего сына Модэ и передать престол младшему сыну.

Тумань и его сподвижники были людьми старого склада, степными обывателями. Но среди молодых хуннов уже появилось пассионарное поколение, энергичное, предприимчивое и патриотичное. Одним из таких новых людей и был Модэ. Отец отдал его в заложники согдийцам и произвел на них набег, чтобы они убили его сына. Но Модэ похитил у врагов коня и бежал к своим. Под давлением общественного мнения Тумань был вынужден дать ему отряд в 10 тыс. семей. Модэ установил в своей армии крепкую дисциплину и произвел переворот, в ходе которого погибли Тумань, его жена и младший сын (209 г. до н. э.). Модэ, получив престол, разгромил восточных соседей, которых китайцы называли «дун-ху», отвоевал у китайцев Ордос, оттеснил согдийцев на запад и покорил саянских динлинов и кыпчаков. Так создавалась могучая держава Хунну, население которой достигло 300 тыс. человек¹⁰.

Тем временем в Китае продолжалась гражданская война, которая унесла 2/3 населения, пока крестьянский вождь Лю Бан не покончил со всеми соперниками и не провозгласил начало империи Хань в 202 г. до н. э.

Население и военные силы Китая, даже после потерь в гражданской войне, превосходили силы хуннов. Однако в 200 г. до н. э. Модэ победил Лю Бана и заставил его заключить «договор мира и родства»: китайский двор выдавал за варварского князя царевну и ежегодно посылал ему подарки, т. е. замаскированную дань.

Но не только венценосцы, а и все хуннские воины стремились иметь шелковые халаты для своих жен, просо для печенья, рис и другие китайские лакомства. Система постоянных набегов не оправдывала себя, гораздо легче было наладить пограничную меновую торговлю, от которой выигрывали и хунны, и китайское население. Но при этом проигрывало ханьское правительство, так как доходы от внешней торговли не попадали в казну. Поэтому империя Хань запретила прямой обмен на границе. В ответ на это хуннские шаньюи, преемники Модэ, ответили набегами и потребовали продажи им китайских товаров по демпинговым ценам. Ведь всех богатств Великой степи не хватило бы для эквивалентного обмена на ханьских таможенных, так как необходимость получать доход на оплату гражданских и военных чиновников требовала повышения цен.

В аналогичном положении оказались кочевые тибетцы области Амдо¹¹. До гражданской войны западную границу империи Хань охраняли недавние победители — горцы западного Шэньси. Но поражения от повстанцев унесли большую часть некогда непобедимого войска. Мало помогла обороне и Великая Китайская стена. Для того, чтобы расставить по всем ее башням достаточные гарнизоны и снабжать их провиантом, не хватило бы ни людей, ни продуктов всего Китая. Поэтому ханьское правительство перешло к маневренной войне в степи, совершая набег на хуннские кочевья, еще более губительные, чем те, которые переносили китайские крестьяне от хуннов и тибетцев.

Почему так? Ведь во II—I вв. до н. э. в Китае бурно шли процессы восстановления хозяйства, культуры, народонаселения. К рубежу н. э.

¹⁰ Расчет прост: 60 тыс. всадников — 20% всего населения (см. Haloun G. Zur Uetsi-Frage.— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1937, S. 306).

¹¹ Г р у м м - Г р ж и м а й л о Г. Е. Материалы по этнологии Амдо и области Кукунора.— Известия Русского географического общества (РГО). 1903, т. XXXIX, вып. 5; его же. Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми?— Журнал Министерства народного просвещения, 1903.

численность китайцев достигла почти 59,6 млн. человек¹². А хуннов по-прежнему было около 300 тыс., и, казалось, силы хунну и империи Хань несоизмеримы. Так думали правители Китая и их советники. Однако сравнительная сила держав древности измеряется не только числом жителей, но и фазой этногенеза или возрастом этноса. Китай переживал инерционную фазу (преобладание трудолюбивого, но отнюдь не предприимчивого обывателя), ибо процесс этногенеза в Китае начался еще в IX в. до н. э. Поэтому армию там вынуждены были комплектовать из преступников («молодых негодяев») и пограничных племен, для коих Китай был угнетателем. И хотя у Китая были прекрасные полководцы, боеспособность армии была невелика.

Хунны же находились в фазе этнического становления и пассионарного подъема. Понятия «войско» и «народ» у них совпадали. Поэтому с 202 до 57 г. до н. э., несмотря на малочисленность, хунны сдерживали ханьскую агрессию. И только ловкость китайских дипломатов, сумевших поднять против хунну окрестные племена и вызвать в среде самих хуннов междоусобную войну, позволила империи Хань счесть хуннов покоренными и включенными в состав империи.

Рост пассионарного напряжения в этнической системе благотворен для нее лишь до определенной степени. После фазы подъема наступает «перегрев», когда избыточная энергия разрывает этническую систему. Наглядно это выражается в междоусобных войнах и расколе на два-три самостоятельных этноса. Раскол — процесс затяжной. У хуннов он начался в середине I в. до н. э. и закончился к середине II века. Вместе с единством этноса была утрачена значительная часть его культуры и даже исконная территория — монгольская степь, захваченная во II в. сяньбийцами (древними монголами), а потом табгачами и жузжаниями.

И тогда хунны разделились на четыре ветви. Одна подчинилась сяньбийцам, вторая поддалась Китаю, третья, «неукротимые», отступила с боями на берега Яика и Волги, четвертая, «малосильные», укрепились в горах Тарбагатая и Саура, а потом захватила Семиречье и Джунгарию. Эти последние оказались наиболее долговечными. Они частью смешались на Алтае с кыпчаками и образовали этнос куманов (половцев), а частью вернулись в Китай и основали там несколько царств, доживших до X в. (вернувшиеся назывались «тюрки-шато», а их потомки — онгуты — слились с монголами в XIII веке).

Акматическая фаза этногенеза, или пассионарный перегрев этно-социальной системы, иногда служит спасению этноса в критической ситуации, а иногда ведет его к крушению, потому что консолидация всех сил для решения внешних задач легко осуществима.

Пассионарное напряжение разорвало хуннский этнос на две части. На юг, к Великой Китайской стене, ушли поборники родового строя, наиболее консервативная часть хуннского общества. Ханьское правительство охотно предоставило им возможность поселиться в Ордосе и на склонах Иньшаня, так как использовало их в качестве союзных войск против северных хуннов. Поскольку китайцы не вмешивались в быт хуннов, те хранили родовой строй и старые обычаи. Но это не устраивало энергичных молодых людей, особенно дальних родственников, которые не могут выдвинуться, так как все высшие должности даются по родовому старшинству. Пассионарным удалцам нечего было делать в Южном Хунну, и они едут на север в поисках степных просторов и военной добычи.

Северные хунны после поражения закрепились на рубеже Тарбагатая, Саура и джунгарского Алатау и продолжали войну с переменным успехом

¹² Захаров И. Историческое обозрение народонаселения Китая. В кн.: Труды членов русской духовной миссии в Пекине. Т. 1. СПб. 1852 (цифры нельзя воспринимать буквально, но соотношения их выдержаны, по-видимому, правильно).

до 155 года. Окончательный удар был нанесен им сяньбийским вождем Таншихаем, после чего хунны разделились снова: 200 тыс. «малосильных»¹³ попрятались в горных лесах и ущельях Тарбагатай и бассейна Черного Иртыша, где пересидели опасность и впоследствии завоевали Семиречье. В конце III в. они образовали там новую хуннскую державу — Юебань. А «неукротимые» хунны отступили на запад и к 158 г. достигли Волги и нижнего Дона. О прибытии их сообщил античный географ Дионисий Периегет, а потом о них забыли на 200 лет.

Выше было указано, что хуннов в I в. до н. э. было 300 тыс. человек. Прирост их численности за I—II вв. был очень небольшой, так как они все время воевали. Правда, добавились эмигранты — кулы, особенно при Ван Мане и экзекуциях, последовавших за его низвержением. В III в. в Китае насчитывалось 30 тыс. семей, т. е. около 150 тыс. хуннов, а «малосильных» в Средней Азии было около 200 тысяч. Так сколько же могло уйти на запад? В лучшем случае 20—30 тыс. воинов, без жен, детей и стариков, не способных вынести отступление по чужой стране, без передышек, ибо сяньбийцы преследовали хуннов и убивали отставших.

Этот отход затянулся на два с лишним года, пока хунны не оторвались от преследователей и не нашли покоя в Волго-Уральском междуречье. За это время было пройдено по прямой 2600 км, а если учесть неизбежные зигзаги, то вдвое больше. Нормальная перекочевка на телегах, запряженных волами, за этот срок на столь огромное расстояние не могла быть осуществлена. К тому же приходилось вести аррьергардные бои, где и погибли семьи уцелевших воинов. И уж, конечно, мертвых не хоронили, так как на пути следования хуннов «остатков палеосибирского типа почти нигде найдено не было, за исключением Алтая»¹⁴. На запад в 155—158 гг. ушли только наиболее крепкие и пассионарные вояки. Это был процесс отбора, проведенный в экстремальных условиях, по психологическому складу, с учетом свободы выбора своей судьбы. Он-то и повел к расколу хуннского этноса на четыре ветви.

Во II в. миграций в Восточную Европу было две: готы — около 155 г. из «острова Скандзы» перебрались в устье Вислы¹⁵, после чего дошли до Черного моря¹⁶, и хунны — из Центральной Азии в 155—158 гг.¹⁷ достигли берегов Волги, где вошли в соприкосновение с аланами. Ситуация в степях Прикаспия и Причерноморья изменилась радикально и надолго. Но если история готов, граничивших с Римской империей, является относительно известной, то история хуннов с 158 г. по 350 г. совершенно неведома. Можно лишь констатировать, что за 200 лет они изменились настолько, что стали новым этносом, который принято называть «гуны»¹⁸.

Согласно принятому нами постулату — дискретности этнической истории — мы должны, даже при размытости начальной даты считать середину II в. за исходный момент этнической истории региона. Общий исход событий легко восстановить методом интерполяции, что уже в значительной части сделано. И хотя гуны находятся в центре нашего внимания, начнем анализ с их окружения: готов, римлян и ранних христиан, в IV в. создавших Византию.

¹³ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х тт. Т. II. М.—Л. 1950, с. 258—259.

¹⁴ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.—Л. 1948, с. 123.

¹⁵ Иордан И. О происхождении и деяниях гетов. М. 1960, с. 195.

¹⁶ Дата появления готов на Черном море (весьма приблизительно) — «время Карагаллы» (211—217 гг.) (Вебер Г. Всеобщая история. Т. IV. М. 1893, с. 449).

¹⁷ Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории хуннов. — Вестник древней истории (ВДИ), 1960, № 4.

¹⁸ Иностранцев К. А. Хунны и гуны. — Труды туркологического семинария, 1926, т. 1, с. 118—119. К. А. Иностранцев предложил применить название «гуны» для европейской ветви хуннов, дабы избежать путаницы.

Римская империя во II в. еще была страной вполне благоустроенной, в III в. уже превратилась в поприще убийств и предательств, в IV в. сменила даже официальную религию и освященную веками культуру. Иначе говоря, в 192—193 гг. здесь произошла смена фаз этногенеза: инерция древнего толчка иссякла и заменилась фазой обскурации. Христианские общины росли, крепились, множились и ветвились. Так бывает лишь тогда, когда пассионарный толчок зачинает новый процесс этногенеза. Хотя попытка христиан гальванизировать Западную Римскую империю не дала положительных результатов, этносы в зоне толчка, в том числе готы, обрели новую энергию и находились в фазе пассионарного подъема. А гунны?..

Загадка и задача. Кто такие гунны и каково их соотношение с азиатскими хунну? Действительно, оба эти народа были по культуре далеки друг от друга, однако К. А. Иностранцев, отождествивший их¹⁹, был прав, за исключением даты перекочевки (не IV, а II в.). Американский историк О. Мэнчен-Хелфен²⁰ сомневался в тождестве хуннов и гуннов напрасно, ибо его возражения (неизвестность языка хуннов и гуннов, невозможность доказать факт перехода с Селенги на Волгу, несходство искусства тех и других) легко опровергаются при подробном и беспристрастном разборе обстановки II—V веков.

Современная наука ставит перед нами уже не эту загадку, а задачу: каким образом могло получиться, что немногочисленный бродячий этнос создал огромную державу, развалившуюся через 90 лет, да так основательно, что от самого этноса осталось только имя? Этнология как самостоятельная наука²¹ в сочетании с традиционной фактографией помогает в поисках решения этой задачи.

Больные вопросы. И тут возникает первое недоумение: в синхроническом разрезе хунны были не более дики, чем европейские варвары, т. е. германцы, кельты, кантабры, лузитаны, иллирийцы, даки, да и значительная часть эллинов, живших в Этолии, Аркадии, Фессалии, Эпире, короче говоря, все кроме афинян, коринфян и римлян. Почему же имя «гунны» (хунны, переселившиеся в Европу) стало синонимом понятия «злые дикари»? Объяснять это просто тенденциозностью нельзя, так как первый автор, описавший гуннов, Аммиан Марцеллин, «солдат и грек»²², был историком добросовестным и осведомленным. Да и незачем ему было выделять гуннов из числа прочих варваров, ведь о хионитах он ничего такого не писал, хотя и воевал с ними в Месопотамии, куда их привели персы как союзников. С другой стороны, китайские историки Сыма Цянь, Бань Гу²³ и др. писали о хуннах с полным уважением и отмечали у них наличие традиций, способности к восприятию чужой культуры, наличие людей с высоким интеллектом. Китайцы ставили хуннов выше, чем сяньбийцев, которых считали примитивными, одновременно признавая за ними большую боеспособность и любовь к независимости от Китая и от хуннов²⁴.

Кто же прав, римляне или китайцы? Не может же быть, что те и другие ошибаются. А может быть, правы те и другие, только вопрос надо поставить по-иному? А была ли у хуннов самостоятельная высокая культура или хотя бы заимствованная?

Первая фаза этногенеза, как правило, не создает оригинального искусства. Перед молодым этносом стоит так много неотложных задач, что силы его находят применение в войне, организации социального строя и

¹⁹ Там же.

²⁰ Maenchen-Helfen O. The Huns and the Hsiung-na.— Byzantion, American Series, III, t. XVII, 1925; e j u s d. The Legend of the Origins of Huns.— Ibid.

²¹ Гумплев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л. 1989.

²² Аммиан Марцеллин. История, Т. III. Киев. 1908, с. 236—243.

²³ См. Бичурин Н. Я. Ук. соч. Т. II, гл. «Хунну».

²⁴ Там же, гл. «Сяньби».

развитии хозяйства. Искусство же обычно заимствуется у соседей или у предков, носителей былой культуры распавшегося этноса. И вот что тут важно. Искренняя симпатия к чужому (ибо своего еще нет) искусству лежит в глубинах народной души, в этнопсихологическом складе, определяющем комплементарность, положительную или отрицательную.

Хунны в эпоху своего величия имели возможности выбора. На востоке находился ханьский Китай, на западе — остатки разбитых скифов (саков) и победоносные сарматы. Кого же надо было полюбить искренне и бескорыстно? Раскопки царского погребения в Ноин-уле, где лежал прах шаньюя Учжулю, скончавшегося в 18 г., показали, что для тела хунны брали китайские и бактрийские ткани, ханьские зеркала, просо и белый рис, а для души — предметы скифского «звериного стиля», несмотря на то, что скифы на западе были истреблены сарматами, а на востоке побеждены и прогнаны на юг: в Иран и Индию.

Итак, погибший этнос скифов, или саков, оставил искусство, которое пережило своих создателей и активно повлияло на своих губителей — юечжей и соседей — хуннов. Шедевры «звериного стиля» уже хорошо описаны²⁵. Нам важнее то, на что раньше не было обращено должного внимания: соотношение мертвого искусства с этнической историей Средней Азии. Хотя искусство хуннов и юечжей (согдов) восходит к одним и тем же образцам, оно отнюдь не идентично. Это свидетельствует о продолжительном самостоятельном развитии. Живая струя единой «андроновской» культуры II тыс. до н. э. разделилась на несколько ручьев и не соединилась никогда. Больше того, когда степь, после засухи VIII—V вв. до н. э. снова стала обильной и многолюдной, хунны и согды вступили в борьбу за пастбища и власть. В 165 г. до н. э. хунны победили, а после того, как они были разбиты сяньбийцами и вынуждены бежать в низовья Волги, в 155 г. н. э. победили там сарматское племя аланов, «истомив их бесконечной войной»²⁶. Тем самым хунны, не подзревая о своей роли в истории, оказались мстителями за скифов, перебитых сарматами в III в. до н. э.

Судьбы древних народов переплетаются столь причудливо, что только предметы искусства (подвиги древних богатырей, кристаллизовавшиеся в камне или металле) дают возможность разобраться в закономерностях этнической истории, но эта последняя позволяет уловить смены традиций, смысл древних сюжетов и эстетические каноны исчезнувших племен. Этнология и история культуры взаимно оплодотворяют друг друга. Итак, хотя хунны не восприняли ни китайской, ни иранской, ни эллино-римской цивилизации, это не значит, что они были к этому неспособны. Просто им больше нравилось искусство скифов. И надо признать, что кочевая культура до III в. с точки зрения сравнительной этнографии ничуть не уступала культурам соседних этносов в степени сложности системы.

Встречи. Перейдя на новое место, хунны не могли не встретиться с аборигенами. Обычно именно встречи и столкновения на этническом уровне привлекали внимание древних историков и фиксировались в их сочинениях. И о приходе хуннов в Прикаспий есть упоминания географа Дионисия Периегета около 160 г. и Птолемея в 175—182 годах. Но этого так мало, что даже возникло сомнение, не вкралась ли в тексты этих авторов ошибка переписчика²⁷. Однако такое сомнение неосновательно, ибо автор VI в. Иордан, ссылаясь на «древние предания», передает версию, проливающую свет на проблему²⁸.

²⁵ Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.—Л. 1962; его же. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н. э.). М. 1961.

²⁶ Иордан. Ук. соч., с. 91.

²⁷ Maenchen-Helfen O. Op. cit., pp. 244—252.

²⁸ Иордан. Ук. соч., с. 90.

Король готы Филимер, при котором готы ко второй половине II в. появились на Висле, привел свой народ в страну Ойум, изобилующую водой. Предполагается, что эта страна располагалась на правом берегу Днепра²⁹. Там Филимер разгневался на каких-то женщин, колдуний, называемых по-готски «галиурунами», и изгнал их в пустыню. Там с ними встретились «нечистые духи», и потомки их образовали племя гуннов. Видимо, так и было. Хунны, спасшиеся от стрел и мечей сяньбийцев, остались почти без женщин. Ведь редкая хунника могла вынести тысячу дней в седле без отдыха. Описанная в легенде метисация — единственное, что могло спасти хуннов от исчезновения. Но эта метисация вместе с новым ландшафтом, климатом, этническим окружением так изменили облик хуннов, что для ясности следует называть их новым именем «гунны», как предложил К. А. Иностранцев.

Такая радикальная перемена в образе жизни и культуре — явление естественное³⁰. Хунну и гунны — пример этнической дивергенции. Последняя — следствие миграции, а на новом месте пришельцы не могут не вступить в контакт с соседями. Но контакты бывают разными.

Аланы, жившие между Нижней Волгой и Доном, встретили хуннов недружелюбно. Однако во II—III вв. хунны, постепенно становящиеся гуннами, были слишком слабы для войн с аланами, потрясавшими даже восточные границы Римской империи. На берегах Дуная их называли «рокс-аланы», т. е. «блестящие» или «сияющие аланы». В низовьях р. Сейхун (Сырдарья) жил оседлый народ хиопиты, которых китайцы называли «хуни» и никогда не смешивали с хуннами. С хиопитами хунны не встречались. Лежавшая между ними суглинистая равнина, с экстрааридным, т. е. сверхзасушливым климатом, была природным барьером, затруднявшим этнические контакты, нежелательные для обеих сторон.

Северными соседями хуннов были финно-угорские и угро-самодийские племена, обитавшие на ландшафтной границе тайги и степи. Их потомки манси и ханты (вогулы и остяки) — реликты некогда могучего этноса Сибир (или Сибир³¹), в средне-греческом произношении — савир. Прямых сведений о хунно-сибирских контактах нет, что само по себе говорит об отсутствии больших войн между ними. Косвенные соображения, наоборот, подсказывают, что отношения савиров и хуннов, а позднее — гуннов, были дружелюбными.

С в о б о д н о е м е с т о. Внутренние области обширного евразийского континента принципиально отличаются от прибрежных характером увлажнения. Западная Европа, по существу, большой полуостров, и омывающие ее моря делают ее климат стабильным. Конечно, и здесь наблюдаются вариации с повышением или понижением уровня увлажнения, но они невелики и значение их для хозяйства народов Западной Европы исчерпывается отдельными эпизодическими засухами или наводнениями. Те и другие быстро компенсируются со временем, но даже в этом случае последствия их отмечаются в хрониках (летописях). Так, в дождливые периоды в них фиксируются ясные дни или месяцы, и наоборот. Особенно важно учитывать смены повышенных увлажнений и атмосферных фронтов. Как установлено, пути циклонов постоянно смещаются с юга на север и обратно. Эти смещения происходят от колебаний солнечной активности и соотношений между полярным, стабильным, и тропическим, подвижным, антициклонами, причем ложбины низкого давления, по которым циклоны и муссоны несут океаническую влагу на континент, создают метеорологические режимы, оптимальные или для леса, или для степи, или для пустыни. И если даже в прибрежных регионах эти смещения заметны, то внутри континента они ведут к изменениям границ

²⁹ Там же, с. 115.

³⁰ См. Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории хуннов, с. 120—125.

³¹ Артамонов М. И. История хазар. Л. 1962, с. 103—113.

между климатическими поясами и зонами растительности. Последние же определяют распространение животных и пародов, хозяйство коих всегда связано тесно с окружающей средой.

Смены зон повышенного увлажнения наглядно выявляются при изучении уровней Каспия, получающего 81% влаги через Волгу, из лесной зоны, и Арала, которые питают реки степной зоны. Уровни эти смещаются гетерохронно, т. е. при трансгрессии Каспия идет регрессия Арала и наоборот. Возможен и третий вариант: когда циклоны проходят по арктическим широтам, севернее водосбора Волги, снижаются уровни обеих внутренних морей. Тогда расширяется пустыня, отступает на север тайга, влажные степи становятся сухими и тает Ледовитый океан. Именно этот вариант имел место в конце II в. и особенно в III веке. Кончился он только в середине IV века.

Хунны уходили на запад по степи, ибо только там они могли кормить своих коней. С юга их поджимала пустыня, с севера манила окраина лесостепи. Там были дрова — высшее благо в континентальном климате. Там в перелесках паслись зубры, олени и косули, значит, было мясо. Но углубиться на север хунны не могли, так как влажные лесные травы были непривычны для хуннских коней, привыкших к сухой траве, пропитанной солнцем, а не водой. Местное же население, предки вогулов (манси)³², отступало на север, под тень берез и осин, кедров, елей и пихт, где водились привычные для них звери, а реки изобиловали рыбой. Им не из-за чего было ссориться с хуннами. Наоборот, они, видимо, поправились друг другу. Во всяком случае, в конце V в. и в VI в., когда гуннская трагедия закончилась и гуннов как этноса не стало, угорские этносы выступают в греческих источниках с двойным названием: «гунны-савиры», «гунны-утигуры», «гунны-кутригуры», «хунугуры»³³.

Если даже приуральские угры не смешивались с хуннами, то очевидно, что они установили контакт на основе симбиоза, а отнюдь не химеры. Такой контакт позволил им объединить силы, когда они понадобились. Симбиоз — близкое сосуществование двух и более этносов, каждый из которых имеет свою экологическую нишу. Химера — сосуществование в одной экологической нише. Отношения между этносами могут быть и дружескими и враждебными, метисация возможна, но не обязательна, культурный обмен иногда бывает интенсивным, иногда — слабым, заменяясь терпимостью, переходящей в безразличие. Все зависит от величины разности уровней пассионарного напряжения контактирующих этносистем.

Иногда имеет значение характер социального строя, но в нашем случае этого не было. Южносибирские и приуральские финно-угры в III в. имели свою организацию, которую китайские географы называли Уи-Бейго — Угорское Северное государство³⁴. Оно было расположено на окраине лесной зоны, примерно около современного Омска. У хуннов тоже была военная организация и вожди отрядов, без которых любая армия небоеспособна. Но и те, и другие находились еще в родовом строе, что исключало классовые конфликты между этносами. Двести лет прожили они в соседстве, и когда наступила пора дальних походов в Европу, туда двинулись не хунны и угры, а потомки и тех и других — гунны, превратившиеся в особый этнос. Хунны стали ядром его, угры — скорлупой, а вместе — особой системой, возникшей между Востоком и Западом вследствие уникальной судьбы носителей хуннской пассионарности.

³² Именно предки вогулов (манси) в первых веках н. э. имели наибольшую территорию, и этнонимы манси, мадьяр и мишар — всего лишь звуковые варианты одного имени (см. Чернецов В. Н., Мошинская В. И. В поисках древней родины угорских народов. В кн.: По следам древних культур от Волги до Тихого океана. М. 1954, с. 190).

³³ См. Скражинская Е. Ч. Комментарий. В кн.: Иордан. Ук. соч., с. 222–223.

³⁴ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Ук. соч. Т. III. М.—Л. 1953, прил. карта 3 (время Сань-го).

Великая пустыня и Север. И все-таки хунны не смогли бы уцелеть, если бы в ход событий не вмешалась природа. Степь, которая была для их хозяйства вмещающим ландшафтом, в начале н. э. была не пустой равниной, покрытой только ковылем и типчаком. В ней были разбросаны островки (колки) березового и осинового леса, встречались сосновые боры. Там паслись стада сайгаков; лисицы-корсаки охотились на сурков и сусликов. Дрофы и журавли подвергались нападениям степных орлов и удавов. Степь могла кормить даже такого хищника, как человек. Почему же финно-угры так легко отказались от принадлежавших им степных угодий?

Во II в. атлантические циклоны сместили путь своего прохождения. В I в. они несли влагу через южные степи и выливали ее на горные хребты Тарбагатай, Саура и Тяньшаня, откуда они текли в Балхаш и Арал. Степи при этом зимой увлажнялись оптимально. Снега выпадало достаточно (свыше 250 мм в год), чтобы пропитать землю и обеспечить растительности возможность накормить травоядных, а телами их — хищников, в том числе людей. В середине II в. путь циклонов сдвинулся в лесную зону, что вызвало обмеление Арала и подъем уровня Каспия на 3 метра³⁵. Но в III в. вековая засуха развернулась с невиданной мощностью. Северная аридная степь сдвинулась еще к северу, заменившись экстрааридной пустыней. Количество осадков снизилось до 100—200 мм в год. Полынь вытеснила ковыль, куланы заменили сайгаков, ящерицы, гюрза, варан — удавов.

Тогда угры покинули изменившую им природу и двинулись на север по Оби, а самодийцы — по Енисею³⁶. Самодийцам повезло больше. Они достигли северного аналога Великой степи — тундры, научились приручать северного оленя и сделали его местопребывание ареалом своего развития. От берегов Хатанги и Дудыпты до Кольского полуострова распространились кочевники-оленоводы, о которых мы, к сожалению, ничего не знаем, как и о судьбе прочих бесписьменных народов. Угры, продвигавшиеся по Оби, встретили племя, а может быть, целый народ, имени которого история не сохранила. Открыли его археологи и свою находку называли устьполуйской культурой³⁷. Название же, которое они ему попытались дать, исходя из мансийских преданий — «сииртя», означает — неупокоенный дух убитого, приходящий по ночам для отмщения своим погубителям³⁸. Манси считали, что последние «сииртя» прячутся в пещерах северного Урала и Новой Земли и, являясь невидимками, очень опасны. Что же, может быть, так оно и было.

Правильнее всего предположить, что миграция угров на север произошла вследствие великой засухи III в. или сразу после нее, а пассионарность, необходимую для столь грандиозных свершений, угры получили от метисации с хуннами, у которых пассионарность была в избытке, а все остальное потеряно. Но метисация всегда бывает взаимной, и, как уже было сказано, хунны превратились в гуннов.

Встает, однако, вопрос: как скотоводческий и конный этнос мог преодолеть таежный барьер, отделяющий южную степь от северной, т. е. тундры? Зимой в тайге глубокий снег, через который лошадей не провести, а летом — болота с тучами гнуса. По Лене предки якутов в XI в. спускались на плотах, но по Енисею и через перекаты и мели Оби этот

³⁵ Рихтер В. Г. Донные отложения Кара-Богаз-Гола как индикатор колебаний уровня Каспийского моря. — Бюллетень Московского общества изучения природы (МОИП), отделение геологии, 1961, вып. 1.

³⁶ Hajdu P. Die ältesten Berührungen zwischen Samojuden und die jennisseischen Völkern. — Acta Orientalia, Budapest, 1953, t. III. S. 88—89.

³⁷ Чернецов В. П., Мошинская В. И. Ук. соч.

³⁸ Сииртя — слово самоедское; применяется также к Заволоцкой Чуди, по легенде, закопавшихся в землю, увидев березу. Береза растет на переотложенных почвах и является символом русских (см. Ефименко П. С. Чудь Заволоцкая. Архангельск. 1869, с. 24, 42, 86; Записки РГО, 1864, № 2, с. 49).

способ передвижения слишком рискован. А кроме того, угры и сами гунны распространялись на север по Волге, а в этой реке течение сильное. Тем не менее большинство северных народов Восточной Европы имеют два раздела: финский — древний и угорский — пришлый. Мордва: эрзя — финны, мокша — угры. Мари: горные черемисы — финны, луговые — угры. «Чудь белоглазая» — финны, Чудь Заволоцкая — угры (Чудь Заволоцкая, или Великая Пермь, — Биармия скандинавских саг).

Видимо, южным этносом были лопари, сменившие свой древний язык на финский. Язык, поскольку он является средством общения, бесписьменные этносы меняют легко и часто. Передвигаться же по тундре с востока на запад, на Кольский полуостров и в Северную Норвегию было и тогда несложно. И, наконец, чувашаи состоит из двух компонентов: местного и тюркского, даже не угорского. Поскольку чувашский принадлежит к наиболее архаичным тюркским языкам, сопоставление его с гунским правдоподобно³⁹.

Все перечисленные этносы живут около Волги и ее притоков или поблизости от них. Значит, именно Волга, замерзающая зимой, могла быть дорогой угров и гуннов на север. Ту же роль в Зауралье играли Обь и Енисей. Угро-самодийцы обрели новую родину, заменив собой древние циркулярные этносы⁴⁰, от которых сохранился только один реликт — кеты.

В предлагаемой реконструкции гипотетична только дата переселения — III—IV века. Она предлагается на базе изучения всей климатической и этнической истории. Действительно, ни до, ни после этой даты не было ни мотивов, ни возможностей для столь большой миграции.

И последнее, финны и угры с гуннами не ассимилировали друг друга, а жили на основе симбиоза. Это снижало необходимость межплеменных войн. Только несчастные «усть-полуйцы» превратились в страшных духов — «сииртя», а в прочих местах миграция прошла относительно благополучно.

Великая пустыня и Юго-Запад. Скифы и сменившие их сарматы жили полуседлым бытом, совмещая земледелие с отгонным скотоводством. Скот их нуждался в сене, потому что в их степях снеговой покров превышал 30 см, что исключает тебеневку (добычу скотом корма из-под снега). Сухие степи их не привлекали, а пустыня отпугивала. Зато луга и лесостепь сарматы умели осваивать, чуждаясь только дубрав и березово-осиновых лесов; там им нечего было делать. Поэтому, сопоставив карту распространения сарматских племен I в. и разнотравно-дерновинно-злаковых степей, нетрудно определить размеры Сарматии: от среднего Дуная на западе до Яика и даже Эмбы на востоке.

Однако зауральская Сарматия была периферией их ареала, ибо Причерноморье получает дополнительное увлажнение от меридиональных токов черноморского воздуха, Каспий же в то время стоял на абсолютной отметке минус 36 м, и его северный берег был расположен южнее параллели 45°30', хотя Узбой в то время впадал в Каспий. При столь малом зеркале испарение было слабым и не влияло заметно на климат северного берега Каспия.

Когда же наступила Великая засуха, сарматы стали покидать восточные степи и берега Каспийского моря. Они передвинулись за Волгу, а сокращение пастбищных угодий компенсировали расширением запашки зерновых, ибо Римская империя охотно покупала у них хлеб. Таким образом, восточнее Волги образовались свободные от населения пространства, и они стали пристанищем для хуннов, привыкших на своей родине к еще

³⁹ Серебрянников Б. А. Происхождение чуваш по данным языка. В кн.: О происхождении чувашского народа. Чебоксары. 1957, с. 41.

⁴⁰ Hajdu P. Op. cit., S. 88—89; Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1961, № 13, pp. 309—319.

более засушливым степям, нежели полынные опустыненные степи северного Прикаспия.

Но подлинная пустыня надвигалась на степь с юга. Полынь уступала место саксаулу и солянкам. Тот ландшафт, который ныне бытует в Кызылкумах и Каракумах, окружил с севера Аральское море, которое высохло настолько, что превратилось в «болото Оксийское»⁴¹. И эта местность в III в. была даже хуже, так как бурые суглинки, в отличие от песков, не впитывают дождевую воду, а дают ей испариться, оставляя равнину гладкой, как стол. Засуха не пощадила и Балхаш, который высох так, что дно его было занесено эоловыми отложениями, перекрывшими соленые почвы. После засухи, закончившейся в IV в., Балхаш не успел осолониться⁴². Обитавшие вокруг него усунь отошли в горы Тяньшаня, а их земли заняли потомки «малосильных» хуннов, сменившие свое имя на «чуйские племена».

Великая пустыня и Юг. Все населявшие степи племена в III в. были слабы. Политическое значение они обрели лишь во второй половине IV в., когда атмосферная влага вновь излилась на континентальные пустыни.

Все силы народов Приаралья и Припамирья были скованы тогда войнами с Ираном⁴³. Его внешнеполитическое положение в середине III в. было весьма напряженным. Борьба с Римской империей была делом нелегким. После первых удач, закончившихся пленением императора Валериана в 260 г., персам пришлось перейти к обороне. Римляне вели контрнаступление планомерно и последовательно: в 283 г. они отняли у персов контроль над Арменией, а в 298 г. навязали Ирану невыгодный Нисибинский мир. Шах Шапур II был вынужден в первую половину своего царствования тратить средства и силы на отражение наступления хионитов, но к 356 г. они стали союзниками Ирана, и под их натиском пала Амида, форпост римлян в Месопотамии.

Успокоение на восточной границе дало персам возможность отразить наступление императора Юлиана в 361 г., в результате чего персы снова смогли вмешаться в армянские дела. В Армении шла упорная борьба короны со знатью. Царь Аршак, державшийся римской ориентации, истреблением одного из знатных родов вызвал восстание нахраров; к восстанию присоединились даже бывшие сторонники Рима. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, персы вторглись в Армению, но армяне сплотились перед лицом врага. К 368 г. персам удалось взять оплот армян — Артагерс, но в 369 г. наследник Аршака, Пап, явился в Армению с римскими войсками и изгнал персов. В 371 г. Шапур попытался снова ворваться в Армению, но был отбит, после чего нажим персов на запад ослабел. Почему?

Оказывается, в 368—374 гг. восстал наместник восточной границы Ирана, Аршакид, сидевший в Балхе. В 375—378 гг. персы потерпели поражение настолько сильное, что Шапур даже снял войска с западной границы и прекратил войну с Римом; хонны, т. е. хиониты, поддержали восстание, разорвав союз с Ираном; восстание погасло при совершенно не описанных в источниках обстоятельствах, но сразу же вслед за подавлением Аршакида в персидских войсках появляются эфталиты как союзники шаха в 384 году. Это не может быть случайным совпадением. В самом деле: Балх лежит на границе Иранского плоскогорья и горной области около Памира. Задачей персидского наместника было наблюдение за соседними горцами, и, можно думать, до восстания ему удавалось пре-

⁴¹ Шпигунков А. В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. — Записки ВГО, 1957, т. XVI, с. 269.

⁴² Берг Л. С. Беседа со студентами Московского университета. — Вопросы географии, 1951, с. 68—69.

⁴³ Altheim F., Stiel R. Die Araber in der Alten Welt. Bd. V, Teil 2, Brl. 1969, S. 507—525.

пятствовать их объединению. Но как только это воздействие прекратилось, горные племена объединились и покончили со своим врагом, чем и объясняется их союз с шахом.

С середины IV в. эфталитское царство стало преградой между оседлым Ираном и кочевыми племенами евразийской степи, в том числе среднеазиатскими хуннами. Этим объясняется, почему Иран больше беспокоился об укреплении кавказских проходов, нежели о восточной границе, лишенной естественных преград. Эфталиты — народ воинственный, но немногочисленный. Успехи их объясняются глубоким разложением захваченных ими областей. Эфталиты совершали губительные набеги, главным образом на Индию, а для стран восточнее Памира и Тянь-Шаня их вмешательство было только эпизодом.

В III в. китайцы утратили влияние к северу от Великой Китайской стены. Крайним пунктом распространения Китая на запад стал Дуньхуан. Династия Цзинь вернула часть застенных владений, а именно низовья реки Эдзин-Гол и Турфанскую котловину, которая в 345 г. была переименована в «область Гаочан Гюнь»⁴⁴. Управление этой отдаленной областью было для китайского правительства затруднительно, и она, естественно, вошла в сферу влияния правителей Хэси. Прочие владения в III в. имели тенденцию к укрупнению: на юго-западе создано государство Сулэ (Кашгар), на юге оно включило Яркенд⁴⁵, а на северо-западе — Тянь-Шань. Хотан усилился и остался единственным владением, продолжавшим тяготеть к Китаю. Но это была не политическая зависимость, а культурная близость, выражавшаяся в регулярных посольствах из Хотана в Китай.

На северо-западе распространилось по северным склонам Тянь-Шаня княжество Чэши, от оз. Баркуль на востоке до верховьев р. Или на западе; на юге Шаньшань объединила все владения от стен Дуньхуана до берегов Лоб-нора. В центре страны захватил гегемонию Карашар (Яньки), около 280 г. подчинивший себе Кучу и ее вассалов Аксу и Уш⁴⁶. Однако можно думать, что Карашар стал столицей не монолитной державы, а конфедерации, так как на карте «Западного Края» эпохи Цзинь помечена граница между Кучей и Карашаром, и в дальнейшем оба эти государства имеют разных правителей, хотя и выступают в тесном союзе. Местный народ охарактеризован как «тихий и мирный», избегающий общения с чужеземцами⁴⁷. Обитателей «Западного Края» обогащала только посредническая торговля, так как культура шелка была введена в Хотане лишь во второй половине IV в., откуда перешла в Согдиану в V веке⁴⁸. Все сведения о «Западном Крае», или «Серике», получены античными авторами не из первых рук, потому что парфяне не допускали прямых сношений между Римом и Китаем⁴⁹.

Итак, грандиозная засуха III в. так ослабила степные этносы Турана, что они проиграли войну с Ираном⁵⁰ и стали жертвой своих восточных соседей: сначала гуннов, а потом тюркютов.

⁴⁴ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Ук. соч. Т. II, с. 249; т. III, с. 19.

⁴⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960, с. 365.

⁴⁶ Там же, с. 557—562.

⁴⁷ Аммиан Марцелин. Ук. соч., с. 188—191.

⁴⁸ H a n n e s t a d K. Les relations de Byzance avec la Transcaucasie et l'Asie Centrale au V et VI siècles.— Byzantion, Bruxelles, 1957, t. XXV—XXVI—XXVII, p. 450.

⁴⁹ Ibid., p. 429.

⁵⁰ Подробнее см.: Гумилев Л. Н. Колебания степени увлажнения и миграции народов в юго-восточной Европе с II в. по IV в. In: Actes du VIIe Congrès International des Sciences Prehistoriques. Prague, 1971, pp. 951—955.

Продолжение следует

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

РУХОЛЛА МУСАВИ ХОМЕЙНИ

С. Л. Агаев

1 февраля 1979 г. специально зафрахтованный самолет авиакомпании «Эр-Франс» совершил посадку на Мехрабадском аэродроме Тегерана. Из аэропорта, вместившего огромное человеческое море, в сторону кладбища мучеников Бехеште-Захра поплыло ритмичное скандирование: «Аллах велик! Шах ушел, имам пришел». На трапе появился тот, кого теперь в Иране будут называть имамом, — величественный в своей длинной темной сутане, с неподвижным лицом, пронизывающим взглядом, исполненный веры в божественное предназначение возложенной на него миссии. Восторги встречавших достигли апогея. Женщины в чадрах запели: «Пусть каждая капля мученической крови обратится в тюльпаны».

За имамом последовала свита из 50 помощников и приближенных, сопровождаемых 150 журналистами. От Мехрабада до Бехеште-Захра, где он должен был произнести свою первую по прибытии в страну речь, кортеж три с половиной часа пробирался сквозь густые толпы, сдерживаемые тремя рядами молодых людей из 50 тыс. добровольцев, прошедших проверку на лояльность у духовенства. У ворот кладбища сотни тысяч ревностных поклонников окружили кортеж, некоторые даже вскарабкались на машины. Добраться до нужного участка удалось только на вертолете, а покинуть кладбище пришлось в карете «скорой помощи». Эти бурные восторги были имаму наградой за неколебимую оппозицию шахской тирании.

Появление этого человека на авансцене политической жизни Ирана было столь стремительным и ошеломляющим, что достаточно достоверная его биография не написана до сих пор. Даже даты рождения, приводимые в разных изданиях, разнятся на 2—4 года. Ровесник века, он родился в Хомейне, небольшом городке к югу от Тегерана, в семье священнослужителя. В раннем детстве потерял отца, в 15 лет — мать. Но родители выполнили свою миссию, и религия стала смыслом его жизни: даже имя ему дали — Рухолла, что по-персидски означает «дух Аллаха». Учился он в религиозных школах Хомейна, затем города Кума — шиитского Ватикана, где остался жить и преподавать в самом авторитетном религиозном учебном заведении Ирана, центре исламских исследований — Файзийе. В конце 20-х годов Хомейни женился на дочери ученого-богослова, ставшей спутницей всей его долгой жизни, матерью восьмерых его детей. Трое из них умерли в детстве. В ноябре 1977 г. при загадочных обстоятельствах умер старший сын Мустафа. В Иране его смерть связывали с действиями шахской тайной полиции САВАК. Единственный оставшийся в живых сын Ахмад станет его ближайшим помощником и секретарем.

АГАЕВ Семен Львович — доктор исторических наук, заведующий сектором Института международного рабочего движения АН СССР.

В 30-х годах Хомейни пришлось столкнуться с репрессивными действиями шахского режима, пытавшегося подчинить духовенство своей секуляристской политике. Тогда были запрещены его лекции. Однако он подпольно продолжал преподавать и подготовил сотни последователей и приверженцев, которые, подобно своему учителю, стали связывать все беды и невзгоды страны с монархией. В конце 50-х годов он вошел в число религиозных деятелей высшего ранга — аятолл.

В 1963 г. Хомейни открыто выступил против провозглашенной шахом «белой революции», предусматривавшей проведение аграрной реформы и предоставление избирательных прав женщинам, а затем дополненной рядом других, не менее кардинальных преобразований буржуазного типа. Его дважды арестовывали, чтобы заставить замолчать, но тщетно¹. Расправу предотвратило решение высшего духовенства возвести его в ранг «великого аятоллы», который имели менее десяти шиитских религиозных деятелей и который обеспечивал свободу от юрисдикции шахского режима. Новый духовный сан давал Хомейни возможность претендовать на роль руководителя шиитской общины Ирана. Выйдя на свободу, он после полугодового молчания публично осудил мошенничества на парламентских выборах, за что подвергся 8-месячному домашнему аресту.

В 1964 г. Хомейни выступил против предоставления американским военным советникам в Иране статуса дипломатической неприкосновенности и вскоре был выслан в Турцию². Спустя 11 месяцев он переехал в Ирак. Здесь в священном для шиитов городе Неджефе он стал читать лекции в религиозном учебном заведении и продолжил разработку своей концепции «подлинного толкования» ислама и роли исламского лидера. Ислам, по мнению аятоллы, должен был возродиться в качестве инструмента протеста, доктрины борьбы, идеологии «исламской революции». «Вера — это форма убежденности, заставляющей действовать», «я действую — значит, я верую»³, — любил повторять Хомейни. Следовательно, главный смысл человеческой жизни — нести в себе веру, быть готовым защищать ее и даже умереть за нее, бесстрашно и бескомпромиссно сопротивляясь всякой «незаконной власти», противопоставляющей себя воле аллаха. Ведущий представитель духовенства, считал аятолла, является выразителем воли небес, сила и авторитет ниспосланы ему свыше. Такую трактовку роли религии и функций исламского лидера многие шиитские богословы сочтут «еретической» и даже «антиисламской».

Много внимания Хомейни уделял и разработке концепции нового, «исламского правления». В изданном в 1971 г. сборнике его лекций «Исламское правительство» уже содержался призыв к разрыву с существующей властью и созданию нового, «исламского правления»⁴. Хомейни исходил из того, что абсолютная власть шахского режима — это порождение сатаны, способствующее только разложению, разврату и коррупции, это форма идолопоклонничества, греховное отрицание идеи божественного единства — единства мнения, единства слововыражения, единства действия. Никакие компромиссы с этим режимом невозможны: единственный выход — замена монархии «исламской республикой». Главное в такой республике — верховная власть священного Закона, предписанного Кораном, пророком Мохаммедом и имамом Али.

«Исламская республика» коренным образом отличается от монархии и светской республики, где законы устанавливаются либо монархом, либо представителями народа. При «исламском правлении» никакие дру-

¹ Rinser L. Khomeini und der Islamische Gottesstaat: eine grosse Idee, ein grosser Irrtum? Percha am Starnberger See. 1979, p. 74.

² Ibid., p. 76.

³ Religion and Politics in Iran. New Haven. 1983, p. 182; Balta P., Rulleau C. L'Iran Insurge: 1789 in Islam? Un tourant du monde? P. 1979, p. 159.

⁴ Khomeiny R. Prinsepec politiques, philosophiques, sociaux et religieux. P. 1979; e jusd. Pour un gouvernement islamique. P. 1979; Fischer M. Iran. Cambridge. 1980, pp. 152—153.

где законы, кроме божественного, не могут иметь силы. Верховным же толкователем священного Закона, высшим координатором деятельности всех органов управления, духовным вождем, осуществляющим практическую власть, является правитель из числа самых авторитетных религиозных деятелей — факих. Он и сам всецело подчиняется Закону и готов во имя его поступиться интересами и даже жизнью самых близких ему людей. Его роль подобна роли пророка и имамов, его задача — подготовить страну и народ ко дню пришествия шиитского мессии — 12-го имама Махди — таинственно исчезнувшего в последней трети IX в. и, по преданию, сокрытого на небе, чтобы, вернувшись в день Страшного суда, установить на Земле на вечные времена царство истины и справедливости. В ожидании этого дня духовенство должно активно участвовать в политической жизни, быть стражами Закона, общественной морали и социальной справедливости⁵.

Росла и политическая активность неджефского изгнанника. Он тайно переправлял в Иран свои послания, которые переписывались и распространялись в мечетях. В одной из особенно зажигательных проповедей аятолла критиковал шаха за устроенные осенью 1971 г. пышные торжества по случаю 2500-летия иранской монархии, обошедшиеся стране в миллионы долларов. Хомейни гневно обличал «императорский пир» над «грудой истлевших костей» древнеперсидских царей и призывал к восстанию против деспота. В 1977 г. он призвал иранскую армию избавить родину от «шахской чумы». Это послание было размножено в сотнях тысяч экземпляров и широко распространено.

Мохаммед Реза-шах продолжал тем временем развивать идеи «белой революции»: совершить при жизни одного поколения «прыжок через столетия», перевести Иран «из средневековья в ядерный век», превратить страну в «пятую индустриальную державу мира», осуществить марш-бросок «к великой цивилизации»⁶. Но упоенный амбициозными планами, монарх не замечал как шаг за шагом подрывает основы своей власти.

Сохранение традиционалистских настроений среди рабочего класса, усиленная идеологическая обработка в реформистском духе его промышленного ядра, жесточайшие репрессии против леводемократических организаций, политика систематической политической стерилизации образованной части средних городских слоев, и особенно интеллигенции, неусыпный контроль над армией — все это способствовало выдвиганию на авансцену политической жизни духовенства, позиции которого в наибольшей степени были ущемлены светскими реформами.

Социальную и политическую опору «исламской революции» составляли концентрирующиеся на городских базарах представители мелкого торгово-предпринимательского капитала и традиционной торговой буржуазии, интересы которых были сильно задеты шахской политикой индустриализации. Эти слои населения, всегда имевшие тесную связь с духовенством, взяли на себя финансирование его антишахских выступлений. Второй ее опорой стала огромная армия обездоленного населения, возросшая в результате быстрого процесса урбанизации, происходившего на фоне запустения сельской местности. Сюда входили мигранты из деревень, люмпены и поденщики, неустроенные выпускники школ и педучившаяся разночинная молодежь, образовавшие ударную армию революции.

Опубликованная 7 января 1978 г. официальной газетой «Эттелеат» статья о Хомейни, которую шиитское духовенство сочло вредной и клеветнической, стала искрой, вызвавшей в Иране взрыв антишахского и антиимпериалистического движения, принявшего к осени всепародный

⁵ Хомейни Р. М. Исламское правление. Тегеран. 1979, с. 3—24 (на перс. яз.); Islam and Revolution. Berkeley. 1981, pp. 28—34.

⁶ Пехлеви М. Р. К великой цивилизации. Тегеран. 1977, с. 3—5 (на перс. яз.).

характер. Безуспешно испробовав самые разные средства борьбы с революцией, Мохаммед Реза в октябре разрешил Хомейни вернуться на родину, но тот отказался приехать до тех пор, пока шах остается у власти. В этих условиях последний не нашел ничего лучшего, как просить правительство Ирака выслать Хомейни, а когда тот переехал в пригород Парижа, уже не выдвинул такой же просьбы перед Францией из боязни ухудшить обстановку в Иране⁷.

Нофль-ле-Шато... На одной стороне улицы — небольшая резиденция Хомейни, на другой — в маленьком домике — штаб-квартира революции, имевшая телефонную связь с Ираном. К телефону подключен магнитофон, а рядом — аппаратура для размножения пленок. На другом конце прямой линии, в Иране, установлена аналогичная аппаратура. Буквально через несколько часов кассеты с посланиями Хомейни прокручиваются в десятках тысяч мечетей и на бесчисленных городских базарах. Более того, стратегия, разработанная в парижском пригороде, ежедневно претворялась в жизнь с помощью западных телекомпаний, особенно Би-би-си⁸.

В ходе развития революции в политико-идеологических воззрениях Хомейни все сильнее начинают проявляться морально-этические и эгалитарные мотивы шиитского ислама. Несмотря на многолетнее пребывание в эмиграции, аятолла тонко чувствовал пульс жизни своего народа. Форсированное промышленное развитие, ускоренное городское строительство, вторжение иностранных товаров и нравов, взломав традиционные связи, вызвали острый кризис самосознания в рядах обездоленного населения Ирана. Разрушение в деревне в ходе аграрных преобразований старых форм взаимной помощи и поддержки, выполнявших функции своеобразного социального обеспечения, лишило массы людей тех преимуществ, которые вытекали из традиционных отношений. Вырванные из привычной деревенской среды и заброшенные в города, иранцы ощущали себя в каком-то ином, чуждом им мире. Они, так же как и Хомейни, чувствовали, что поток западной технологии, товаров и нравов подменяет родные им ценности.

Стремительная ломка устоявшихся духовных традиций и самобытных культурных ценностей создавала благоприятную почву для восприятия широкими народными массами призывов аятоллы. Морально-этический потенциал и эгалитарные мотивы шиитского ислама стали мощным идеологическим оружием против растлевающего влияния буржуазной «массовой культуры» и распущенности нравов — ее побочного продукта, против капитализма, превращавшего человеческие отношения в товарные, против «белой революции», открывшей страну разлагающему воздействию «бездушного материализма», «постыдного атеизма» и «неверных иностранцев». Росту влияния ислама способствовала — наряду с духовенством — значительная часть светски настроенной интеллигенции, проявлявшей недовольство авторитарным характером власти, методами буржуазной модернизации страны по западному образцу, пренебрежением шахского режима к национальным культурным и духовным традициям.

Что касается традиционно настроенных широких масс населения, то они видели в исламе тот комплекс факторов морального, этического, гуманистического и социального порядка, в котором выразилось их неприятие беззакония и произвола, аморальности и коррупции, культа наживы и роста социального неравенства. Массы верующих в мечетях требовали прямого вмешательства в управление государством духовенства, в котором видели единственную силу, способную сохранить контакт с народом и действовать во имя его интересов. Все это не могло не приба-

⁷ Fischer M. Op. cit., pp. 102—103.

⁸ Ibid.

вить адептам религии уверенности в том, что именно они способны осуществить чаяния народа.

Идолу «белой революции» и миражам «великой цивилизации» Хомейни противопоставил свой идеал «исламского общества», в котором все слои населения станут жить как братья, единой мусульманской общиной. «Не будь угнетателем, не будь угнетенным» — вот девиз, которым будут руководствоваться все ее члены. Путь к созданию общества «исламской социальной справедливости», по мнению аятоллы, пролегает через внедрение ислама во все поры жизни людей, восстановление исламских моральных норм, благочестия, скромности, воздержанности. Для этого необходимо осуществить «исламскую революцию», начинающуюся свержением шахского режима и завершающуюся установлением «исламского бесклассового общества». Ее составная часть — «исламская культурная революция», предусматривающая утверждение в общественной и семейной жизни мусульманских религиозно-культурных и социальных программ, запрещающих производство и потребление алкогольных напитков и наркотиков, ношение женщинами одежды, не предписанной канонами ислама, и другие нарушения исламского «морального кодекса».

Не меньшее значение Хомейни придавал уничтожению иностранного, и особенно американского, влияния, искоренению последствий пропихивания в страну буржуазной «массовой культуры», способствующей распространению «западной вседозволенности» и упадку традиционных моральных устоев. Но, поскольку опасность для мусульман исходит не только от «материалистического Запада», но и «атеистического Востока», в борьбе против одной из сверхдержав не следует, как полагал аятолла, опираться на поддержку другой. Спасение мусульман — в самоизоляции от «мировых сил высокомерия», в опоре на собственные «ноги», а главное, в следовании своему, исламскому, пути развития. Этот путь, когда на то будет воля аллаха, восторжествует не только в мусульманском, но и во всем остальном мире.

Таким образом, политическое кредо Хомейни сводилось к двум главным целям: создание «исламского государства» и уничтожение влияния западной буржуазной культуры. Достижение этих целей, считал он, само собой приведет к «исламскому бесклассовому обществу», «обществу всеобщей исламской справедливости». Для этого нужна не классовая борьба, а нравственное усовершенствование людей путем восстановления в отношениях между ними исламских моральных норм. «При исламском правлении, — говорил Хомейни, — никогда не будет такой глубокой пропасти между слоями общества и жизнь почти всех будет на одном и том же экономическом уровне»⁹. Это простое, мелкобуржуазное по характеру кредо высказывалось на языке религиозного пророчества.

Политический радикализм (более того — в известном смысле революционность) в сочетании с социальным консерватизмом, сдобренным изрядной порцией морально-этических абстракций, стал могучим источником такого авторитета и влияния, каким до Хомейни, кажется, никто и никогда не пользовался в Иране. Вокруг него на общей идейной платформе объединились десятки миллионов людей из самых различных социальных слоев. «Аятолла Хомейни стал центральной фигурой революции, ее символом, вождем, в частности, и потому, что он оказался приемлемой фигурой и для тех, кто желал глубоких социальных преобразований, и для тех, кто не желал идти дальше свержения шаха»¹⁰. Выдвинутый им лозунг «справедливого исламского строя» был привлекателен всеобъемлющим характером, благодаря чему каждый мог видеть в нем воплощение собственных представлений об обществе равенства и справедливости.

⁹ Seven Days, N. Y. 23.II.1979.

¹⁰ Резников А. Б. Иран: падение шахского режима. М. 1983, с. 150.

С осени 1978 г. резиденция Хомейни в Нофль-ле-Шато стала местом паломничества представителей самых различных течений антишахской оппозиции. Встречи с аятоллой обычно заканчивались официальным признанием его руководящей роли в борьбе против шахской тирании и согласием с принятой им стратегией. Превратившись к концу 1978 г. из бесплотного символа революции в ее реального вождя, Хомейни молчаливо согласился на то, чтобы его величали имамом — беспрецедентный случай в истории иранского шиизма.

Ближайшее окружение Хомейни в эмиграции составляли относительно молодые представители «исламской интеллигенции», получившие образование на Западе и долгое время готовившие себя там к участию в будущем «исламском государственном правлении». Среди них — Ибрагим Язди, Садек Готбзаде, Абольшасан Банисадр и др. Эти и другие «мирские муллы», как их называла западная печать, многое сделали для придания аятолле вполне респектабельного облика в глазах мировой общественности.

В многочисленных интервью конца 1978 — начала 1979 г. Хомейни говорил, что «исламское правительство» будет уделять первостепенное внимание сельскому хозяйству, чтобы возродить роль Ирана как экспортера продовольственных товаров после полутора десятилетий их ввоза. Проблемы механизации сельскохозяйственного труда найдут отражение и в новой программе индустриализации и модернизации, которая отвергнет путь сборки промышленных предприятий из импортного оборудования и нацелит страну на самостоятельное развитие. Важнейшая задача — покончить с зависимостью Ирана от продажи нефти и растратой полученных доходов на приобретение американского вооружения. В политическом плане были даны обещания, что никто из представителей духовенства не займет официальных постов, они будут только направлять правительство, а немусульманские национальные и религиозные меньшинства, женщины, левые организации, не занимающиеся подрывной антигосударственной деятельностью, и другие партии и группы получают свободу мысли и слова¹¹.

Подобные заявления способствовали еще большему сплочению под зеленым знаменем ислама различных политических течений антишахской оппозиции. Но решающую роль в данном случае играли активные революционные действия широких трудящихся масс, безоговорочно поддерживавших бескомпромиссную позицию Хомейни в отношении шахского режима и его объективно антиимпериалистическую программу. Это сказывалось и на позициях левых сил — коммунистов, революционных демократов и леворадикальных организаций. Бывшие ранее главным объектом шахских репрессий, они в ходе революционной борьбы начали выходить из подполья, восстанавливать свои ряды, залечивать полученные раны.

Могучее, беспрецедентное по охвату широких слоев населения, ежедневному накалу и самопожертвованию общедемократическое движение заставило шаха уже 16 января 1979 г. покинуть пределы Ирана — как оказалось, навсегда. А спустя две недели Хомейни с триумфом вернулся в страну. Большая часть жизни была уже позади, но самое трудное время только начиналось...

Отношения между Хомейни и поддерживавшими его народными массами были не столь однозначны, как это могло показаться по внешнему ходу революционных событий. В течение прошедшего года он неоднократно выдвигал лозунги, значительно опережавшие развитие массового движения, которое нуждалось еще в некоторой «раскачке» для того, чтобы их полностью освоить. Наиболее важным среди них было требование безусловного отстранения монарха от власти, выдвинутое в то время,

¹¹ Seven Days, 23.II.1979.

когда широкие народные массы выступали лишь против отдельных проявлений шахского авторитаризма. Однако, способствовал подъему массового движения, Хомейни с конца 1978 — начала 1979 г. стал в какой-то мере отставать от него и в результате иногда уже оказывался в положении, при котором не он вел массы, а они увлекали его за собой. Теперь ему предстояло не только подтвердить свою роль вождя революции, но и доказать свою способность сохранить контроль над развитием массовой антишахской и антиимпериалистической борьбы.

По возвращении в страну Хомейни поселился в просторном здании духовного училища на улице Иран, в юго-восточной части Тегерана. Перед ним вновь встала задача, над решением которой он вместе со своими помощниками начал работать еще в Нофль-ле-Шато, — как добиться отстранения от власти назначенного шахом правительства Шахпура Бахтияра, свернувшего на путь «перехвата» революционных требований и пользующегося поддержкой США, избежав, во-первых, затяжной гражданской войны, в условиях которой левые организации, пока еще слабо связанные с массами, но постоянно призывающие к вооруженной борьбе с шахскими властями, могли резко усилить и укрепить свое влияние; во-вторых, военного переворота, призрака которого уже давно витал над страной.

В решении этой головоломки имам исходил из той непреложной для него истины, что наибольшую опасность для удержания революционной волны в «исламских берегах» представляют левые организации, тогда как генералитет, озабоченный прежде всего проблемой собственной безопасности, вынужден будет действовать не только против духовенства, но и против правительства Бахтияра, а в еще большей мере — против леводемократических сил.

В политическом курсе имама, бескомпромиссном в отношении шаха, открывается фаза компромиссов по отношению к тем, кто составлял внутреннюю и внешнюю опору монархии; компромиссов, освященных целью создания «исламской республики», «исламского правления». В рамках этой политики Хомейни санкционировал негласные контакты и переговоры с эмиссарами президента США, руководством иранской армии и даже Бахтияром. Главная цель состояла в том, чтобы методами политического давления обеспечить мирный переход власти, в связи с чем представителям США были даны «клятвенные заверения» относительно безопасности американского военного и гражданского персонала в стране и секретной военной техники, а начальнику генштаба вооруженных сил Ирана генералу Аббасу Карабаги — «гарантии неприкосновенности» высшего офицерства и «заверения» в сохранении целостности армии¹².

В имевших место контактах и переговорах, которые в Европе и США вели Язди и Готбзаде, а в Иране — светский деятель либерально-исламского толка Мехди Базарган, аятолла Мохаммед Бехешти (возглавлял штаб имама в Тегеране) и другие, косвенно участвовал и сам Хомейни. В интервью американским средствам массовой информации он говорил, что «со стороны США было бы ошибкой бояться ухода шаха», что «мы прекратим всякую оппозицию Соединенным Штатам, если их администрация откажется следовать своей нынешней политике», и выражал возмущение теми, кто, называя его сторонников «коммунистами», «пытается запятнать нашу репутацию»¹³. В выступлениях, рассчитанных на Иран, он призывал народ не нападать на «братьев» из армии, а армию — вернуться «в объятия народа», утверждая, что «генералы, офицеры, унтер-офицеры» — такие же мусульмане, как и другие иранцы.

¹² Z a b i h S. Iran Since the Revolution, Lnd, 1982, pp. 11—14.

¹³ The Washington Post, 2.I.1979.

Одновременно все более четко обозначалась и политика Хомейни в отношении левых сил. Его публичные предостережения против всякого организационного сотрудничества с «марксистскими элементами» на практике выливались в разгоны митингов и демонстраций, организуемых левыми группировками. Вместе с тем приближенные имама по-прежнему давали обещания относительно предоставления этим группировкам свободы мысли и слова в расчете на то, чтобы не допустить преждевременного выхода их действий из общего русла антишахской борьбы. При этом Хомейни без устали призывал массы сохранять спокойствие и выдержку во время демонстраций и забастовок, категорически отказаться от применения оружия и не поддаваться на «провокации», откуда бы они ни исходили.

В ночь с 9 на 10 февраля в столице неожиданно для Хомейни и его штаба началось вооруженное восстание, вызванное нападением шахской гвардии «бессмертных» на учебную базу военно-воздушных сил, личный состав которых накануне принимал участие в народных демонстрациях. Возглавленные с полудня 10 февраля боевыми отрядами левых организаций трудящиеся Тегерана нанесли тяжелое поражение «бессмертным». С утра 11 февраля восстание охватило все население города. Вооружившись в арсеналах, казармах и полицейских участках, повстанцы захватили главные управления полиции и жандармерии, тюрьмы, здания меджлиса, радио и телевидения, шахские дворцы¹⁴. Положение на улицах города полностью вышло из-под контроля имама, представители которого даже в это время продолжали переговоры с Бахтияром и военным командованием. Посланцы Хомейни сновали в микроавтобусах по городу и кричали в мегафоны: «Имам еще не призвал к джихаду, расходитесь по домам». Но когда военный администратор Тегерана, активный сторонник военного переворота, издал 10 февраля приказ о продлении комендантского часа с 16.30 до 5 час. утра, Хомейни объявил это распоряжение недействительным — никто не должен уходить домой, все должны оставаться на улицах. Правда, в очередном воззвании он не только предостерег армейское командование от насилия в отношении народа, но и еще раз публично подчеркнул свою заинтересованность в «мирном решении иранских проблем». Тем не менее это была прямая моральная поддержка восстания, которое не было санкционировано руководством революции и проходило без его участия¹⁵.

События 11 февраля с еще большей силой выявили способность Хомейни обращать себе на пользу свои же упущения. Утром того дня Высший военный совет Ирана (судя по всему, генерал Карабаги еще за несколько дней до восстания договорился с представителями Хомейни о капитуляции армии) принял решение о «нейтралитете» вооруженных сил в происходящих событиях, о поддержке «требований народа» и отводе войск в казармы. Однако объявление по радио об этом (по договоренности, достигнутой между аятоллой Бехешти и начальником генштаба) было передано только в 14 час., чтобы еще больше ослабить прошахски настроенные воинские части и левые организации в ходе продолжавшихся ожесточенных столкновений между ними. Тем временем другой представитель Хомейни, Базарган, назначенный им еще 5 февраля премьер-министр, активно и планомерно начал устанавливать контроль над важнейшими органами государственной власти. Сам имам выступил с двумя обращениями к народу, призвав его сохранять готовность к возможной защите от «смутьянов», соблюдать «спокойствие и порядок», положить конец «волнениям, мятежам, стычкам», чтобы «враги ислама» не могли объявить народное движение «реакционным и диким».

¹⁴ См.: Gharabaghi A. *Vérités sur la crise iranienne*. P. 1985, pp. 110–115.

¹⁵ Rinser L. *Op. cit.*, S. 60.

Утром 12 февраля народные массы во главе с левыми группами и организациями еще были заняты подавлением последних очагов сопротивления прошахских элементов, а Хомейни и его сподвижники уже держали в своих руках все рычаги правления. Новый премьер объявил о первых и наиболее важных назначениях в правительстве, в которое не вошел ни один представитель левых сил, ни один трудящийся. Хомейни, ставший фактическим правителем Ирана с широчайшими полномочиями, одержал полную и окончательную победу над своим заклятым врагом — шахом Мохаммедом Реза Пехлеви. Задача возвращения революционной волны в «исламские берега» окажется, однако, гораздо более сложной и трудной, чем низложение монарха.

С 1 марта 1979 г., с трудом добившись некоторого успокоения Тегерана, имам покинул огромную, прсникнутую западным влиянием и космополитизмом столицу и переехал в Кум, центр религиозной пылкости и воинствующей ортодоксии, аскетизма и благочестия. Здесь, в глубине пыльного и узкого переуллка, в небольшом полуторазтажном доме, в комнате, лишенной всякой мебели (лишь постель на полу и книги), которая станет и жилищем и канцелярией, сидя на ковре в окружении ближайших советников, в основном родственников, имам будет принимать посетителей, в том числе официальные иностранные делегации. Жизнь его будет так же проста и скромна, как у пророка: первая молитва до рассвета, чтение Корана, скудный завтрак, работа, дневной сон и т. д.

Отныне все дороги должны вести в Кум, место пребывания фактического правителя страны. Сюда каждый четверг будут ездить запросто в маленьком автобусе премьер-министр с членами кабинета, а в остальные дни — другие официальные и неофициальные (но главные) лица. Никаких протоколов, никаких досье. Имам не должен вступать в пространные беседы — он только выносит решение, зачастую подменяя его притчей, дает указания общего характера, возлагая на исполнителей заботу трактовать их по своему разумению. У имама слишком много больших забот, чтобы заниматься текущими мелочами. В стране появилось множество общественных и политических организаций, ассоциаций, групп (в одном только Тегеране их было больше ста), придерживающихся самых различных взглядов на будущее социальное и политическое устройство, — от крайне правых до крайне левых. Расхождения такого рода разъедали и духовенство, и ближайшее окружение имама, разделяли даже самых близких его советников и помощников.

Объединить все группы духовенства, сплотить все социальные слои — значит уметь быть по необходимости и либералом, и радикалом, и консерватором, и прогрессистом, и крайне правым, и крайне левым. Каждая из этих позиций, однако, должна выступать лишь как средство утверждения ислама в общественной, и в первую очередь политической, жизни страны. Именно поэтому Хомейни не может позволить себе открыто поддерживать ни одну из общественных и политических группировок (в том числе самых архиисламских). Предоставив им всем возможность бороться между собой за право интерпретации «курса имама», он обязан становиться на чью-либо сторону только тогда, когда почувствует угрозу институциональному равновесию государственного управления. Эта политика «стабилизирующего конфликта» — единственная реальная возможность не только успешно регулировать соотношение центростремительных и центробежных тенденций в рядах исламских политических сил, но и выступать в роли, гарантирующей от каких-либо обвинений в ответственности за действия кабинета министров и всех остальных государственных органов и в то же время способствующей практическому формированию такого курса, который медленно, но верно привел бы к воплощению в жизнь идеи «исламской республики».

Придерживаясь подобного образа действий во всех перипетиях ожесточенной внутриполитической борьбы, развернувшейся в стране после

победы февральского вооруженного восстания, Хомейни всякий раз оказывался в наиболее выгодной для него позиции, позволявшей ему неизменно фигурировать в роли «отца нации», незапятнанного и безупречного, уставшего от интриг, ведущихся вокруг него, но отнюдь не ответственного ни за одну из них. Не мешая соперничающим и даже враждующим группировкам истолковывать свои высказывания в желательном им духе и благоразумно не называя прямо ту из них, на которую ему приходилось обрушиваться в момент угрозы институциональному равновесию государственного управления, он сохранял уважение каждой из этих группировок до тех пор, пока не запрещал окончательно ее политическую активность. Этим «правилам игры» были вынуждены подчиниться и леводемократические организации, в том числе коммунисты.

При таком положении авторитет и полномочия имама с самого начала почти никто не оспаривал, за исключением отдельных светских леволиберальных и левоэкстремистских групп, заявлявших, что они не намерены менять «тиранию короны на тиранию тюрбана», и некоторых религиозных и политических организаций национальных меньшинств, в особенности курдов-суннитов, выступавших за национальную автономию вопреки установке на единство всей мусульманской общины. За это они поплатились: уже через несколько месяцев после февральской победы на них были обрушены жесточайшие репрессии, в результате которых светская леволиберальная оппозиция полностью сошла с политической арены Ирана, а в Курдистане началась необъявленная война, ставшая постоянно действующим — то затухающим, то вновь разгорающимся — фактором политической жизни страны.

Хомейни еще до восстания прямо заявлял, что в своих действиях руководствуется «нормами Закона» и — сверх того (хотя это вовсе и не обязательно) — «волеизъявлением подавляющего большинства народа». Основанием к тому были массовые демонстрации того периода, воспринимавшиеся им как своего рода референдумы в пользу «исламской республики» и его личного права добиваться ее установления теми средствами, какие он сочтет наиболее подходящими. Борясь с любыми отступлениями и отклонениями от поддержанного большинством участников революции лозунга: «Не левым, не правым, а исламу», — он не просто проявлял требуемую от исламского лидера последовательность, но и выступал, как ему хотелось думать, в защиту того порядка вещей, за который народ почти единодушно проголосовал и в ходе официального референдума 30—31 марта 1979 года. Правда, он не видел особой необходимости в его проведении и согласился на него лишь по совету «мирских мулл» из своего окружения. Но на следующий день после референдума, на котором населению был предложен вопрос: «За монархию или исламскую республику?», — он провозгласил начало «правления аллаха» в Иране, а страна получила официальное наименование — Исламская Республика Иран.

Мог ли Хомейни позволить после этого леволиберальным группам интеллигентов свободную деятельность, которая могла быть использована для противодействия предстоящему утверждению «исламской конституции»? Он, конечно, понимал, что без помощи технократической интеллигенции вряд ли возможно осуществить традиционалистскую по сути программу в условиях современного (и даже полусовременного) государства, переживающего к тому же период революционного подъема. Духовенству предстояло еще овладеть основными рычагами управления гражданским обществом, а слишком открытые и прямые попытки установления в стране «порядка и безопасности», необходимых для перехода к «исламскому правлению», могли дискредитировать религиозных деятелей в глазах революционно настроенных масс и тем самым способствовать дальнейшему укреплению позиций левых сил.

Хомейни в отличие от большинства его окружения видел все опасности и — равным образом — возможности сложившейся ситуации. Назначение им премьер-министром Базаргана, пользовавшегося поддержкой не только большей части либеральной интеллигенции как умеренной, так и близкой к левым кругам, но и массы мелких торговцев, средних и мелких предпринимателей, служащих государственных и частных предприятий, офицерского корпуса, могло помочь сохранению общего контроля над положением в стране, тем более что новый глава правительства сразу же и без устали начал пропагандировать тезис о том, что со свержением шахского режима «революция должна закончиться».

Утвердившийся у верховной власти имам имел возможность использовать политику гражданского кабинета министров в собственных интересах, не теряя при этом престижа «отца нации». Используя попытки премьер-министра ликвидировать революционные комитеты и революционные трибуналы, возникшие в ходе антишахской борьбы в результате революционной самодеятельности масс, духовенство со временем полностью подчинило себе эти низовые органы народной власти, превратив их в оружие «исламской революции». То же самое произошло с самоуправленческими комиссиями рабочих и служащих на предприятиях, их заменили смешанными комиссиями в составе мулл, предпринимателей и трудящихся. Оказывая Базаргану негласную поддержку в восстановлении шахской армии и органов безопасности как орудий стабилизации общего положения, духовенство одновременно составило из безработной молодежи, до самопожертвования преданной идеям ислама и лично Хомейни, собственную гвардию — Корпус стражей исламской революции, который использовался в качестве противовеса не только старым вооруженным силам, но и партизанским формированиям левых организаций. В то же время в мечетях создавались тщательно законспирированные штаб-квартиры огромной неформальной организации — «партии Аллаха» (хезболла), объединявшей религиозных фанатиков.

Субъективно для духовенства как прослойки, стремившейся стабилизировать условия своего существования, весьма важным было обеспечить насущные нужды широких слоев народа, составлявших его главную политическую опору в борьбе за создание «исламской республики», — без них оно было бы полководцем без армии. Возглавляемое же Базарганом правительство добивалось реализации торгово-предпринимательскими кругами тех позитивных достижений революции, которым объективно в их интересах способствовало духовенство, но которыми они не могли воспользоваться в полной мере в условиях популистской политики имама.

Базарган под давлением «сверху» вынужден был провести ряд мероприятий патерналистско-благотворительного характера (в том числе увеличение зарплаты, введение пособий по безработице, предоставление бедноте дешевого или даже бесплатного жилья и т. п.), способствовавших удовлетворению самых неотложных нужд части трудящихся. В значительной мере благодаря этому многочисленные проявления социального протеста, имевшие место в стране после февральской победы, не приобрели характера оппозиции новому режиму.

В рамках антизападных, изоляционистских устремлений Хомейни в первое время после февральской победы был проведен ряд мероприятий объективно антиимпериалистического характера, способствовавших расширению иранского суверенитета, в частности установлению полного контроля над нефтяными ресурсами страны. Под давлением экономической необходимости, а также в порядке «перехвата» требований левых сил, была проведена летом 1979 г. национализация части крупной капиталистической собственности: промышленных предприятий, банков, страховых компаний, что резко ослабило позиции узкого слоя местной монополистической буржуазии. При этом иностранным акционерам было обещано выплатить полную компенсацию. В дальнейшем в политике

правительства с молчаливого благословения имама стали проявляться тенденции и к установлению более тесных экономических и политических связей с западными державами.

Одновременно руководимые Хомейни религиозные круги, не считаясь с правительством, усиленно претворяли в жизнь программу исламизации общественных и семейных отношений, образования и управления. В государственных учреждениях проводились одна за другой чистки, имевшие целью изгнать из них лиц, скомпрометировавших себя сотрудничеством с шахским режимом, а затем и членов левых («атеистических») организаций. Суровым физическим наказаниям подвергались также нарушители исламского «морального кодекса».

Базарган, поначалу рассчитывавший добиться полновластия своего правительства, уже с марта 1979 г. неоднократно подавал прошения об отставке в знак протеста против ограниченности предоставленных ему полномочий. И действительно, деятельность всех министерств не только контролировали, но подчас и дублировали многочисленные параллельные органы власти, составленные из религиозных деятелей, предпочитавших, однако, действовать негласно. Хомейни всякий раз отклонял прошения премьера об отставке, чтобы не создавать благоприятных условий для деятельности оппозиционных сил, относительная лояльность которых к имаму обеспечивалась именно наличием между ними буфера в лице правительства Базаргана. В то же время он воздерживался от оказания премьеру полной поддержки, поскольку это могло дать повод для отождествления имама с правительством, которое общественность обвиняла в посягательстве на революционные завоевания, хотя на деле оно стало прикрытием для фактического правления духовенства.

Положение резко изменилось к осени 1979 г., когда экономический кризис, продолжающийся рост стоимости жизни и безработицы, коррупции и спекуляции способствовали углублению массового недовольства. Выступления молодежи за демократические свободы сливались с женским движением за равные права с мужчинами, с борьбой рабочих за превращение заводских и фабричных комитетов в реальное орудие защиты их интересов, с движением безработных за право на труд, с борьбой безземельных крестьян за землю. В последние дни октября по ряду городов Ирана пронесся шквал народных выступлений, авангардную роль в которых играли студенчество и вообще молодежь. В этих условиях представители радикально-экстремистских кругов исламского движения, поощряемые Хомейни, подвергли резкой критике внутреннюю и особенно внешнюю политику кабинета Базаргана как противоречащую «курсу имама». В целях разрядки демократических, антиимпериалистических настроений народных масс клерикалы выступали с громогласными призывами к «новой революции».

Продолжавшиеся в первые дни ноября 1979 г. студенческие демонстрации, еще недавно проходившие под ярко выраженными социальными лозунгами, в результате призывов религиозных лидеров, в том числе и Хомейни, усилить борьбу против США приобрели антиамериканскую направленность. На массовых молитвах теперь все чаще вспоминали, что 22 октября беглый шах прибыл на лечение в Нью-Йорк. 4 ноября наспех сколоченная Организация мусульманских студентов — последователей курса Хомейни осуществила заранее запланированную акцию по захвату сотрудников американского посольства в Тегеране в качестве заложников впредь до выдачи Ирану бывшего шаха.

Действия «студентов-последователей», руководитель которых имел прямой доступ к имаму, получили официальное одобрение Хомейни, назвавшего происшедшие события «второй революцией, еще более крупной, чем первая». Базаргану, ставшему козлом отпущения, пришлось подать в отставку, и имам на сей раз незамедлительно удовлетворил его прошение. Это было началом конца последнего из оставшихся на политической

арене течений либерального лагеря — центристского, а следовательно, и всего движения в целом. У руля правления с этих пор безраздельно утвердилось исламское движение.

2—3 декабря 1979 г. в атмосфере антиамериканской риторики референдум утвердил «исламскую конституцию», заложившую правовые основы создания новой структуры государственной власти в форме первой в современном мире шиитской теократии¹⁶. Хомейни стал де-юре пожизненным всевластным правителем Ирана. Сразу после референдума имаму удалось довольно быстро решить и задачу разгрома остатков либеральных сил, которые после ухода в отставку Базаргана сгруппировались вокруг популярного великого аятоллы Шариат-Мадади, выступавшего против активного участия духовенства в политике и эксплуатации религии в политических целях. В декабре 1979 — январе 1980 г. выступления его сторонников в Иранском Азербайджане были подавлены. Сам Шариат-Мадади до своей смерти (1986 г.) практически находился под домашним арестом. Волна репрессий коснулась и других представителей духовенства, недовольных характером устанавливающегося в стране исламского режима.

В начале января 1980 г. в связи с сердечным недомоганием Хомейни переехал в Тегеран. После двухмесячного пребывания в кардиологической клинике он был поселен в уединенно расположенном особняке фешенебельного пригорода Джамаран на северной окраине иранской столицы. Теперь он реже стал появляться на людях, ограничиваясь в основном церемонным приветствием с балкона и речами по радио и телевидению. Бдительно охраняемые подступы к его дому, у которого постоянно дежурила машина «скорой помощи», уже были, как правило, безлюдны. Канцелярия Хомейни время от времени обращалась к населению с просьбами не беспокоить его визитами и письмами. У имама были дела поважнее: создание новой, исламской, государственной структуры только начиналось.

Политика «стабилизирующего конфликта» в новых условиях осуществлялась в рамках исламского движения. В ходе начавшейся в нем поляризации выделились две соперничающие группы: клерикалы во главе с аятоллой Бехешти и оставшиеся на политической арене «мирские муллы» (Банисадр, Готбзаде и др.). Ряды последних к тому времени значительно сократились: Язди, бывший министром иностранных дел в кабинете Базаргана в последние месяцы его пребывания у власти, после отставки не допускался на ключевые посты; некоторые другие, посидевшие какое-то время в государственных и правительственных офисах в качестве поминальных руководителей, а точнее — объектов для порицания, были затем осуждены либо за «некомпетентность», либо как «агенты ЦРУ». Еще раньше с политической арены были устранены деятели типа руководителя либерально-националистического Национального фронта Карима Санджаби, в свое время без борьбы уступившие Хомейни руководство антишахским движением и потом искусно использованные им для утверждения «исламской республики».

Не желая ставить духовенство в положение, в котором еще недавно находился Базарган, имам решил поставить у руля государственного правления «мирских мулл». Еще в конце ноября 1979 г. Готбзаде был назначен министром иностранных дел — должность, получившая важное значение в условиях ирано-американского конфликта из-за заложников. А 25 января 1980 г. при содействии Хомейни на пост президента страны был избран Банисадр, называвший себя «духовным сыном имама». Последний пошел на значительное расширение полномочий Банисадра, вплоть до передачи ему своих прерогатив как верховного главнокомандующего вооруженными силами страны.

¹⁶ Основной закон Исламской Республики Иран. Тегеран, 1979, с. 33 (на перс. яз.).

Эти действия Хомейни выглядели тем более странно, что президент открыто декларировал намерение добиваться возвращения в мечети «всяких ришелье и мазарини», хотя и под благовидным предлогом: они должны пользоваться лишь «надправительственной властью». Однако политика «стабилизирующего конфликта», в рамках которого гражданская по происхождению президентская власть пользовалась высочайшим покровительством, представляла вполне определенные возможности и клерикалам, относившимся теперь к Банисадру как своему злейшему врагу. При содействии имама аятолла Бехешти и его сторонники получили важные посты в судебных и военных органах, а затем и большинство мест во вновь избранном в марте—мае 1980 г. парламенте, что позволило им полностью нейтрализовать президента.

Таким образом, Хомейни вновь подтвердил курс на установление политической власти духовенства не только путем выдвижения на передний план светских деятелей (используемых в качестве прикрытия его политической гегемонии и громоотвода возможного народного недовольства), но и непосредственно — на самых ключевых и в то же время теплых постах. С весны 1980 г. по всей стране началась санкционированная имамом «великая исламская культурная революция», составной частью которой были меры и по ослаблению позиций левых сил. С августа клерикалы взяли в свои руки формирование кабинета министров, возглавленного преданным им светским деятелем — Мохаммедом Али Раджаи. Под их контроль перешли и все звенья исполнительной власти, тогда как президент практически оказался в положении «третьего лишнего».

Ожесточенная внутренняя борьба в руководстве страной протекала в условиях продолжающегося конфликта с США из-за заложников, затянувшегося до января 1981 года. Этот искусственно вызванный внешнеполитический кризис, однако, уже начал утрачивать свое значение в качестве фактора сохранения «исламского единства». В свою очередь США уже достаточно использовали акцию Ирана в интересах укрепления своих позиций в районе Персидского залива и теперь добивались компенсации огромных потерь американских корпораций в результате иранской революции. В то же время не было удовлетворено ни одно из первоначально выдвигавшихся Ираном требований, в том числе о выдаче бывшего шаха (в июле 1980 г. он скончался в Египте).

12 сентября того же года Хомейни выступил с обращением к мусульманам всего мира. В этом послании он впервые выдвинул условия освобождения американских заложников, что открывало путь к удовлетворению всех претензий США. Дело в том, что в это время разразился новый внешнеполитический кризис: 22 сентября — в ответ на массированные обстрелы иранской артиллерией пограничных населенных пунктов Ирака в начале того же месяца — иракские войска вступили на территорию Ирана.

Этот возникший на почве пограничных и территориальных столкновений и затянувшийся на восемь лет самый кровопролитный со времен второй мировой войны вооруженный конфликт имел своими глубинными причинами противоречия политико-идеологического порядка между руководством двух стран. Ирак обвинял режим Хомейни в обскурантизме, мракобесии и следовании великодержавной, экспансионистской политике шаха, а Иран — режим иракского президента Саддама Хусейна в антиисламском характере, проявляющемся, в частности, в противодействии экспорту «исламской революции». Причины военного конфликта коренились и в стремлении каждой из сторон решить с его помощью внутриполитические проблемы. Для Хомейни, определившего этот конфликт как «священную войну между исламом и богохульством», он стал на первых порах новым фактором национального сплочения. «Мы должны благода-

рить Аллаха за эту войну, которая объединяет нас», — говорил он в одном из выступлений¹⁷.

Постоянно заявляя о необходимости вести войну до «полной победы», сколько бы времени и жертв она ни потребовала, имам фактически открывал долго действующий канал разрядки демократических, антиимпериалистических настроений народных масс. Дух самопожертвования, культивируемый им в массах, побуждал не прошедшую серьезной военной подготовки иранскую молодежь добровольно принимать мученический венец. Десятки, а то и сотни тысяч мальчишек 12—16 лет ценой своей жизни разминировали иракские минные поля, откликаясь на призыв Хомейни «пролить кровь для оплодотворения революции» и надеясь такой ценой «заработать» обещанную им «путевку» в рай. По различным подсчетам, Иран потерял в войне от 500 тыс. до миллиона человек убитыми и ранеными.

Разработанная Хомейни еще в эмиграции доктрина экспорта «исламской революции»¹⁸ стала составной частью внешнеполитической концепции Ирана. Именно она освящала применяемые «воинами ислама» не только в мусульманских, но и в других странах мира средства и методы борьбы. «Воинами ислама», готовыми решить проблемы Ирана и всего мира «в духе мученичества», должно было, по мысли имама, стать все население страны. Смертников-добровольцев для действий за ее пределами готовили в специальных лагерях из «отборной» части люмпенско-пауперских «низов», так же как для действий внутри Ирана в мечетях собирали членов «партии Аллаха», ставших «профессионалами манифестаций», блюстителями «порядка и законности», поборниками «исламской нравственности и морали». Обычно акции «воинов ислама» использовались в качестве средства давления на то или иное государство в целях получения определенных уступок; в случае неудачи от действий «воинов» отрешивались со ссылкой на то, что доктрина экспорта «исламской революции» имеет лишь идеологический характер.

Впрочем, все это преподносилось внутри страны в настолько благоприятном для Ирана свете, что не только не мешало, но, напротив, даже помогало Хомейни в битве за умы, сердца и души тех, кого должна была облагодетельствовать «исламская революция». Между тем борьба в высших звеньях власти Исламской Республики с начала 1981 г. приняла еще более ожесточенный характер. Хомейни, выступая в своей обычной роли арбитра, внешне держался в стороне от нее. Отказываясь принять сторону какой-либо из фракций, он от случая к случаю критиковал то одну, то другую и постоянно призывал к единству.

Положение начало изменяться, когда Баписадр, фактически оттесненный клерикалами от участия в решении большинства государственных дел, стал склоняться к тактическому союзу с оппозиционными леворадикальными организациями и попытался привлечь на свою сторону армию — другую основную силу, способную составить реальную угрозу «исламскому правлению». 10 июня 1980 г. Хомейни, уступая требованиям аятоллы Бехешти, второго «сильного человека» режима, освободил президента от обязанностей верховного главнокомандующего. Спустя десять дней имам позволил клерикалам поставить в меджлисе вопрос о «политической компетентности» Банисадра. Обвиненный в развале экономики, просчетах в ведении военных действий и вообще в отходе от «курса имама», президент был смещен со своего поста. Вскоре он тайно бежал из страны. В близких к Хомейни религиозных кругах эти события трактовались как начало «третьей революции».

Волна террора, захлестнувшего страну в результате противоборства режима и леворадикальной оппозиции, унесла жизнь многих близких

¹⁷ The Sunday Times. 12.X.1980.

¹⁸ K h o m e i n y R. Principes politiques, pp. 22—37.

имаму деятелей — аятоллы Бехешти, премьер-министра Раджаи и др. Но недостатка в людях, готовых содействовать переходу к прямому правлению духовенства, Хомейни не имел. В сентябре 1981 г. президентом Исламской Республики стал представитель среднего звена духовных лидеров — ходжат-оль-эслам Али Хосейни-Хаменеи. Все другие руководящие посты также заняли либо религиозные, либо преданные им светские деятели. Впервые взяв на себя непосредственное руководство государственным управлением, духовенство тем самым поставило себя в положение, в котором ранее находились Базарган и Ванисадр.

В поисках новых приемов мобилизации масс для борьбы с вооруженной оппозицией Хомейни поставил вопрос о превращении всего населения страны в добровольных осведомителей органов безопасности. Из его тщательно охраняемой резиденции, окруженной зенитными орудиями и средствами наземной защиты, периодически раздавались призывы к созданию по всей стране сети взаимной слежки и всеобщей подозрительности. Доносы родителей на детей, детей — на родителей, братьев и сестер, а всех вместе — на знакомых, соседей, друзей возводились в ранг национального и религиозного долга. С течением времени имам смог решить главную свою задачу: вооруженной оппозиции не удалось перейти от политических убийств к уличным боям, и к концу 1982 г. размах и результативность ее деятельности значительно ослабли. Итогом были усталость, апатия, безразличие, растущее разочарование большинства населения, а вместе с тем и постепенная стабилизация установившегося в стране режима шнитской теократии.

Это позволило Хомейни и руководимым им исламским властям с начала 1983 г. развернуть наступление на левые силы, в основном на коммунистов в лице Народной партии Ирана и близкие к ней организации, рассматривавшиеся как потенциальные противники нового режима, несмотря на их заверения о политической лояльности. Главная цель имама была достигнута: в стране практически не осталось организованных политических сил, способных составить реальную альтернативу исламскому режиму. С политической арены были устранены не только бывшие союзники по антишахской коалиции, но и многие ближайшие сподвижники и доверенные лица Хомейни. В сентябре 1982 г. был казнен Готбзаде, еще недавно являвшийся правой рукой Хомейни. Репрессиям подверглось и большое число религиозных деятелей среднего звена, считавших установившиеся в стране формы тоталитарного режима противоречащими демократическим традициям шиизма. Да и имам постепенно перестал апеллировать к народу. Место трудящихся масс, ранее периодически выводимых на городские площади и улицы на «демонстрации единства народа и имама», заняли созданные духовенством военизированные организации и подкармливаемые в мечетях «профессионалы манифестаций» из «партии Аллаха».

В последующие годы Хомейни, согласно все шире распространявшимся слухам, из-за состояния здоровья посвящал государственным делам не более одного-двух часов в день, а время от времени позволял себе длившиеся до трех недель (а иногда и месяц) «периоды затворничества». Отрезанный от народа волей репрессий (по данным оппозиции, насчитывалось 50 тыс. казненных и 140 тыс. политзаключенных), имам был озабочен главным образом проблемой обеспечения преемственности власти. В первую очередь необходимо было ублаготворить традиционно настроенную часть высшего духовенства, проявлявшую недовольство сохраняющимися еще радикально-популистскими аспектами политики исламского режима (поскольку они ущемляли интересы представителей крупного торгово-предпринимательского капитала и помещичьего землевладения) и выступавшую за либерализацию внутри- и внешнеполитического курса.

С декабря 1982 г. имам стал открыто говорить о начале периода «стабильности и строительства», «мира и безопасности», о необходимости

положить конец «произвольным арестам и незаконным конфискам», строго соблюдать «священный принцип» частной собственности и другие «свободы личности»¹⁹. За этими словами, как правило, следовали и реальные меры по удовлетворению требований крупного капитала. С течением времени с согласия имама многие из национализированных ранее промышленных и других предприятий, а также земельных владений были возвращены прежним их собственникам. В политике мелкобуржуазного по происхождению режима все сильнее проявлялись тенденции к «примирению» с верхами немонополистической буржуазии, хотя продолжались публичные обличения ее в корыстолюбии и жадности и время от времени проводились кампании против «экономического терроризма».

Вместе с тем Хомейни бдительно следил за осуществлением социально-благотворительных программ помощи в виде безвозмездных пособий и услуг низшим слоям населения. Он периодически во всеуслышание призывал власти не забывать интересы «простого народа», защищать его от алчных посягательств «спекулянтских и коррумпированных элементов», неукоснительно обеспечивать «обездоленным» возможность «присутствовать на политической арене». Таким образом массам внушалась убежденность в том, что только в условиях исламского режима они могут поддерживать свое существование.

Результатом такого маневрирования был практически полный отказ от провозглашенных ранее социально-экономических преобразований и более или менее явно проявляющееся возрождение некоторых аспектов прежней экономической политики. Многие первоначально объявленные лозунги остались декларациями, а догма об «исламской экономической системе» лишилась содержания. На этой основе имаму удалось добиться относительного сплочения различных групп духовенства, которое, приобщившись к активной коммерческой деятельности, превратилось в господствующий слой бюрократически-капиталистического типа. Эта новая супергруппа, правившая в основном из мечетей, опиралась на выросший почти вдвое по сравнению с шахским периодом штат государственных учреждений.

Сложная и громоздкая структура исламской государственной власти была построена таким образом, что в ее контрольных и судебных звеньях преобладали традиционалисты-консерваторы, ратующие за дальнейшее расширение свободы частного предпринимательства, а в исполнительных и части законодательных — сторонники «курса имама» (в основном из светских деятелей), использующие радикально-популистские лозунги, чтобы сохранить поддержку исламского режима «низами». Над обеими соперничающими фракциями, как и прежде, стоял имам.

Хомейни удалось, хотя и с большим трудом, добиться признания своим преемником аятоллы Хосейна Монтазери, религиозного деятеля, не обладавшего и долей той популярности, которой пользовался имам. Однако назначение Монтазери, состоявшееся в ноябре 1985 г. и получившее подтверждение в июле следующего года, не мешало ни Хомейни, ни близко стоящему к нему председателю меджлиса ходжат-оль-эсламу Али Акбару Хахеми-Рафсанджани, в свое время много сделавшему для этого назначения, постоянно «подрезать крылья» преемнику имама, чтобы крепче держать его в руках²⁰. Сталкивая и примиряя соперничающие группировки, Хомейни ни разу не перешел ту грань, за которой могла возникнуть угроза институциональному равновесию в различных звеньях исламского режима.

¹⁹ Некоторые иранские авторы не без оснований квалифицируют этот поворот как начало «термидорианского» перерождения исламского режима, «выздоровления от болезни революции» (Bashiriye h N. *The State and Revolution in Iran*. Lnd. 1984, p. 179).

²⁰ *Le Monde*, 21–22.IX.1986.

В области внешней политики уже с конца 1981 г. политика «блестящей изоляции» стала нарушаться систематически и целенаправленно, а спустя три года Иран приступил к планомерному установлению и расширению своих связей с внешним миром, используя тактику пажима и переговоров. Определяющую роль в развитии внешнеполитических связей играла сохранявшаяся, а то и усилившаяся зависимость народного хозяйства страны от мирового капиталистического рынка, ставшего в условиях ирано-иракской войны основным источником его снабжения боевой техникой и военным снаряжением. При этом тайный ввоз оружия из таких стран, как Израиль и США, с которыми Иран не имел дипломатических отношений, осуществлялся под прикрытием проклятий в адрес «империализма» и «сионизма», с которыми выступали деятели исламского режима.

Разгоревшийся на этой почве в 1986—1987 гг. шумный политический скандал, получивший в США название «ирангейта», в Иране был замят в самом зародыше. Восемью депутатам меджлиса, которые вознамерились выразить сомнение в достоверности официальной правительственной версии событий, оказалось достаточно задать короткий многозначительный вопрос: «Почему вы находитесь под влиянием иностранной пропаганды?»

Подчинив внутреннюю и внешнюю политику страны потребностям и нуждам войны с Ираком, Хомейни вплоть до середины 1988 г. изо дня в день призывал население быть готовым вести ее в течение десятилетий. Он отказывался от каких бы то ни было мирных переговоров и даже от временного прекращения огня. Выдвигая всякий раз заведомо неприемлемые для Ирака условия, имам легко обосновывал внутри страны необходимость продолжения военных действий. «Война против Ирака,— говорил он в ноябре 1986 г.,— будет продолжаться независимо от того, буду я жив или нет, ибо это — религиозный долг»²¹. Между тем на кладбище Бехеште-Захра, несмотря на разбивку все новых и новых квадратов, в каждом из которых было 10 тыс. могил, новым «мученикам войны» уже не хватало места.

В июле 1988 г. Хомейни удивил не только иранцев, но и весь мир, выступив с заявлением, в котором без всяких предварительных условий высказался за прекращение военных действий и начало переговоров с Ираком. Принять это решение, сказал он, было гораздо тягостнее, чем проглотить яд. В полуторачасовой речи по радио, произнесенной с большими паузами, а иногда почти неслышным голосом, имам признал, что нарушил свое же собственное обещание «сражаться до последней капли крови»²². Это заставило многих наблюдателей вспомнить о его ответе на опубликованное в мае того же года письмо великих аятолл Гольпаегани и Мараша-Наджафи. Эти религиозные деятели умоляли Хомейни согласиться на переговоры о мире, поскольку стало ясно, что война катастрофически усугубляет недовольство внутри страны. Тогда он гордо ответил им: «Вместо того, чтобы волноваться, лучше помолитесь о том, чтобы Хомейни умер!»²³

В течение ряда лет в западной печати периодически появлялись сообщения о скорой кончине Хомейни, пораженного множеством недугов. Но он именно в миг предсказанного ему телеграфными агентствами конца появлялся на людях. На этот раз он не смеялся над предсказаниями и был настроен серьезно и даже мрачно. Не думал ли он о том, как обеспечить такое укрепление созданного им «исламского правления», чтобы оно смогло выдержать не только резкий поворот в вопросе о войне и мире, но и самое его смерть? Именно ради выживания режима он и прежде не чурался ни больших, ни малых компромиссов.

²¹ Кейхан, 10.XI.1986.

²² Paris-Match, 5.VIII.1988.

²³ Ibid.

Война обострила и без того острые разногласия в правящих кругах страны, часть их опасалась, как бы прорывающееся иногда наружу недовольство отдельных групп населения продолжением военных действий и вызванными ими тяготами не переросло в массовый взрыв. И тут Хомейни впервые за девять с половиной лет пребывания у власти позволил себе публично признать, что действует по совету государственных деятелей, в частности тех из них, кто доказал ему необходимость принять подобное яду решение о переговорах с Ираком. Ни для кого не осталось секретом, что главную роль здесь сыграл новый «сильный человек» Ирана ходжат-оль-эслам Хашеми-Рафсанджани: несколько месяцев назад именно ему Хомейни передал функции верховного главнокомандующего, и именно он теперь в специальном коммюнике объяснил стране причины резкого поворота в отношении к войне. Не было тайной и то, что на этом коммюнике настоял аятолла Монтазери, выступавший против одностороннего объявления о прекращении огня²⁴.

Однако прошло всего восемь месяцев, и Хомейни в конце марта 1989 г. вынудил уйти в отставку своего официального преемника, неоднократно призывавшего положить конец «тысячам казней» и изменить представление об Иране как «стране убийц». За несколько дней до этого Хомейни поставил в упрек Хашеми-Рафсанджани чрезмерное внимание к проблемам инфляции и безработицы. Экономические вопросы не должны отвлекать государственных деятелей от их основной задачи — создания «всемирного исламского государства», а народ готов заплатить за это лишениями, заявил имам. Возрождение «идеалов революции» теперь ему виделось в продолжении спора с Ираком в ходе мирных переговоров, которые велись с августа 1988 г. под эгидой ООН, и в таких кампаниях, как дело британского писателя индийского происхождения Салмана Рушди, осужденного имамом в феврале 1989 г. на смерть за «оскорбление» ислама в романе «Сатанинские стихи».

Одной из главных проблем политической линии Хомейни в течение прошедшего после революции десятилетия было сохранение единства и сплоченности идущего за ним большинства народа, мысливших исключительно на основе признания именно его интерпретации ислама как идеологически интегрирующего фактора. Неприятие этой интерпретации, любая критика, всякий отход от нее имам квалифицировал как отказ от монотеистических принципов религии, а следовательно, от самого ислама. Шиитский лидер имел возможность в целях упрочения государственной гегемонии духовенства противопоставлять друг другу не только «правверных обездоленных» и «капиталистов-идолопоклонников», но и различные общественные прослойки внутри каждого из тех больших конгломератов, которые составляли его социальную базу и политическую опору. Именно таким путем ему удавалось поддерживать в массах миф о своей «надклассовости».

Никто при созданной имамом структуре власти не мог претендовать на большее, чем косвенное политическое влияние. Возникший же вокруг имама ореол бескорыстия вознес его на недостижимые вершины всенародного почитания и поклонения. Всем слоям иранского общества, включая демократически и даже социалистически ориентированную интеллигенцию, до поры до времени не могло не импонировать бескомпромиссное отрицание имамом «общества потребления» и бездуховной «массовой культуры» Запада. А «хилиастические мечтания» раннего шиизма о пришествии мессии, внушаемые лишенным собственности люмпенско-пауперским слоям, позволяли посулами возврата «потерянного рая» — если не на этом, то на том свете — мистифицировать массовое общественное сознание и манипулировать политическим поведением народа.

²⁴ Rossella C. Perché Khomeini ha scelto la pace.— *Panorama*, anno XXVII, № 1163, 31.VII.1988, pp. 72—74.

В условиях искусственно форсируемой шахом капиталистической индустриализации страны по западным образцам ближайшая насущная задача революционной антишахской борьбы состояла в смягчении, амортизации последствий несбалансированного буржуазного развития. Эту задачу политика Хомейни решила по-своему: разрушения, причиненные одной только войной с Ираком, по некоторым данным, достигли астрономической суммы — 700 млрд. долларов²⁵. Сразу после прекращения военных действий западный деловой мир не без поощрения местных властей начал активно готовиться к «восстановительному периоду» в Иране.

Нельзя не учитывать и того, что консервативные черты культурно-религиозной политики Хомейни объективно служили расчистке пути для широкого и массового развития капитализма «снизу», для свободной и независимой эволюции традиционных слоев населения. Но это объективно позитивное содержание его программы не так-то просто было реализовать. Проявлением возникших трудностей и был переход социальной политики режима от воинствующего мелкобуржуазно-популистского радикализма к заурядному буржуазно-реформистскому либерализму. Отсюда же постоянные поиски внешнеполитических кризисов, прокламация курса на молниеносное изменение основ существующего международного экономического и политического порядка и экспорт «исламской революции», а внутри страны — попытки изменения системы потребностей населения, способствующие внесению во внешнеполитическую линию противоречащих ее основной направленности элементов самоизоляции. Однако экстремистская риторика в публичных заявлениях превосходно уравнивалась гибкостью и реализмом практической политики, радикализм методов — консерватизмом целей, тактика открытого давления и нажима — готовностью к закулисным переговорам и тайным сделкам, жажда мусульманского мессианства во всемирном масштабе — способностью ограничиться исламским обустройством одной страны.

Коль скоро иранское общество (еще не доросшее до создания «чистой» буржуазной государственности) приняло программу «исламского морального порядка», предложенного взамен шахской политики модернизации²⁶, Хомейни считал себя обязанным вводить в наибольшей степени соответствующую этому порядку форму правления — «исламскую республику» и с присущей ему удивительной последовательностью добивался этого. Будучи в эмиграции, он, по-видимому, не представлял себе, что установление такого политического строя потребует применения самых жестких, диктаторских мер не только от него, но и от всего духовенства. «В действительности, — утверждал Базарган, — аятолла всегда был анти-муллой. Но по возвращении в Иран он испытывал все большее давление со стороны мулл, ибо они составляли его непосредственное окружение»²⁷. Аналогичные мысли уже после бегства из Ирана высказывал Банисадр, обвинявший имама в деспотизме и тирании. Отсюда можно сделать вывод, что Хомейни не осознавал нарастания диктаторских тенденций в своем политическом поведении. Еще в октябре 1979 г. он говорил, что ему «грустно слышать», когда его называют «новым диктатором, новым боссом, новым хозяином»²⁸.

В безграничной, доходящей до фанатизма преданности большей части народных масс Хомейни, очевидно, видел свидетельство правоты своей идейной и политической позиции. Вполне вероятно, он сознавал также, что эта преданность определялась не только его личным авторитетом, но и тем, что традиционные условия, в которых духовенство сохраняло право на существование в качестве особой сословно-корпоративной про-

²⁵ Rossella C. Op. cit., p. 74.

²⁶ См. Afsaneh N. Iran's turn to Islam: from Modernism to a Moral Order.— Middle East Journal, 1987, Vol. 41, № 2, pp. 202–217.

²⁷ Balta R., Rulleau C. Op. cit., p. 161.

²⁸ Daily Mail, 8.X.1979.

слойки, для большинства населения были субъективно и объективно гораздо более приемлемыми, чем шахская «белая революция». Это могло лишь укреплять несокрушимую решительность и завидную последовательность имама, выразившего в первую очередь корпоративно-групповые интересы служителей культа, которые, несмотря на раздирающие их противоречия, единым фронтом боролись за увековечение условий своего социально-экономического положения и установление своего политического руководства обществом.

При всем этом Хомейни можно в известном смысле считать «зеркалом» иранской революции, весьма адекватно отразившим то, что исходило и из рассудка, и из предрассудков широких кругов ее участников, причем в такой форме, что одно оказывалось неотделимым от другого. В одном из первых в западной печати политических портретов имама справедливо отмечалось: «Хомейни — не мулла-фанатик. Не является он и идеальным вождем масс или человеком, умеющим отлично сочетать разные интеллектуальные направления, как изображают некоторые его сторонники. Правильнее всего назвать его традиционным просвещенным вождем иранского народа, всячески старающимся приспособить свое мышление к меняющейся обстановке»²⁹. Предприимавшиеся позже отдельными авторами попытки приложить к Хомейни обычные мерки «религиозного фанатика», «демагога от религии» и т. п. легко разбивались о необычную широту и цельность этой яркой, по-своему обаятельной личности, умевшей завораживать и гипнотизировать, внушать сверхчеловеческую любовь и животный страх, вызывать раболепное почитание и жгучую, испепеляющую ненависть.

Исключительную популярность Хомейни никак нельзя объяснять якобы неожиданно возросшей после многовековой спячки набожностью иранцев, в действительности никогда не отличавшихся особым религиозным рвением. Суть дела скорее всего в некоторых общих законах общественного сознания и коллективных представлений в условиях господства традиционных культур, основанных на мифологическом мировосприятии. Мифологическое же сознание стремится подчинить объективную реальность своему образу мира и игнорирует все то в окружающей действительности, что грозит поколебать такой неподвижный образ. Это, собственно, не религиозное, а квазирелигиозное, псевдорелигиозное сознание, а с точки зрения монотеистической религии — ересь, предназначенная для поклонения реальному идолу — живому человеку, наделяемому божественными атрибутами. Соответствующие нормы политического поведения определяются при этом естественной потребностью влиться в такую систему человеческих связей, в которой удовлетворяется бессознательное стремление человека избежать трудностей выбора и сомнений, подменить индивидуальную ответственность ответственностью коллективной, приобрести чувство осмысленности и целенаправленности собственной жизни.

«Ашура³⁰ — каждый день и Кербела³¹ — повсюду» — этот один из главных лозунгов Хомейни, в котором религиозные символы и образы имеют явный политический контекст, дает достаточно убедительный пример его мифотворческих способностей. Парадигма Кербелы, на протяжении веков использовавшаяся шиитским духовенством в качестве основы квиетистской доктрины приспособления к сильной репрессивной власти, была трансформирована им в бунтарско-революционную идеологию борьбы против тирании. Религиозные образы, применявшиеся имамом в отно-

²⁹ Guardian, 22.I.1979.

³⁰ День гибели внука пророка Мохаммеда Хосейна, чтимого шиитами величайшим мучеником.

³¹ Место гибели Хосейна в Ираке, где он принял смерть от Йезида, «узурпатора» халифской власти, «законными» носителями которой шииты признают только потомков пророка.

шении шаха («Йезид»), США («сатана»), борющегося народа («Хосейн»), нашли отклик и понимание в сердцах всех иранцев, независимо от их отношения к исламу как таковому. Впрочем, Хомейни никогда и не скрывал своего взгляда на проблему соотношения религии и политики. В исламе, неоднократно заявлял он, политических проблем намного больше, чем сугубо религиозных. На протяжении весьма короткого времени имам мог объявлять «религиозным долгом» необходимость выполнения своих прямо противоположных указаний, недвусмысленно подтверждая тем самым, что для него религия — это служанка политики, но не безмолвная, а активно наставляющая свою госпожу.

В январе 1988 г. Хомейни предельно откровенно раскрыл свое отношение к этому вопросу. В противовес всем прежним представлениям и даже некоторым из собственных высказываний он заявил, что власть государства не может быть ограничена рамками божественных предписаний. Государственное управление превышает всех других религиозных обязанностей, включая молитвы, пост, паломничество и т. д. Если выполнение этих обязанностей придет в противоречие с «интересами ислама», государство может наложить на них запрет, поскольку власть правительства важнее «исламского закона»³². Получалось, что оно вправе действовать помимо шариата и вопреки ему.

С большинством народа Хомейни объединяла, следовательно, не приверженность духу и букве ислама. Базарган говорил, что «природа отношений Хомейни с массами совершенно особая: они одинаково мыслят, говорят на одном языке, иногда достаточно одного жеста, чтобы они поняли друг друга. Я никогда ни у кого не встречал такой способности истолковывать волю и настроения масс, способности общения с ними посредством одного взгляда или нескольких слов, сказанных издали»³³. Даже толкая людей на самопожертвование, имам взывал не столько к их религиозным чувствам, сколько к тому сокровенному, глубинному и неотъемлемому, что скрыто в тайниках любой человеческой души.

Вольно или невольно стимулируя культ собственной личности, Хомейни вместе с тем поначалу постоянно пропагандировал и «культ массы». «Вы одни выиграли дело революции,— без конца повторял он, обращаясь к толпе.— Не либералы, не левые и коммунисты, не представители интеллигенции, не торговцы базара»³⁴. В результате какое-то время два культа взаимно питали друг друга. Но первый культ, как было predetermined с самого начала, оказался более стойким, чем второй, хотя, конечно, прежний ореол бескорыстия поблек, былая популярность потускнела. Прошедшее десятилетие, завершившееся смертью имама 3 июня 1989 г., стало восприниматься подобно остановившемуся времени или затянувшейся по неизвестным причинам вечности, а бурные восторги сменились томительной неопределенностью ожидания новых перемен.

³² Le Monde, 25.VIII.1988; International Herald Tribune, 4.IV.1988.

³³ Цит. по: О л ь ш а н с к и й Д. Ф. К политико-психологическому портрету аятолы Хомейни. В кн.: Современный Иран. Этапы и особенности революционного процесса. М. 1984, с. 83–84.

³⁴ Die Welt, 20.IX.1979.

СТАЛИН И ЕГО ВРЕМЯ

А. В. Антонов-Овсеенко

После XVII съезда партии они беседовали с глазу на глаз, Киров и Сталин. Генсек уже знал все о тайном совещании на квартире Орджоникидзе. Киров ничего не отрицал. Он отклонил предложение товарищей, ибо не чувствует себя готовым возглавить партию и государство. «Но ты сам своими действиями привел к этому. Ведь мы предупреждали тебя...»¹

Вновь избранный Центральный Комитет собрался на организационный пленум. Сталин предложил избрать Кирова секретарем ЦК. Тот категорически отказался. Его поддержал Орджоникидзе: «Здесь, в Москве, у нас людей хватает, а в Ленинграде Киров нужен». Намерения хозяина не трудно было разгадать. В Ленинграде Киров проводил самостоятельную политику, пытался убедить так называемых бывших оппозиционеров в правильности линии ЦК. Но Сталин от своих планов так легко не отступался. «Я думаю, — настаивал генсек, — можно совместить обе должности. Пусть Сергей Миронович будет и секретарем Ленинградского обкома, и секретарем ЦК»². Избрание состоялось. Однако кабинет Кирова в ЦК пустовал, он даже не заходил туда ни разу...

Покидая вечером того памятного дня здание ЦК, Киров имел все основания опасаться за свою жизнь. Об этом он сказал Ф. Д. Медведю, полномочному представителю ОГПУ в Ленинграде, с которым работал там вместе уже более четырех лет. В центральном аппарате НКВД ситуация, сложившаяся наверху, стала ясна сразу. Гибель Кирова предрешена — об этом толковали в гостинице НКВД на Сретенке («Селект»)³.

Находясь в Сестрорецке, он пригласил старого друга, рабочего Алексея Севостьянова. С ним Киров познакомился в бытность первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана на строительстве Шалларского водопровода. Там, в горах близ Баку, они вместе охотились. В Сестрорецке Киров сказал другу: «Алеша, моя голова уже на плахе. Меня убьют». (В 1959 г. Севостьянов работал в Министерстве черной металлургии. Он оставил комиссии Президиума ЦК КПСС короткие воспоминания о беседе с Кировым летом 1934 г. в Сестрорецке и обещал описать все подробно. И не смог выполнить обещания: по возвращении домой он скоропостижно скончался...)

Севостьянов не единственный чудом уцелевший свидетель. Киров высказывал опасения за свою жизнь и давнему своему другу, секретарю Выборгского райкома партии Петру Смородину, в присутствии его жены Елены.

Софья Львовна, старшая сестра жены Кирова, по прошествии многих лет после убийства расскажет, как Киров жил с февраля 1934 г. в ожидании смерти. Каждое утро Мария Львовна выходила на балкон и про-

Продолжение. Начало см. «Вопросы истории», №№ 1–4.

¹ Свидетельство С. Л. Маркус.

² Из воспоминаний С. Л. Маркус.

³ По воспоминаниям И. П. Алексахина.

вожала мужа взглядом до автомашины. И так — все десять месяцев, вплоть до 1 декабря. Постоянный страх за его жизнь, и как эпилог — потеря рассудка после гибели Кирова. Во время войны Софья Львовна увезла больную сестру из блокадного Ленинграда. Скончалась она внезапно, в кровати, слушая по радио репортаж о XXII съезде партии⁴.

Примерно через месяц после XVII съезда ВКП(б) генсек стал часто вызывать Кирова в Москву. Он и прежде резко критиковал его за разного рода упущения, теперь же устраивал настоящие разносы. На заседаниях Политбюро Сталин демонстрировал свою власть. Если кто-либо пытался ему возражать, хозяин покидал кабинет. Тогда за ним посылали Кагановича или Кирова, подолгу ждали возвращения... Споря с Кировым, вождь обычно отвергал его предложения. Он требовал выявлять и уничтожать «врагов народа», которых в Ленинграде «тьма развелась благодаря ротозейству обкома». Киров наотрез отказывался участвовать в избении ленинградских партийных кадров. Когда Медведь незадолго до XVII съезда партии представил ему список бывших оппозиционеров, подлежащих изоляции, то санкции на арест не получил. Полномочный представитель сообщил, что эти люди ведут себя весьма подозрительно, часто встречаются. «Ну и что из этого?» — спросил Киров⁵. Сталин же снова и снова упрекал его за то, что он «либеральничает» с оппозицией — для того только, чтобы укрепить свой личный авторитет.

После каждого очередного нагоняя в кабинете генсека Киров возвращался в Ленинград в подавленном состоянии, долго не мог успокоиться. Его секретарь спустя два десятилетия показала комиссии Президиума ЦК КПСС: «Киров так горячо спорил со Сталиным по правительственному телефону, что порой терял самообладание и бросал трубку»⁶. Однажды секретарь МК и МГК Лазарь Каганович, с трудом сдерживая искреннее негодование, доложил на заседании Политбюро, что московская организация умеет ценить товарища Сталина и отдавать должное его гению. А вот о ленинградских товарищах этого не скажешь⁷. Пришлось Кирову вызвать всех секретарей ленинградских райкомов и предложить им перестроить работу — решительно поднимать авторитет генерального секретаря партии в массах.

В Политбюро Киров представлял умеренное крыло ЦК. В тридцать втором году он был вместе с теми, кто выступал против казни Рютина. Киров высказался за умеренную политику в голодающей деревне. Он предлагал не диктовать писателям, художникам партийную волю, а создавать атмосферу доверия между творческой интеллигенцией и властью. Были у Кирова разногласия со Сталиным и по вопросам международного коммунистического движения. Не будем, однако, преувеличивать этих разногласий. Киров, как и все сталинцы, призывал к непримиримой борьбе с оппортунистами всех мастей. Он участвовал в травле секретаря Московского комитета партии Угланова, критиковавшего сталинскую политику насильственной коллективизации, и вместе с Серго разоблачал повергнутых «правых» на XVI съезде партии. И славил генсека. «Наша партия, как никогда, едина, монолитна, тверда и сплочена вокруг своего ЦК и вождя товарища Сталина», — говорил Киров на XVII съезде партии⁸. Впрочем, Куба устранил и более преданных.

* * *

Если взглядеться в лица Ли Освальда, Сирхан Сирхана, поразмыслить над их поведением, поступками, то на передний план выступит одна общая черта — это озлобленные неврастеники, люди ущербные, неполноцен-

⁴ Свидетельство О. Г. Шатуновской.

⁵ Из воспоминаний С. Л. Маркус.

⁶ Свидетельство О. Г. Шатуновской.

⁷ По воспоминаниям А. И. Микояна.

⁸ XVII съезд ВКП(б). Стеногр. отч. М. 1934, с. 258.

ные духовно и физически. Таким был и Леонид Николаев. Сын алкоголика, он родился ущербным, ходить начал лишь в 14 лет. Кривые ножки, маленький рост и огромная обида на человечество⁹. Этот портрет повторяется в описании соседки семьи Николаевых по квартире М. В. Шмеркиной: «Небольшого роста, тщедушный, но большая круглая голова. У него очень кривые ноги. Одевался скорее как рабочий, но вел себя дико надменно»¹⁰. Со своей женой, Мильдой Драуле, Николаев познакомился в Луге, где она работала в уюме партии, а он — в уюме комсомола, управделами.

Долго на одной работе Николаев не задерживался, был конторщиком, подручным слесаря, строгальщиком... В 1924 г. вступил в партию. Обиженный судьбой, вечно недовольный, он завидовал совпартслужащим и стремился занять пусть маленький, но ответственный пост. И он получает его. В августе 1932 г. Николаев становится инспектором РКИ в инспекции цен. На эту должность его назначили по рекомендации председателя ленинградской РКИ Н. С. Ошера. Чтобы упрочить свое положение, Николаев поступает в вечернюю партшколу. Летом 1933 г., после ликвидации РКИ, его перемещают в культпропотдел обкома партии. Это совпало с периодом чистки, которую Николаев прошел благополучно одним из первых. После этого он почувствовал себя королем: неизменно садился в первом ряду зала и задавал коммунистам каверзные вопросы¹¹.

С октября 1933 г. Николаев — инструктор комиссии Истпарта. Когда весной объявили о мобилизации коммунистов на железнодорожный транспорт, он попал в список, однако на отборочную комиссию Смольнинского райкома не явился. 8 апреля на общем собрании института его исключили из партии, упомянув при этом и о склочном его поведении. Через месяц райком по его апелляции отменил решение первичной организации, объявив Николаеву строгий выговор. Партийная тройка приняла во внимание искреннее его раскаяние, но отметила следующее: «Николаев держит себя невыдержанно, угрожает парткому», «груб, крайне невыдержан, истеричен»¹².

По воспоминаниям бывшего члена районной контрольной комиссии Д. А. Лазуркиной, на решение тройки повлиял телефонный звонок Ем. Ярославского. Николаев поехал к секретарю ЦКК в Москву и слезно просил дать ему возможность искупить свою вину в рядах партии¹³. В приемной ЦК он оставил письмо на имя генерального секретаря. Николаев поведал ему о своих мытарствах, пожаловался на бездушные чиновников, и особенно — товарища Кирова, который даже не удостоил ответом заслуженного коммуниста. «Дорогой Иосиф Виссарионович! Несправедливыми гонениями меня довели до отчаяния. Я теперь готов на все»¹⁴.

(О, великое, до конца так и не познанное племя секретарей-референтов! Найдется ли когда-нибудь твой Шекспир? Кто он, тот незаменимый, вкрадчиво-незаметный, тот единственный, кто из сотен писем, ежедневно приходящих на имя генсека, отобрал и положил на стол хозяина конверт, наштигованный злобой? В Николаеве хозяин увидел исполнителя своего замысла. Сталин обладал нюхом на преступников.)

В 1958 г. ленинградские сотрудники Комитета госбезопасности сообщили в комиссию Президиума ЦК, что покушения на Кирова предпринимались и до декабря 1934-го. Осенью этого года в Казахстане, куда Киров ездил уполномоченным ЦК по хлебозаготовкам, была устроена

⁹ Свидетельство О. Г. Шатуновской.

¹⁰ Родина, 1989, № 1, с. 71.

¹¹ Свидетельство О. Г. Шатуновской.

¹² Родина, 1989, № 1, с. 71–72.

¹³ Из воспоминаний Д. А. Лазуркиной.

¹⁴ В передаче О. Г. Шатуновской.

авария — автомашина с членом Политбюро угодила в кювет. К счастью, все остались целы. В следующей попытке участвовали уголовники, братья Орловы. В одной из ленинградских тюрем они ожидали смертной казни. Им предложили устроить нападение на Кирова, в случае успеха обещали жизнь. Поздним вечером Орловых подвезли к дому Кирова. Бандиты поднялись по черному ходу и начали ломиться в дверь кухни. Но в доме оказались люди, нападавшие ушли ни с чем¹⁵.

Но кому препоручить готового на все Николаева? Медведь на эту роль не подходит. Не тот характер. С Кировым дружит. Было решено перевести его в Белоруссию, но Киров категорически воспротивился и добился отмены этого решения. Тогда генсек остановился на Иване Запорожце.

Почему Сталин выбрал именно его? В прошлом Запорожец — левый эсер. Службу в ВЧК начал в двадцатом году, был заслан в штаб Нестора Махно. В ОГПУ был заместителем начальника информационного отдела. Высокий, широкий в плечах, остряк и балагур, заводила на пикниках, экскурсиях... Но главное — исполнительный службист. В 1931 г. Сталин направляет его в Ленинград первым заместителем полномочного представителя ОГПУ (с 10 июля 1934 г. — НКВД).

Филипп Медведь просил Сергея Мироновича избавить его от непрощеного зама. Киров позвонил Хозяину. Сталин вспыхнул: «Что вы там выдумываете? Назначение состоялось, Запорожец рекомендован Центральным Комитетом. Решение ЦК обязательно для всех. И пусть твой Медведь не диктует партии кадровую политику!»

Запорожец занялся Николаевым сразу, поручив его заботам доверенного помощника из секретно-политического отдела. Несколько раз Запорожец, в штатском костюме, присутствовал в роли сотрудника-гостя на беседах с Николаевым в чужом кабинете. Неудачливому карьеристу Николаеву нетрудно было внушить, что такие черствые вояжи, как Киров, подрывают партию изнутри. И без того озлобленный Николаев возненавидел Кирова, сосредоточил на нем неутоленную жажду мести. Когда ему предложили «спасти партию», избавить ее от опасного врага, — согласился без колебаний. К тому же сотрудники «по-дружески» сообщили Николаеву, что Киров будто бы состоит в интимной связи с его женой...

Исполнителю дали револьвер, черный кожаный портфель с разрезом, сделанным специально сзади, вверху. При случае он мог достать оружие без помех, не открывая портфеля. И начали обучать стрельбе, возили на закрытый полигон. Внутренне он был уже готов ко всему. Пусть он погибнет, но обессмертит свое имя. «Я пришел в этот мир, как новый Желябов. Я совершу освободительный акт и спасу Россию», — записано в так называемом дневнике Николаева.

(Убийца Авраама Линкольна, Джон Бут, тоже вел дневник. Только страницы, заполненные в дни, предшествующие убийству президента, кто-то успел вырвать прежде, чем дневник попал на стол судьи. Из дневника Николаева — большого блокнота с отрывными листами, заполненного неровными, прерывистыми строчками, — тоже исчезло несколько страниц...) ¹⁶. На одном из листов дневника Николаев начертил маршруты пеших прогулок Кирова.

Сергей Миронович жил на Каменноостровском проспекте, часто ходил в Смольный пешком. Охрана следовала сзади широким веером, прикрывая Кирова с флангов. В октябре к этому вееру безопасности пристроился Николаев. Он двигался обычно на большом расстоянии сзади. Но не остался незамеченным. Дважды задерживали подозрительного человека с портфелем, в котором находилось оружие, записи, приводили в секретно-политический отдел и дважды выпускали по распоряжению Запорож-

¹⁵ Из воспоминаний С. Л. Маркус и О. Г. Шатуновской.

¹⁶ Свидетельство О. Г. Шатуновской.

ца¹⁷. Телохранитель Кирова Борисов и другие сотрудники охраны возмутились, они хотели обратиться к Медведеву. Но их вызвали в секретно-политический отдел, отобрали партийные билеты и заперли в сейф. Николаева приказали не трогать.

Но вот все варианты акции тщательно отрететированы. Николаев подготовлен, день назначен и ... Запорожец выезжает на лечение в Кисловодск. Дальний курорт — алиби надежное. По словам его старшей дочери, Натальи Ивановны, отец летом 1934 г. сломая бедренную кость и несколько месяцев провел в госпитале. Могло ли это обстоятельство помешать Запорожцу выполнить такое задание?

1 декабря в Таврическом дворце на 18 часов было назначено собрание партийного актива Ленинградской области. В 15 часов в Смольном в кабинете второго секретаря обкома М. С. Чудова началось совещание с участием ответственных руководителей города и области. Николаев находился в Смольном с утра, ходил по отделам обкома партии, просил билет на вечернее собрание. Везде отказывали...

16 часов 30 минут. Сергей Миронович входит в подъезд, поднимается по лестнице. Кирова по инструкции везде должен сопровождать Борисов. Сегодня он отстал от Кирова — его приостановили... Николаев в тот момент находился в приемной А. И. Угарова, секретаря горкома партии. Киров шел по длинному коридору, свернул налево в боковой коридор, и в этот момент Николаев вышел из приемной Угарова, приблизился к нему сзади, достал из портфеля наган и выстрелил в затылок. Затем он выстрелил еще раз, вероятно, уже падая в обморок. Услышав выстрелы, члены бюро обкома выбежали в коридор. Сначала решили, что убийца тоже мертв, но он оказался невредим, а пуля ударила в потолок. Чудов подложил под голову Кирова свой пиджак и сказал: «Не подходите, трогать ничего нельзя, это может помешать следствию». И. Ф. Кодацкий, председатель Ленсовета, вытер носовым платком кровь на лице Кирова. Появился Д. Г. Богген, начальник лечебного управления обкома партии. В 17 часов 40 минут прибыл профессор Ю. Ю. Джанелидзе, начальник Военно-медицинской академии. За 25 минут до этого профессор Добровольский констатировал смерть Кирова.

Чудов сказал: «Надо позвонить товарищу Сталину. Я звонить не буду». К аппарату подошел Джанелидзе, вызвал по прямому Москву. «Товарищ Сталин, Сергей Миронович Киров...» не договорив, Джанелидзе опустил руку с телефонной трубкой и сказал Чудову: «Он уже все знает» — и продолжил разговор с генсексом. Доктор М. Д. Гальперина, дежурившая в эти часы в медицинском пункте Смольного, вспоминает: «Внезапно в соседнем кабинете зазвонил телефон. Сказали, что это Москва, у телефона Сталин. К аппарату позвали Джанелидзе. Он вышел и через несколько минут вернулся; став рядом со мной, он сказал: «Как будто спичку обронили...» — так поразила его реакция Сталина на известие об убийстве Кирова»¹⁸.

Генсек немедленно распорядился: «Партактив отменить. Смольный окружить войсками НКВД. Ждите указаний». Около 6 часов вечера позвонил А. Поскребышев и продиктовал текст официального сообщения ЦК: «1 декабря в Ленинграде от предательской руки врага рабочего класса погиб выдающийся деятель нашей партии»... и т. д.

Сообщение венчал призыв к народу: «За окончательное искоренение всех врагов рабочего класса!»¹⁹. Расследование еще не началось, еще не остыло тело убитого, а генсек все знал: кто убил, зачем убил... И как надо ответить на вылазку классового врага.

¹⁷ «Есть основания думать», говорилось в докладе Н. С. Хрущева на XX съезде, что «Николаеву кто-то помогал из людей, обязанных охранять Кирова» (Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 138).

¹⁸ Из воспоминаний Ю. Ю. Джанелидзе.

¹⁹ Ленинградская правда, 2.XII.1934.

Экстренный поезд прибыл в Ленинград рано утром следующего дня. Вместе с хозяином приехали Молотов, Ворошилов, Жданов, Вышинский, Ежов и большое число сотрудников НКВД. Ежову как ответственному работнику ЦК, курирующему НКВД, прокуратуру и органы суда, Сталин поручает возглавить следствие. Центральный аппарат НКВД в этой поездке представляли Г. Г. Ягода, его заместитель Я. С. Агранов и начальник экономического отдела В. Т. Миронов. Следом из Москвы шел второй поезд — с карательным отрядом. В числе прибывших — в качестве следователя Г. С. Люшков. Позднее он опубликует за границей материалы, избличающие Сталина в фальсификации истории гибели Кирова.

Члены Политбюро расположились в Смольном. Генсек знал, кого взять с собой в Ленинград. Молотов, Ворошилов и Жданов (тогда еще кандидат в члены Политбюро) были абсолютно послушны его воле и, что не менее важно, способны на любую низость. Этим он уже опробовал в деле.

Сталин решил допросить Николаева лично. Он надеялся, что в его присутствии фанатик не посмеет назвать настоящих убийц и в предвкушении шумной славы возьмет все на себя. Арестованного доставили в Смольный. Сталин спросил: «Это вы убили Кирова?» — «Да, я», — ответил Николаев и упал на колени. «Зачем вы это сделали?» Николаев указал на стоящих за креслом Сталина начальников в форме НКВД: «Это они меня заставили! Четыре месяца меня ломали! Они сказали мне, что это нужно партии и государству...» Сталин пул болтуна сапогом, тот опрокинулся на спину. Двое с ромбами в петлицах обрушили на его голову рукоятки своих револьверов. Тюремные врачи расскажут через 20 с лишним лет комиссии Президиума ЦК, что им пришлось основательно повозиться, прежде чем они привели Николаева в сознание. Чудов говорил потом секретарю партколлегии обкома, старому большевику Дмитриеву, что он был убежден — Николаева в то утро прикончили²⁰.

Одним из первых прибыл на место происшествия заместитель начальника Ленинградского управления НКВД Ф. Т. Фомин. К тому времени, как он вернулся к себе в управление, в Москве уже знали о гибели Кирова. Вдруг позвонил Ягода. После того как Федор Тимофеевич доложил обстановку, нарком спросил, во что был одет Николаев, не нашли ли при нем вещи иностранного происхождения. Примерно через час Фомину позвонил Сталин. «Он также спросил: во что был одет Николаев, какая на нем была кепка и не было ли заграничных вещей. Получив отрицательный ответ на последний вопрос, Сталин после продолжительной паузы трубку повесил... Что-то было упущено при подготовке ленинградской акции. К такому заключению пришел позднее, поразмыслив немного, заслуженный чекист Фомин. Его воспоминания были в свое время записаны и недавно опубликованы В. Лордкипанидзе²¹.

Террористический акт против Кирова был разработан и проведен сотрудниками НКВД. В этом еще раз убеждают воспоминания члена партии с 1902 г. Д. А. Лазуркиной. Утром 2 декабря прибежал Иовлев, секретарь председателя облисполкома П. И. Струппе. «Я совершил преступление», — сказал ей Иовлев со слезами на глазах. Оказывается, месяц назад к нему пришла женщина, которой срочно понадобилось переговорить с председателем, лично с ним. Струппе был в отъезде, но женщина не решалась открыться его секретарю. Иовлев, член партии с 1913 г., обещал сохранить все в тайне и передать Струппе ее сообщение сразу же по прибытии председателя.

Вот что поведала женщина, жена ответственного сотрудника НКВД. Позавчера, сказала она, в воскресенье, они были вместе с группой чекистов в доме отдыха НКВД в Детском Селе. Когда все выпили изрядно,

²⁰ По сведениям О. Г. Шатуновской.

²¹ Аргументы и факты, 1989, № 6.

заговорили о Кирове. Речь зашла о предстоящем убийстве Сергея Мироновича. В беседе принимал участие муж этой женщины.

Она подбежала к нему: «Ты что делаешь, ты забыл, кто ты?!» «Брось свой глупости! Мало ли, что пьяные скажут. Мы выпили и все...» Но жена не успокоилась и наутро, вернувшись домой, вновь пристала к супругу: «Что вы там говорили об убийстве Кирова?» Когда секретарь доложил об услышанном председателю исполкома, тот решил пригласить женщину, но она была уже в сумасшедшем доме, куда ее поместил заботливый муж.

Выслушав рассказ Иовлева, Лазуркина предложила ему вместе отправиться к Ежову, назначенному председателем следственной комиссии. Иовлев плакал и никак не решался, но Лазуркина взяла его за руку и повела к Ежову. Тот немедленно доложил генсеку. Женщину разыскали и под охраной привели в его кабинет. Сталин вызвал из Свердловской больницы врача-коммунистку и сказал: «Приготовьте комнату, я вам отдаю вот этого товарища, который много перенес в сумасшедшем доме, вы должны ее хранить, как зеницу ока. Никого к ней не пускать совершенно. Она должна быть под охраной в отдельной комнате. Вы к ней будете ходить, отвечать за ее здоровье, когда она поправится, месяца через два, надо ее отправить на юг, в Крым, я вам дам путевку»²².

Разыгравшаяся в Смольном 2 декабря сцена столь важна, что требует назвать еще одного свидетеля. Областной прокурор П. П. Пальгов, также присутствовавший на допросе Николаева, описал ее своему близкому другу, старому члену партии Опарину. И застрелился после беседы с ним²³.

... Сталин спешит извлечь из убийства Кирова максимум политических выгод. Уже 1 декабря было принято постановление Президиума ЦИК СССР о борьбе с террором. Специальным органам вменяется в обязанность следствие по делам о терроре вести ускоренным порядком, а приговоры приводить в исполнение немедленно. Прошений о помиловании ЦИК принимать не будет. Постановлению должно было предшествовать решение Политбюро, очевидно, подготовленное Сталиным экстренно. Хозяин не стал утруждать себя соблюдением приличий: в конечном счете и Политбюро, и ЦК всего лишь исполнители его воли.

(Гитлер, организовав поджог рейхстага, использовал эту политическую провокацию в своих целях. Сталину убийство Кирова было нужно для оправдания массовых репрессий. По данным КГБ, представленным после XX съезда КПСС в комиссию Президиума ЦК, с января 1935 по июнь 1941 г. было репрессировано 19 млн. 840 тыс. человек. 7 миллионов расстреляли, остальных отправили на медленную смерть в лагеря... Гитлер уничтожил в ходе репрессий 200 тысяч немцев.)

Через день после убийства Кирова Сталин вызвал на допрос его телохранителя. Борисова повезли в Смольный из здания управления НКВД по улице Воинова. Посадили в кузов грузовой машины на скамейку за кабиной водителя, с обеих сторон — по сотруднику НКВД. Справа по ходу машины тянулась высокая глухая, без окон, стена склада. В этом месте агент НКВД, сидевший рядом с водителем, перехватил руль и направил машину через тротуар на стену. Толчок, машина остановилась. Никто, кажется, не пострадал. В кузове была молниеносно исполнена вторая фаза запланированной операции: охранник ударом железного лома проломил Борисову голову. Для гарантии ударил еще раз.

Никто из участников операции не получил даже ушиба в этой «аварии», пострадала лишь правая фара машины. Шофер развернул грузовик и поехал назад в гараж. Ему доведется пережить Сталина — случай редчайший, если принять во внимание, что его отправили в истребитель-

²² По воспоминаниям Д. А. Лазуркиной.

²³ Свидетельство О. Г. Шатуновской.

ные лагеря (убийц Борисова благоразумно ликвидировали). После XX съезда партии шофер поведает о пережитом комиссии Президиума ЦК²⁴. В акте медицинской экспертизы записано, что Борисов погиб в результате автомобильной катастрофы. В 1959 г. уцелевшие врачи показали, что смерть наступила от ударов по черепу, нанесенных металлическим предметом. Потом прикончили жену Борисова. В таком деле все свидетели лишние. На всякий случай ее упрятали в психиатрическую больницу, а там отравили.

Жену второго секретаря обкома Чудова, председателя Леноблсовпрофа Л. К. Шапошникову как члена семьи изменника родины отправили на 8 лет в лагеря. Сидела она в специальной зоне для жен врагов народа при Томской тюрьме. В 1938 г. ее приказали привезти в Москву, прощаясь с подругами, она сказала: «Видно, лагеря для меня мало. Мы больше не увидимся». Ее казнили вслед за мужем.

* * *

Как только Николаева привели в чувство после допроса, за него припаялись опытные костоломы. Избиения, изнуряющий режим — все, что полагается. Николаев был сломлен, пребывал в подавленном состоянии. Почти каждый день просил бумагу и ручку, писал письма Сталину. Четверть века спустя они оказались в распоряжении комиссии Президиума ЦК — 19 писем на имя генерального секретаря. Потом они исчезли... Николаев пытался разбить голову о стену камеры. Пришлось посадить к нему сотрудника НКВД по фамилии Кацафа. Он был в форме, водил Николаева на допросы и на суде находился рядом с обвиняемым.

Комиссии Президиума ЦК после XX съезда партии Кацафа сообщит, что Николаеву обещали сохранить жизнь, если он признает, что действовал по заданию контрреволюционного террористического центра. Сегодня мы знаем, как возник этот мифический «центр». По прибытии в Ленинград Сталин вызвал к себе сотрудников НКВД и потребовал представить карточки на всех активных в прошлом оппозиционеров. Карточечки были тогда рядовыми сотрудниками. После XX съезда КПСС они, уже в полковничьих погонах, вспоминали, как выполняли поручение генсека. В их присутствии Сталин перебрал карточки и изучил список 22 бывших оппозиционеров, которых Медведь предлагал арестовать за несколько дней до убийства Кирова.

На основе этого списка и карточек генсек собственноручно составил два «террористических центра»: «ленинградский» и «московский». Зиновьева вместе с Камневым он сначала записал в «ленинградский», а потом в «московский центр». Ряд других фамилий он также переставлял из одного «центра» в другой. Эта рукопись была обнаружена в 1960 г. комиссией Президиума ЦК в архиве Сталина. Графологическая экспертиза, проведенная Прокуратурой СССР, подтвердила: документ написан его рукой²⁵.

Но вернемся в год 1934-й. Гроб с телом Кирова установлен в зале Таврического дворца. В почетном карауле — Сталин. Еще раз он встанет в почетный караул перед выносом. Множество венков... Один — огромный, и на виду широкая лента с надписью: «Дорогому Кирову, соратнику по борьбе за коммунизм. И. Сталин». Вождь наклоняется над гробом и целует покойного в лоб. На публике, кроме вдовы, — только он.

Хоронить Кирова решено в Москве, на Красной площади. Траурная процессия двинулась по ул. Воинова — Литейному — Невскому к Московскому вокзалу. Сталин сопровождал гроб лишь два квартала, а потом

²⁴ Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 138.

²⁵ Свидетельство О. Г. Шатуновской.

сел в машину. А на Невском все квартиры с окнами на проспект заняли агенты НКВД. На крышах домов — пулеметы²⁶...

Итак, следствием по делу об убийстве Кирова руководит Ежов. Помимо Люшкова Сталин включил в ежовскую бригаду еще одного проверенного в деле костолома, Д. М. Дмитриева. Позднее генсек доверит ему пост начальника Свердловского УНКВД. Следователя по особо важным делам Прокуратуры СССР Л. Шейнина привез с собой из Москвы Вышинский. Любопытные вещи рассказал ныне покойный Шейнин. Через несколько дней после убийства Кирова начались аресты. В списке «Ленинградского террористического центра» одним из первых значился И. И. Котолынов. Вместе с другими руководителями ленинградского комсомола он участвовал в обсуждении плана публикации книг по истории ВЛКСМ. В кабинетах следователей эти собрания трансформировались в тайные сборища террористов с... участием Николаева.

Сталину было необходимо «пристегнуть» к делу Троцкого, который якобы осуществлял «общее руководство» заговорщиками через некоего иностранного консула. От этого дипломата Николаев будто бы получал деньги. Так значилось в обвинительном заключении, опубликованном 27 декабря за подписями Вышинского и Шейнина.

28 декабря открылось заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. Выездную сессию в Ленинграде возглавил неизменный председатель коллегии В. Ульрих. Когда он поднимал от бумаг свое одутловатое лицо и через очки буравил маленькими глазками очередную жертву, смертника брала оторопь. Над столом зловеще нависла его бритая, заостренная кверху голова с отдающей желтизной лысиной. На шее — складки дряблого жира. И гаденький, вкрадчивый голос в придачу. Этот вурдалак пропустил через судебный конвейер тысячи лучших умов России, сгубил на плахе цвет народа. В компанию головорезов, рядом с Ягодой, Ежовым, Берией, Шкирятовым, Вышинским, Ульрих вписывался органично. Это был весьма существенный рычаг в сталинской машине истребления. И один из самых долговечных.

Подробные показания о ходе суда дал после XX съезда партии комиссии Президиума ЦК уже известный нам Кадафа. Кое-что рассказала приглашенная на заседание знакомая Ульриха. Под видом публики в зале сидели сотрудники НКВД. Председатель допрашивал Николаева в отсутствие остальных обвиняемых. Подсудимый отказался от показаний, данных им на предварительном следствии, и заявил, что никакого «центра» не было. Однако это заявление даже не внесено в протокол. Ульрих методично, неотступно усиливает нажим, то призывая: «Вы должны, вы просто обязаны помочь судебным органам!», то угрожая тяжкой карой.

Николаев, истощенный тюрьмой, подавленный допросом, заметно сдал. Он был близок к капитуляции. А Ульрих продолжал давить: «Вы столько лет состояли в партии, вы же знаете, что для партии нет ничего опаснее политических уклонов. Но ведь троцкисты-зиновьевцы замыслили еще и убийство наших вождей. Своими честными показаниями вы можете разоблачить отъявленных врагов».

В конце концов Николаев подтвердил свои первоначальные «признания»: «Да, в Ленинграде существовал террористический центр. Да, ему поручили совершить террористический акт. Да, руководители центра готовили потом убийство Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича».

Ульрих перевел дух. Можно объявить перерыв в заседании. И вызвать остальных.

Николаева проводили в специальную камеру при коллегии. Там, освобожденный на время от судебного процесса, Николаев опомнился: «Что я наделал?! Я — подлец! Мерзавец! Я предаю невинных людей!

²⁶ Воспоминания Г. Вильдгрубе.

Они ничего не знали, а я их запутал!» Стоящий на часах солдат внутренней охраны Гусев слышал эти вопли. Впоследствии он рассказал об этом в письме Н. С. Хрущеву. Но вот за Николаева принялись следователи. «Что ты жалеешь этих контриков? Ну, показал на них, подумаешь... Зато теперь тебя не расстреляют, ты спас свою жизнь».

После перерыва на скамью подсудимых привели остальных обвиняемых, тринадцать членов «центра» — Котолынова, Румянцева и других. Николаева посадили подальше от остальных обвиняемых. Спектакль продолжался при закрытых дверях. На сей раз Николаев без запинки «обличал» тех, кто сидел на дальней скамье. Котолынов и другие обвиняемые категорически отрицали возведенное на них обвинение и заявили, что все дело от начала до конца сфабриковано.

На второй день процесс завершился. Когда зачитали смертный приговор, Николаев закричал: «А-а-а!.. Обманули! Обманули, сволочи! Обещали три года, а теперь...» Он успел еще послать с порога устроителям спектакля несколько ругательств, и его выволокли из зала суда²⁷.

Казнили осужденных в ту же ночь. Руководил расстрелом комендант здания М. Р. Матвеев. Палач по убеждению, он «кончал» многих «врагов народа» собственноручно, из любви к профессии. Котолынов и тут вел себя геройски. «Все дело сфабриковано! Мы погибаем напрасно!» — успел он выкрикнуть под дулом револьвера Матвеева.

Полковник в отставке Михаил Матвеев. Запомним это имя. И Лев Шейнин. Он не только вел следствие, но и присутствовал при расстреле. По штату полагалось Вышинскому, но заместитель прокурора СССР переложил эту почетную обязанность на выносливые плечи подручного. Шейнин станет потом писателем, то есть членом Союза писателей (их тогда называли «инженерами человеческих душ»). И ничего экстраординарного в этом факте нет. Мог же у Ильфа и Петрова полицейский Небаба переквалифицироваться в музыкального критика...

После совершенного преступления Сталину было необходимо уничтожить исполнителей — тех работников НКВД, кто мог знать о реальном ходе событий. Поскольку в материалах отсутствовали даже намеки на истинную роль Запорожца, его обвинили в «преступной халатности». За это тоже полагалась суровая кара. Однако пособникам «террористического центра» дали всего по два-три года...

Общность судьбы наводит на мысль о соучастии. Филипп Медведь, опытный чекист, мог ли не знать о готовящемся покушении?

Медведь, Запорожец и другие бывшие руководители Ленинградского управления, числом двенадцать, с удобствами устроились в отдельном вагоне. Взяли с собой всякой снеди, патефон и — на Колыму, с музыкой... Начальник «Дальстроя» Ян Берзин устроил ленинградских коллег на командные должности. По случаю пуска моста через Колыму и окончания строительства дороги на дальний прииск руководителей наградили золотыми часами, премировали тремя импортными ружьями. К осени 1937 г. Медведь и Запорожец, отбывшие срок, занимали на «Дальстрое» должности: первый — начальника Кулундинского разведывательного района, второй — начальника «Дорстроя». Но вот последовал вызов в Москву, арест и смертные приговоры, вынесенные специальной комиссией НКВД. 25 декабря их казнили.

Сталин умело подготовил партию к своим палаческим акциям и довел народ с помощью газет, радио и митингов до массовой истерии. Под его диктовку в первые дни декабря, в точном соответствии с новым «законом», в Ленинграде, Москве, по всей стране десятками тысяч расстреливали «белогвардейцев», «троцкистов» и прочих «террористов». Их имена выскивали в протоколах давних съездов и собраний, вытягивали

²⁷ Свидетельство О. Г. Шатуновской.

из посеревших уст истязаемых на допросах. «Правда» призывала «охранять жизнь вождей как знамя на поле битвы».

На поле битвы, как известно, стреляют. На этом фоне арест Зиновьева и Каменева, столько лет деливших со Сталиным власть в партии, прошел гладко.

И убивали, убивали, убивали. Редактором «Ленинградской правды» был Петр Петровский, сын председателя ЦИК Украины Г. И. Петровского. Члена партии с 1916 г., героя гражданской войны Петра Петровского отличали смелость и принципиальность суждений. 30 июня 1928 г. в «Ленинградской правде» он поместил статью «Смелые «открытия». Опровергает ли действительность ленинский кооперативный план», в которой осудил сталинскую политику «военно-феодалной эксплуатации крестьянства». Вряд ли это выступление газеты не было согласовано с Кировым. Сергей Миронович, в отличие от многих партийных руководителей, тотальную коллективизацию едва ли одобрял. В конце 20-х годов, когда процент обобществленных хозяйств в Московской области достиг 70, этот показатель по Ленинградской области составил около 30.

На выступление Петровского генсек отреагировал мгновенно, сняв его с поста редактора. Киров несколько раз пытался переубедить вождя, но Сталин поспешил исключить Петровского из партии и развернул против него кампанию травли. Однако запугать арестами, ссылкой Петровского не удалось. Он примыкает к группе Рютина, участвует в составлении антисталинского манифеста. В августе 1934 г. Петр Петровский переселяется в Москву, и тогда генсек, установив за ним неотрывную слежку, делает жизнь Петровского в столице невыносимой.

...Однажды вечером Петровский прогуливался с женой и полуторагодовалым сыном в районе Сретенки, как вдруг на Рождественском бульваре из темноты вышли двое бандитов. У них в руках были железные ломы, и если бы не ловкость и отвага Петра Григорьевича, встреча завершилась бы его убийством. Это произошло 30 ноября 1934 г., в канун гибели Кирова. Петровский был обречен. Соратник Кирова после третьего ареста (февраль 1937 г.) проходил по процессу Бухарина... Пятнадцать лет заключения, Соловки, Орловский централ и казнь в сентябре 1941 года²⁸.

* *
*

22 декабря народ узнал из «Правды» и других газет о сталинской стряпне: револьвер Николаева направил в сердце партии «Ленинградский троцкистско-зиновьевский центр». Но хозяину очень важно было «привязать» к этому делу Зиновьева и Каменева как руководителей вымышленного «Московского центра». Читатели центральных и местных газет проглотили и это блюдо вместе с известием об аресте недавних членов Политбюро и их пособников.

«Дорогой Иосиф Виссарионович! Мы знаем, что в лице нашего Кирова ты потерял не только своего верного ученика и боевого соратника, ты потерял своего близкого и родного друга». Это из обращения 200 тыс. рабочих Кировского района Ленинграда к Сталину. Они обещают ему «зорче глядеть, повысить свою революционную бдительность, настороженность, еще крепче бороться за уничтожение под корень, до конца последних остатков классовых врагов».

Никого не смущало, что обвинительное заключение построено почти целиком на фантастических «признаниях» Николаева. Показания Котлынова и других «руководителей» террористического подполья отсутствуют... Никто не утруждал себя правдоподобием. «Правда» назвала ли-

²⁸ По свидетельству и материалам Л. П. Петровского.

повое обвинительное заключение «грозным обличительным документом». Разве этого недостаточно?! И последовал шквал народного негодования. Вслед за рабочими вступила интеллигенция. Тысячи студентов и профессоров Ростовского педагогического института требовали «немедленного расстрела всех членов контрреволюционной террористической организации». М. Е. Кольцов выступил со статьей «Убийцы из «Ленинградского центра».

Пройдет три года, и в голове генсека созреет план организации нового «Ленинградского центра». Эта провокация понадобится Сталину для истребления всех соратников Кирова: Михаила Чудова, Александра Угарова, Петра Смородина, Бориса Позерна. Поставленный Сталиным во главе Ленинградского управления НКВД Л. М. Заковский определил на роль провокатора члена партии с 1906 г. Розенблюма, арестованного вместе с другими членами мифического центра. Невыносимые пытки сломили несчастного, и он согласился выступить на суде с разоблачением «террористического центра саботажа, шпионажа и диверсии в Ленинграде». Получив инструкции от сталинского эmissара, он действовал по сценарию, опробованному в декабре 1934 года.

«Вам самому, — сказал Заковский, — не придется ничего выдумывать. НКВД заготовит для вас описание каждого отделения центра. Вам нужно будет тщательно изучить его и помнить все вопросы и ответы, с которыми вам придется иметь дело во время суда. Дело это будет готово месяца через четыре, через пять, может, через полгода. Все это время вы должны будете готовиться, чтобы не скомпрометировать следователя и себя. Ваша будущая участь зависит от того, как пройдет суд и каковы будут его результаты. Если вы начнете завираться и давать неверные показания — пеняйте на себя. Если вы выдержите это испытание, вы спасете свою жизнь, и мы будем кормить вас и одевать до самой вашей смерти»²⁹.

В. Ф. Панкратов в 1919 г. стал начальником Особого отдела штаба 11-й армии, а значит, имел доступ к секретным сведениям о Берии, Багирове и других подручных Сталина. Уволившись в 1924 г. из органов ОГПУ, Панкратов переехал в Москву и стал работать в секретариате Орджоникидзе. Когда Сталин взялся за искоренение «троцкизма», по стране прокатилась волна арестов. Панкратова арестовали в 1929 г. и отправили в Тобольский политизолятор. заключенным «троцкистам» предложили дать письменное обязательство отказаться от политической деятельности. Панкратов был одним из тех, кто отверг этот ультиматум и после трех лет заключения был переведен на положение ссыльного. Тогда Орджоникидзе обратился к жене Панкратова, также отправленной в ссылку, с просьбой уговорить Василия Федоровича. Серго обещал ему свободу и ответственную работу в обмен на отказ от своих взглядов. Панкратов накричал на Елизавету Михайловну, назвал ее «черной вороной» и отверг предложения Сталина и Орджоникидзе. Узнав о гибели Кирова 1 декабря 1934 г., он сказал жене: «Если его убил Сталин, он теперь всех нас уничтожит». Через неделю после убийства Кирова всю колонию «троцкистов» арестовали повторно. Панкратова расстреляли через три года по приговору челябинской «тройки»³⁰.

Василий Федорович Панкратов в сибирской ссылке был близок к разгадке, хотя и допускал второй вариант. Посмотрим, как к этой проблеме подошла историк А. Кирилина. В журнале «Родина» она перечисляет четыре версии убийства Кирова. Первая: террористический акт совершил убийца-одиночка. Якобы Николаев, существо крайне неуравновешенное и озлобленное, мог совершить преступление сам, без посторонней помощи. (Как тут не вспомнить выводы американской комиссии по

²⁹ Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 143.

³⁰ По воспоминаниям Е. М. Панкратовой-Сандлер.

расследованию убийства Дж. Кеннеди, не нашедшей никаких следов заговора на жизнь президента.) Вторая версия: вина ложится на лидеров бывшей ленинградской оппозиции. Третья: Николаев, связанный через латвийского консула с Троцким, стал исполнителем его черных замыслов. Четвертая: Сталин. Был ли он замешан в этом террористическом акте?

Кроме этого, в статье рассмотрены по крайней мере еще две версии. Одна из них — попытка возложить всю ответственность персонально на Ягоду. Будто бы он без ведома Сталина задумал и организовал покушение на Кирова. Наконец, шестая версия: связь Николаева с белоэмигрантами, которые будто бы проникли в Ленинград с целью убить Кирова, а затем — Сталина.

В профессии историка научная добросовестность, объективность обязательны. Но когда историк с нарочитой обстоятельностью рассматривает варианты участия в покушении на жизнь Кирова Ягоды или Троцкого как единоличных руководителей и делает это спустя десятилетия после XX и XXII съездов партии, такое исследование выглядит странно.

Кирилина приводит мнение Троцкого: «Сталин несет не только политическую, но и прямую ответственность за убийство Кирова». И без паузы продолжает: «На XX съезде партии эту версию фактически повторил Н. С. Хрущев». Остается сделать еще один шаг — осудить Хрущева как троцкиста. Кстати, недоброй памяти С. П. Трапезников, один из самых упорных апологетов сталинизма, в открытую называл Хрущева «троцкистом». Я слышал это сам.

А вывод Троцкого — это «версия», к которой следует отнестись серьезно. Троцкий знал Сталина — человека и политика, на себе испытал его злобный, мстительный характер и неумное коварство. Когда же за границей стали известны подробности суда над руководителями Ленинградского УНКВД, Троцкий еще более утвердился в своем мнении. Как оказалось, Медведь и его помощники, «располагая сведениями о готовящемся покушении на С. М. Кирова... не приняли мер к своевременному выявлению и пресечению деятельности Л. Николаева, хотя и имели все необходимые для этого возможности»³¹. Подобные действия могли быть продиктованы только свержу.

Здесь самое время привести воспоминания А. М. Лариной. В лагере она встретила с женой Чудова, Л. К. Шапошниковой. Коснулись в разговоре преступления в Смольном. «Зиновьеву Киров был не нужен. С самого верха это идет, по указанию «хозяина», — заметила Людмила Кузьминична. — Это поняли многие ленинградские товарищи после выстрела, понял и Чудов»³².

Сталин вникал в детали следствия, не обошел своим вниманием и текст обвинительного заключения. Не будем удивляться, что этот построенный на явном вымысле и лишенный логики документ изобличает самого организатора покушения на жизнь Кирова. Здесь сказалась примитивность Сталина-политика. Проводя массовый террор и террор индивидуальный, он действовал топором. Готовя процесс тридцать восьмого года, третий в серии «общедоступных» спектаклей, генсек задался целью запутать собравшихся в Колонном зале зрителей, а с ними — весь читающий мир. На этот раз режиссер выпустил на сцену П. П. Буланова, личного секретаря бывшего наркома внутренних дел. Новый свидетель поведал суду, со слов Ягоды, о причастности к убийству Кирова его телохранителя Борисова.

Приводя текст этих показаний, а также воспоминания следователя Р. О. Попова, Кирилина приходит к любопытному заключению по поводу имеющих улики: «Сейчас они служат свидетельством против Стали-

³¹ Родина, 1989, № 1, с. 77.

³² Знамя, 1988, № 10, с. 129.

на, в 38-м они же фигурировали против Ягоды, с такой же легкостью они впишутся в систему обвинений против Медведя, Запорожца»³³. Так, безосновательно отделив предполагаемых виновников ленинградской акции друг от друга, хотя они были связаны служебной иерархией, а потом поставив их на одну доску, историк уводит нас на ложный путь заведомо несостоятельных предположений, версий и ожидания документов. Создается ситуация, в которой Ягода или Запорожец, или они вместе организовали покушение без команды хозяина. А документы... Неужто Кирилина всерьез полагает, что такой опытный преступник, как Сталин, мог оставить письменные улики своего руководящего участия в этом злодеянии?

Что касается такого важного фактора, как результаты выборов нового состава ЦК на XVII съезде партии, то Кирилина сомневается в его решающем значении. Мало того, она предлагает подождать результатов исследования документов съезда (бюллетеней). Будто эта работа не была выполнена комиссией Президиума ЦК в 1958 году. И не было публикации Р. Медведева. И моей книги о Сталине, в которой я, опираясь на воспоминания члена указанной комиссии О. Г. Шатуновской, вполне определенно ответил на главный вопрос.

Освещая ход следствия, Кирилина цитирует обвинительное заключение и показания Николаева: «Я должен был изобразить убийство Кирова как единоличный акт, чтобы скрыть участие в нем зиновьевской группы». Через неделю в протоколе допроса появляется новая запись: «Когда я стрелял в Кирова, я рассуждал так: наш выстрел должен явиться сигналом к взрыву, к выступлению внутри страны против ВКП(б) и Советской власти». А вот показания Николаева, касающиеся человека, который в действительности ничего не ведал о готовящемся покушении: «Я поставил его (Котолынова.—А. А.-О.) в известность, что решил не поступать на работу в период подготовки акта, чтобы иметь достаточное количество свободного для осуществления убийства Кирова времени. Котолынов одобрил мое решение». Налицо явная провокация. Но Кирилина верна себе: «Не исключено, что Николаев мог по чьей-то подсказке оговорить честных людей».

Создается впечатление, что Кирилина, исследуя тексты протоколов допроса, не имеет представления о специфике политического следствия того времени. Лишь через несколько страниц она спохватывается: «Теперь мы знаем, как выбивались подобные «признания». Но зачем же тогда было допускать возможность отождествлять инсинуации и точно нацеленные фантазии следователей с добровольными показаниями обвиняемого.

Кирилина последовательно отводит подозрения от вождя, который якобы не видел в Кирове соперника. «Киров как раз не рвался к власти, и Сталину было это хорошо известно», — сообщает она, забывая о явно выраженном стремлении значительной части партийного актива заменить Сталина на посту генерального секретаря Кировым. Тенденциозность проявляется и в заключительном выводе. Оказывается, Киров в 1934 г. был еще нужен Сталину, и у него «не было оснований избавляться от верного соратника». И друга, можно добавить.

Было время, Сталин демонстрировал свою дружбу с «Миронычем». Книгу «О Ленине и ленинизме» он подарил Кирову с выразительной надписью: «Другу моему и брату любимому от автора. 23.V.1924»³⁴. Насколько искренен был генсек? Кое-что может рассказать нам стенографический отчет XVII съезда партии. Он подписан к печати в апреле 1934 г. и прошел, как обычно, через редакционную комиссию. В ее состав вошли такие опытные люди, как Поскребышев, Мехлис, Стецкий,

³³ Родина. 1989, № 4, с. 77.

³⁴ Сталин И. В. Соч. Т. 6, с. 422. Книга хранится в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС.

Товстуха... К тому времени приветствия партийным деятелям были уже строго дозированы в соответствии со степенью величия. Генсек, разумеется, проходил по первому разряду. По второму на съезде отмечены Молотов, Ворошилов, Каганович, Калинин, Орджоникидзе: «Продолжительные аплодисменты, все встают». По третьему — Косиор, Постышев, Крупская: «Аплодисменты, все встают». Так вот, Киров, которого делегаты встретили бурной овацией, в отчете проходит по третьему разряду. Сделано это было, вне сомнения, в соответствии с желанием вождя.

Любимца партии Сталин сотворил из Кирова после его гибели. Стойкая неприязнь к нему и его товарищам не покидала вождя до конца жизни. Судьба другого любимца партии, Николая Бухарина, достаточно известна.

А. Кирилина ввела в научный оборот много до сих пор неизвестных фактов и деталей, но не сумела выстроить их в логически завершенные ряды. Что касается концепции статьи, то она оказалась слишком близкой установкам времен Сулова — Трапезникова. В отличие от нее другой исследователь, Р. Медведев, не пытается отвести подозрения от генсека. Но уходит от прямого ответа: «Весь характер следствия, руководимого Сталиным, — писал он много лет назад, — и вся цепь событий делают весьма правдоподобным предположение, что Киров был убит не без ведома Сталина». Прошло 15 лет, но Р. Медведев так и не приблизился к истине³⁵. Д. Волкогонов, автор новейшей биографии Сталина, тоже воздерживается от четкого заключения: «Даже сталинская «любовь» к Кирову не остановила, по-видимому, генсека перед тем, чтобы устранить популярнейшего человека, своего потенциального противника»³⁶.

Недавно опубликованы воспоминания М. В. Рослякова, который в конце 1934 г. возглавлял финансовые отделы областного и городского исполкома. Он входил как кандидат в состав бюро обкома партии и участвовал в заседании, созванном 1 декабря в кабинете Чудова. Услышав выстрелы, Росляков одним из первых выскочил в коридор и увидел на полу Кирова... Вскоре после этого Рослякова вместе со всеми ближайшими сотрудниками Кирова репрессировали. Вернулся он в Ленинград лишь после XX съезда партии. Свои воспоминания закончил лишь в 1970 г., в обстановке возрождения культа Сталина. Мог ли он тогда назвать имя организатора убийства Кирова?

Что же теперь удерживает иных авторов от решительного, без намеков и оговорок, осуждения Сталина? Да, прямые улики его руководящего участия в этом преступлении отсутствуют, они и не сыщутся. А косвенные... разве их не достаточно для объективного заключения? Тем более что оно уже сделано комиссией Президиума ЦК в 1961 году³⁷.

Разные авторы называют, помимо Николаева, среди возможных исполнителей и Борисова, и коменданта Смольного, и специально подосланного уголовника. Есть в упомянутых здесь публикациях одна общая для них особенность: авторы их не стараются вникнуть в психологию диктатора, проанализировать его жизненный путь, начиная с нелегкого детства. Его поведение в юношеские годы, его преступные деяния в партийном подполье, в ссылке. Жестокие провокации во время гражданской войны, злобное отношение к больному Ленину, истребление честных работников задолго до убийства Кирова. За густым дымом сталинских решений, постановлений и резолюций, докладов, приветствий и проклятий просматривается фигура типа мстительного и циничного, для которого убийство стало привычным делом.

³⁵ Медведев Р. К суду истории. Лондон. 1972, с. 331; см. также: Знамя, 1989, № 2, с. 200.

³⁶ Октябрь, 1988, № 12, с. 54.

³⁷ С воспоминаниями члена комиссии, ныне здравствующей Шатуновской, Медведев и Кирилина знакомы.

А. Линкольна убили с целью изменить государственную политику. И в Дж. Кеннеди стреляли по политическим мотивам. Но и Сталин, устранив Кирова, разве не изменил сразу же круто внутреннюю политику? Трудно бывает в наш век провести грань между уголовщиной и политикой. Вот и в деле Кирова тесно сплелись эти два начала. Развязать террор и поставить русский народ прочно на колени. Все народы бывшей царской империи — на колени. Убрать главное препятствие на пути к новой монархии, свалить вину за убийство на других соперников. Шантаж, провокации, клевета, тихие убийства, громкие процессы, чего здесь больше, уголовщины или политики?

Не будем вникать в дозировку сталинской кухни. Важно, что он достиг своей цели. Вернее — нескольких целей. Устранил соперника. Дискредитировал, а потом казнил других партийных лидеров. Запугал народ обострением «классовой борьбы» и под этот шум начал истребление ленинской гвардии. Для усиления резонанса было предпринято прославление убиенного. Имя Кирова присваивают заводам, колхозам, шахтам, академиям, школам, кораблям... Этой чести удостоены две области и 17 городов. В Карском море — острова. Щедрые знаки неизбывной «скорби» Сталина и — ежедневные напоминания о коварных убийцах из троцкистско-зиновьевско-меньшевицско-монархической банды.

Сталин догадывался, что убийство Кирова многие (не только сотрудники НКВД) связывают с его именем. Возводя чудовищное здание показательных процессов, он неотступно думал над тем, как «пристроить» к убийству Кирова уцелевших политических противников, нареченных им сначала оппозиционерами, а потом врагами народа. Кого только не обвинял Сталин на судебных процессах 1935, 1936, 1938 гг. — устами Вышинского — в убийстве Кирова: Каменева, Зиновьева, Евдокимова, Бакаева, Бухарина, Рыкова. Не был забыт и живший в изгнании Троцкий. Генсек настаивал даже на включении в число обвиняемых на процессе 1936 г. видного деятеля партии И. Н. Смирнова, который ко времени убийства Кирова уже два года находился в тюрьме. Советскому народу внушали, будто указание Ягоде и Запорожцу ликвидировать Кирова дал ...А. Енукидзе.

В тридцать шестом, когда в Октябрьском зале Дома Союзов шел процесс, мне, студенту-историку, было шестнадцать. Отцу — пятьдесят три. Он тяжело переживал гибель Кирова. Прокурору РСФСР выдали пропуск в Дом Союзов, он приходил домой мрачный, подавленный.

Только спустя три года после смерти Сталина, в 1956 г., впервые публично были высказаны сомнения в достоверности официальной версии убийства Кирова. Это сделал Н. С. Хрущев на XX съезде партии. Через пять лет, на XXII съезде КПСС, он еще чуть-чуть приподнял занавес. Но дальше глухих намеков в адрес главного виновника пойти не отважился. А ведь он уже располагал материалами специальной комиссии Президиума ЦК по расследованию обстоятельств этого дела. Хрущев обещал обнародовать данные и выводы комиссии. В нее входили Н. М. Шверник (председатель), Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, председатель КГБ СССР А. Н. Шелепин, заведующий отделом административных органов ЦК Н. Р. Миронов и член КПК О. Г. Шатуновская.

Сотни свидетелей опросила комиссия в Москве, Ленинграде, других городах. Получив доступ в архивы ЦК, члены комиссии исследовали горы документов. Кирилина эти факты игнорирует. Касаясь заключительного слова Хрущева на XXII съезде партии, она пишет, что он «не располагал весомыми уликами причастности Сталина к трагедии 34 года». И комиссия Президиума ЦК, по ее словам, «не обнаружила весомых

доказательств». Утверждать подобное может лишь человек, не знакомый с материалами комиссии и свидетельством ее члена Шатуновской.

Зимой 1959 г. члены комиссии прибыли в Ленинград. Они попросили шофера завести их по дороге в Смольный на улицу Воинова. Вот и стена склада, возле которой 3 декабря тридцать четвертого года убили Борисова, телохранителя Кирова. Остановили машину. Шофер улыбнулся понимающе: «А... Значит, вы — та самая комиссия... Вам поручено расследовать дело об убийстве Кирова. Чего же тут расследовать — весь Ленинград знает, что Кирова убил Сталин». Разве тогда, после убийства Мироныча — так звали его заводские рабочие, — трудовой Питер не распевал (шепотом, с оглядкой) такую частушку: «Эх, огурчики, да помидорчики... Сталин Кирова убил в коридорчике».

По материалам расследования комиссия подготовила итоговый документ за подписью Н. М. Шверника и О. Г. Шатуновской, в котором Сталин был изобличен как организатор убийства Кирова. Этот документ был разослан членам Президиума ЦК. К XXII съезду партийное руководство уже располагало достоверной картиной преступления в Смольном. При желании Хрущев мог назвать главного виновника. Но ревнители культа Сталина взяли тогда верх, потом отстранили от власти самого Хрущева. Настали иные времена...

СООБЩЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. Т. Журавлев, В. И. Меркушин, Ю. К. Фомичев

Характерной особенностью современного этапа общественного развития является небывалый рост интереса трудящихся к прошлому. Историческая тема занимает видное место на страницах газет и журналов, театральных сценах, в научных дискуссиях, кинематографе и в общественном сознании в целом. По данным Всесоюзного социологического исследования, проведенного в 1987—1988 гг. кафедрой идеологической работы Академии общественных наук при ЦК КПСС, 73% опрошенных заявили, что они проявляют интерес к прошлому нашей Родины.

Своеобразный «исторический ренессанс» обусловлен многими объективными и субъективными факторами. Во-первых, рост масштабов, новизна и усложнение задач социалистического строительства, выход миллионов и миллионов «трудящихся на дорогу самостоятельного творчества новой жизни»¹ объективно рождает потребность глубже познать закономерности исторического процесса, осознать свою роль и место в нем, свое предназначение в истории.

Во-вторых, нельзя не учитывать, что на крутых поворотах истории всегда неизмеримо возрастал интерес к прошлому. Аналогичный этап переживает сегодня и советское общество. Перестройка, преодоление застойных явлений вызывают потребность в исторических знаниях. Ведь, обращаясь к ним, люди стремятся осмыслить пройденный путь, найти в нем истоки сущего, сделать выводы, извлечь уроки для будущего.

В-третьих, интерес к прошлому во многом обусловлен имеющимися противоречиями общественного развития. Важнейшее из них — противоречие между объективным процессом строительства социализма и его не всегда адекватным отражением в общественном сознании, в частности в исторической науке. Между тем в советской исторической науке сложный, полный противоречий процесс становления нового общества изображался нередко как беспроблемное, победоносное шествие социализма. Для многих исследований были характерны лакировка, приукрашивание действительности, обезличка истории, фактография, схематизм, уход от острых тем и проблем. Все это породило, с одной стороны, «белые пятна» в истории, а с другой — невозможность удовлетворить естественный, все возрастающий интерес советских людей к научным знаниям о прошлом.

Историзм, правдивость, партийность, научность в оценке событий и деятелей — верный компас в подходе к анализу прошлого. «Весь дух

ЖУРАВЛЕВ Геннадий Терентьевич — доктор философских наук, профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС; **МЕРКУШИН** Виктор Иванович — кандидат исторических наук, доцент Академии общественных наук при ЦК КПСС; **ФОМИЧЕВ** Юрий Константинович — кандидат философских наук, доцент Академии общественных наук при ЦК КПСС.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 199.

марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»². Массовый рост интереса к историческим знаниям, их все большая включенность в общественное сознание, в систему общественных отношений объективно ставят вопрос о необходимости дальнейшего развития исторической науки, углубления исторического познания, ликвидации «белых пятен», совершенствования исторического образования и воспитания трудящихся.

Воспитание историей становится одним из приоритетных направлений идеологической работы. Воспитывать историей — это значит формировать всесторонне развитую личность, способную критически переработать и творчески усвоить весь предшествующий социальный опыт, обогатить свою память знаниями всех тех богатств, которые выработало человечество, и на этой основе сформировать убеждения, навыки и умения, необходимые для практической деятельности. Воспитание историей предполагает прежде всего формирование у трудящихся, особенно у молодежи, исторического сознания. Ни одно из существующих направлений воспитательной работы в полной мере пока данной проблемы не решает.

Являясь сложным и многогранным духовным образованием, историческое сознание включает в себя систему знаний, взглядов, восприятий, представлений, эмоций, чувств, традиций, обрядов, художественных образов, идей, теорий, концепций, в которых индивиды, социальные группы, классы, пароды и нации, человечество осознают прошлое, воспроизводят свое движение в пространстве и времени. Историческое сознание отражает состояние стабильности и изменчивости в общественном развитии и способствует тем самым связи времен и поколений, обеспечению преемственности общественного развития.

Выяснение реального уровня исторического сознания масс, его включенности в общественное сознание, в практическую деятельность людей и было главной задачей нашего социологического исследования. Основная его цель — оценить состояние исторического сознания советских людей, выявить издержки в их историческом воспитании. В ходе работы опрашивались взрослые работающие люди. Организаторы исследования стремились узнать, что же остается в сознании людей; какие факты истории они запомнили; какие оценки событий у них сформированы; каким деятелям они симпатизируют и т. д. Наибольшее число опрошенных имели высшее образование, т. е. все они изучали исторические дисциплины в школе, а также историю КПСС в вузах. В выборке также оказались 1,5% лиц, окончивших исторические факультеты; одна треть — с гуманитарным образованием. Около 60% опрошенных — лица в возрасте 31—40 лет, лишь 1,5% опрошенных — 50 лет и старше. Мужчины составили незначительное большинство. Опрошено также 100 преподавателей исторических дисциплин из разных городов, находившихся в Москве на курсах повышения квалификации. Опросы проводились также в Алма-Ате, Вильнюсе, Горьком, Киеве, Ленинграде, Новосибирске, Саратове и Ростове-на-Дону.

Многие ответы опрошенных, конечно, субъективны. Но есть в них и устойчивое, повторяющееся. Свидетельством этому служит тот факт, что мнения нескольких тысяч человек порою достигают почти полного единодушия. Так что, если наши данные не распространять слишком широко, за пределы категорий населения, близких обследованным лицам, полученной в ходе опроса первичной социологической информации можно доверять. Мы обследовали лиц, которые находятся в наиболее творческом возрасте, в данный момент играют немалую роль в управлении социальными процессами и, возможно, в дальнейшем выдвигнутся на ведущие роли в центре или на местах.

² Там же. Т. 49, с. 329.

Историческое сознание как часть, элемент общественного сознания включает в себя прежде всего знание истории, а также обобщение исторического опыта, уроков истории, отношение к событиям, к историческому процессу, оценку фактов, убеждения. В то же время содержанием исторического сознания являются не только события прошлого; в нем совмещены все три модуса исторического времени — прошлое, настоящее и будущее. Рассматривая и оценивая прошлое через призму настоящего и настоящее как результат прошлого развития, оно и будущее воспринимает как проекцию реальных, совершенно конкретных процессов и тенденций, действующих в современности, на дальнейшие ступени развития общества.

Историческое сознание, являясь важным средством научного понимания социальных процессов в их исторической перспективе, позволяет прогнозировать будущее. Но это лишь в том случае, если историческое сознание адекватно отражает закономерности исторического развития, что возможно только на основе правды истории. Всякое одностороннее, субъективное, искаженное истолкование фактов, событий, полуправда и замалчивание «неприятных» явлений искажают прошлое, а тем самым и будущее.

Первой характерной чертой исторического сознания можно считать интерес к истории. Если человек не проявляет никакого интереса к ней, можно ли говорить о том, что у него сформировано историческое сознание? Среди опрошенных от 83 до 100% (из разных категорий населения в разных городах) интересуются историей, но степень интереса разная. Например, в Алма-Ате среди опрошенных лиц постоянную потребность в исторических знаниях испытывают 55,2%, а в Киеве — 78,6%, остальные — лишь иногда, по отдельным вопросам. Среди москвичей 51,7% оценили свой интерес к истории как «высокий» или «выше среднего» и только 2,6% как «низкий». Образованная часть общества, специалисты и руководители проявляют достаточно высокий интерес к истории и исторической науке.

Какие проблемы и события вызывают наибольший интерес? 42,3% ответили, что они интересуются жизнью и деятельностью лиц дореволюционного периода; 41,9% — видных политических деятелей КПСС и Советского государства; 40,4% — полководцев и военачальников прошлого, деятелей культуры и науки; 33,6% — выдающихся деятелей советской науки и культуры; 33,2% — жизнью, бытом, обычаями, традициями народа. Издательствам и авторам эти данные помогут выявить интерес своих потенциальных читателей. К жизни и деятельности героев труда первых пятилеток, периода 1941—1945 гг. проявляют интерес только 3,8% опрошенных.

Программой исследования предусматривалось выявление реального уровня исторических знаний у трудящихся. Ряд вопросов касался знания дат событий; ведь без умения ориентироваться в историческом пространстве и времени нет и не может быть исторического сознания. Респондентам предлагалось ответить на вопросы, когда произошло то или иное событие, которое они изучали в школе. Результаты ответов свидетельствуют о крайне слабых знаниях опрошенных, несмотря на то, что большинство из них имеют высшее образование. 27,5% опрошенных вообще не ответили на вопрос, когда произошла Куликовская битва, 14,3% дали неверные ответы; 8,3% не знают, когда было отменено крепостное право в России, 9,4% — когда было восстание декабристов, 8,7% — Бородинское сражение. Почти каждый второй затруднялся назвать даты Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. 19,2% опрошенных дали неверные ответы на вопрос о том, когда началась вторая мировая война, 14,3% не знают, когда произошла битва на Курской дуге.

В ходе исследования предполагалось выявить, насколько хорошо респонденты знакомы с историческими личностями. На вопрос анкеты, кого из полководцев Вы знаете, было названо 130 имен. Наибольшее число опрошенных отметили имена А. В. Суворова (84%), Г. К. Жукова (80,7%), М. И. Кутузова (80,4%), М. Н. Тухачевского (41,8%), К. К. Рокоссовского (40,7%), Александра Невского (32,4%), П. И. Багратиона (31,7%), В. К. Блюхера (27,9%), П. С. Нахимова (27,5%) и т. д. Среди деятелей науки, литературы и искусства опрошенные назвали М. В. Ломоносова (56,2%), С. П. Королева (28,3%), Н. И. Вавилова (26,8%), Д. И. Менделеева (23,7%), А. С. Пушкина (66,7%), Л. Н. Толстого (41,5%), Ф. М. Достоевского (18,8%), А. П. Чехова (16,6%), К. С. Станиславского (15,8%), П. И. Чайковского (14,1%), И. Е. Репина (13,9%), Андрея Рублева (9,0%), Д. С. Лихачева (6,4%) и др. В числе героев первых пятилеток были названы имена А. Г. Стаханова (86,3%), П. Н. Ангелиной (70,1%), Е. В. и М. И. Виноградовых (35,1%), П. Ф. Кривоноса (26,4%), А. Х. Бусыгина (8,2%), Н. А. Изотова (7,2%), Н. Я. Мазая (3,8%), И. Д. Папанина (3%), В. П. Чкалова (2,6%), М. С. Демченко (2,3%). В то же время 11,7% опрошенных не ответили на вопрос: «Кого из героев первых пятилеток вы знаете?»; 7,5% — на вопрос: «Какие памятники архитектуры Отечества вызывают у Вас чувство гордости?»

В анкете также предлагалось 19 фамилий, против которых нужно было указать, «кто есть кто». Результаты показали, что 46% опрошенных не знают, кто такой С. Вургун, 37,7% — К. Булавин, 36,2% — Джамбул Джабаев, 30,5% — П. Кривонос, 24,9% — А. Брусилев, 22,9% — М. Цхакая. А ведь эти имена должны быть знакомы каждому еще со школьной скамьи.

Проведенное исследование показало, с одной стороны, возрастающий интерес к прошлому, а с другой — позволило выявить мотивы этого интереса. 58,5% опрошенных обосновали свой интерес «желанием узнать правду о прошлом». Видимо, в этом ответе отражено прежде всего то, что наша история освещалась выборочно. Даже в художественных произведениях одни периоды, личности освещены более, другие менее полно, а иные вообще замалчивались. Не случайно 76–88% опрошенных подчеркнули, что в нашей истории много «белых пятен». Этим же объясняется, в частности, популярность романов В. Пикуля. 26,8% ответили, что их интерес к истории обуславливается желанием найти ответы на волнующие их вопросы; 41,1% — стремлением извлечь уроки из прошлого, найти корни современных явлений; 7,2% испытывают потребность в исторических знаниях, необходимых для практической деятельности; 4,9% — не ответили на вопрос. Наиболее характерна здесь практическая потребность в исторических знаниях. Это значит, что усиление пропаганды исторических знаний, повышение эффективности исторического образования может и должно привести к изменению социальной практики. Дело в том, что глубокие исторические знания позволяют компетентно оценивать различные варианты стратегии и тактики общественного прогресса, принимать решения, не повторяющие ошибок прошлого, перевести ход истории с жестко регламентированного на альтернативный путь.

Социологическое исследование выявило существующее противоречие между ростом интереса трудящихся к истории и реальным уровнем исторического сознания масс: рост интереса к истории не всегда сопровождается глубокими знаниями исторического процесса. Лишь 1,1% опрошенных считают свои знания высокими; 13,2% — выше среднего уровня; 60% — средними и 21,9% — низкими. Примечательны ответы на вопрос, достаточно ли респонденту исторических знаний, для того чтобы вести дискуссию с людьми, придерживающимися других взглядов. Только 7,8% ответили положительно, треть — отрицательно, остальные ответили

«частично» (56,2%) либо не ответили вовсе. Как видно, люди, получившие высшее образование, весьма скептически оценивают свое знание истории. Это факт, и с ним надо считаться.

В чем же причина сложившейся ситуации? Данные социологического исследования позволяют выявить некоторые из них. 25% опрошенных явно не удовлетворены преподаванием исторических дисциплин, 55% удовлетворены частично и лишь 20% вполне удовлетворены. Если учесть состояние преподавания истории в школах и технических вузах (кафедры истории КПСС), то следует усомниться и в этой цифре. Но стоит задуматься, почему же люди «удовлетворены» тем, что не выдерживает критики. Откуда такая нетребовательность к нашему всеобщему и бесплатному образованию?

Любопытны мотивы неудовлетворенности преподаванием истории. 51% не удовлетворены глубиной идейно-теоретического анализа фактов и явлений; 85,5% — освещением острых вопросов нашей жизни; 66% — отсутствием повизны; более $\frac{2}{3}$ — оценкой личностей; 54% — связью уроков истории с современностью; $\frac{2}{3}$ — умением применять исторический опыт к решению актуальных проблем нашей жизни; 87% — качеством учебников.

Историческое сознание формируется не только в процессе изучения гражданской истории, истории КПСС. Не менее важное значение имеет преподавание философии, политической экономии, научного коммунизма. Исследование показало, что от 16% (Киев) до 52% (Алма-Ата) опрошенных удовлетворены преподаванием истории КПСС. Еще меньше людей, положительно оценивающих освещение исторических аспектов в преподавании научного коммунизма и экономических наук (19%); несколько выше — в преподавании философии (34%).

Опрос об удовлетворенности преподаванием исторических дисциплин и исторических аспектов других общественных наук дополнялся обследованием 100 преподавателей, которые представляли 14 городов страны — от Хабаровска до Вильнюса. Они критически оценили состояние преподавания исторических дисциплин, учебники по истории и знания своих слушателей, аспирантов. Оценивая знания слушателей, 57% преподавателей отметили, что они неудовлетворительные (речь идет не о студентах исторических факультетов). Многие преподаватели считают, что и у остальной части тех, кто в какой-либо мере изучает исторические дисциплины в вузах, знания могут быть признаны удовлетворительными, но не как теоретические, а на уровне обыденного сознания и воспоминаний школьных учебников; эти знания весьма схематичны и не соответствуют современным научным данным.

Ни один преподаватель не оценил на «хорошо» учебники и учебные пособия по истории (в частности по истории КПСС), треть удовлетворена учебниками «частично», $\frac{2}{3}$ не удовлетворены совершенно. Весьма критически преподаватели оценили и качество учебных программ по истории с точки зрения того, как они отражают современные требования нашей интеллигенции к историческому образованию. Более половины опрошенных преподавателей не удовлетворены внеучебной работой, связанной с изучением исторических дисциплин. Преподаватели справедливо ставят вопрос о конкурсном отборе рукописей учебников; об альтернативных учебных программах; о том, чтобы преподаватели имели доступ к источникам. К сожалению, мало кто высказался по концепции учебных программ и учебников, по концепции исторического образования.

Большинство опрошенных преподавателей не удовлетворены учебными программами и учебниками, в то же время они не высказали предложений по их улучшению или коренной перестройке. Это объясняется тем, что за многие годы преподавательской деятельности у них выработалось почтение к программам и учебникам, спускаемым «сверху», из центра. Преподаватели привыкли к «указаниям», и когда появилась

возможность предложить свою концепцию преподавания истории, они оказались в полной растерянности. Между тем нужны ли вообще учебные программы, которые унифицируют мысль, вгоняют ее в стандарты, определяемые «наверху»? Может быть, целесообразно перейти на альтернативные программы и учебники?

В анкетах были и такие предложения: отказаться от бесконечного переиздания одних и тех же учебников; от изложения фактов перейти к анализу политических ситуаций, чтобы студенты, аспиранты не столько запоминали факты и события, сколько учились анализировать исторические процессы; усилить внимание к теоретико-методологическим аспектам истории; издавать отдельные лекции наиболее талантливых преподавателей; ликвидировать «белые пятна» в истории; больше публиковать архивных документов; увеличить количество часов на преподавание истории в школах и вузах и т. д. Предложения не равнозначные, но они свидетельствуют об уровне понимания своих задач преподавателями исторических дисциплин.

Вместо концепции исторического образования было высказано много конкретных предложений, в том числе и подтверждающих живучесть стереотипов экстенсивного подхода (увеличить количество часов, количество дисциплин и т. п.). При этом не указывалось, например, чем заполнить эти дополнительные часы. Если в школах отменили экзамен по истории, если при поступлении в ряд вузов вместо экзамена по истории абитуриенты проходили собеседование, то какие новые дисциплины надо вводить в школе, вузе и что делать со старыми?

В последнее время в прессе, научных журналах приведено много новых фактов. Их будет еще больше по мере того, как будут открывать архивы. Но факт, даже и исторический — еще не научное знание. Для того чтобы они давали новое знание, приращение знания, необходимо, чтобы они были включены в целостную концепцию исторического процесса. А для этого необходимо восстанавливать марксистско-ленинскую концепцию исторического процесса, научные критерии общественного прогресса. В связи с этим целесообразно пересмотреть концепции, сложившиеся в годы культа личности, в застойные годы, от которого отказаться. А это значит, что весьма актуальной задачей является разработка философии истории, социологии истории. Необходимо чтение спецкурсов по этим дисциплинам. Но есть ли у нас достаточное число научных работников, специализирующихся в этих областях научного знания?

Анализ ответов в зависимости от возраста опрошенных показал, что молодежь проявляет заметно больший интерес, чем зрелые люди, к периоду культа личности и деятельности Н. С. Хрущева, а более старшие поколения стремятся глубже понять ленинский период нашей истории. Молодежь вообще проявляет несколько больший интерес к истории, но значительно меньше (в 2,5 раза) удовлетворена преподаванием исторических дисциплин, хотя в этой категории опрошенных больше людей, которые затрудняются сказать, что же их не удовлетворяет. Среди молодежи 39,6% удовлетворены глубиной идейно-теоретического анализа фактов, событий, явлений, а среди старших возрастов — 52%, г. е. различия здесь менее глубоки.

Среди молодежи удовлетворены 43,4% тесной связью уроков истории с современностью; новизной анализа фактов, явлений, событий — 22,6%; партийной оценкой деятельности конкретных личностей — 28,3%. Среди старших поколений соответственно — 41,2%, 25% и 26,2%. Итак, высказывая общую неудовлетворенность преподаванием истории, молодые люди не могут сформулировать свои конкретные требования. Правда, есть одна позиция, которая вносит существенные различия в удовлетворенность молодежи и лиц старшего возраста: удовлетворенность учебниками по истории. Среди молодежи ни один не выразил удовлетворенность ими.

Отвечая на вопрос о личностях, которые в большей степени способствовали прогрессу нашего общества в послереволюционный период, молодые люди назвали Ленина (60,4%), затем Сталина (17%). Лица более старших возрастов в таком же количестве назвали Ленина, а 15% — Сталина. Поэтому нельзя сказать, что молодежь более негативно оценила роль последнего, чем зрелые люди. Но напомним, что пенсионеры в нашей выборке отсутствовали, а под лицами «старшего возраста» мы подразумеваем тех, кто родился до 1952 г. (ко времени обследования им было не менее 35 лет) и воспитывался в эпоху волюнтаризма и застоя.

В ноябре 1987 г. 18,8% опрошенных осудили культ личности (среди лиц более старшего возраста — 10%). В июне 1988 г. различий в оценке Сталина во всех возрастных категориях почти нет, под воздействием средств массовой информации они сдвинулись в сторону осуждения: 54,7% роль Сталина в жизни общества оценили только негативно. 67,9% молодежи считают возможным использовать опыт, накопленный Коммунистической партией и советским народом в период нэпа, индустриализации и коллективизации, среди лиц более старшего возраста — 65,0%. Различия здесь также несущественны.

Интерес представляют ответы на вопрос: «Испытываете ли Вы гордость за историческое прошлое своего народа?» Все молодые люди ответили утвердительно, среди лиц более старших возрастов такие ответы дали 96,2%. Молодежь более активно работает в рамках Общества охраны памятников истории и культуры, в реставрации такого рода памятников. Таким образом, в основном историческое сознание молодежи мало чем отличается от исторического сознания лиц более старшего возраста. Из материалов исследования не вытекает вывода о каком-либо нигилизме в сознании или поведении молодежи. Добавим, что в массе своей в выборке оказались лица с высшим образованием.

Рассматривая вопрос о различиях в степени развитости, содержании исторического сознания, следует отметить, что различия эти наблюдаются в том случае, когда мы выделяем внутри выборочной совокупности профессиональные группы. Среди лиц с гуманитарным образованием 64,5% (среди лиц с историческим образованием — 91%, но их мало в выборке, поэтому мы их не выделяем), а среди лиц с техническим образованием 32% испытывают потребность в историческом знании. Удовлетворены преподаванием исторических дисциплин среди лиц с гуманитарным образованием — 6,5%; с техническим образованием — 18%. Ответы и на другие вопросы свидетельствуют о том, что лица с гуманитарным образованием относятся более критически к различным аспектам преподавания исторических дисциплин в школе и вузе. Это говорит о том, что у них более развито историческое сознание, сформированы более разносторонние потребности в историческом знании, которые пока удовлетворяются слабо.

Интересны ответы на вопрос, достаточно ли исторических знаний для практической деятельности. Среди лиц с гуманитарным образованием 32% считают, что их знаний недостаточно, а среди лиц с техническим образованием такого мнения придерживаются всего 7,5%. Последняя цифра свидетельствует о большой запущенности исторического образования в нашей системе непрерывного образования и о серьезных пробелах в формировании исторического сознания у большого отряда технической интеллигенции. Между тем 97% лиц с техническим образованием испытывают потребность в историческом знании для анализа политических ситуаций (среди лиц с гуманитарным образованием — 100%).

Не меньшее значение имеет и то, как используются исторические знания, насколько они вплетены в практическую деятельность, как сформировано у трудящихся историческое мышление. Сегодня много говорят о необходимости формирования нового политического, экономического мышления, но о проблеме формирования исторического мышления

забывают. Историзм мысли и действия — непереносимое условие перестройки, обновления нашего общества. Ведь многие проявления субъективизма, волюнтаризма, авантюризма в теории и на практике являются следствием несформированности исторического мышления, слабого владения принципом историзма.

Школьное историческое образование и воспитание не решают в полной мере проблемы формирования исторического мышления. Социологические исследования показывают, что исторический процесс предстает перед учащимися нередко как набор дат, имен, событий. Многие не видят причинно-следственных связей в истории, закономерностей исторического развития. Не лучше обстоит дело и у тех, кто окончил высшие учебные заведения. Исследования показали не только серьезные изъяны в исторических знаниях, но и недостаточную методологическую подготовленность респондентов. Некоторые из них не имеют четких политических убеждений по таким принципиальным вопросам, как роль масс и личности в истории, движущие силы общественного прогресса. 11% опрошенных (от 5 до 16%) в разных городах ответили, что главную роль в истории играют выдающиеся личности, народ идет по пути, указанному ими; 60% написали, что народ — творец истории, все зависит от него; 25% — «порой в определенные моменты истории народ оказывает решающее влияние на направление развития общества».

Историческое мышление проявляется прежде всего в умении анализировать, оперировать историческими фактами, видеть их в контексте исторического процесса, в умении с классовых и общечеловеческих позиций дать оценку тем или иным периодам, конкретным деятелям. В этой связи в анкете была сформулирована группа вопросов, направленная на выявление степени сформированности исторического мышления.

Касаясь оценки 30-х годов в истории советского общества, 7,9% респондентов отметили, что это были годы массового трудового энтузиазма советских людей, выдающихся побед во всех сферах жизни; 4,2% добавили, что это был один из героических периодов в нашей истории, ведь именно в эти годы в стране были построены основы социализма; 43,4% отмечали, что в 30-е годы наряду с выдающимися успехами в строительстве социализма было много и негативных явлений; 47,5% считают эти годы мрачной полосой нашей истории, поскольку наряду с успехами в строительстве социализма проводились массовые репрессии, творилось беззаконие. Остальные не ответили на вопрос.

Еще один вопрос касался оценки коллективизации. Ответы были следующие: 7,5% — коллективизация позволила перевести сельское хозяйство на социалистические рельсы; 8,3% — обеспечить возрастающие потребности городов в продуктах питания, а промышленности — в сырье; 5,3% — создать в деревне новый класс — колхозное крестьянство — и ликвидировать кулачество; 44,2% сказали, что коллективизация была необходимой, но в ее ходе были допущены ошибки; 32,1% считают, что особой необходимости в проведении коллективизации не было, так как Россия была традиционно аграрной страной и ее крестьяне были хлеборобами, веками вывозили продукцию сельского хозяйства за границу. Остальные на вопрос не ответили.

Ответы на вопрос: «Нужны ли исторические знания как инструмент для политического анализа современных ситуаций, явлений?» — распределились следующим образом: 96,8% — «да», 1,8% — «отчасти», 0,1% — «не нужны». Такое единодушие людей, которые как руководители и специалисты принимают решения по социальным проблемам, заставляет серьезно задуматься. Эти ответы отнюдь не говорят о том, что только отсутствие серьезного исторического образования, недооценка обществом исторической науки привели к предкризисной ситуации и серьезным проблемам в национальных и иных отношениях, или о том, что как только люди будут лучше знать историю, так сразу исчезнут многие благо-

глупости. История свидетельствует, что люди в своем поведении, в своих поступках руководствуются не столько знаниями, сколько интересами, но отсюда отнюдь не следует, что историю знать не надо.

Историческое сознание формируется не только в процессе преподавания исторических дисциплин, но и всем укладом жизни, всеми социальными институтами. Один из них — семья. Далекое не в каждой семье уделяют этому большое внимание. Например, в кругу семьи рассказывают о бабушках и дедушках «систематически» — в 21,9% семей; «от случая к случаю» — в 66,4%; не рассказывают — в 5,3% (остальные не ответили на вопрос). О прабабушках и прадедушках систематически рассказывают в 5,7%, а не рассказывают в 41,5% семей. О более далеких предках рассказывают в 1,1%, не рассказывают в 67,2% семей. По мнению опрошенных, это происходит потому, что родители не знают своих родословных дальше дедушек и бабушек. 16,6% опрошенных ответили, что хорошо знают прабабушку и прадедушку, и лишь 3% — более далеких предков. Что же могут они поведать своим детям и внукам?

Между тем в редких семьях отсутствуют разного рода «реликвии». В 82,6% семей имеются альбомы, фотографии, портреты бабушек, дедушек и более далеких предков, в 65,3% семей хранятся ордена, медали, именное оружие, почетные грамоты, благодарности, различные вещи, принадлежавшие предыдущим поколениям; в 29,1% семей — письма с фронта, вырезки из газет и журналов с рассказами о боевых и трудовых подвигах родителей, бабушек, дедушек; в 14,7% семей — различные вещи (буденовки, тельняшки, шапки и т. п.); в 16,2% семей — семейные украшения; в 27,2% — старинные книги, журналы, пластинки, произведения живописи, доставшиеся по наследству; в 18,1% — иконы, предметы религиозного культа; в 9,4% — старинная мебель. Все это могло бы быть предметом для семейного разговора, особенно с детьми, но, к сожалению, слабо используется в семейном воспитании.

Некоторый интерес представляют ответы на вопрос: «О каких нравственных качествах бабушек и дедушек, более далеких предков рассказывают Вам родители, родственники?» 60,2% ответили, что о трудолюбии; 64,2% — о доброте, человечности, честности, порядочности; 18,5% — о непримиримости ко лжи, фальши; 13,2% — о мужестве, героизме, патриотизме. Как видно, в рассказах преобладают нравственные оценки. Хотелось бы обратить внимание на всего лишь 9,8% ответов такого содержания: «об их умении экономить деньги, рачительно вести домашнее хозяйство». Это говорит о слабо развитом умении рационально хозяйствовать, считать доходы и расходы. Нельзя не провести некоторую линию, соединяющую домашнюю экономику с экономикой страны.

Итак, обследованная группа населения недостаточно знакома с историей своей семьи. Приблизительно так же знают опрошенные историю своего города: хорошо — только 21,9%, лишь отдельные факты — 60,8%, остальные не знают истории той местности, где проживают. Видимо, это говорит о недооценке в наши дни патриотического воспитания с использованием краеведческих материалов. К этому надо добавить, что посещают краеведческие музеи систематически всего лишь 12,5%, 42,6% — были там 1—2 раза, почти половина не бывала совсем. При этом около 10% указали на отсутствие таких музеев.

Опрошенные высоко оценили роль литературы и искусства в процессе формирования исторического сознания народа. Однако серьезные пробелы в историческом сознании говорят о том, что одним литературе и искусству эти проблемы решить не по силам. 63,8% опрошенных удовлетворены серией книг «Жизнь замечательных людей»; 57,4% привлекают воспоминания очевидцев и участников событий; 59,6% нравится читать исторические романы и повести; 41,9% хотели бы ознакомиться с публикациями архивных документов; 36,6% интересуются кинофильмы на исто-

рические темы. К сожалению, монографии, брошюры и статьи ученых читают только 20% опрошенных; лишь 9,8% проявляют интерес к археологическим данным.

Опрошенные весьма критически оценили работу библиотек по пропаганде исторической литературы. Только 13,2% удовлетворены фондами исторической литературы в библиотеках, они не удовлетворяют огромного спроса, возросших потребностей в исторических знаниях. На вопрос: «Кто из авторов исторических романов привлекает внимание?» — 63,4% опрошенных назвали А. К. Толстого, 54,7% — В. Пикуля, 36,2% — А. Рыбакова, 34,3% — М. Шатрова, 16,2% — Г. Сеиновича, 14% — О. Форш. Из других писателей чаще упоминались Л. Н. Толстой, Н. М. Карамзин, И. И. Лажечников, Л. Фейхтвангер.

Большой популярностью пользуются в наши дни журналы и газеты. 55,5% опрошенных рассматривают в качестве источника исторических знаний журнал «Огонек», 44,2% — «Литературную газету», 39,6% — «Московские новости», 20,8% — «Правду», 16,9% — «Известия», 17,4% — «Комсомольскую правду», 14,3% — «Советскую культуру», 12,8% — «Советскую Россию». А вот научные журналы читали среди опрошенных буквально единицы: «Вопросы истории» — 6%, «История СССР» — 3%.

Трудно переоценить роль средств массовой информации в формировании исторического сознания широких слоев населения. Результаты исследования показывают, что причинами некоторого позитивного сдвига в массовом историческом сознании в последнее время являются публикации в газетах и журналах, передачи радио и телевидения. Нам представляется, однако, что публицистические материалы способны изменить общественное мнение, его оценки, симпатии и антипатии, но не могут служить источником серьезных исторических знаний. Между тем историки пишут мало, пишут традиционно и пока еще не могут успешно конкурировать с газетами и общественно-политическими журналами, художественной литературой. А надо бы, если мы собираемся формировать научное историческое сознание населения.

Важнейшим направлением в этой сфере является воспитание у трудящихся языковой культуры, бережного отношения к языку, ведь он служит средством передачи из поколения в поколение социального опыта, культурных норм и традиций. Через язык реализуется преемственность поколений и исторических эпох. Язык — универсальное хранилище национального самосознания народа, концентрирующее его мудрость, характер. Обеднение словарного запаса, засорение его вульгаризмами, злоупотребление иностранными терминами ведут к серьезным изъянам в мыслительной деятельности, к обеднению исторического сознания народа, его памяти.

Результаты исследования показали, что лишь 16,2% опрошенных используют часто пословицы и поговорки. Абсолютное большинство высказались в поддержку выступлений фольклорных ансамблей, однако 20% опрошенных считают эти выступления (так же как и народные гулянья) безнадежно устаревшими. 73,6% сказали, что с удовольствием слушают старинные народные песни, но только 37% поют их в кругу друзей, дома; 89,8% любят народные сказки; 89,4% интересуются народной медициной.

Одним из направлений формирования исторического сознания масс является воспитание у них правильного отношения к традициям, обычаям, обрядам. Являясь сгустком социального опыта, они порой независимо от идеологии, политики, эпохи передаются из поколения в поколение, потому что вплетены в ткань реальной материальной жизни, посредством их осуществляется во многом связь времен и поколений. В проведенном исследовании была предпринята попытка выявить отношение респондентов к некоторым традициям, обычаям, обрядам, доставшимся от прежних поколений: 92,8% считают, что надо сохранить традицию украшения

елки, 53,6% — застолье по поводу юбилеев, 69,1% — поминальные обряды, 43,4% — венчание, 38,1% — крещение, 23,4% — соблюдение поста, 1,5% — калым.

Причина тяготения к старинным обрядам и обычаям, к которым у нас все время формировали негативное отношение, думается, лежит в том, что новые обряды сведены к формальным актам, лишены эмоциональности. Об этом свидетельствуют следующие ответы: только 9,1% опрошенных находят интересным и содержательным обряд бракосочетания, 7,5% — проведение дня совершеннолетия, 6% — торжественную регистрацию новорожденного, 3% — посвящение в студенты, в рабочие, в колхозники. Эти данные не нуждаются в пояснениях.

Итак, историческое сознание опрошенных нами лиц представляет собой причудливое переплетение научных знаний, наивных представлений, оценок, порожденных публикациями, появившимися в последние год-два в массовой печати, традиций, доставшихся в наследство от предыдущих поколений, с которыми, как казалось, общество рассталось навсегда. Историческому сознанию не хватает научной глубины, понимания причин и критериев исторического процесса, умения использовать исторические знания для анализа актуальных политических ситуаций.

Правда, давно уже известно, что людьми движут не только и не столько знания, сколько потребности, интересы, страсти. Но бесспорно и то, что историческое знание помогает примирять противоречивые интересы, находить приемлемые решения в противоречивых ситуациях, прогнозировать исторический процесс и принимать решения со знанием дела, т. е. действовать свободно. Поэтому без преувеличения можно сказать, что исторические знания, историческое сознание, адекватно отражающие исторический процесс, являются залогом свободы, без чего невозможна демократия. При этом свободу мы понимаем не как свободу от общества, а как познанную необходимость. А это значит, что формирование исторического сознания — дело первостепенной важности. Но для этого целесообразно освободить историческую науку и историческое образование от наслоений периода культа личности и периода застоя. Это касается не узкого круга профессиональных историков, но самосознания всего народа как нынешних, так и последующих поколений.

Еще один вывод заключается в том, что некоторые элементы исторического сознания весьма подвижны. Если в ноябре 1987 г. 92,8% опрошенных ответили, что они испытывают гордость за прошлое своего народа, то в июне 1988 г. под влиянием средств массовой информации, опубликовавших за это время множество материалов на исторические темы, число испытывающих гордость за свою историю убавилось до 63%, почти в 1,5 раза. И подобные изменения в наши дни происходят буквально ежедневно. А это значит, что эти процессы целесообразно обследовать как можно чаще, проводить систематические опросы общественного мнения об отношении различных групп населения к событиям, явлениям, фактам, и не только отдаленного прошлого, но и текущего момента.

Недооценка общественного мнения чревата серьезными последствиями. Пресса свидетельствует о том, что если формированием исторического сознания не занимаются марксистско-ленинские учреждения и организации, то вакуум заполняют разного рода самодеятельные (неформальные) объединения, ставшие неотъемлемой частью нашей жизни. Но они также нуждаются в фактах, оценках, критериях общественного прогресса, а следовательно, в помощи со стороны исторической науки. С некоторыми из них не мешает и поспорить. Таким образом, история и историческое сознание самой жизнью выдвинуты на передний план перестройки и демократизации общественной жизни в нашей стране.

Изучение общественного мнения в сфере исторического сознания связано со сбором, обработкой и анализом массовой информации, а значит, с применением современных компьютеров. Сегодня приходится констати-

ровать, что в организации социологических, социально-исторических исследований и компьютеризации мы серьезно отстаем от западных ученых. Судя по литературе, в 20-е годы наши социологи работали на уровне мировых стандартов, а кое в чем и превосходили своих зарубежных коллег. Многие труды отечественных социологов-марксистов вошли в золотой фонд мировой социологической науки. Но в 30-е годы социология была объявлена буржуазной лженаукой, оказалась вне закона, и само слово «социология» было изъято из научного обихода. Постепенно ушли в «небытие» и социологи-профессионалы.

Общественное мнение народа рассматривалось как сплошная цепь заблуждений, ни о каком изучении его не могло быть и речи. Это вполне соответствовало командно-административным методам управления социальными процессами, ибо социология утверждает принципы, несовместимые с единоличной властью. Общественное мнение можно и целесообразно изучать только в том случае, когда при принятии решений народ рассматривается как субъект истории. В результате командно-административных методов, сложившихся и в сфере науки, господства «вала» (оценки результатов исследований по количеству опубликованных трудов), попытки применять ЭВМ в социологии и исторической науке либо пресекались, либо замалчивались.

Между тем первые опыты отечественных и большая практика зарубежных ученых показали, что эти методы позволяют исследователям получить выводы, которых обычными методами либо достичь невозможно, либо на их получение уходит слишком много времени, либо конечные результаты бывают менее точными. (Речь идет о прогнозировании исторического процесса, об обработке и анализе массовых источников, о поиске причинно-следственных связей в условиях многофакторности исторических связей и др.) Отставание в этой области необходимо ликвидировать в максимально сжатые сроки, не допуская, разумеется, вульгаризации и упрощения проблем и средств их решения.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СССР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА»)*

В. Н. БИРИН. *Продуманно и взвешенно относиться к национальным проблемам*

Господствующая ныне гипотеза о слиянии при коммунизме наций и народностей имеет право на существование, но есть и другие теории о перспективах развития этносов. Правильность какой-либо из них должно подтвердить время. Сейчас мы признаем, что слияние наций (если такое все же произойдет) — дело далекого будущего. Так пусть эту проблему решают потомки. Мы же должны решать вопросы, относящиеся к совместному проживанию национальностей в добром дружеском соседстве, и отталкиваться при этом от реально сложившейся ситуации.

Идея регионального хозрасчета хорошо принимается многими союзными и автономными республиками, но она не так проста и однозначна, как кажется на первый взгляд. В условиях существующего в СССР единого хозяйственно-экономического механизма переход на хозрасчет должен, по-видимому, осуществляться одновременно для всех республик. Иначе это приведет к нарушению принципа социальной справедливости, да и в чисто экономическом отношении нормальное функционирование смешанного хозяйственного механизма выглядит проблематично.

Товарищи из Прибалтики часто подчеркивают, что, двигая у себя перестройку, они руководствуются в своей деятельности не только советскими, но и международными правовыми актами, под которыми подписался СССР. Но порой создается впечатление, что в расчет принимаются только те правовые положения, которые выгодны этим республикам. Для примера возьмем миграцию. Коллеги из Латвии и Эстонии достаточно экспрессивно говорили не просто о вреде миграции в их республики, но о почти катастрофических последствиях, которые она несет для коренных народов.

В определенной мере их обеспокоенность можно понять. А вот как быть с правомерностью? Ведь, требуя запретить миграцию в их республики лиц некоренных национальностей, они вступают в противоречие с правом человека на свободное передвижение, зафиксированным в Декларации прав человека и подтвержденным недавно еще раз в международных соглашениях, подписанных в Вене.

При решении национального вопроса важно реально представлять себе современное состояние межнациональных отношений в различных регионах страны. В этой связи скажу несколько слов о Карелии. По переписи 1979 г., в Карельской АССР проживают представители более 55 национальностей. Русские составляют 71,3%, карелы — 11,1%, белорусы — 8,1%, украинцы — 3,3%, финны — 2,7%, вепсы — 0,8%, прочие — 2,7%. Достаточно типичный для автономной республики состав населения. Карелия относится к регионам с благоприятной этнической обстановкой.

* Основные материалы «круглого стола» опубликованы в № 5, 1989 г.

БИРИН Виктор Николаевич — научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

новкой. Здесь нет межнациональной напряженности, но это не значит, что проблем в национальных отношениях не существует. Напротив, их достаточно. В значительной степени это относится и к карелам — второму по численности коренному народу края. Доля детей у них велика — 15%. Карел часто приводят в качестве примера быстро исчезающего народа. Проблема сохранения своей этнокультурной среды жизненно важна и для данного этноса, 45% которого пока еще проживает в сельской местности. Кроме того, карелы — единственный из советских народов, имеющих автономную республику, не имеет в то же время своего письменного языка (в качестве официального функционируют русский и финский), что, конечно, не может не ущемлять их национальные чувства.

В силу деформаций в национальной политике и языковом строительстве карельский язык в послевоенные десятилетия не развивался. Его функциональная роль заметно снизилась, он переместился в основном в семейно-бытовую сферу. На финском же языке издаются газета и два журнала, ведется радиовещание и выходят телепередачи, работает финский драматический театр. Этот язык изучается в 42 школах, причем в 8 — с преподаванием на нем ряда предметов. Карелы, которых в 4 раза больше, чем финнов, кроме коротких радио- и телепередач, ничего этого не имеют.

Вопрос воссоздания карельской письменности и расширения функциональной сферы карельского языка горячо обсуждался общественностью, в партийных и советских органах республики. Как свидетельствуют результаты опроса населения, проведенного в сентябре 1988 г., желающие изучать карельский язык есть в большинстве районов республики, в том числе и в Петрозаводске. Предполагается подготовить букварь карельского языка на основе латинской графики (в 30-е годы была кириллица) и свод орфографических правил карельского языка на первых порах для карел-ливвиков, в экспериментальном порядке в районах с преимущественно ливвиковским населением начать преподавание карельского языка в школах, издать учебники карельского языка для 1—3 классов. С нынешнего учебного года в Петрозаводском университете увеличен прием студентов на финно-угорское отделение с целью подготовить квалифицированных учителей карельского языка.

Несколько иные задачи стоят перед белорусским и украинским населением Карелии. Данные этнические группы сформировались здесь в послевоенный период в результате их массовой миграции, пик которой пришелся на 50-е годы. Они оказали существенную помощь в развитии лесной промышленности, в освоении слабо обжитых и труднодоступных западных территорий края, в общем подъеме хозяйства республики. Многие из мигрантов в 60—70-е годы вернулись в БССР и УССР, но значительная часть избрала Карелию как постоянное место жительства. Сложилось по меньшей мере два поколения белорусов и украинцев, которые считают Карелию своей родиной.

В то же время в этническом аспекте руководство республики никогда не интересовалось этими народами, поскольку серьезных конфликтов между местным и пришлым населением, как, например, в Эстонии, не наблюдалось, языковой проблемы не существовало — общались на русском языке. А на удовлетворение духовных запросов украинского и белорусского населения, особенно в сфере их национальной культуры, серьезного внимания не обращали. В республике еще предстоит создать реальные условия для удовлетворения этих запросов.

Условия благоприятного климата для развития национальных отношений сложились в Карелии исторически. Карелия является единственной из автономных республик, где большая доля межнационально-смешанных семей зафиксирована на селе (37,9%), а не в городе (33,2%).

В каждом регионе существуют свои проблемы в сфере национальных отношений и имеются свои условия для их спокойного, взвешенного и

планомерного решения. Нужно этим пользоваться и ни в коем случае не доводить дело до межнациональных конфликтов.

Д. Г. САВИНОВ. Знание национальной культуры — основа решения национального вопроса

Итог сталинской национальной политики в блестящей сатирической форме показан Евг. Замятиным в романе «Мы». Изображенное в нем бюрократическое «стеклянное» общество вообще лишено каких-либо национальных особенностей.

На этом пути большие потери понесла отечественная этнография, особенно в области изучения традиционной культуры. Были закрыты Институт народов Севера и кафедра этнографии Ленинградского университета (восстановлена в 1968 г.). В официально утвержденных учебниках описательное направление этнографии было противопоставлено аналитическому (этнологии). Все теоретические школы мирового народоведения объявлены «буржуазными». До сих пор многие специальные работы (монографии и диссертации) имеют подзаголовок «вторая половина XIX — начало XX в.». Таков ближайший хронологический срез, доступный научному изучению. О быте и культуре описываемых народов в них говорится в прошедшем времени: «жили», «строили», «одевались», «занимались»... Современное положение представлено фотографиями: школа, клуб, знатный чабан, интерьер обставленной современной мебелью квартиры и т. д. Длительный отрезок времени, когда происходили сложнейшие этнические и историко-культурные процессы, по существу, не учтен и не изучен.

Исследование становления и развития национальных отношений в нашей стране — прямая обязанность исторической науки. Теоретическая основа этого направления уже создана, но необходимо с учетом имеющихся дефиниций обратиться к ней еще раз, на базе конкретного исторического и этнографического материала. Совершенно очевидно, что формирование национальных отношений — это длительный и диалектически сложный процесс, истоки которого уходят в далекое прошлое. Наше время путем деклараций и неоправданных обобщений законсервировало многие содержащиеся в этих отношениях противоречия. При этом основной объект изучения — этнос — оказался полностью обезличенным, что наиболее отчетливо проявилось в негативном отношении к самому факту существования этнической психологии.

Между тем этнос в исторической ретроспекции — явление сложное и далеко не однозначное. Одни народы появились на исторической арене раньше, другие позже. В связи с этим можно говорить об энергетическом потенциале этноса, народах более молодых и сильных, более древних и «усталых». Понятие «усталости» этноса особенно проявляется в периферийных районах, куда оттеснялись, как правило, более древние по происхождению, но уступающие по уровню развития культуры (традиционные) общества. В прошлом существовали народы-завоеватели и народы-покоренные. Соответствующие оттенки взаимоотношений между ними ощущаются и в настоящее время. Уровень социально-экономического развития, специфические условия иноэтнического окружения, историческая обусловленность миграций, формы проявления процессов аккультурации, конфессиональная принадлежность и многие другие пока не учтенные факторы влияли на формирование современных этнических отношений.

Все они требуют самого пристального внимания и изучения. Только таким (а не декларативным) образом историческая наука может выявить истоки родства и дружественных отношений между народами; показать

САВИНОВ Дмитрий Глебович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

соответствие (или несоответствие) этнических и административных границ их расселения; объяснить исторические коллизии, вызвавшие те или иные этносоциальные процессы; проследить развитие национальных связей во всей их сложности и многообразии; и в конечном счете доказать необратимость процессов этнической консолидации.

Особое значение имеют события, происходящие в зонах крупного промышленного строительства. В прошлом — «великие стройки коммунизма», на недавней памяти — строительство БАМа, КАТЭКа, Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС; в будущем — Катунской и Туруханской ГЭС вызывали, вызывают и будут вызывать деформацию этнических процессов, которую следует учитывать так же, как и возникающие экологические проблемы. В условиях многонационального государства вопросы экономики и национальных отношений тесно взаимосвязаны.

Культура — атрибут этноса — должна развиваться свободно и без какого-либо вмешательства в любой национальной среде. Каждая культура — это исторически сложившаяся реальность: нет «плохих» или «хороших» культур. Любое проявление национализма сопровождается неоправданным преувеличением значимости своей культуры, что находит благодатную почву при отсутствии знаний об истории и культуре других народов. Эта «неосведомленность», которая воспитывалась десятилетиями — прямой противник перестройки в решении национального вопроса.

Осуществлять просветительскую работу в этом направлении должны не чиновники, а специалисты, обладающие знанием этнографии и современных достижений исторической науки. Таких специалистов у нас практически нет или их очень мало. Отделы культуры, в ведении которых находится решение этих вопросов, чаще всего беспомощны в профессиональном, правовом и финансовом отношении. Культивируемые ими «бумажные цветы» фольклорных ансамблей, по сути дела, — резервации традиционной духовной культуры. Необходимы расширенная подготовка специалистов по национальному вопросу, создание этнографической службы в СССР, нацеленной на решение тактических задач на базе специальных исторических исследований при наличии общей стратегии развития национальных отношений в нашей стране.

О. В. КОТОВ. *Изучать малые этнические группы*

Сектор этнографии нашего института с 1982 г. ведет планомерное изучение коми, проживающих в инонациональном окружении в некоторых областях Сибири и Европейского Севера. Было проведено несколько экспедиций в Мурманскую, Тюменскую, Томскую области. Исследования были междисциплинарными, наряду с этнографом работал этносоциолог, лингвист, фольклорист. Это позволило проследить историю формирования групп коми и оценить их современное состояние. Необходимо отметить прежде всего обострившееся внимание к проблемам малых этнических групп, причем не только (а может быть, и не столько) со стороны ученых, но и пробудившейся в процессе перестройки национальной интеллигенции.

В нашей этнографической науке основное внимание уделялось и уделяется компактно расселенным крупным национальным общностям — нациям и отчасти народностям, то есть все богатство этнических общностей сведено к двум разновидностям. Вне поля зрения этнографов, историков оказались различные этнические группы, проживающие отдельно от материнских этносов, в инонациональном окружении. Это зоны самых оживленных этнических контактов, сложного протекания этнических (национальных) процессов. Перекос в науке отражает (причем, думаю,

КОТОВ Олег Васильевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми-научного центра Уральского отделения АН СССР.

не только отражает, но и влияет) перекосы в практике национального строительства, касающиеся неосновных этнических общностей.

Эти перекосы начались в сталинское время и продолжают по сей день. Это выразилось в закрытии в начале 30-х годов национальных районов и сельсоветов (напомню, их было более 5 тысяч), закрытии национальных школ, языковой переориентации, которая могла принимать насильственные формы. Так, по нашим данным, в школах, где учились обские коми, им не разрешали говорить на своем языке даже на переменах. Самоназвания чаще всего заменяются на официально признаваемые этнонимы, в результате чего происходит резкое сокращение перечня названий наций и народностей. Если сравнить эти перечни по переписям населения 1926 г. и 1939 г., то разница почти в 2 раза (196 и 124 этнонима соответственно). Практически все малые этнические группы искусственно объединялись с более крупными, а некоторые, например, поморы, семейские у русских, гудулы у украинцев, пинчуки у белорусов и т. д., не учитывались совсем. В целом, как считают наши ученые, вариантов этнонимов, а следовательно, и этнических общностей в нашей стране более 800 (по данным С. И. Брука).

Эти примеры я привожу в качестве иллюстрации тех трудностей, которые ждут исследователей малых этнических групп. Статистика здесь весьма некорректная. Например, динамику численности групп коми на Севере и в Сибири на основе нашей статистики правильно вычислить нельзя. Мы проводили массовые опросы. Есть многочисленные примеры того, что в документах и при переписи коми учитывались неправильно. Например, при послевоенных переписях традиционные этнонимы кольских и сибирских коми — ижемцы и зыряне — не совпадали с официальным — коми; поэтому их зачастую записывали под другими этнонимами, чаще как русских.

Не в этом ли разгадка того тревожного факта, который был зафиксирован переписями 1970 и 1979 гг. — прекращение прироста численности коми, проживающих вне Коми АССР. Размер ошибочных записей установить невозможно. Сравнивая материалы этих переписей, а также данные наших опросов, можно заметить определенное смещение по показателю «родной язык». Так, по данным 1970 г., кольских коми, считающих родным языком коми язык, было меньше половины, причем у сельских коми таковых оказалось меньше, чем у городских (соответственно 34% и 46,4%). Уже по переписи 1979 г., доля кольских коми, считающих родным язык своей национальности, становится выше — 54,7%, а данные опроса 1982 г. повышают эту долю до 60%.

Переписью 1979 г. коми были отмечены на Украине, в Казахстане, в 8 областях РСФСР, в Москве и Ленинграде. Это группы численностью не менее 700 человек. Всего за пределами Коми АССР проживают 14% всех коми. Различные группы коми ведут себя по-разному. Так, алтайские коми практически утратили свою этническую специфику, у коми, проживающих в Омской области, произошел резкий спад этничности, здесь носителями этнического самосознания являются отдельные представители старшего поколения. В то же время группы кольских и обских коми представляют собой стабильные этнические образования с расширенным воспроизводством, этнокультурной спецификой и т. д. Здесь даже большинство детей от коми-русских браков записываются как коми.

Почему современное состояние групп коми столь различно? Прежде всего потому, что утратившие этническую специфику коми попали преимущественно в русское окружение, оказывающее даже в Коми АССР мощное ассимилирующее воздействие. Кольские и обские коми первоначально имели соседями саамов, хантов и манси, с которыми продолжительное время не смешивались. Русские появляются в районах нового проживания коми в конце 30-х годов, когда этноареальные группы коми представляли устойчивые, перешедшие на демографическое и этнокуль-

турное воспроизводство образования. Определенную роль сыграла здесь и численность групп как условие эндогамии. Но самое главное, что эти группы обладали различными хозяйственно-культурными традициями.

И. П. ТРУФАНОВ. *Повышать роль рабочего класса в межнациональных отношениях*

Советскому рабочему классу принадлежит особая роль в сфере межнациональных отношений в нашей стране, поскольку у него в принципе не может быть устремлений к национальной обособленности и именно он в отличие от проявляющей часто инициативу в национальных аспектах интеллигенции является главной силой, проникнутой духом интернационализма, предполагающего тесное сотрудничество во всех областях производственной и общественной сфер жизни общества, коллективизм и братскую взаимопомощь всех народов СССР. Нужно принимать также во внимание численное преобладание рабочих среди населения СССР и тот факт, что сформировались национальные отряды рабочего класса, а это имеет большое значение для достижения социально-классовой однородности наций и народностей и утверждения интернационалистских основ советского образа жизни.

Однако нужно понимать, что процесс перестройки в межнациональных отношениях сложен. В исследованиях и в практической работе часто недооценивается общественная психология. Это подтверждается событиями в Армении и Азербайджане, где рабочий класс не смог противостоять негативным явлениям в межнациональных отношениях. Сказались и период застоя, создавшего себе социальную опору среди значительной части рабочих, и разрушительная направленность неверно нацеленной активности, и в известной мере групповой эгоизм.

Добавим, что в среде всех национальных отрядов рабочего класса СССР дают себя знать такие отрицательные черты, как социальная инертность, разрыв между словом и делом, невысокий уровень сознания у ряда рабочих, их консервативные настроения, приспособленчество. Обезличенность их общественной жизни отрицательно влияет на превращение духовных ценностей каждого из наших народов в общее достояние, способствует рецидивам национализма. Уместно поставить вопросы, почему в среднеазиатских республиках остается невысокой доля коренного населения в составе рабочего класса и почему там ослаблена деятельность по интернациональному воспитанию рабочих?

Среди рабочих, как и других социальных групп, проявляются предубеждения одной нации в отношении другой. Они отражают не только экономические и социальные обстоятельства, но также личностную систему взглядов, сложившихся в разных республиках. В результате в советском многонациональном обществе возникают и укрепляются существующие в обыденном сознании стандартизированные представления о собственном и о других народах. Эти предубеждения представляют собой не набор изолированных взглядов, а часть мировоззрения каждой личности, порождаемую жизненной ситуацией и прочими обстоятельствами. Вот почему требуется прочно поставить исследования социально-психологических характеристик в межнациональных отношениях. С их учетом выявляются дифференциации, вызываемые социальной принадлежностью, идеологией, степенью религиозности, неприязненным либо терпимым отношением к другим национальным группам. Пока эта сфера науки и практической деятельности не найдет у нас подлинного развития, мы не сумеем прочно обеспечить интернационалистскую работу.

ТРУФАНОВ Иван Павлович — доктор исторических наук, профессор Ленинградского института текстильной и легкой промышленности.

Межнациональные отношения зависят, в частности, от «здоровья» традиционной культуры народа. Каждый народ наследует от предшествующих эпох историко-культурный генофонд: не просто свое историческое прошлое, но и ту естественную среду, благодаря которой осуществляются нормальная жизнь людей и устойчивое сохранение психического склада, отличающего один народ от другого. Ассимиляция, наметившаяся в ряде регионов СССР, сильно влияет на этот генофонд, а его разрушение приводит к столь же тяжелым последствиям, как разрушение организма человека на генном уровне.

В эпоху сталинизма велась длительная и упорная борьба с традиционными культурами, объявленными просто пережитками прошлого в сознании. Возглавлялась эта борьба партийно-бюрократическим аппаратом, амбициозно-карьеристской частью местной интеллигенции и комсомольскими функционерами. Суть их «работы» может быть проиллюстрирована на примере Северо-Осетинской АССР. Для многих народов Большого Кавказа горы являлись естественной крепостью. Уделяя особое внимание делу обороны, эти народы сооружали комплексы укреплений, служившие защите от внешних нападений. В Северной Осетии подобные комплексы включали в себя святилища, выполнявшие и идеологические функции: воины должны были сражаться до последнего, поскольку считалось, что, покинув крепость, они предадут вражескому осквернению само святилище. Святилища пользовались в народе особым уважением. Эта традиция содержала в себе воспитание чувств, связанных с высокими человеческими понятиями, формировавшими нравственность осетина. Святилища на предгорных равнинах в отличие от горных имели и иную миссию: помимо культового предназначения, они служили убежищем, гарантировавшим безопасность любому путнику (человек, успевший укрыться в святилище, считался неприкосновенным).

Из равнинных святилищ наиболее почитаемой являлась роща Хетаг — место отправления религиозных культов и укрытия от преследователей. К. Хетагуров в поэме «Хетаг» писал: «Священная роща «Хетагов куст»... В нем стражник чужой потушает свой взор, послушный обычаю горцев». И в наше время сюда съезжаются в августе из разных селений люди, чтобы отметить день Хетага. Против осетинских святилищ официальными властями всегда велась борьба, а в последние годы она столь уже сточилась, что в день Хетага милицейские наряды, блокировавшие дорогу к роще, никого не удивляли. Произошло запустение святилищ. Вакханалия, развязанная по инициативе некоторых местных «идеологов», вызывала возмущение не столько поведением непосредственных ее организаторов, сколько позицией Москвы, ибо подобное переносное проецирование казалось людям справедливым, так как наложение табу на святилища проводилось одновременно при нейтральном отношении к церквям и мечетям.

В осетинском быту обычаи, связанные с похоронами, сложились в четкую систему обрядов, особенно устойчивых. Одна из причин состоит в тяжести военных и демографических катастроф: более чем полтора-миллионное (в аланское время) население к концу первой трети XIX в. составляло около 40 тыс. человек. Путешественники XIX в. отмечали, что в Осетии кладбища занимали больше места, чем села. Отсюда — традиция: в день похорон близкие люди приходят к месту захоронения покойного и оказывают его семье материальную и моральную поддержку. Можно согласиться с тем, что с точки зрения целесообразности встречаются в похоронной обрядности и «нерациональные» начала, но это не дает

права на борьбу с традицией через милицию. А за осетинской свадьбой вообще не признали исторической преемственности. Появились даже «сценаристы», предлагавшие навсегда отказаться от осетинской свадьбы и внедрить новый свадебный обряд. В организованных ими «комсомольских свадьбах» не участвовали лица старшего поколения, решившие, что на таких свадьбах может присутствовать только молодежь.

Третий пример связан с урбанизацией. Она привела попутно к ломке былой семьи, стремившейся к компактному расселению своих членов с сохранением тесных родственных связей. Сопrotивляясь новому укладу жизни, такие семьи устраивали «фамильные съезды». В этом нет ничего ужасного, но и здесь появились «культуртрегеры», запрещающие поддерживать родственные связи в таких формах. Не этими ли и им подобными фактами отчасти порождались негативные явления в межнациональных отношениях?

Н. Ф. БУГАЙ. Больше внимания неизученным аспектам национальных отношений

Многие проблемы национальных отношений в СССР долгое время оставались в тени, не подвергались тщательному исследованию. Форсированная интернационализация привела к закрытию созданных в 20—30-е годы специальных учреждений, занимавшихся этими проблемами, национальных секций партийных и советских органов, сети учреждений по руководству культурой (комитеты национальностей при Наркомпросах и т. д.) и др., свертыванию статистических обследований по отдельным нациям и народностям, резкому сокращению научной работы в области национальных отношений и т. д. Право на теоретическую разработку национального вопроса оказалось монополизировано Сталиным.

С учетом требований, предъявляемых современностью, крайне необходим анализ концепций национального вопроса, содержащихся в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, документах Коммунистической партии и Советского правительства.

Сегодня советская историческая наука столкнулась с тем, что по проблеме национальных отношений практически отсутствует источниковая база. Мы располагаем несколькими десятками опубликованных сборников документов по вопросам совместной борьбы народов за социалистическую революцию, по истории национально-государственного строительства на местах, образования СССР. Однако в них нет ответа на вопрос, каким образом складывались у нас межнациональные и внутринациональные отношения на уровне страны в целом, союзных и автономных республик, областей и округов, как реализовывалась ленинская концепция развития народов СССР, какие были допущены ошибки, отступления, в чем суть деформаций в этом процессе, как осуществлялась новая экономическая политика, проходила индустриализация в национальных районах, как народы СССР участвовали в совместной борьбе против фашизма, восстановлении народного хозяйства, как они развивались в условиях дальнейшего строительства социализма.

Ждут публикации материалы съездов Советов, заседаний СНК, ЦИК республик. Было бы полезным проанализировать на основе документов процесс национально-государственного строительства и административного устройства народов. Необходимо исследовать имевшие место в период коллективизации (конец 20-х — начало 30-х годов) отступления от ленинского принципа учета специфики хозяйственного и культурного

БУГАЙ Николай Федорович — доктор исторических наук, руководитель группы по истории национальных отношений советского общества Института истории СССР АН СССР.

развития национальных регионов. Тогда, в условиях административно-командной, бюрократической и волюнтаристской системы формировалась ориентация на единообразие в организации экономической жизни народов СССР. Такой подход резко противоречил ленинской концепции развития народов.

Отсутствуют данные о том, как повлияли на национальные отношения в 30-е годы массовые репрессии, затронувшие как русский, так и другие народы. Каждая союзная и автономная республика, области и национальные округа по какой-то чудовищной логике должны были тоже иметь своих «врагов народа», чтобы «не отстать» от центра.

Сегодня в условиях перестройки и гласности крайне необходимо обратить внимание на анализ проблем вынужденной миграции некоторых народов нашей страны в 40-е годы. Появляющиеся по этой проблеме разноречивые публикации, «игра в цифры», отсутствие документальной базы приводят к тому, что допускаются большие искажения. Кроме того, нельзя ограничиваться 40-ми годами, поскольку переселение народов началось уже в конце 30-х годов (первыми выселялись с Дальнего Востока советские корейцы). Ждет исследования и проблема экономического развития национальных регионов страны в 30—50-е годы. Как повлияла на состояние экономики политика переселения народов, их вынужденная миграция, когда был нанесен существенный удар по развитию животноводства, полеводства и других отраслей сельского хозяйства?

Внимание историков должны привлечь и вопросы национально-государственного административно-территориального устройства народов. Необходимо научно ответить на вопрос: можно ли решать все проблемы межнациональных отношений в сложившихся и зафиксированных национально-административных границах, возможны ли здесь какие-либо изменения, целесообразны ли они? Разумеется, при этом не должно быть поспешности. От того или иного административно-территориального устройства всегда в значительной степени зависели межнациональные отношения. Переселенческая политика 40-х годов привела к изменению территориального устройства, а неразрешенность отдельных вопросов, связанных с этим, до сих пор создает конфликтные ситуации в отношениях между автономными республиками, областями и округами.

Предана забвению и проблема роли Советов в становлении и развитии межнациональных отношений как в масштабе СССР, так и отдельных его крупных регионов. Опыт, накопленный в ленинский период, весьма ценен, так как он обозначил перспективы развития национальной социалистической государственности. Именно Советам как органам власти пришлось проводить работу по перестройке общества в условиях новой экономической политики, которая предполагала известную самостоятельность национальных регионов и всесторонний учет их специфики в отличие от административно-командной системы, которая адекватна централизму.

Более пристального внимания требует и проблема новой исторической общности — советского народа. Негативные явления в сфере межнациональных отношений породили некоторое недоверие к этому термину. Бытует мнение, что об этой общности говорить пока рано.

Важным было бы и рассмотрение проблем складывания единого народнохозяйственного комплекса в СССР, роли и места каждой из союзных и автономных республик, областей и округов в этом комплексе, их взаимоотношений в экономической сфере, как и исследование культурных связей между народами на различных этапах социалистического строительства.

Изучение названных вопросов позволит воссоздать правдивую историю союза наших народов, поможет преодолеть трудности, которые есть в сфере межнациональных отношений, выявить все ценное в них для использования в социально-экономическом развитии нашей страны.

А. В. КИРХ. Упразднение административно-командной системы — условие нормализации межнациональных отношений

Ныне интерес ряда национальностей к национальному вопросу в СССР чрезвычайно возрос. Сегодня (это подтверждают опросы общественного мнения в Эстонии) выходят наружу как положительные, так и отрицательные моменты национального развития. В условиях гласности жители Эстонии открыто говорят о том, что их особенно тревожит в жизни республики. Они в основном озабочены демографическими смещениями, будущим своих нации, языка и культуры. При этом используются опросы населения. Их результаты репрезентативны по национальному признаку: удельный вес эстонцев в рамках шести проведенных опросов — от 60 до 65%, что соответствует их доле в занятом населении республики. Основным фактором, меняющим этническую структуру Эстонии, остается приток людей извне. Вместо постоянного населения в республике повсеместно задают тон приезжие. В послевоенный период через Эстонию прошло около 7 млн. человек, а постоянное население в 1982 г. лишь превысило 1,5 миллиона. Миграционный прирост за 1945—1988 гг. составил 500 тыс. человек. Инонациональные жители Эстонии (в основном русские, белорусы и украинцы, чья доля превышает 75% из 600 тыс. неэстонцев) тоже озабочены тем, как сложится их жизнь в Эстонии, которую они или их родители после 1940 г. избрали местом проживания.

Демократическое обсуждение национального вопроса еще больше усилило неудовлетворенность. Опросы общественного мнения были проведены в ноябре 1986 г., апреле и октябре 1988 г. (одни из трех вопросов: «Как вы оцениваете отношения между эстонцами и неэстонцами в республике за последние годы?»). Они свидетельствуют о резком изменении общественного мнения за эти два года. Оценка состояния межнациональных отношений до лета 1988 г. с точки зрения эстонцев была значительно пессимистичнее по сравнению с оценками инонационального населения, но когда события лета и осени 1988 г. ознаменовали подъем политической активности эстонской нации под лозунгом национального возрождения, эстонцы и неэстонцы стали оценивать изменения в межнациональных отношениях одинаково. Пессимизм эстонцев обусловлен тремя причинами. Во-первых, коренные жители видят в притоке мигрантов угрозу экологии региона, поскольку последние составляют 70% лиц, работавших на объектах электроэнергетики, химической и сланцедобывающей промышленности, которые оказывают отрицательное воздействие на экологическую ситуацию в республике и здоровье людей. Во-вторых, интенсивный приток мигрантов приводит к острому дефициту жилой площади, особенно ощущаемому коренными жителями Таллина, Тарту, Нарвы и Пярну. Увеличение числа мигрантов ассоциируется и с ухудшением качества услуг. Третья причина — культурно-национальная. С возрастанием доли выходцев из других регионов СССР социальные функции эстонского языка сокращались, он вымывался из наиболее значимых сфер — производственной и деловой — и использовался чаще лишь в сфере культуры, науки и образования.

Все это вызывает недовольство эстонцев, и в 1988 г. их протест достиг общенационального уровня. Резкие выступления творческой интеллигенции против ведомственных амбиций всесоюзных министерств 1 и 2 апреля 1988 г. на Объединенном пленуме творческих союзов республики были вполне обоснованны. Этот протест, что подтверждает сегодня успешная деятельность Народного фронта Эстонии, представляет собой попытку реализовать на практике основные принципы ленинской региональной и национальной политики. Наконец-то эстонский язык стал го-

КИРХ Аксель Вольдемарович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии, социологии и права АН Эстонской ССР.

сударственным в ЭССР. Но, чтобы добиться этого, Верховный Совет республики на своей внеочередной, VIII сессии 16 ноября 1988 г. должен был принять «Декларацию о суверенитете Эстонской ССР». На сессии в центре внимания находились: отношение к законопроектам о дополнениях и изменениях Конституции СССР и о выборах народных депутатов; вопрос о суверенитете Эстонской ССР и соответствующие поправки к Конституции ЭССР. 72% населения Эстонии не одобрили законопроекты, 19% признали их заслуживающими поддержки. Среди русскоязычного населения доли противников и сторонников соответственно равны 49% и 39%, среди эстонцев — 85% и 7%. Более острые отклики вызвал принятый сессией закон об изменениях и дополнениях к Конституции ЭССР. 66% опрошенных (84% эстонцев и 35% неэстонцев) считали, что дополнения надо срочно принять, отрицательно отнеслись к дополнениям лишь 2% опрошенных (3% неэстонцев). В ходе опроса 16 ноября 1988 г. 73% таллинцев считали, что необходим суверенитет ЭССР (93% эстонцев и 42% неэстонцев); 10% — что в принципе это надо утвердить, но не на данной сессии; 3% назвали это вообще ненужным. Опрос 23 ноября показал, что 62% опрошенных — целиком, а 24% частично поддерживают поправки к Конституции ЭССР, принятые на сессии, против поправок — 7%, остальные не имеют твердой точки зрения. Эстонцы одобрили результаты сессии почти единодушно (98%), из неэстонцев 27% — полностью, 45% — частично, 14% выступили против.

Приведенные данные показывают, что русскоязычное население воспринимает новации более осторожно. Несмотря на такой раскол, доверие к депутатам после сессии возросло среди как эстонцев, так и неэстонцев. Опрос, проведенный до сессии, показал, что только 55% верили в то, что депутаты Верховного Совета республики действуют согласно интересам своих избирателей, а при опросе после сессии доля таких лиц возросла до 78% (данные о жителях Таллинна). Среди неэстонцев их доля возросла с 42% до 59%. Что касается лиц со средним и высшим образованием, то мнение более образованных неэстонцев было близко к мнению эстонцев. Очевидно, влияют высокая информированность и понимание насущных проблем республики.

Часть неэстонцев, прежде всего недавние мигранты, интересы которых переплетены с интересами общесоюзных ведомств, воспринимают позицию эстонских депутатов как проявление национализма и сепаратизма. Но пересмотр экономической и социальной политики административно-командной системы — важнейшее условие нормализации ненормальной ситуации не только в Эстонии: без этого нельзя вообще говорить о дальнейшем сплочении нашего федеративного государства.

М. М. КУЧУКОВ. Нельзя игнорировать субъективный фактор в теории и практике межнациональных отношений

Одна из характерных примет настоящего — это национальные движения, межнациональные столкновения и проявления национализма. В основе современных событий в области национальных отношений лежит упрощенное восприятие нации, которое игнорирует ряд свойств того, что мы называем народностью, нацией. Сталинская концепция сущности нации вошла в современную науку, в общественное и политическое сознание. Развитие концепции в дальнейшем происходило или по пути увеличения первоначального набора признаков нации или же некоторого их изменения.

В результате нация не воспринимается как общность людей, осознающих свое единство и на этой основе осуществляющих свой жизненный

КУЧУКОВ Магомед Мусаевич — кандидат философских наук, Кабардино-Балкарский агрометеорологический институт.

процесс, т. е. как субъект деятельности. Из основания теории нации выпал принцип деятельности. Нация в результате стала рассматриваться как нечто зависимое лишь от социально-экономических условий, классовых отношений. Этот подход и ориентирует современные исследования, в которых прежде всего уделяется внимание социально-экономическому развитию общества. Результаты исследования затем проецируются на развитие наций и межнациональных отношений, и как итог мы получаем бесконфликтное прямолинейное развитие.

Таким образом, существовавшая теория не смогла сыграть своей прогностической роли, а практика не смогла разрешить назревшие противоречия. Игнорирование принципа деятельности в концепции нации приводит к механическому материализму, где нация становится исполнителем безличных сил истории, марионеткой исторической необходимости.

Для такого подхода к пониманию сущности нации в период создания основ теории были объективные причины. Сталинская теория нации формировалась в период острой идеологической борьбы по вопросам содержания патриотизма и национализма, интернационализма и нации и др. Это был период бурного расцвета национализма в разных формах и проявлениях.

Отношение к нации как к субъекту деятельности особенно наглядно видно из критики Лениным сталинского плана автономизации при образовании СССР, по которому предполагалось вхождение всех народов в РСФСР на правах автономных республик. Ленин настоял на образовании СССР как союза равноправных наций. Политика в области национальных отношений в период сталинизма и в дальнейшем была далека от требований Ленина. В 20-е годы сложились упрощенные представления о нации и национальных интересах, и основой такого упрощения были взгляды Сталина. В этот период в стране шел процесс складывания бюрократической, административной системы, следствием которой была примитивизация общественных отношений. Одновременно и нации были лишены статуса самостоятельности, а из литературы постепенно исчезли понятия «потребности и интересы», «воля», «цели», «самосознание нации».

Из сталинских идей в основу новой теории нации и межнациональных отношений было введено определение нации, а также такие положения, как, например: «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма». Из этого положения делался конкретный, ориентированный на практику национального строительства вывод, что «нация рождается вместе с капитализмом. Смерть капитализма обуславливает и умирание нации». Все эти прямолинейные выводы отвечали уровню развития общественного сознания, для которого в целом характерна была вера в скорую мировую революцию и коммунизм, когда нации не нужны, все будут жить в братском единстве.

На практике это проявилось в кампании по борьбе с национализмом и уничтожению национальной интеллигенции. Проявление национального достоинства, гордости, забота о развитии культуры вызывали репрессии. В наиболее уродливом виде это пренебрежение к национальному развитию проявилось в годы Великой Отечественной войны в политике геноцида и этноцида в отношении ряда народов, выселенных с их исторической родины, обреченных на вымирание в непривычных природно-климатических зонах, на растворение в среде других народов.

Важно учитывать национальные интересы, которые выражают положение нации в системе общественных и межнациональных отношений. В настоящее время в стране осуществляется коренной поворот к руководству экономикой, сущность которого — в переходе к широкой демократизации управления, всемерной активизации человеческого фактора. К проблемам наций и межнациональных отношений необходимо подхо-

дить с этих же позиций. Тем более что обострение межнациональных отношений, как показали события в различных регионах страны, происходит на основе забвения существования национальных потребностей и интересов.

М. Г. КУМАХОВ. Отказаться от догматизма, научиться новому мышлению

Проблема межнациональных отношений является одним из главных вопросов в ходе перестройки, обновления социализма. Осложнение межнациональных отношений в ряде регионов страны прежде всего вызвано многолетним игнорированием социально-экономических, духовных запросов наций и народностей, населяющих нашу страну, деформациями социализма. Во-первых, нет научно обоснованной теории национальных отношений. Во-вторых, отстает разработка дефиниций, понятий, терминов. В-третьих, не учитывается резко возросшее национальное самосознание всех народов СССР, в том числе и русского.

Вместе с тем благодаря усилиям обществоведов, в особенности этнографов, этносоциологов, в 70-е годы наметился определенный сдвиг в изучении национальной проблематики, заключающийся в исследовании межличностного уровня национальных отношений. Ими же совместно с психологами создана концепция национального самосознания, выявлена его структура. В борьбе с биологизаторскими идеями, теорией географического детерминизма, «единого потока» в культуре утвердилось понимание того, что нация — социальное явление. Появились и многозначные термины. Но все же успехи в разработке категорий, терминов, адекватно отражающих объективную реальность, более чем скромны. Исключение составляет, пожалуй, лишь теория этноса, контуры которой уже четко обозначены.

Между тем практическая (не говоря о теоретической) значимость дефиниций в современной национальной ситуации резко возросла. Простой на первый взгляд вопрос, кого можно считать националистом, — поставит в тупик немало ученых и практиков. Призыв партии отказаться от догматизма и научиться новому мышлению, поставить во главу угла человеческий фактор наталкивается не только на сопротивление бюрократического аппарата, но главным образом на косность, привычку к трафаретам, удобным формулировкам. Поясню это на конкретном примере. Несмотря на многочисленные упоминания терминов «национальное», «интернациональное», «интернационализация» и т. д., четких критериев выделения этих дефиниций, механизма перехода «национального» в «интер-» или, наоборот, «оплодотворения национального интернациональным», можно сказать, нет. Зачастую безуспешные поиски отличительных черт этих дефиниций определяются желанием во что бы то ни стало найти социалистические черты.

Укоренившийся догматизм можно проиллюстрировать и многими другими примерами. Приведу лишь один, понятный всем. До сих пор в социологической, исторической литературе можно встретить оценку вступления в межнациональный брак как проявление интернационализма. Я далек от мысли не видеть здесь элемент проявления интернационализма, но правда также и то, что женившийся на девушке другой национальности или рожденной в смешанной семье мужчина зачастую проявляет себя как «этноцентрист», «националист», стараясь компенсировать данную «ущербность». Больше вреда, чем пользы, принес и термин «второй родной язык», в роли которого выступал всегда русский. Данный сте-

КУМАХОВ Михаил Гидович — кандидат исторических наук, зав. сектором социологии Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики.

реотип прочно вошел в литературу, хотя, руководствуясь здравым смыслом, трудно смириться с двумя родными языками.

Проблема национальных стереотипов, которую здесь затронули, играет заметную роль в общественной жизни народов. Средства массовой информации расширяют возможность ознакомления с другими народами, их культурой, традициями, но нередко они же влияют на формирование отрицательных национальных стереотипов, хотя преследовали противоположные цели. Работы местных авторов, в частности представителей народов Северного Кавказа, пестрят названиями, определениями, подтверждающими якобы существующую иерархию национальностей: применительно к русскому народу термины «великий», «старший брат», «первый среди равных» и т. д., которые на самом деле ничего не прибавляют русскому народу, действительно внесшему (как самый крупный этнос) в дело строительства социализма больше других. Навязывание таких стереотипов мешает объективному процессу сближения наций, отражается на процессе интернационализации.

Взросший уровень национального самосознания имеет различные «выходы»: от создания неформальных объединений, движений до попытки реанимировать уже отжившее. В связи с этим возрастает роль исторической науки, интеллигенции. Пока же на страницах печати чаще выступают публицисты, представители различных социальных групп, и порою эмоции берут верх. Например, в Кабардино-Балкарии, особенно в среде молодежи, идут дискуссии о возможности изменения этнонима. Предлагается вместо «кабардинец», «черкес», «адыгеец» вернуться к самоназванию «адыг». Дело в том, что в родных языках этих народов имеется лишь один этот термин. Данный аргумент используется как основополагающий. Историческая действительность такова, что завершился более чем семивековой этап формирования кабардинской нации, этноним которой произошел от имени князя Кабарда. Дисперсное расселение этих народов, равно как и этническое самосознание, безусловно, сделает свое дело.

В ходе «круглого стола» неоднократно предпринимались попытки выделить и ранжировать структурные элементы национального вопроса. Представляется, что дискуссия на эту тему беспочвенна, так как мотивы возникновения межнационального напряжения в разных регионах разные: в некоторых случаях на первое место выдвигается экономический фактор, в других — требования правового характера и т. д. Вместе с тем вполне очевидно, что в различной обстановке, в разное время преобладающими могут быть иные причины, чем в настоящем.

Другой тезис, который здесь многие выдвигали, — требование политики равных прав и равных возможностей. Мне представляется этот тезис скорее политическим, лозунговым, чем научным. Например, может ли русский язык быть равноправным с языками малых народов Севера? Юридически — да, фактически — нет. Равенство объективно дает преимущество большим по численности нациям, имеющим большие территории, богатые природные ресурсы. Это неизбежно.

Я полностью поддерживаю мысль о необходимости изучения исторических аспектов национальных процессов. Забыты и традиции дореволюционной науки по национальному вопросу.

В заключение хотел бы кратко информировать о тех проблемах, которые стоят перед Кабардино-Балкарией. Они во многом схожи с теми, с которыми сталкиваются и в других регионах: перенаселение, избыток трудовых ресурсов (особенно в сельской местности), экология (загазованность в 2—2,5 раза выше нормы), недостаток жилья (обеспеченность составляет 90—91% общего показателя по РСФСР, хотя за последние четверть века численность населения республики росла темпами, в 1,6 раза опережающими среднероссийские). В то же время рост заработной платы у нас ниже, чем в РСФСР и Северокавказском регионе.

Такое же положение обнаруживается и при сравнении доходов с личного подворья. Широко распространенное двуязычие — одно из первых мест в СССР — и плохое знание родного языка дополняют общую картину.

К. Б. МИТУПОВ. *Увязывать социальную политику с уровнем развития народов*

Отсутствие научной теории национального вопроса привело в СССР к искажениям в национальной политике, что, в свою очередь, повлекло за собой искажения в экономической, социальной и культурной политике. Одним из наиболее болезненных результатов явилось форсирование создания социалистической общественной структуры у народов, перешедших к социализму, минуя капитализм, административно-бюрократические методы формирования национальных отрядов рабочего класса и интеллигенции. Поспешность вывода о непротиворечивом переходе к социализму, минуя капитализм, породила неверное отношение к темпам оседания кочевых и полукочевых народов, их приобщения к передовым методам индустриального и интеллектуального труда. Наметилось резкое падение темпов роста численности таких народов. Очевидно, что народы, стартовавшие к социализму из докапиталистических отношений, обязательно должны были пройти длительный адаптационный этап. В его рамках следовало, заложив основы нового строя, дать толчок к изменению психологии, связанной с традиционными видами труда.

Этого не случилось. И вот в Бурятии к концу 1930-х годов доля представителей коренного населения среди рабочих составляла около 10%, в 1959 г. — 8,8%, к 1979 г. — 17,7% (среди промышленных рабочих — 11,6%), т. е. результаты оказались ниже ожидаемых. Ошибочные методы социальной политики привели к замалчиванию реальной ситуации в статистике и научной литературе: один из важных показателей, который должен был стать ориентиром проведения соответствующей политики, оказался скрытым.

Формировалась национальная интеллигенция. Но идея перехода в состав интеллигенции только из рабочих не оправдала себя. Основная часть национальной интеллигенции в Бурятии была из крестьянства. Этот ее отряд уступал русской интеллигенции и по уровню образования, и по общей культуре. Впоследствии же сложившийся стереотип подготовки национальной интеллигенции стал играть негативную роль, ибо позволял на протяжении длительного времени «эксплуатировать» идею подготовки слабых национальных кадров, что привело и к дискредитации самой политики формирования национальной интеллигенции, и к снижению ее статуса.

На примере народов Севера и Дальнего Востока видно, сколь неоднозначно проходит приобщение их к индустриальным видам труда. В Северной Бурятии, где пролегла БАМ, проживает около 1300 эвенков, коренных жителей края, которые из века в век вели экологически разумную хозяйственную деятельность, традиционно занимаясь охотой и оленеводством. Никогда ранее не шла речь о массовом пьянстве, тунеядстве, деградации представителей этого народа. Строительство БАМ привело к тому, что дикие животные ушли, олени пастбища уничтожены, эвенки остались без традиционных занятий. Через 15 лет после начала строительства БАМ выяснилось, что практически ни один эвенк в нем не участвует и лишь немногие рабочие-эвенки заняты малоквалифицированным трудом. Местные хозяйственники предпочитают не принимать их на работу, зная, что им трудно дается овладение сложными профессиями. Казалось бы, чего проще — аборигенам влиться в рабочий класс

МИТУПОВ Константин Бато-Мункич — кандидат исторических наук, ученый секретарь Бурятского института общественных наук Сибирского отделения АН СССР.

страны, получить квалификацию, приобщиться к более цивилизованной жизни? Однако столь резкий скачок сказался на социальных процессах.

Необходима научно обоснованная социально-экономическая политика, привязанная к конкретной ситуации, уровню развития народов. Если исторически сложившаяся структура данного народа экономически целесообразна и оправдывает себя, то не надо искусственно создавать проблемы. Создание условий для развития традиционных видов труда и постепенный переход к иным видам труда на основе внедрения технических новшеств может изменить самый характер труда, а вместе с этим решить проблему приобщения к передовым индустриальным видам труда.

Х. Т. МЕДАЛИЕВ. Рост национального самосознания требует глубокого научного анализа межнациональных отношений

В период перестройки идет быстрый рост национального самосознания, сфера национальных отношений становится более сложной и многообразной, требующей серьезного научного анализа. Усилились миграционные процессы, расширился межреспубликанский обмен кадрами, коллективы стали многонациональными — все это требует сочетания национального и интернационального в духовном мире личности. А между тем события в ряде регионов страны показывают, что идеологическая работа в сфере национальных отношений ведется без учета сложности жизни и реальной картины бытующих настроений.

Патриотизм не безнационален. Игнорирование национальной гордости затрудняет формирование интернационалистского сознания. Наряду с общесоветской гордостью граждане СССР отнюдь не лишены и местного патриотизма. Если с этой точки зрения анализировать известное положение о расцвете и сближении наций, то для таких небольших автономных многонациональных образований, как Кабардино-Балкария, на практике это означало игнорирование традиций национальной культуры. Сошлюсь на пример. Творческое наследие пионеров адыгского просвещения долгие годы лежало мертвым капиталом, а это живая реальность, связанная многочисленными и невидимыми нитями с современностью. Труды этих ученых начали появляться в печати лишь с конца 70-х годов. Важнейшим памятником культуры является, как известно, язык. Только за последние годы стали издаваться труды, в которых собраны лексическое (в том числе диалектное, ономастическое) и фразеологическое богатство народа. А процесс развития национального самосознания шел стихийно, причем групповые образования и их интересы выдавались за общенациональные. Естественно, в этих условиях без изучения прошлого невозможно было восстановить подлинную историю развития культуры. А нигилизм, проявленный сознательно или под давлением сверху, приводил к обеднению национальной культуры, к умалению ее достижений.

В масштабе страны должно быть одинаковое отношение к религии. Воспевание одной религии в ущерб другой приводит к обратным результатам. А плохое знание истоков религиозных учений нельзя выдавать за атеизм. В дни, когда отмечалось 1000-летие принятия христианства на Руси, возник закономерный повышенный интерес русской интеллигенции, молодежи к истории России, памятникам старины, русской культуре. Этому радовались братские народы нашей страны.

Столь же закономерен интерес к истории прошлого и культуры других народов. В Кабардино-Балкарии мало сохранилось памятников культуры прошлого. Многие национальные традиции и обычаи прошлого под видом борьбы с религией были отброшены, хотя они не являлись рели-

МЕДАЛИЕВ Хачим Темирович — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Кабардино-Балкарского университета.

грозными по своему происхождению, а многие из них и сегодня могли бы пригодиться в духовном воспитании подрастающего поколения. Мы понимаем, что в духовном наследии, традициях и быту каждой нации есть хорошее и плохое. В данном случае речь идет о полезном, нужном.

Все это доказывает, что нельзя игнорировать роль и значение национальных факторов, сложность и противоречивость национальных процессов. Мнение определенной части теоретиков по национальному вопросу, что национальное теряет свое значение, неверно, практически вредно. В Кабардино-Балкарии, например, появились такие термины, как «кабардино-балкарский народ», «кабардино-балкарский язык» и т. д., тогда как есть два народа, два языка. Следствием этого явились запрещение преподавания в начальных классах на родном языке, недооценка роли языка, национальной культуры в воспитании подрастающего поколения. Вред состоит и в том, что не исследовались внутринациональные процессы, диалектика развития национального сознания и самосознания, национальной психологии, характера и т. д., а это приводит к нежелательным результатам.

Второй вопрос, на котором я хочу остановиться, это — миграционные процессы. В результате осуществления социальной политики КПСС за годы Советской власти в Кабардино-Балкарии, как и по всей стране, произошли существенные изменения, в том числе и в демографическом процессе. Численность населения Кабардино-Балкарии увеличилась со 170 тыс. в 1920 г. до 724 тыс. в 1985 г., или в 4,2 раза (количественно кабардинцы выросли в 2,3 раза, балкарцы — в 1,7 раза, русские — в 7 раз). Этот рост происходил за счет естественного прироста и высокого положительного сальдо механического движения. Механический прирост трудовых ресурсов за 9 лет (1966—1974 гг.) составил 63,8 тыс. человек. Такое положение нельзя считать нормальным. Следствием этого является углубление диспропорции между наличием рабочих мест в местах вселения и ресурсов труда в районах выхода мигрантов. Механический рост населения для любой республики чреват самыми различными осложнениями — в экономике, социальной сфере, межнациональных отношениях. Мы считаем, что механический рост населения надо остановить, и прежде всего экономическими мерами.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ЛЕТОПИСЬ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА НАРОДОВ БОЛГАРИИ И СССР

В конце 60-х годов на встрече активистов Общепародного комитета болгаро-советской дружбы (ОК БСД) по инициативе Ц. Драгойчевой было принято решение о регулярном издании серии научных сборников «Летопись дружбы» (ЛД) по истории болгаро-русских и болгаро-советских связей. С 1969 г. опубликовано десять томов. Материалы каждого объединялись общей темой, юбилейной датой или посвящались важнейшим событиям в истории наших народов: два тома — 100-летию освобождения Болгарии от османского ига и 1300-летию создания Болгарского государства¹, три — годовщинам социалистической революции в Болгарии и дружбе ее с Советским Союзом² и три — юбилейным датам Великого Октября, образования СССР, В. И. Ленину, Г. Димитрову³, два — совместной борьбе и строительству нового общества нашими народами, использованию советского опыта в Болгарии⁴.

¹ Освобождението на България и руската общественост.— Летопис на дружбата (ЛД). Т. 6. София. 1977; България и народите на Съветския Съюз през векове.— ЛД. Т. 8. София. 1981.

² Социалистическата революция в България и дружбата със Съветския Съюз.— ЛД. Т. 1. София. 1969; Общи и специфични черти в социалистическата революция и строителството на социализма в България.— ЛД. Т. 5. София. 1975; Развитие и обогатяване на теорията и практиката на българо-съветската дружба.— ЛД. Т. 7. София. 1979.

³ В. И. Ленин и историческият път на България.— ЛД. Т. 2. София. 1970; Посвещава се на деведесетгодишнината от рождението на Георги Димитров и петдесетгодишнината от образуването на СССР.— ЛД. Т. 4. София. 1972; Социалистическо сътрудничество, революционни връзки.— ЛД. Т. 10. София. 1987.

⁴ Съветският опит в България.— ЛД. Т. 3. София. 1972; Заедно в борби и създаване. Въпроси на българо-руските и

Одним из факторов популярности сериала является комплексный характер рассмотрения вопросов болгаро-советского сотрудничества учеными разных специальностей. Главному редактору сериала В. Хаджиниколеву удалось собрать в каждом томе работы разных специалистов: историков, философов, политических деятелей, экономистов, литераторов, ученых, руководителей промышленности, сельского хозяйства, медицины и др., что позволило углубить и сделать более разнообразным освещение поставленных проблем. Вокруг издания сложился довольно устойчивый коллектив болгарских авторов. Редакцией сериала привлекались и советские ученые. Из 135 авторов, публиковавшихся в ЛД,— 40 болгаристов из Москвы, Киева, Краснодара, Кишинева, Ленинграда, Минска, Одессы, Харькова и других городов СССР.

Большинство статей, опубликованных в сериале, являются оригинальными исследованиями на солидной источниковой базе по слабо разработанным или вообще не изученным вопросам. Почти все тома построены по проблемно-хронологическому принципу, позволившему выделить важнейшие этапы развития болгаро-русских (демократические и революционные связи до 1878 г., в 1878—1917 гг.) и болгаро-советских отношений дружбы и сотрудничества (1917—1944 гг. и с сентября 1944 г.).

Более чем в 20 статьях болгарских и советских ученых по периоду до освобождения Болгарии от османского ига раскрываются многие новые аспекты исторических корней дружбы народов России и Болгарии, их революционных и демократических связей, солидарности

българо-съветските взаимоотношения.— ЛД. Т. 9. София. 1984.

русской общественности с борьбой болгарского народа против чужеземного порабощения, последствия русско-турецких войн для развития национально-освободительной борьбы и освобождения болгарского народа и др.

Немалое место занимают в ЛД работы (17 статей), охватывающие период от освобождения Болгарии до 1917 г., в которых приводятся новые сведения о создании первой болгарской конституции, обучении болгарских офицеров в России, распространении и переводах произведений Ленина в Болгарии, влиянии его идей на болгарских социал-демократов-тесняков, участии болгар в русском революционном движении до 1917 г., Болгарском земледельческом народном союзе (БЗНС) и первой русской революции, некоторых вопросах политики России в отношении Болгарии и др.⁵

Свыше 50 воспоминаний, статей (по периоду от Великого Октября до краха монархо-фашистской диктатуры в Болгарии) на основе новых данных рассказывают о распространении идей ленинизма через болгарскую революционную демократическую печать, об откликах в Болгарии на первые ленинские декреты, творческом отношении Д. Благоева к теории и практике Великой Октябрьской социалистической революции. В этих работах и публикациях прослеживается органическая связь развития революционного движения в Болгарии со свершениями трудящихся нашей страны, отражены солидарность советского народа с борьбой болгарских революционеров против фашизма, борьба БКП против антисоветизма, помощь болгарского народа голодающим Поволжья, раскрыто участие политэмигрантов-болгар в социалистическом строительстве в СССР. В ряде статей приводятся новые факты из жизни соратников Ленина — Р. Аврамова, Х. Кабакчиева и др. Представляют интерес материалы о воздействии Октября на болгарскую революционную молодежь, зарождении и развитии интернациональных ее связей с комсомолом.

В специальном выпуске ЛД, приуроченном к 100-летию со дня рождения Ленина, опубликован ряд выступлений на встрече представителей советской общественности с деятелями обществ дружбы с СССР из 85 зарубежных стран, ха-

рактеризующих значение ленинских идей, Великого Октября для других стран, в том числе и Болгарии⁶.

Особое место в ЛД занимают работы советских и болгарских авторов о межвоенном периоде деятельности Димитрова, его вкладе в развертывание борьбы в защиту СССР против фашизма в годы Великой Отечественной войны. Большинству авторов удалось достаточно полно отразить творческую мысль и смелость Димитрова в решении коренных проблем строительства социализма в Болгарии, раскрыть его теоретические выводы о многообразии путей созидания нового общества, народной демократии как формы власти рабочего класса, необходимости дальнейшего ее развития, необязательности национализации земли при кооперировании крестьянства и др. Статьи о Димитрове есть почти в каждом томе, а четвертая книга ЛД полностью посвящена его деятельности.

При всем богатстве и насыщенности новыми данными многие статьи страдают все же определенной односторонностью. Пресловутые «запретные темы» так и остались пераскрытыми. В частности, тот факт, что отстаивание Димитровым ленинских идей и подходов, новых теоретических выводов о едином народном фронте в деятельности Коминтерна, а затем о многообразии форм перехода к социализму наталкивалось на догмы, извращения и деформации, связанные со сталинизмом. До последнего времени не публиковались материалы о грубом вмешательстве Сталина в дела Коминтерна, о борьбе Димитрова против необоснованных репрессий в отношении политэмигрантов в СССР, о том, что деятельность Димитрова во многих случаях парализовалась людьми из сталинского окружения, встречала подозрительность с их стороны, что ставило под угрозу самого Димитрова.

К сожалению, и в ряде статей о влиянии Великого Октября, революционных связях, участии болгар в революции и социалистическом строительстве в СССР приводимые материалы обеднены, неполны из-за отсутствия или недостаточности данных о впоследствии репрессированных деятелях КПСС и БКП. Сюда следует отнести и статьи о становлении

⁵ ЛД. Тт. 8, 9, 10.

⁶ Светът за дружбата със Съветския Съюз. София. 1970.

внешнеэкономических и дипломатических связей между Болгарией и СССР; восстановлении торговых отношений между ними и их разрыве в результате переворота 9 июня 1923 г., нормализации дипломатических отношений в 1934–1935 гг. и положительных моментах в развитии болгаро-советских отношений в конце 1939 – начале 1940 года.

Большое место в сериале уделено развитию культурных связей в межвоенный период, значению ленинских идей, Великого Октября для становления социалистического болгарского искусства, отражению образа Ленина в болгарской литературе и живописи. Привлекают внимание работы об изданиях произведений соратников Ленина в Западной Европе и развитии болгарской литературы, в частности русистики и болгаро-украинских литературных взаимоотношениях, отражении в советской печати и литературе революционной борьбы БКП.

Материалы по эпохе социализма составляют почти половину всего сериала. В этих разделах значительное место занимают вопросы общего и специфического в социалистическом строительстве, сочетания национальных и интернациональных интересов в сотрудничестве наших народов, роли КПСС и БКП в развитии и углублении сотрудничества, основанного на равноправии, взаимопомощи, единых целях, разработки братскими партиями новых путей, средств, форм и методов углубления сотрудничества, сближения наших народов.

Ряд статей болгарских авторов посвящен роли Красной Армии в освобождении Болгарии от фашизма, болгарского народа в борьбе с германо-фашистскими войсками на заключительном этапе войны, вкладу СССР в защиту национальных интересов Болгарии после 9 сентября 1944 г., взаимоотношениям СССР и НРБ как новому типу международных отношений, социалистическому интернационализму в действии, совершенствованию политического союза СССР и НРБ в последние десятилетия (тт. 1, 4, 10). Ряд материалов касается использования советского опыта в государственном строительстве в НРБ: ленинских принципов государства и права, димитровских заветов о необходимости творческого использования советского опыта в государственном и правовом строительстве в НРБ (т. 4), революционных преобразова-

ний в политической системе Болгарии в первые послевоенные годы, общего и особенно в конституционном развитии СССР и НРБ (т. 5).

Однако, говоря о советском опыте формирования государственного аппарата, авторы не только не проанализировали, но даже не поставили вопроса, отразились ли на практике государственного строительства Болгарии, а если да, то насколько, те командно-административные методы (чрезмерный централизм, нарушения демократических принципов и т. д.), которые имели место в СССР.

Во многих исследованиях сериала содержится материал о роли Г. Димитрова, Т. Живкова, Ц. Драгойчевой и тысяч активистов общества БСД в превращении болгаро-советской дружбы в «отличительную черту, в характерный национальный признак болгарского народа»⁷. Здесь идет речь о разработке теоретических основ БСД, вкладе общества в дело сближения СССР и НРБ, о внедрении новых форм советско-болгарского сотрудничества, укреплении дружбы наших народов. Тематически почти половина этих разделов касается вопросов экономического и научно-технического сотрудничества СССР и НРБ, его роли в создании новой Болгарии.

На конкретных примерах в сериале показано, что в послевоенное время бескорыстное содействие Советского Союза явилось важным фактором в динамичном наращивании экономического, технического и научного потенциала НРБ, в социалистической индустриализации, создании современной материально-технической базы сельского хозяйства. В этих работах раскрывается роль советских кредитов, превысивших к началу 80-х годов 4 млрд. переводных рублей в экономическом прогрессе Болгарии⁸. В ряде статей показано развитие сотрудничества СССР и НРБ не только на двусторонней основе, но и в рамках СЭВ, приведены примеры успехов в специализации и кооперации производства, реализации крупномасштабных проектов в рамках СЭВ, охарактеризовано участие Болгарии в совместном строительстве объектов в Советском Союзе.

В материалах последних томов отмечаются и некоторые недостатки, пере-

⁷ Програма на БКП. София, 1971, с. 106.

⁸ ЛД. Т. 8, с. 82.

шенные задачи в развитии экономического сотрудничества СССР и НРБ: координация их планов охватила лишь небольшую часть народнохозяйственных комплексов, незначительна подетальная и поузловая кооперация производства, сотрудничество осуществлялось главным образом через внешнеторговые отношения, выявилась серьезная недооценка развития прямых внутриотраслевых производственных и научных связей, ставшая препятствием на путях дальнейшего углубления международного социалистического разделения труда, повышения эффективности сотрудничества и качества продукции в наших странах⁹. Авторы указывают на объективную потребность в совершенствовании механизма сотрудничества, давая анализ общих черт и различий в промышленных структурах СССР и НРБ, предложения по тем основным направлениям, по которым целесообразно расширять международную специализацию и кооперацию производства. В сериале раскрыт опыт прямых связей сельскохозяйственных научных институтов, временных программных коллективов в области животноводства и др.¹⁰.

И все же, особенно в первых томах сериала, господствует стереотип «пропаганды успехов», ничего не говорится о трудностях и нерешенных проблемах в экономических связях, причинах задержки ввода в действие совместных строительных объектов, неполном использовании их потенциала, случаях срыва сроков взаимных поставок оборудования, говаров, многочисленных реконструкциях и расширении только что построенных предприятий, невыполнении ряда решений СЭВ и др.

В разделах об эпохе социализма более 20 статей посвящены советско-болгарскому взаимодействию и сближению в области культуры, культурным связям Болгарии с Украиной, Белоруссией, Молдавией, Грузией, Узбекистаном, Казахстаном, Коми АССР, Абхазией, Аджарией, Дагестаном. Здесь рассмотрены взаимосвязи в литературе, журналистике, в театральном искусстве, кино, радио, телевидении, изобразительном искусстве, в народном образовании, есть и обоб-

щающие исследования о закономерностях и особенностях духовного взаимообогащения наших культур.

Как известно, с конца 40-х — начала 50-х годов в политике СССР по отношению к другим социалистическим странам стал открыто проявляться отход от ленинской идеи о поисках путей строительства социализма как о ряде попыток, каждая из которых может чем-то отличаться одна от другой, то есть складывающихся из интернациональных усилий. В условиях нараставшего культа личности происходила абсолютизация опыта КПСС, специфические черты строительства нового общества в СССР подавались как закономерности перехода к социализму. В этих условиях стала невозможной сама постановка вопроса о том, что в деятельности КПСС могли допускаться ошибки.

Эти издержки нашей внутренней политики с ее чрезмерной централизацией, унификацией, огосударствлением, командными методами сказывались и па взаимоотношениях с делавшими первые шаги странами народной демократии, препятствовали в определенной степени развитию творческих начал в их деятельности, в разработке своих концепций строительства социализма, деформировали развитие их сотрудничества с СССР. Любые отклонения стран социализма от советской модели общественного развития, желание учесть национальные особенности, конкретную обстановку в стране рассматривались сталинским окружением как отступление от марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма, объявлялись ошибочными, ревизионистскими и т. д. Социалистическое строительство в этих странах идентифицировалось с советским опытом. Во времена культа личности в отношениях СССР с другими странами социализма утвердился патернализм, нарушавший принципы подлинного равноправия.

Несмотря на то, что опубликованный в 1956 г. в СССР документ об основах взаимоотношений со странами социализма был направлен на утверждение принципов равноправия и социалистического интернационализма, из-за сохранившейся в СССР в годы застоя командно-административной системы элементы патернализма еще давали о себе знать. Влияние этих факторов проявилось в Болга-

⁹ ЛД. Т. 10, с. 104—105, 119.

¹⁰ ЛД. Т. 8, с. 111—112; т. 9, с. 204—205; т. 10, с. 43, 128—131, 200—204.

рии, в частности, в конце 1947 г. в возобладании курса на ускорение революционных процессов и ликвидацию буржуазных и мелкобуржуазных элементов. На деятельности БКП с конца 40-х — начала 50-х годов все больше стало сказываться давление сталинизма. Утверждались догматические, шаблонные подходы к решению конкретных вопросов, ощущалось стремление к унификации, к механическому копированию советского опыта, сковывался творческий потенциал действительно ценного опыта. Все это привело к тому, что огромные возможности углубления двустороннего сотрудничества не были использованы.

Однако эти явления, факты не нашли должного отражения в сериале. Конечно, не эти явления определяли конструктивную суть, генеральную линию, не они составляли главное содержание братских взаимоотношений и дружбы стран социализма, и в частности СССР и НРБ. На страницах сериала раскрываются масштабы огромной экономической, научной, технической и культурной помощи и содействия Болгарии со стороны СССР, говорится о жертвах, которые СССР понес во имя освобождения братских народов от фашизма и порабощения. Сила социализма, его гуманистический и интернациональный потенциал, вековые, исторические корни нашей дружбы, сплоченности оказались настолько прочны, что сталинские деформации не смогли поколебать главное, основное в нашем сотрудничестве.

Статьи сериала свидетельствуют о том, что каждый шаг поступательного движения БКП и народа Болгарии был тесно связан, особенно после апрельского (1956 г.) Пленума ЦК партии, с широким изучением и освоением советского опыта. Болгарские авторы подчеркивают, что без этого опыта, без советского содействия во всех областях жизни не удалось бы превратить за такой короткий срок небольшую зависимую страну в свободное, развитое, индустриально-аграрное государство с высоким материальным и духовным уровнем жизни народа.

Многие авторы сериала стремились отразить своеобразие, особенности социалистического созидания в Болгарии, отличие практики НРБ от советского образца, но не всем удалось преодолеть

стереотипы и штампы прежних лет. В «интересах» упрощенно толкуемых принципов социалистического интернационализма (чтобы «не бросить тепь» на дружбу и сотрудничество наших народов, «не давать пицци» идейным противникам) создавались «закрытые зоны», проводилось неоправданное засекречивание материалов СЭВ, министерств, ведомств, осуществлявших международные связи, что не могло не сказаться и на материалах ЛД. Исследователям предоставлялась лишь урезанная «положительная» статистика¹¹, навязывался штамп «пропаганды успехов», по которому можно было писать лишь о положительном в сотрудничестве, а если что-либо выходило за «оптимистические» рамки, свидетельствовало о встречающихся и накапливавшихся трудностях, нерешенных проблемах, ошибках в сотрудничестве, несовпадении интересов, то это, как правило, отсекалось.

Тиски административно-бюрократического механизма тормозили теоретическую работу, не позволили своевременно увидеть перспективные формы сотрудничества, полнее раскрыть потенциал социалистического интернационализма, новые современные формы и пути взаимодействия, повышения эффективности сотрудничества и углубления социалистической интеграции братских стран. Тем более актуален взятый КПСС и БКП курс на дальнейшую демократизацию наших отношений, на очищение их от всего того, что «затемняло» некоторые аспекты наших связей, на ликвидацию «белых пятен» в них. Это открывает, как видно из ряда статей т. 10, путь к созданию полноценных исследований о наших многогранных отношениях. Одним из проявлений старых стереотипов, обуславливавших определенную неполноту анализа сотрудничества СССР с социалистическими странами в 50–70-е годы, был акцент болгарских и большинства советских авторов на содействие со стороны нашей страны, на использование советского опыта и игнорирование опыта, накопленного во многих областях строительства социализма

¹¹ Ряд болгарских и советских авторов ЛД небезуспешно пытались преодолеть эти трудности за счет широкого использования текущей архивной документации министерств, ведомств, общественных организаций и др.

братскими странами, который мог представлять интерес для СССР¹².

В то же время уже в первых томах сериала (впервые в историографии) публиковались отдельные материалы о вкладе Болгарии в сотрудничество, в коллективный опыт и достижения наших стран, показывающие взаимообогащающий характер сотрудничества наших народов, пути распространения болгарского опыта в СССР, развитие прямых научных и производственных связей, плодотворную деятельность первых совместных научных коллективов (т. 1, 3, 8, 9, 10). В статьях ЛД впервые отмечалось сотрудничество с НРБ почти половины национальных, многих автономных республик, десятков краев и областей СССР.

К достоинствам сериала можно отнести его поступательное «возмужание», качественный рост за счет многообразия исследуемой проблематики, синтезирова-

¹² Лишь в середине 60-х годов в ряде министерств СССР были созданы специальные отделы по изучению опыта зарубежных социалистических стран. Однако внедрение вносимых в 70-е годы предложений советских специалистов и ученых, основанных на ценном болгарском опыте, из-за межведомственной разобщенности, отсутствия прямых связей производителей и ученых затягивалось.

ния многовекового опыта взаимоотношений, современных процессов, отражающих реалии углубления сотрудничества и сближения наших народов. Каждая статья, сериал в целом пронизаны идеями интернационализма, глубокого взаимного уважения и представляет собой существенный вклад в воссоздание летописи дружбы наших народов, своеобразную энциклопедию советско-болгарского сотрудничества.

Издание сериала следует продолжить с учетом освещения в его статьях не только положительных событий и факторов в наших отношениях в прошлом, но и показа негативных явлений, имевшихся недостатков во имя объективности и исторической правды, раскрытия полной картины взаимоотношений, что убедительнее и сильнее воздействует на читателей, чем приукрашивание. В последующих томах могли бы быть опубликованы дискуссии ученых двух стран, «круглые столы». Желательны в каждом томе краткие сведения об авторах, именной и предметной указатели, резюме статей на русском языке. Научную и практическую ценность представляло бы также переиздание на русском языке наиболее актуальных в наши дни статей сериала.

Б. Н. Билунов, Д. Г. Песчаный

КНИГА О СУДЬБАХ СИБИРИ

Книга сотрудников Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР Р. С. Васильевского и Д. Я. Резуна*, по словам самих авторов, это — «раздумья о минувших веках и сегодняшних днях», «мысли вслух» двух историков, занимающихся изучением Сибири. В центре их внимания — вопросы о месте Североазиатского субконтинента в мировой истории, особенностях его развития, истоки дружественных связей России с дальневосточными соседями.

Работа знакомит с последними открытиями сибирских археологов, позволивших значительно «удревнить» историю Северной Азии, по-новому рассмотреть

* Р. Васильевский, Д. Резун. Воспитание историей. Новосибирское книжное изд-во. 1987. 222 с.

время и пути ее заселения человеком. В частности, выяснилась особая роль Алтая в этом процессе (по-видимому, именно с него началось распространение палеолитических культур по Сибири), получены новые подтверждения первоначального заселения Америки жителями Северной Азии, приводятся убедительные свидетельства существования глубинных этнокультурных связей обоих континентов в древности.

Другим стержневым сюжетом книги является история освоения Сибири русскими людьми. Авторы справедливо относят эту тему к числу тех, что «навечно останутся в культурном наследии человечества», отразив «те поворотные моменты, когда завязывался национальный характер того или иного народа» (с. 33). В отличие от большинства касаю-

щихся этой теме авторов, Васильевский и Резун рассматривают открытие и присоединение Сибири не изолированно от мировых событий, а сопоставляя этот процесс с другим, хронологически совпадающим — открытием и заселением европейцами американского континента. Такой подход вполне оправдан и не так уж нов. Нас не должно смущать то обстоятельство, что идея такого сопоставления была в свое время скомпрометирована историками, слишком поверхностно и прямолинейно проводившими аналогии между «покорением Сибири» и колонизацией Америки. Этой идее (как и термину «колонизация», и по сей день еще многими нелюбимому, когда речь заходит о Сибири) должны быть возвращены «все права гражданства», ибо в негативной реакции на них, как убедительно показано в книге, «больше эмоций, чем здравого смысла» (с. 34).

Авторы считают, что освоение русскими Сибири в XVI–XVII вв. и заселение в то же время Северной Америки европейцами «типологически представляют из себя равнозначные процессы» (с. 37), но вместе с тем указывают и на существенные («принципиальные», «яркие») различия двух процессов. Отмечая «сопричастность судеб Америки и Сибири», Васильевский и Резун подчеркивают, например, во многом общую «методику» освоения новых территорий (продвижение переселенцев прежде всего по рекам, первичность города по отношению к сельским поселениям) и такие общие для освоения Сибири и Северной Америки черты, как небольшие размеры возникающих там городов, их вначале преимущественно аграрный характер и даже схожий внешний облик.

Но, пожалуй, самое главное состоит в том, что, отмечая принципиальные отличия в освоении двух континентов, авторы обращают внимание на коренные различия в судьбах аборигенов, несопоставимость территориальных масштабов и интенсивности колониционных процессов, большую роль государственного начала в освоении Северной Азии. Многие различия объясняются и тем, что заселение Сибири было для русских людей, в отличие от переселявшихся в Америку европейцев, органическим продолжением процесса формирования национальной территории.

В главе «Как все это начиналось» идет

речь о первых дружеских контактах русских с японцами. Внимание привлекает рассказ о судьбах японских рыбаков, оказавшихся по воле случая в российских пределах в XVIII в., и о первой русской экспедиции к японским берегам, возглавлявшейся К. Лаксманом. Не лишними выглядят и напоминания «о приоритете русских в открытии и освоении островов северо-западной части Тихого океана» и разъяснение причин этого: «Не только Курильские острова и Сахалин, но и Хоккайдо долгое время, фактически до конца XVIII столетия, не вызывали особого интереса у центрального японского правительства» (с. 104).

Вполне уместно замечание авторов о том, что «добрая память между народами... предполагает не только знание о самом себе, но и знание того, какими мы выглядим со стороны» (с. 110). Выяснить это применительно к Сибири Васильевский и Резун попытались (и не без успеха) на основе обычно не привлекаемых для подобных целей энциклопедий западноевропейских стран (Франции и ФРГ). Авторитет и доступность этих изданий определяют и их большую роль в формировании представлений о Сибири за рубежом в самых широких кругах и правомерность изучения в избранном авторами аспекте. Васильевский и Резун нашли во французских и немецких энциклопедиях немало интересных «парадоксов и фактов», хотя иногда эти материалы рассматриваются излишне подробно (особенно те, которые не имеют непосредственного отношения к Сибири). Кроме того, после глав о русско-американских и русско-японских связях остается непонятным отсутствие в книге сведений из аналогичных изданий США и Японии.

Завершающая глава «Память истории» посвящена проблемам сохранности памятников истории и культуры Сибири. «Бесценными их делает память народа», — подчеркивают авторы. Одновременно они приводят факты, свидетельствующие о бездушном отношении многих наших современников к своему историческому наследию. «Наши упущения в историко-патриотической пропаганде, — замечают авторы, — порой оборачиваются для нас относительно широким историческим бескультурьем... Но гораздо страшнее, когда к этому историческому бескультурью причастны люди, кото-

рые по своему ведомственному назначению должны... заботиться о сбережении Истории» (с. 179).

Историческое бескультурье многолико: здесь и «автографы» туристов на памятниках старины, и нежелание властей отметить хоть каким-то памятным знаком пути землепроходцев и первопоселенцев, и «эпидемия переименований». Но истоки его разглядеть нетрудно: чаще всего это бездуховность и эгоизм, прикрытые погоней за сиюминутной выгодой и дешевой конъюнктурой. Есть и еще одна, нередко объединяющая все проявления исторического бескультурья причина — вульгарно-социологический, псевдоклассовый подход к событиям и явлениям прошлого, приводящий, в частности, к тому, что исторические личности, не укладывающиеся в прокрустово ложе современных представлений об «идеальных героях», либо делаются таковыми вопреки элементарным фактам истории, либо исключаются из нашего исторического наследия.

Трудно сказать, что тут вреднее. Поэтому весьма злободневны, и особенно для Сибири, с ее уже не раз «перепи-санной» историей, слова авторов: «Нам думается, что сейчас настало время понять, что для каждой эпохи была своя историческая правда; и искажать ее, даже из лучших побуждений, грешно. Стремление в каждом историческом герое находить во что бы то ни стало... черты, привлекательные с точки зрения наших сегодняшних представлений о добре и зле... может увести нас далеко от правды истории». Отсюда понятно резко отрицательное отношение авторов к желанию «подкрасить, подлакировать, «отреволюционизировать» наших героев прошлого, замолчать те черты и факты в их биографиях, которые сегодня нас не совсем устраивают» (с. 209).

Важное место в книге отведено роли истории в патриотическом воспитании. Понимание этой проблемы авторами вполне соответствует духу нашего времени, будучи тесно связанным с понятием подлинного интернационализма. «Нам ближе, роднее всего то, что издревле зовется Русью, Россией», — говорится в книге. Но «любя свой дом, свою землю, свою Родину, следует уважать любовь других людей к их земле, к их стране. Видимо, таковы основы братства всех людей» (с. 4). И еще: «В деле про-

папады нашего исторического наследия мы должны гордиться не отдельными героями, а всей совокупностью национальной истории России и всех народов, паселяющих нашу страну, беря в качестве основного стержня прогрессивные тенденции исторического развития» (с. 210).

Касаясь этих тенденций, авторы, естественно, не могли пройти мимо значения столь важного события нашей истории, как продвижение России в Сибирь. Их позиция здесь удачно подкрепляется высказываниями объективно настроенных исследователей-иностранцев, наиболее авторитетных в этом вопросе в силу своей беспристрастности (с. 62, 86, 131–132), и удачно проецируется на сегодняшний день: «Накопленный поколениями русских сибиряков опыт хозяйственно-культурного освоения Сибири во многом интересен и поучителен и может быть использован в наши дни при освоении новых территорий» (с. 218). Самое же «важное и драгоценное», что, по мнению Васильевского и Резуна, дает история Сибири — «это уроки интернационального общения, сожительства, совместной работы по преобразованию края, когда представители разных народов, разной веры, разных языков учились совместному миролюбивому соседству друг с другом» (с. 221).

Не со всем в книге можно согласиться. Так, в ней наряду с выдержавшими проверку временем точками зрения получили «права гражданства» без подкрепления дополнительной аргументацией давно пересмотренные наукой или весьма спорные положения и не вполне, видимо, продуманные формулировки: о помещичьем гнете как главной причине ухода в Сибирь (с. 72), о связи начала колонизационного движения за Урал (а это конец XVI в.) с развитием капитализма в России (с. 52), о появлении первых русских поселений в Америке (на Аляске) в 1570-х годах (с. 42) и др. Встречаются в книге также неточности и ошибки. С. Дежнев не открывал Камчатку (с. 91), Мамай не был ханом (с. 149), в Синодике ермаковым казакам есть имена и иногда прозвища, но нет «фамилий» (с. 177) и т. д. И тем не менее книга будет содействовать выполнению задачи, обозначенной в ее названии.

Н. И. Никитин

АМЕРИКАНСКИЕ ИСТОРИКИ ОБ УРБАНИЗАЦИИ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Интерес историков США к русским городам, как и вообще к городской истории, проявился в конце 1960-х — начале 1970-х годов, когда заявили о себе трудные проблемы развития современных городов в самих Соединенных Штатах. В рецензируемой книге* выступают десять видных специалистов (в том числе авторы монографий о российских городах, например, Дж. Батер, А. Хенрикссон, Д. Броувер). Напомним, что ни в советской, ни в зарубежной историографии нет обобщающего исследования об урбанизации в пореформенной России.

Хотя в книге анализируется развитие лишь восьми крупнейших городов европейской России, Польши и Закавказья (Москва, Петербург, Киев, Варшава, Рига, Одесса, Тифлис и Баку), она может претендовать на некоторое обобщение закономерностей российской урбанизации после «великих» реформ, а также и на известную цельность. К тому же она отражает доминирующие в американской историографии представления.

Во введении М. Ф. Хэмм, под редакцией которого издана книга, определяет два основных методологических принципа исследования урбанизации, которым следуют все авторы: изучать город как процесс, а не как место поселения; исходить из того, что городская среда (материальные условия жизни, культурно-политически-психологический климат города, городской образ жизни, культурные и политические организации и т. п.) была не пассивным фоном, а так или иначе формировала новые тенденции, новые отношения, союзы, конфликты. Хэмм формулирует и основные проблемы российской урбанизации, каждой из которых в книге посвящен очерк по истории какого-нибудь города, лишь попутно и в связи с этим затрагивающий другие вопросы. Авторы сделали попытку по-новому взглянуть на традиционную для американской историографии проблему — происхождение русских революций — через анализ городского развития.

В очерке о Москве Дж. Брэдли сконцентрировал внимание на основных тенденциях развития города, которые состоя-

ли в эволюции его от большой деревни к метрополису, в переходе от сегментации горожан на отдельные сословные группы к единой корпорации, в замене сословно-феодалных связей и структур буржуазными связями и структурами; в перерастании патриархального сознания городских обывателей в гражданское самосознание. Тенденции схвачены верно, хотя Брэдли преувеличивает степень интеграции горожан в единую корпорацию. Консолидировались буржуазия и интеллигенция, объединялись рабочие разных предприятий и отраслей, но всеобщего союза не получалось, да и не могло получиться: слишком различными были интересы у разных классов горожан. Двигателем прогресса столицы Брэдли обоснованно считает развитие товарно-денежных отношений: патриархальная сонная Москва была разбужена рынком (с. 28).

Дж. Х. Батер в очерке о Петербурге решает проблему: оказали ли влияние изменения в городской среде на крупные социальные движения 1905 и 1917 годов? Он анализирует ход и темпы индустриализации и урбанизации, оценивает масштабы горизонтальной социальной мобильности, останавливается на социальных издержках быстрого развития. Индустриализация вызвала негативные изменения, породила серьезные проблемы (жилищную, транспортную, санитарную, медицинскую и др.), с которыми ни царское правительство, ни городское самоуправление справиться не смогли. Все это способствовало обострению социальных конфликтов и революционным событиям 1905 и 1917 годов (с. 73–75).

Батер по адресным книгам Петербурга 1867 и 1910 гг. определяет так называемый индекс сегрегации, т. е. степень топографической обособленности каждого сословия. Она была выражена слабо, хотя сохранились части улиц, предназначенные как бы для высшего класса либо для рабочих (с. 67, 71, 73). Отсюда автор делает вывод: отсутствие изоляции обостряло социальные противоречия, так как богатые и бедные жили «вместе», на одной улице, в одном районе.

Представляется, что Батер сделал

* The City in Late Imperial Russia. Bloomington. Indiana University Press. 1986. 372 p.

здесь логический просчет: он исследовал сословную топографическую сегрегацию, а вывод распространяет на имущественную, которая приобрела в пореформенное время большее значение. Характерно, что административные участки Петербурга существенно отличались по экономическому уровню проживающего в них населения, вследствие чего участки резко отличались и по уровню смертности¹. Сопоставление результатов Батера и Новосельского говорит о том, что в Петербурге последней трети XIX – начала XX в. социальная топографическая сегрегация сохранилась, только она приняла другую форму – на смену сословной топографической сегрегации пришла имущественная (экономическая).

М. Ф. Хэм, исследуя Киев, отмечает преобладание мелкой промышленности, слабое развитие пролетариата, архаичность социальной структуры, отсталое общественное самоуправление и др. В то же время новое выражалось в создании крупной промышленности, в разностороннем изменении городской среды, возникновении классовых и национальных конфликтов, что в целом и определяло бытие города (с. 110–112).

В очерке о Варшаве С. Д. Корсин сделал акцент, во-первых, на отношениях между евреями и поляками, конфликтность которых, по его мнению, отражалась во всех сферах жизни города; во-вторых, на политическом конфликте городской корпорации и самодержавия. Национальные конфликты затрудняли развитие классовой солидарности рабочих, борьбу с царизмом (с. 146).

Исследование А. Хенрикссона о Риге показало, что здесь не удалось избежать ни бедности, ни перенаселения, ни высокой смертности, ни загрязнения атмосферы, ни всех прочих болезней крупного индустриального города. Отсюда автор делает как будто закономерное заключение: опыт Риги демонстрирует слабость российских социальных и политических институтов в условиях самодержавия. Даже при умелом руководстве (Рига обладала наилучшим в России городским самоуправлением) они не справлялись с проблемами урбанизации и индустриализации (с. 202–203). Такой

итог был бы корректным, если бы автор мог назвать хотя бы один крупный западноевропейский город той поры, где не существовало тех же проблем.

Аспект, рассматриваемый Ф. В. Скипером, – влияние правительственной политики на урбанизацию и модернизацию общества. Одессу автор считает образцом прогрессивной городской модернизации, самым динамичным городом России, в котором особенно заметно отражались коренные общественные изменения (с. 209). Но, как и в других городах России, жесткие рамки, которые установило их развитию государство, сглаживали различия. Одесса была прежде всего русским в этом смысле городом, хотя и обладала «космополитическим духом» (с. 238).

Темп и степень модернизации Одессы (как и других городов), полагает автор, зависели от правительственной политики в отношении города и от объема прав, предоставленных общественному самоуправлению. Когда этих прав было больше (1860–1880-е годы), город развивался быстрее, когда меньше (с 1890-х годов) – развитие замедлялось. Пример Одессы, заключает автор, свидетельствует, что широкая и непрерывная модернизация была жизненно необходима стране. Остановка же, замедление модернизации, контрреформы были пагубны. Скипер утверждает, что перелом в городской модернизации, наступивший в 1890-е годы в связи с контрреформами, явился фактором гибели самодержавия (с. 239). Эти выводы представляются верными и интересными.

Изучая Тифлис, Р. Г. Суни ставит цель оценить эффективность национальной политики правительства в 1860–1905 гг. и выяснить происхождение этнических конфликтов, составлявших главное социальное содержание пореформенного развития этого города. Армянская буржуазия держала в своих руках экономику города и его самоуправление вплоть до 1917 года. Этническая и социальная границы тесно соприкасались: представители буржуазии относились, как правило, к армянскому этносу (армяне вообще составляли наибольшую долю населения), рабочие – к грузинскому или русскому. Однако царское правительство ничего не сделало для смягчения национальных противоречий. Напротив, своей русификаторской полити-

¹ См. Новосельский С. А. Демография и статистика. М. 1978.

кой в 1880–1890-е годы оно еще более разжигало национальные страсти.

Каждое из националистических течений имело узкую социальную базу и не представляло серьезной опасности для самодержавия (с. 276). Положение радикально изменилось в результате влияния марксизма. Популярность его среди рабочих автор объясняет тем, что новая идеология служила оружием против самодержавия, а для грузинских рабочих — также и против этнических соперников (с. 275).

В очерке о Баку А. Альтштадт-Мирхадди сконцентрировал внимание на судьбе мусульманских традиций в городской культуре в эпоху индустриализации. По мнению автора, азербайджанцы стремились войти в новый индустриальный мир, одновременно сохранив связь с традиционной культурой (с. 313). Этой доминирующей тенденции способствовала весьма умеренная русификаторская политика царской администрации в Азербайджане (с. 296). Но национальные конфликты давали о себе знать, а национальное самосознание становилось основой политических организаций (с. 298); национализм затруднял объединение бакинского пролетариата.

В заключительном очерке Д. Броуэр выявляет общее, существенное в развитии российских городов: сочетание крупного капиталистического предпринимательства с мелким патриархальным; старой сословной социальной структуры населения с новой — буржуазной, основанной на различиях в доходе, профессиях, классовой принадлежности (с. 325, 330); топографический дуализм: фешенебельные, благоустроенные центры и бедные, грязные предместья, где проживало большинство населения (с. 340–341).

Автор обнаруживает существование громадного круговорота сельских мигрантов: лишь незначительное их число оседало в городах, большая же часть, найдя работы и пристанища, возвращалась в деревню. Вследствие этого крупные города являлись огромными воротами в городскую цивилизацию, через которые проходила громадная масса крестьян, в той или иной мере приобщаясь к городской культуре; в городах продолжалась эмансипация народа, на-

чавшаяся с отменой крепостного права (с. 327).

Значение городских дум, которые состояли главным образом из представителей крупной и средней буржуазии, Броуэр видит в том, что они в целом проводили политику постепенных умеренных реформ, но не располагали достаточными средствами и свободой действий, чтобы успешно решить какую-нибудь серьезную проблему (с. 336–337). Признавая определенное превосходство западноевропейских городов над российскими, Броуэр, однако, считает, что политические движения начала XX в. не могли возникнуть в условиях городской отсталости, на которой настаивают многие американские историки (с. 350).

Общий вывод, к которому подводит книга, состоит в том, что быстрая урбанизация во второй половине XIX — начале XX в. поставила перед самодержавием острые проблемы. Превратившись в центры оппозиции царизму, города несли политическую культуру в массу не только городского, но и сельского населения, раскрепощали людей, делали их гражданами, способными самостоятельно участвовать в политической борьбе. Все это содействовало возникновению революционной ситуации в стране, которая трижды заканчивалась революцией.

Основные выводы книги представляются верными, хотя и не всегда вполне доказанными. Дело в том, что авторы (за исключением Батера) придерживаются традиционных приемов исследования, игнорируя достижения «новой истории города»². Они предпочитают качественный анализ и соответственно недооценивают значение квантификации. Все авторы уверены, что русские города до 1860-х годов находились в состоянии полного застоя. В действительности же быстрая пореформенная урбанизация возникла не вдруг, а долгое время подспудно готовилась предшествующим развитием городов. Известную их подготовленность для большого скачка нельзя не учитывать.

Б. Н. Миронов

² См., напр., Конзен К. Н. Количественные методы и «новая история города». В кн.: Количественные методы в советской и американской историографии. М. 1983.

МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ В США В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Молодежь США как субъект общественно-политического процесса, ее современный облик и историческая ретроспектива — такова тема книги кандидатов исторических наук А. Г. Тимошенко (Томск) и Е. И. Косенко (Москва)*, предпринявших попытку показать, как происходила эволюция политического сознания и социальной активности молодого поколения США на всем протяжении нынешнего столетия. До сих пор эта проблема рассматривалась в сравнительно узких хронологических рамках.

Авторы исходят из общепризнанной дефиниции молодежи как сложной социально-демографической группы, разделенной многочисленными социально-классовыми, национальными, профессиональными и другими границами, влияющими на условия ее жизни (с. 78). Однако основное внимание сосредоточено все же на трудящейся молодежи и студенчестве. В книге проанализированы некоторые особенности социального положения и идейно-политических воззрений негритянской молодежи, учащихся средних школ. Авторами отмечен прогрессирующий рост такого социального слоя, как работающие студенты и школьники, что в известной степени стирает в прошлом достаточно жесткие границы между трудящейся и учащейся молодежью.

Выделение молодежи как относительно самостоятельного элемента социальной структуры американского общества авторы относят к рубежу XIX—XX веков. На протяжении первых трех десятилетий XX в., подчеркивают они, происходило формирование американского молодежного движения, которое с самого начала характеризовалось социально-классовой и идейно-политической неоднородностью (с. 9—27). Как особый рубеж в истории молодежного движения в США выделяются 30-е годы, когда, с одной стороны, прогрессивная молодежь выступила в качестве активного союзника рабочего класса и всех демократических сил, а с другой, — происходило формирование политики правящего класса в отношении

молодежи как неотъемлемой черты государственно-монополистического регулирования социальных отношений (с. 46).

Характеризуя поколение 50-х годов, авторы не ограничиваются констатацией «пассивной» и «молчаливой» позиции большинства американской молодежи в годы маккартизма. Принудительный конформизм молодых, указывают они, «зачастую скрывал ощущение пустоты и бессодержательности жизни, отсутствие перспектив на будущее» (с. 57). Во второй половине 50-х годов в общественной жизни США все большую роль начинают играть выступления студенчества за демократические свободы, поддержка им движения за гражданские права черных, участие в борьбе против ядерной угрозы. Подобные тенденции явились немаловажной предпосылкой развертывания мощного студенческого и молодежного движения в 60-е годы.

Хотя авторы и заявили о своем стремлении проанализировать «основные черты и итоги» весьма неоднородного и противоречивого молодежного и студенческого движения 60-х — начала 70-х годов, они, по сути дела, ограничились разбором одного, хотя и наиболее важного течения — «новых левых», уже получившего довольно глубокое освещение в советской литературе. Наследие «новых левых», сохраняя свою актуальность и в современных условиях, требует дальнейшего осмысления с учетом всей истории не только молодежного, но и всего демократического движения в США. Было бы важно, в частности, подчеркнуть, что научно-техническая революция, давшая новый мощный импульс процессу концентрации капитала, развитию государственно-монополистического капитализма в целом активизировала и авторитарно-бюрократические тенденции, усугубила дефицит духовности в капиталистическом обществе и в конечном итоге способствовала резкому обострению проблемы отчуждения личности.

Гуманистические и демократические ценности не случайно заняли столь значительное место в движении левого студенчества и интеллигенции США 60-х годов. Думается, что при всем утопизме и неопределенности, справедливо отмечен-

* А. Г. Тимошенко, Е. И. Косенко. Молодежное движение в США: история и современные проблемы. Томск. Изд-во Томского университета. 1988. 182 с.

ными авторами, эти ценности заслуживают более пристального внимания. Так, леворадикальная идея «коммунизма», будучи направленной против жестокого централизма и бюрократизма, присущего государственно-монополистическому капитализму, заключала в себе и определенный общечеловеческий смысл. Проблемы самовыражения и самореализации личности, и в частности такой ее важнейший аспект, как реальная демократизация общественно-политической жизни, чрезвычайно актуальны для всех развитых государств.

По-видимому, более терпимого отношения к себе требуют и тактические установки «новых левых», например, рассматриваемая в книге превалирующая ориентация молодых радикалов на студенчество и интеллигенцию. Солидаризируясь с авторами, критикующими «новых левых» за абсолютизацию социальной роли указанных слоев, следует все же признать, что выступления студенчества и интеллигенции послужили мощным катализатором демократического подъема в США в 60-х годах. «Новое левое» движение совместило в себе общечеловеческое и конкретно-историческое, социально-классовое содержание — в этом, собственно, и состоит его сила и своеобразие. Борьба молодых радикалов трактуется авторами как показатель углубления противоречия между монополиями и всеми трудящимися (с. 4). Думается, однако, что можно точнее определить социальное лицо «нового левого» течения, его место в общем спектре политического сознания в США, выделив некоторые долговременные, устойчивые черты идейно-политической позиции «новых левых» как современную разновидность мелкобуржуазного радикализма.

Экономическому положению, особенностям социальных позиций и поведения американской молодежи в 70–80-е годы посвящены две главы книги. Однако фактически в них идет речь о периоде с середины 70-х и до начала 80-х годов, отмеченном нарастанием «консервативной волны» в США. Думается, что предложенные авторами выводы неправомерно экстраполировать на все 70–80-е годы. Авторы утверждают, что в это время происходило ухудшение социально-экономического положения молодого поколения США, и связывают это с за-

медлением темпов и усилением неустойчивости экономического развития, особенностями внутренней политики администрации Р. Рейгана, в том числе с растущей дискриминацией молодых людей в различных сферах общественной жизни. Сосредоточенность на непосредственных материальных интересах, личной сфере, считают авторы, отвлекала внимание молодежи от политической борьбы и снижала ее социальную активность.

В числе факторов, сокращавших масштабы молодежного движения в 70–80-е годы, в книге упоминается и целенаправленная деятельность правых сил, в том числе оживление ультраконсервативных молодежных организаций, а одновременно и неверие американцев в возможность влиять на принятие политических решений, опасение репрессий, наконец, сложность и неоднозначность современных политических проблем, в том числе международных (с. 108–126, 128–129). Определенным образом на рост социальной апатии молодого поколения повлияло и разочарование в доктрине и политике либерализма, а также и в левом радикализме, который уже не воспринимался как действенная и конструктивная идейно-политическая платформа. И в то же время авторы склонны утверждать, что в рассматриваемый период молодежи США был присущ довольно высокий уровень социального критицизма, и выражают сомнение в состоятельности «утверждений об усилении консервативных настроений среди американской молодежи в 80-х гг.» (с. 140).

Нам представляется, что в данном случае авторы упрощают характеристику политического сознания молодых американцев в рассматриваемый период. В массовом сознании в США и в молодежном мировосприятии усилилась внутренняя разобщенность между различными течениями, социальная критика сосредоточилась на отдельных аспектах американской действительности. На первый план выступили неразвитость, фрагментарность критического сознания значительной части молодежи, преобладание в нем эмоций. Не последнюю роль играло явное усиление консервативных настроений в массовом сознании американского общества.

Вне поля зрения авторов оказались середина и вторая половина 80-х годов,

когда тенденции, обозначившиеся во второй половине 70-х — начале 80-х годов, получили дальнейшее развитие. Известная стабилизация экономики, снижение уровня инфляции и безработицы наряду с другими факторами, такими, как качественно новый этап в развитии НТР, призывы консерваторов к личной инициативе и свободе рынка, растущая популярность самого Р. Рейгана и его курса, способствовали некоторому ослаблению «кризиса доверия» и того социального критицизма среди молодых, на котором настаивают авторы. Это наблюдение подтверждают итоги голосования в ходе президентских выборов 1984 и 1988 годов.

Молодой человек, ориентирующийся на деловой успех, продвижение по службе и материальное благополучие, — социальный тип, довольно характерный для молодежи США 80-х годов. В книге эта ориентация трактуется исключительно в конъюнктурном плане — как реакция на резкое ухудшение социально-экономического положения молодежи в начале 80-х годов. Но здесь необходимо видеть более устойчивые тенденции, в частности заметно усилившийся крен немалой части американской молодежи в сторону традиционных буржуазных ценностей.

Особое место в работе по праву уделено участию молодого поколения в антивоенном и антимилитаристском движении в США конца 70-х — первой половине 80-х годов. Однако при этом слабо раскрыт эклектизм антимилитаристского сознания и внешнеполитических ориентаций молодых американцев. Соглашаясь с авторами, видящими источник антивоенных настроений молодых в конкретных последствиях гонки вооружений, а также в растущей неуверенности в будущем, вызываемой угрозой ядерной войны (с. 159), целесообразно упомянуть и о «вьетнамском синдроме», продолжающем влиять на массовое сознание американцев и находящем отражение в «неоизоляционизме».

В книге проводится мысль о достаточно отчетливой корреляции вплоть до се-

редины 70-х годов реального социально-экономического положения (или перспективы его ухудшения), политического сознания и социального поведения американской молодежи. Однако взаимосвязь между этими тремя компонентами была сложнее, даже противоречивей, и не только применительно ко второй половине 70-х — началу 80-х годов, что, собственно, убедительно иллюстрировано авторами, но и на материале, относящемся к предыдущим этапам, например, к 60-м годам. Вот почему было бы уместным проследить воздействие на молодое поколение ряда факторов, таких, как психология «среднего класса» (к которому принадлежало вплоть до сегодняшнего дня большинство американского студенчества), микросреда (атмосфера в кампусах, на предприятиях, семейные традиции), деятельность средств массовой информации.

Стоило бы глубже проанализировать и связь социального поведения молодежи с общей политической ситуацией в стране на этапе до середины 70-х годов. Представляет интерес проблема цикличности в развитии молодежного и студенческого движения в США. Его подъем и активизация, как и демократических движений в целом, совпадают, как правило, с пребыванием у власти администраций демократической партии, временем господства либеральной идеологии, когда наблюдался спад консервативных тенденций, снижались влияние и активность правых и реакционных сил. Было бы полезно изучить также влияние радикально-демократической традиции, имеющей глубокие корни в национальном самосознании, основных социально-философских систем на политическое мировоззрение и нравственную ориентацию американской молодежи.

Работу А. Г. Тимошенко и Е. И. Косенко можно рассматривать как важный шаг в процессе комплексного осмысления проблем молодежного движения в США.

И. Д. Гусева

Канун второй мировой войны — объект пристального изучения историками многих стран. Хорошо известен, например, спор историков в ФРГ, где группа консервативно настроенных ученых пачала почти три года назад развернутое наступление по широкому фронту проблем. Э. Кольте и А. Хильгрубер, в частности, подвергли пересмотру историю нацистской диктатуры, преступлений нацизма, истории второй мировой войны. Эта ревизия имела вполне определенные цели. К группе консервативных историков примыкают откровенно правые авторы, близкие к органам праворадикалов — журналу «Freiwillige» и газета «Deutsche Nationalzeitung», на страницах которых, в частности, дебатировался вопрос законности антифашистского движения Сопротивления и партизанской борьбы.

Рецензируемая книга — серьезное исследование одного из заметных участков антифашистского фронта борьбы немецких коммунистов против гитлеровской диктатуры. Автор поставил своей целью прежде всего осветить усилия Компартии Германии (КПГ) по созданию единого рабочего и народного антифашистского фронтов. Работа по-современному откровенна. Г. В. Кацман показывает, что общие установки партийного руководства, партийных конференций нередко представляли собой синтез нового подхода, попыток выйти за рамки известных сталинских оценок и традиционных идеологических клише, наносивших непоправимый ущерб единству рабочего класса.

Интересен аналитический материал о новой тактической ориентации коммунистов в духе решений VII конгресса Коминтерна, о том, как коммунисты искали проявления фашизма в деятельности последнего социал-демократического правительства Г. Мюллера, называя рабочих социал-демократов «маленькими пергибелями» (то есть полицейскими). Призывая социал-демократов к созданию единого рабочего фронта, ведущие деятели КПГ на деле думали об объединении с социал-демократами в рядах собственной партии, то есть фактически не об объединении, а о присоединении. Как и раньше, до прихода гитлеровцев к власти, социал-демократические организации оценивались руководством КПГ как «главная опора диктатуры капитала». С точки зрения этого руководства, обращения к лидерам СДПГ о совместных действиях имели лишь один смысл — разоблачение саботажа «всякого антифашистского выступления» (с. 17). На фоне этих сектантских решений широтой подхода и реализмом отличались призывы таких деятелей, как Ф. Далем, помогать социал-демократам в воссоздании их партийных организаций и прессы, так и предложения А. Аккермана о необходимости вести работу в фашистских массовых организациях.

Деятельность КПГ в первые годы фашистской диктатуры показывает, что ряд руководителей компартии находился под сильным влиянием Сталина с его искусственным раздуванием разногласий в рабочем движении, глубоким недоверием ко всем инакомыслящим и умением убить любое важное дело ради надуманного «принципа». Это подтверждается, в частности, сохранением в документах КПГ, как и в документах Коминтерна даже после VII конгресса, требования об установлении в будущей Германии диктатуры пролетариата и власти Советов (с. 31–32). Вместе с тем автор правильно подмечает и новые мотивы в стратегии и тактике компартии в середине 30-х годов. Так, предложения КПГ о создании правительства Народного антифашистского фронта и созыве Национального собрания после свержения фашистской тирании означали, что партия отходила от ориентации на непосредственный переход к социалистической революции и признавала необходимость промежуточного переходного периода. Об этом же свидетельствовал подготовленный В. Пиком летом 1936 г. документ о политической платформе Народного фронта, где речь впервые шла о создании демократической республики после падения Гитлера.

Справедливости ради необходимо отметить, что эвентуальная союзница КПГ — социал-демократия, несмотря на опыт нескольких лет нацистского террора, также не всегда показывала образцы широкого подхода к задачам совместной борьбы против общего врага. Здесь тоже нередко брали верх старые обиты и старые идеологические клише. В начале 1936 г., когда значительная часть функционеров обеих партий и их активистов уже заполнила баракк многочисленных концлагерей, правление СДПГ издало циркуляр, запрещающий членам партии под угрозой исключения любое сотрудничество с коммунистами. Большой интерес представляют разделы, в которых идет речь о практической деятельности коммунистов в подполье и в эмиграции, роли прогрессивной интеллигенции по объединению всех антифашистских сил, формированию его авторитетных международных центров, ставших координаторами борьбы за свержение нацистской диктатуры. Подлинной эпопеей солидарности и человечности предстает в книге история непрекращавшейся борьбы коммунистов, социал-демократов и других заключенных за ключей проволокой концлагерей. Г. В. Кацман пишет о тщетных попытках гестаповцев натравить представителей различных течений рабочего движения друг на друга, о их сплоченности и изобретательности в борьбе за выживание и против своих палачей.

Автор анализирует деятельность КПГ в условиях роста военной опасности и не-

посредственного приближения Германии и всего мира к роковой черте. Определенным этапом в истории компартии в эти последние перед катастрофой годы стала Бернская конференция (фактически она проводилась в начале 1939 г. вблизи Парижа). Для дальнейшего развития теории и тактики коммунистического движения представляет интерес сделанный КПГ в то время критический анализ ее политики в веймарский период. Отмечался, в частности, нигилизм коммунистов в отношении национального вопроса, игнорировании ими таких больших проблем, как Версальский диктат. Определенную роль в этой недооценке играла уверенность в близкой пролетарской революции, которая «снимет» все вопросы, волнующие немецкую нацию.

Совершенно очевиден ущерб, нанесенный демократическим силам Германии догматическими, сектантскими установками библии сталинизма — «Краткого курса истории ВКП(б)». В немецком рабочем движении это нашло свое воплощение в призывах КПГ создать единый фронт «против воли вождей II Интернационала» или даже создать единую партию рабочего класса, «не дожидаясь одобрения социал-демократических верхов». Когда же речь шла о создании широкого Народного фронта против Гитлера, буржуазные круги заранее полностью исключались из такого возможного объединения (с. 137—138).

Автор (вслед за Ф. Далемом) реалистически оценивает возможности немецкой политической эмиграции, которую разди-

рали глубокое внутреннее разногласия. Он делает верное наблюдение о преувеличенной оценке силы и широты антинацистских настроений в Германии. Нет сомнения, что левые в стране и за ее пределами недооценивали степени влияния фашизма на массы, воздействия культа фюрера на национальную психологию.

К сожалению, оценки разного рода «уклонистов» («левацких догматиков», например) основаны в книге на старых определениях, характерных для 20—30-х годов, а не на анализе подлинных документов. В работе следовало бы глубже проанализировать распространенные в международном коммунистическом движении утверждения о социал-демократии как «главной социальной опоре» буржуазии. Спорным представляется выдвигаемое автором положение о «зарожденном рабочем единстве в Германии» в середине 30-х годов (с. 48). Г. В. Кацман пишет об усилении антисоветских настроений в Германии в связи с московскими процессами 1937—1938 гг. (с. 97, 134, 167), не говоря при этом, что своими антидемократическими и репрессивными действиями в те годы мы дали вполне реальный повод для таких настроений.

Исследование Г. В. Кацмана, написанное на основе критического анализа документальных источников с учетом достижений советских и немецких историков, займет заметное место среди работ по истории революционного движения в Германии.

И. С. Кремер

В. С. ОРЛОВ. *Рождение советской демократии: февраль 1917 — июль 1918.* Мысль, 1987. 271 с.

Автор этой монографии предпринял попытку исследовать многосложный, порой противоречивый процесс рождения народовластия в России в ходе бурных событий от Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. до вступления в действие первой Конституции РСФСР в июле 1918 года. Большое внимание он уделяет борьбе большевиков за привлечение масс к управлению государством на основе принципа демократического централизма, прослеживает становление социалистической законности и советской государственности. «В таком ракурсе, — говорится во введении, — рассматриваемый период еще не подвергался исследованию в исторической литературе» (с. 9).

Книга открывается анализом ленинского подхода к пролетарской и буржуазной демократии. Рассматривая любую ее форму как продукт определенной ступени развития общества, В. И. Ленин неизменно ставил вопрос: какому классу служит она? Он «постоянно противопоставлял социалистическую демократию буржуазной, подчеркивал... противоположность

их классовой сущности» (с. 14). «Демократии классового общества, существовавшие до социалистической формации, — пишет автор, — не были и не могли быть истинными демократиями, они были политическими организациями не большинства народа, а его меньшинства» (с. 17).

Большое место в книге уделено ленинскому учению о Советах как органах демократии нового типа, борьбе партий большевиков за его претворение в жизнь при переходе от буржуазно-демократической революции к социалистической. Орлов показывает, как, конкретизируя и развивая учение К. Маркса и Ф. Энгельса о диктатуре пролетариата, опираясь на опыт Парижской Коммуны и трех российских революций, Ленин доказал, что наиболее целесообразной для России формой этой диктатуры является Советская власть. Оценивая буржуазно-демократическую революцию в России, Орлов подчеркивает, что, хотя низвержение самодержавия и «превратило страну в самую демократическую по тем временам державу» (с. 49), однако ситуация была чрезвычайно противоречива: «Победа ре-

волюции была завоевана пародными массами, но ее плодами воспользовалась в первую очередь буржуазия» (с. 50).

Лето и осень 1917 г., как показано в монографии, стали временем практической подготовки осуществления на практике ленинских идей, изложенных в Апрельских тезисах. Сразу же после победы Октября, подчеркивает автор, началось строительство нового, последовательно демократического политического и общественного строя (с. 95). Опираясь на исторический опыт, Орлов опровергает попытки буржуазных историков представить дело так, будто бы Октябрьская революция прекратила демократическое развитие России, начатое в феврале 1917 года. Факты доказывают, пишет он, что социалистическая революция, «свершенная прежде всего пролетариатом, была вместе с тем глубоко народной, подлинно и последовательно демократической» (там же).

В монографии рассмотрен также вопрос о руководящей роли Коммунистической партии в деле становления советской государственности. Интерес представляет анализ тактики большевистской фракции

во ВЦИК. «В своей политике,— пишет Орлов,— во имя общего дела большевики никогда не исключали возможности компромиссов с мелкобуржуазными партиями и группировками» (с. 117). Ленин и руководимая им партия стремилась к осуществлению важнейших принципов пролетарского демократизма. основополагающим в государственном строительстве был демократический централизм, лежащий «в основе развития партийной, хозяйственной и государственной системы при социализме» (с. 155).

Принципы рабоче-крестьянского государства, пролетарской демократии были закреплены в первой Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов 19 июля 1918 года. Его делегаты (773 большевика и 353 левых эсера) представляли все основные районы многонациональной России (с. 230). Конституция, констатирует автор, законодательно закрепила создание в России новой, советской демократии,— демократии для трудящихся.

Г. А. Архипова

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

КАК Я ЗАЩИЩАЛА ДИССЕРТАЦИЮ И ПЫТАЛАСЬ ЕЕ ОПУБЛИКОВАТЬ

Мне не пришлось быть в аспирантуре. Я не имела научного руководителя. Никто не давал мне темы диссертации. Я не думала о ее защите. Тема наметилась в процессе моей практической работы в Государственном историческом музее (ГИМ). Перед музеем в конце 30-х годов стояла актуальная задача сбора материалов по истории народов СССР и ее пропаганды. Я занялась историей Северо-Восточного Кавказа, включая народное движение под руководством Шамиля и, в частности, деятельность его соратника Ташева Хаджи, возглавившего Чеченское восстание 1840 года. К 1941 г. материал для диссертации был собран. А в годы Великой Отечественной войны, спускаясь в бомбоубежище, я всегда брала с собой драгоценные выписки из архивов, затем, примостившись в каком-нибудь тихом уголке, вынимала свои тетради и погружалась в перипетии Кавказской войны. К концу 1944 г. текст диссертации «Ташев Хаджи — сподвижник Шамиля и Чеченское восстание 1840 года» был мною закончен.

В начале 1945 г. я передала диссертацию в Городской педагогический институт им. В. П. Потемкина, в котором начала преподавать еще до войны. К диссертации были приложены два отзыва: крупнейшего специалиста по истории XIX в. проф. Н. М. Дружинина, который несколько лет работал в том же институте, и специалиста по истории Северного Кавказа этнографа В. К. Гарданова. В газете «Вечерняя Москва» появилось соответствующее объявление о намеченной защите диссертации.

Через несколько дней — звонок в ГИМ. Ректор МГПИ проф. П. С. Бенюх просит меня срочно зайти. «Не понимаю, что происходит, — сказал он, — с утра сегодня непрерывные звонки: запросы из ЦК ВКП(б), из обкома, райкома партии... Что за защита диссертации объявлена у вас? Немедленно снять ее с повестки дня. Не можете ли вы вообще объяснить, в чем дело?». Но я и сама ничего не понимала. Только позднее мы узнали о том, что несколько ранее в Чечено-Ингушетии было совершено одно из самых ужасных преступлений сталинской эпохи: все чеченцы и ингуши, в том числе ветераны

революции и старые члены партии, семья Героев Советского Союза и сами они, отозванные с фронта, были без предупреждения срочно выселены из своих домов, аулов и выславы. Сколько человек погибло в дороге, сколько не вынесло тягот жизни на новых местах, подсчитано ли это? Чечено-Ингушетия исчезла и со страниц литературных работ, и с географических карт. Понятно, что защита диссертации на тему «Чеченское восстание» прозвучала бы как гром среди ясного неба, хотя ни Чечня, ни движение Шамиля в целом отнюдь не идеализировались в моей работе. Но всех испугало название.

«Ну, что же, — сказал Бенюх, — придется отложить защиту. Не огорчайтесь, все утрясется. Ведь оппоненты солидные, отзывы специалистов хорошие. Наметим новый срок защиты». В запово назначенное время собрались оппоненты и «большельщики». Председательствует медиевист проф. А. А. Фортунатов. Моя защита идет второй. Каково же было всеобщее удивление, когда после окончания первой защиты председатель вдруг сказал: «Наше время истекло. Диссертацию Закс отложим на следующий раз». Обиженных оппонентов Фортунатов пригласил к себе в кабинет, где и сказал им: «Вы можете обвинить меня в трусости. Не могу возражать. Но предпочитаю обвинение в трусости, чем в отсутствии политической бдительности». «Придется, — сказал мне Бенюх, — отложить защиту опять. Теперь уже на конец года. Пусть только оппоненты подтвердят свои отзывы».

Дружинин лично дал мне в руки отзыв, а за вторым отзывом я отправилась к Гарданову. Но он отказался вторично подписать его: «Ситуация изменилась, я боюсь и подписывать не буду». «Почему же Вы не сказали мне раньше? Я бы нашла другого, более храброго оппонента». «Это потому, что я к Вам хорошо отношусь и не хочу, чтобы у Вас были неприятности. Не советую Вам добиваться сейчас защиты». «Но ведь я работала над диссертацией столько лет!» Тогда он подошел к шкафу, отдернул занавеску и показал ряд аккуратно переплетенных томов: «Вот это мои незащищенные док-

торские диссертации. Вот труд по истории народов Западного Кавказа. Но их представители после Кавказской войны эмигрировали в Турцию, а об этом не следует говорить; вот работа «Обычное право кабардинцев». Но мои уважаемые коллеги из Кабарды считают, что кабардинцы в своем развитии давно уже перешли границы феодальных отношений, так что разговор о дофеодальном обычном праве их принижает. Не буду продолжать». Я промолчала и ушла. Защита так и не состоялась.

Терпение Бенюха истощилось, и он предложил мне отдать диссертацию в «более престижное учреждение» — на Исторический факультет Московского университета. Я отнесла злополучную диссертацию в деканат Истфака, к проф. С. П. Толстову. Он был удивлен: МГПИ, высшее учебное заведение, и вдруг некомпетентно для защиты кандидатской диссертации? Пусть дадут письменную справку... Опять пошла к Бенюху. Тот дал требуемое. «Хорошо,— сказал Толстов,— поставим работу на обсуждение кафедры истории СССР. Вам о результате сообщим». Однако и не пригласили, и не сообщили. На обсуждении присутствовал один из моих «болельщиков», который был настроен оптимистически и считал, что отступить мне не следует. Но после заседания кафедры он пришел не то чтобы взволнованный, а скорее потрясенный, и сказал: «Очевидно, придется взяться за новую тему».

Что же произошло на заседании кафедры? Председательствовал проф. А. Л. Сидоров. Человек он был умный и знающий, но в разные периоды жизни способный на многое. На Истфаке МГУ он возглавил в 1949 г. кампанию «борьбы с космополитизмом», изгоняя с Истфака преподавателей, а порою и студентов отнюдь не по деловым признакам. Среди присутствовавших на заседании был, в частности, С. К. Бушуев, автор книги «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля» (М.—Л. 1939). В книге был опубликован большой материал, собранный силами студентов, причем имела место некоторая идеализация этого движения. Бушуев был одиозной фигурой. Такой сверхвежливый и тактичный интеллигент, как Н. М. Дружинин, в узком кругу лиц называл его «бандитом от науки». Но на заседании присутствовали и весьма достойные люди.

Первым выступил Бушуев. Он сказал, что обсуждение и защита диссертации не имеют смысла, поскольку все, что известно о движении Шамиля, уже сказано в его книге, и ничего нового в работе просто быть не может, хотя он работу и не читал. Другие тоже говорили, что по политическим соображениям, учитывая поведение чеченцев во время Великой Отечественной войны, вредность ислама как религии и пр., ставить диссертацию на защиту нельзя. Сидоров одобрительно кивал головой. Но вот взяла слово проф. Э. Б. Генкина. «Что мы обсуждаем,—

сказала она,— публицистическую статью для сегодняшнего номера газеты или научный труд? Мы должны сказать, проявил ли автор достаточную эрудицию в избранной им теме, способен ли он к исследовательской работе, сказал ли он что-либо новое в науке, а не то, как вели себя чеченцы сегодня. Речь идет о том, что было 100 лет тому назад». Послышались одобрительные вскрики. Сидоров принял решение: «Вопрос сложный, но разве можно обсуждать работу и делать выводы без автора? Кто за то, чтобы перевести заседание кафедры и пригласить на него автора?» Все проголосовало «за», причем было ясно, что такое заседание никогда не состоится. И вскоре мне предложили «на время» забрать с Истфака свою работу.

Случайно я встретила акад. И. И. Минца, трудившегося тогда на Истфаке МГУ. Он остановил меня и сказал: «Давайте побеседуем». Мы долго ходили по переулкам вокруг здания Института истории, помещавшегося тогда на Волхонке. Он говорил: «При обсуждении я подметил настроенные многих членов кафедры. Они проголосуют против, хотя бы из страха перед Бушуевым, который способен на все. Лучше иметь незащищенную диссертацию, чем провалившуюся». Была я и у Е. Н. Городецкого, который работал в Отделе науки ЦК ВКП(б). Он прочел мою работу, одобрительно отозвался о ней, но все же сказал, что по ряду причин не советует мне ставить ее сейчас на защиту. Третья беседа состоялась по инициативе проф. М. Н. Тихомирова, который являлся заведующим Отделом рукописей ГИМ. «И зачем Вы придумали такую тему? — сказал он укоризненно. — Разве Вы не знаете, что спокойно можно заниматься теперь только XVI, XVII, в крайнем случае XVIII веком? А тут еще припутывается национальный вопрос! Не советую пытаться защищать эту работу. Возьмите другую тему. Обещаю Вам: Вашу новую работу поставлю на защиту в Институте истории АН СССР вне всякой очереди и сам буду оппонентом!». Я искренне поблагодарила ученого, но подумала так: все равно буду пытаться защитить свою работу, ведь никто не возразил против моей концепции, против содержания диссертации.

Диссертация долго лежала без движения. Но вот звонит Н. М. Дружинин, заботившийся обо мне, и сообщает, что проф. А. М. Панкратова, заведующая кафедрой в Государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина, согласна поставить мою диссертацию на защиту. Анна Михайловна была поистине светлой личностью, честность и принципиальность проявлялись во всей ее деятельности. Она очень много помогала молодым историкам, всегда была готова бороться за справедливость. Я передала ей свою работу, и вскоре она сообщила, что согласна быть вторым оппонентом.

Вот опять дано объявление в «Вечернюю Москву». Опять назначен день за-

щиты. Тем не менее сердце мое беспокойно... Прихожу за полчаса до начала заседания Ученого совета. Секретарь смотрит на меня удивленно и сочувственно: «Разве Вы не знаете, что защита не состоится, так как заболел Дружинин?» Тут я действительно испугалась. Если Дружинин заболел и не дал мне знать, значит, болезнь очень серьезная. Как узнать о его здоровье (телефона у него тогда не было)? Ведь на другой день после защиты он должен был уехать в Сочи... И вдруг появляется Дружинин. Все, кто там был, остолбенели. «Мы позвонили в Институт истории,— пролепетал секретарь,— и нам сказали, что Вы сегодня не вышли на работу, так что мы решили, что Вы больны». Никогда прежде я не видела спокойного и выдержанного Николая Михайловича в таком состоянии. Кровь бросилась ему в лицо, он стукнул кулаком по столу и отпустил несколько неслесных слов в адрес руководства пединститута. Но где же Панкратова? «Мы ей сообщили, что защита не состоится. Но вы не беспокойтесь. Поезжайте в Сочи, мы прочитаем ваш отзыв, это разрешается». «Почему же вы не могли это сделать сегодня?» — возразил Дружинин. И твердо заявил: «До защиты этой диссертации я никуда не поеду. Назначьте сейчас же новый срок!»

Вечером мне позвонила Панкратова и сказала, что она лично будет следить за ходом подготовки диссертации к защите. Через пару дней — звонок: «Представьте себе, мне сообщили, что «Вечерняя Москва» в течение месяца не будет принимать объявлений о защите диссертаций. Но я пошла в Высшую аттестационную комиссию и узнала, что при переносе защиты второго объявления уже не требуется». Был назначен новый срок защиты. Членов Ученого совета пригласили на определенный час. Это было в конце 1946 года. Однако накануне дня защиты звонит мне знакомая преподавательница пединститута и сообщает, что на объявлении о защите указано начало заседания Ученого совета в 13 час., а не в 14, как было ранее предусмотрено. Как бы не случилось недоразумения!

Я срочно звоню Панкратовой, разыскиваю Дружинина, оповещаю гимовцев. И вот в 13 час. все в сборе. Председатель пытается поставить в начале заседания доклад о международном положении, но встречает отпор оппонентов и «болельщиков». Защита прошла благополучно. Единственный «каверзный» вопрос, заданный мне: почему мало в тексте ссылок и указаний на иностранную литературу? Здесь следует заметить, что в 1946—1947 гг. обязательно еще требовались такие ссылки, хотя через три года подобные ссылки в работе по истории СССР считались уже чуть ли не криминалом — «преклонение перед Западом!». Члены Ученого совета, за исключением одного, проголосовали «за». Теперь надо было опубликовать диссертацию.

Между тем в 1947 г. состоялась боль-

шая открытая дискуссия по вопросу о Шамиле¹. Столкнулись разные точки зрения, преобладала же та, которая характеризовала не мнимую борьбу кавказских горцев против русского народа, а их борьбу с национальным гнетом, свойственным царизму. Мне пришлось выступить на этой дискуссии и подтвердить свою концепцию. Стенограмма дискуссии была подготовлена к печати.

Н. М. Дружинин тогда же предложил мне написать статью для «Вопросов истории», что я и сделала. Увы, спустя несколько месяцев, уже в 1948 г., я получила статью назад с извещением об отказе в ее публикации. Это был экземпляр, на котором рецензенты оставили свои резолюции. Приведу их по порядку: «Работа интересная, следует печатать»; «Работа интересная, но затрагивает частную проблему. Печатать следует, но в разделе «Сообщения»; «Работа интересная, но в связи с партийным постановлением об опере В. Мурадели «Великая дружба» печатать не следует». Имелось в виду постановление 1948 г., в котором осуждалась опера В. И. Мурадели, поскольку в ней не были, в частности, заклеяны чеченцы и ингуши как «помеха дружбе народов» (28 мая 1958 г. это постановление было признано неправильным). Так завершилась первая попытка публикации основных результатов моей работы.

Защита же состоялась вовремя: она проскочила через ту щелочку месяцев, когда еще можно было написать о Шамиле. Однако вскоре ситуация резко изменилась. В мае 1950 г. вышло печально известное постановление о лишении Сталинской премии азербайджанского историка Г. Гусейнова за «извращение характера движения Шамиля, идеализацию мюридизма, буржуазно-идеалистические колебания» и т. п. Известны и трагические последствия этого постановления: автор серьезного научного труда, не только лишенный премии, но и подвергнутый официальному ostrакизму, не выдержал этих испытаний и покончил с собой. А в развитие постановления в срочном порядке была издана осенью 1950 г. брошюра бериевского прислужника М. Д. Багирова, характеризовавшего Шамиля как ставленника английского империализма. К его «концепции» тут же присоединился развернувшийся на 180° Бушуев. Была поставлена преграда каким бы то ни было иным публикациям на эту тему. Публикацию стенограммы дискуссии запретили, мою работу временно изъяли из картотеки диссертаций в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

В брошюре Багирова, в частности, говорилось: «Как в свете всего сказанного понять позиции ответственных работников Института истории Академии наук

¹ См.: Закс А. Дискуссия о движении Шамиля.— Вопросы истории, 1947, № 11.

СССР — гг. Дружинина, Панкратовой, Нечкиной, Заходера, Заке и других, идеализирующих мюридизм, извращающих историческую истину?» (Лестно же мне было попасть в такую компанию!) Одновременно я получила выписку из протокола заседания Президиума АН СССР примерно такого же содержания. Друзья говорили, шутя: «А не пойти ли тебе за зарплатой в Академию наук, поскольку ты причислена к ее руководящим сотрудникам?» Шутки шутками, но ГИМ должен был как-то реагировать на случившееся: ведь я была членом его Ученого совета. И вот на специальном заседании (кажется, это было открытое партийное собрание, на которое был приглашен проф. П. А. Зайончковский) был поставлен мой доклад, в котором я должна была «каяться» в своих грехах. Я же была настолько уверена в правильности своей концепции, весьма далекой от идеализации Шамиля, что спокойно изложила ее. Секретарь парторганизации ГИМ Е. К. Касимовцева одобрительно кивала головой.

А итоги заседания подвел Зайончковский. Он сказал: «Все-таки от своей концепции А. Б. Заке не отказалась, не разоблачила своих ошибок. Очень жаль». Легкое «ох» прозвучало по аудитории, потом наступило молчание. Зайончковский попрощался с директором музея А. С. Карповой и ушел. Все молча разошлись. Кто-то мне шепнул: «Не беспокойтесь. Эта резолюция у него заготовлена заранее, на все случаи жизни». Действительно, никакого хода этому «делу» Зайончковский не дал, и я осталась кандидатом исторических наук. Однако продолжать работу по избранной мною тематике оказалось уже невозможно.

Прошло несколько лет. После XX съезда КПСС ситуация на историческом фронте изменилась. Ликвидировались последствия культа личности. Восстанавливались в правах изгнанные со своей земли народы Северо-Восточного Кавказа. В 1956 г. состоялись большие открытые дискуссии о борьбе горцев под руководством Шамиля (в октябре — в Махачкале, в ноябре — в Москве). «Багировские» измышления были разоблачены. Акад. А. М. Панкратова, являвшаяся тогда редактором журнала «Вопросы истории», предложила мне поместить статью по теме диссертации, но с более широким освещением всего хода Кавказской войны, что я и сделала. Статья прошла все стадии подготовки, и я подписала ее верстку. Но времена опять менялись. Начавшаяся после XX съезда КПСС «оттепель» отступала; платформа журнала «Вопросы истории», пытавшегося с позиций XX съезда партии правдиво освещать ход истории, была подвергнута резкой кри-

тике. В редакцию журнала была направлена комиссия ЦК КПСС. Итоги ее работы публиковались в передовой статье мартовского номера журнала за 1957 год. Там редакция журнала и отдельные авторы обвинялись в «буржуазном объективизме», «гнилом либерализме», идеализации мелкобуржуазных партий, отступлении от партийности и классового подхода в оценке исторических событий. Важнейшей же ошибкой редакции, как говорилось в передовой статье, является искажение роли И. В. Сталина, который был «выдающимся марксистом-ленинцем», несмотря на отдельные свои ошибки.

Редколлегия журнала была распущена. Панкратова — член ЦК КПСС — осталась на своем посту, но направление журналу давала теперь новая редколлегия, взгляды которой не совпадали со взглядами главного редактора. Судьба Панкратовой оказалась трагической. В феврале 1957 г. торжественно был отпразднован ее 40-летний юбилей, а в мае, несмотря на ее болезнь, ее вызвали из санатория в ЦК КПСС, очень резко с ней разговаривали, инкриминируя даже отход от партийной точки зрения. Анна Михайловна почувствовала себя плохо, а через несколько дней скончалась.

Вскоре мне позволили из журнала «Вопросы истории» и сказали, что подготовленный ранее номер рассыпан и моя статья изъята, поскольку ее «концепция теперь нас не устраивает», а вместо моей работы пойдет статья Бушуева. Так окончилась для меня очередная попытка публикации на тему моей диссертации. Таких попыток было еще две. В 1964 г. по предложению Н. М. Дружинина я вновь подготовила на эту тему статью, теперь уже для журнала «История СССР». Получила вежливый отказ: «Ваша статья касается вопроса, в принципе разрешенного советской историографией последних лет». Наконец, уже в 70-е годы из Чечено-Ингушского филиала АН СССР и республиканского краеведческого музея я получила предложение прислать статью на тему моей диссертации. И эта статья прошла все стадии обсуждения, получив хорошие отзывы, но на последнем этапе была изъята из сборника, равно как и статья литературоведа А. М. Пикмана об отношении русских писателей к Кавказской войне, к освободительной борьбе горцев.

Добавлю, что ценные фонды ГИМ, в том числе его Отдела письменных источников, касающиеся этой тематики, все еще лежат без движения.

*А. Б. Заке,
кандидат исторических наук,
консультант Государственного
Исторического музея*

ИЗБАВИТЬСЯ ОТ СТАРЫХ СХЕМ ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

К сожалению, не все участники сборника «Иного не даю» (М. 1988) смогли полностью преодолеть стереотипы прошлого. Так, автор интересной статьи о социально-психологическом фоне культуры личности, которого никак не заподозришь в симпатиях к Сталину, пользуется тем не менее старой схемой внешнеполитической истории нашей страны, сформировавшейся в 30–40-х годах. Он, в частности, пишет, что для русского народа «любая война» была «национальной борьбой против чужеземного ига, направленного на политическое уничтожение страны и физическое уничтожение ее населения как такового, начиная от татаро-монгольского нашествия и кончая Великой Отечественной войной» (с. 398).

Вряд ли в эту схему можно уложить многочисленные русско-турецкие войны XVII–XVIII вв., русско-шведские войны 1656–1658 и 1808–1809 гг., Крымскую войну и даже Северную войну. И уже никак нельзя считать борьбой против чужеземного ига разделы Польши, участие России в Семилетней войне, подавление восстания Т. Костюшко, взятие Варшавы в 1831 г., итальянский поход А. В. Суворова, завоевание Северной Персии, Кавказа и Средней Азии, русско-японскую и первую мировую войны.

Если следовать традиционной схеме, то получается, что царское правительство, проводившее реакционный внутриполитический курс, в области внешней политики было выразителем прогрессивных тенденций. Такое расхождение имеет место и в оценке внешней политики, проводившейся Сталиным. Не случайно возникает вопрос, возможно ли было, осуществляя недемократическую политику внутри страны, придерживаться демократического курса внешней политики, основанного на принципах социализма? Апологеты Сталина пытаются оправдать его преступления интересами Советского государства, которыми, по их мнению, он руководствовался в своей внутри- и внешнеполитической деятельности. Но свидетельством того, как понимались им внешне- и внутриполитические интересы страны, может служить происшедшее в Куропатах: среди уничтоженных там десятков тысяч людей большинство составляли жители Белоруссии, в том числе ее западных областей, вошедших в республику в 1939 году.

Нельзя обойти молчанием и советско-финскую войну. Для советских людей военного поколения эта война была, по словам А. Т. Твардовского, «незнаменитой», ее вскоре заслонила собой Великая Отечественная война. Для сегодняшнего поколения советских людей она является, по сути дела, неизвестной войной, «белым пятном» в истории советско-финляндских отношений. Советские историки лишь мимоходом касались ее и называ-

ли не войной, а конфликтом. События излагались примерно так. Стремясь расширить свои владения на Востоке за счет СССР, Финляндия искала партнеров для развертывания войны против Советского Союза и проводила враждебный ему внешнеполитический курс. Карельский перешеек финская военщина превратила в военный плацдарм, непосредственно угрожающий Ленинграду. Поэтому Советское правительство обратилось к Финляндии с предложением об обмене территорий, но, поощряемая западными державами, она не пошла навстречу, следствием чего и явился «вооруженный конфликт». Цель Советского правительства в этой войне состояла не в ликвидации самостоятельности Финляндии, а в уничтожении опасного плацдарма; созданное же сразу после начала военных действий Народное правительство Финляндской Демократической республики ставило своей целью добиться выхода Финляндии из войны.

Подобная интерпретация событий ставит больше вопросов, чем дает ответов. Непонятно, например, почему с военной точки зрения территории на Карельском перешейке и острова в Финском заливе не были важны для Финляндии. Если речь шла только о ликвидации военного плацдарма, то для чего пушки были правительством в Териоках и две «народные дивизии», которые не участвовали в боевых действиях, поскольку им предназначалась какая-то другая роль. И почему, наконец, газетные полосы того времени пестрели заголовками: «Под сокрушительными ударами Красной Армии рухнет финляндская буржуазия и военщина», «Красная Армия несет освобождение финскому народу», «Красная Армия несет счастье и радость финнам»? Список этих вопросов можно было бы продолжить. Чтобы ответить на них, надо отказаться от вышеприведенной схемы и получить доступ к источникам, в частности к материалам мартовского (1940 г.) Пленума ЦК ВКП(б).

До сих пор мы смогли отказаться лишь от изображения начала военных действий как акта агрессии со стороны Финляндии, перестали упоминать т. н. «выстрелы в Майниле» и вроде бы отказались от термина «белофинны», абсолютно бессмысленного применительно к тому периоду. В целом же даже в новейших публикациях по истории советско-финляндских отношений отчетливо прослеживается тенденция лишь подновить старую схему, приспособить ее к новым условиям. Мало согласиться с тем, что в финском народе создание правительства в Териоках не получило поддержки, речь должна идти о грубом дипломатическом шаге и крупном внешнеполитическом просчете Сталина.

Читая сегодня газеты того времени,

подчас не понимаешь их логику, соотношение со здравым смыслом. Так, Декларация Народного правительства Финляндской Демократической республики опубликована с примечанием «Радиоперехват. Перевод с финского». А чего стоит заявление, сделанное В. М. Молотовым в разгар боев, что «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает войной финскому народу, а лишь оказывает своими вооруженными силами помощь Демократической республике Финляндии в ликвидации очага войны». Вся эта пропагандистская кампания разыгрывалась по той же партитуре, имела ту же «поэтику», что и политические процессы 30-х годов. Это еще раз подтверждает тесную связь между внутренней и внешней политикой «отца народов».

В этой связи весьма показательным является письмо Молотова, опубликованное недавно в «Советской культуре». Отвечая на обращение к нему акад. И. П. Павлова, обеспокоенного размахом репрессий в Ленинграде в 1936 г., Молотов заявил, что проведение этих «специальных мер» связано с близостью Ленинграда к Финляндии, с его особым приграничным положением.

Старые схемы все еще в силе. До сих пор бытует миф, будто одним из факторов возникновения войны было то обстоятельство, что финское правительство в своих контактах с Германией и Японией вело линию на создание «Великой Финляндии», искало партнеров для развертывания войны против СССР. Вряд ли можно ставить знак равенства между правительственной политикой и внешнеполитическими программами националистических кругов Финляндии. Можно ли всерьез говорить о том, что Финляндия, численность населения которой почти не превышала численности населения Ленинграда, всерьез помышляла о захватнической войне против СССР?

Пересмотреть явно устаревшую схему, ликвидировать данное «белое пятно» — это пужно не финнам (у них написаны сотни книг о той войне), это нужно нам. Правда об этой войне будет способствовать укреплению доверия в отношениях между нашими странами, восстановлению авторитета советской исторической науки.

Г. М. Коваленко

ПОРА СКАЗАТЬ ВСЮ ПРАВДУ

В наше время гласности и демократии историкам предстоит сказать всю правду о К. Е. Ворошилове. В журнале «Вопросы истории» (№ 10 за 1988 г.) уже поднимался вопрос о его роли в разгроме григорьевщины. Говоря о первых неудачах Красной Армии в 1941 г., о том, что страна и армия оказались не подготовленными к отпору фашистской агрессии, нужно вести речь не об отдельных ошибках или просчетах, но о преступных действиях И. В. Сталина, В. М. Молотова, а также К. Е. Ворошилова, долгое время занимавшего пост Народного Комиссара Обороны СССР.

Конечно, как политический и государственный деятель Ворошилов внес определенный вклад в строительство и подготовку Вооруженных Сил. Но следует поставить вопрос: отвечала ли личность этого военачальника требованиям, предъявляемым наркомом? Вопрос этот нуждается в специальном исследовании. О своей военной подготовке он так сказал в 1927 г.: «Я — рабочий, слесарь по профессии, не имею специальной военной подготовки. Я не служил в старой армии. Моя военная «карьер» началась с того, что в 1906—1907 гг. я перевозил нелегально оружие в Донецкий бассейн и там строил вместе со всей нашей организа-

цией большевистские военные дружины» (Ворошилов К. Е. Статьи и речи. М. 1937, с. 174—175). Комментарии, как говорится, излишни.

Ворошилов не раз подвергался резкой критике со стороны В. И. Ленина. Владимир Ильич неоднократно отмечал его грубые ошибки в оценке военно-политической и военно-стратегической обстановки, отстаивании форм партизанщины. Как член «военной оппозиции» Ворошилов выступал против привлечения военспецов, игнорировал порою роль партии в военном строительстве (Ленинский сборник XXXVII, с. 135—142). Зато Ворошилов пользовался безграничным доверием Сталина (хотя незадолго до своей смерти Сталин пришел к выводу, что Ворошилов — английский шпион). Ворошилов не раз в середине 30-х годов ставил свою подпись на смертных приговорах невинным лицам, особенно когда дело касалось военных.

Советско-финская война воочию показала всю некомпетентность наркома. «Стальной пролетарский полководец» не сумел справиться с управлением вверенными ему Вооруженными Силами. Поэтому Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 г. Маршал Советского Союза Ворошилов был освобожден

от должности наркома. Здесь же следует привести слова Маршала Советского Союза Г. К. Жукова о Ворошилове: «Он так до конца и остался дилетантом в военных вопросах и никогда не знал их глубоко и серьезно. Однако занимал высокие посты, имел претензии считать себя вполне военным и глубоко знающим во-

енные вопросы человеком» (Цит. по: Военно-исторический журнал, 1987, № 12, с. 50).

*В. В. Елисеев,
учитель истории и обществоведения,
рабочий поселок Добринка
Липецкой обл.*

СПУСТЯ ПОЧТИ 44 ГОДА...

Пишу во все исторические журналы, но особую надежду возлагаю именно на ваш, пока единственный из исторических научных журналов, перестроившийся не на словах, а на деле. Я приобрел книгу, которую ждал долгие годы: С. С. Бережной «Корабли и суда ВМФ СССР: 1928–1945. Справочник» (М. Воениздат, 1988. 710 с.). Книга нужная, причем не только специалисту, как мне, например, но и людям, которые просто интересуются историей своей страны, в частности военной историей. Аналогичные справочники по германскому военному флоту вышли в свет давно. Теперь наконец дождалась и мы своего справочного издания. И что же видим? В справочнике полностью отсутствует информация об обстоятельствах, времени и месте гибели наших кораблей. Даже не указано, какой корабль погиб, а какой благополучно довоевал до конца Великой Отечественной войны.

Не думаю, что эти материалы засекречены. Ведь после войны прошло 43 с лишним года. Значит, герои, отдавшие жизнь свою за Родину, останутся безымянными. Вот что, например, справочник пишет о сторожевом корабле «Туман» (с. 408): «Туман» (до 4.3.1940 – ДК-10,

до 19.12.1939 – РТ-40 «Лебедка»). Бывш. РТ... Построен в 1930. Моб. ...вооружен и вкл. в сост. СФ... Учас. в СФВ и ВОВ: защита коммуникаций и баз, десант в гб. Зап. Лица в 7.1941: имел бор. № 12». И все. А ведь «Туман» 10 августа 1941 г., находясь в боевом дозоре в Кольском заливе, вступил в неравный бой с тремя немецкими эсминцами, каждый из которых был вооружен пятью 127-мм орудиями. И это против двух 45-мм пушек бывшего траулера! Наши моряки, приняв неравный бой, погибли, но не спустили флага. Таких примеров можно привести десятки. Интересный момент: за годы войны на Балтийском, Черноморском и Северном флотах не поменялись командующие. Это означает, что серьезных претензий к морякам не было. Потери нашего флота вполне сопоставимы с потерями противника.

Полагаю, что справочник необходимо переиздать, дополнив сведениями об обстоятельствах гибели наших кораблей. Иначе синдром умолчания так и будет кочевать по страницам произведений военных историков.

*С. В. Богатырев,
историк, Львов*

* * *

Живем мы в глухом забайкальском селе, но так же, как и все советские люди, хотим знать историю истинной, неурезанной. Нас интересуют не только 20-е, 30-е, 40-е, 50-е, 60-е годы, но и «период застоя» и современность. В большей степени именно период, начавшийся с апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. История, как мы понимаем, дала нам последний шанс. Поэтому нужен научно-критический подход ко всем явлениям и процессам как прошлого, так и настоящего.

В № 1 журнала за 1989 г. хочется отметить публикацию не известной ранее советскому читателю работы К. Маркса, статью акад. Ю. В. Бромлея (хотя с некоторыми ее положениями можно и поспорить), исторический портрет Белы Куна. В целом интересна статья Н. Е. Копосова, но главное, чем она страдает, — отсутствие историографической базы. Самая «больная» в номере (в разных отно-

шениях) работа А. В. Аптонова-Овсеенко. Автор сбивается на митинговые декларативные заявления, одни факты умалчивает, другие выпячивает. Слишком большая заданность и слишком много чувств — вот основной недостаток статьи. Проблема шире и глубже, чем представляется в статье.

Ведь было и окружение Сталина, и партия, и народ, была и эпоха. Были и противники у Сталина, с их программами, которые не всегда можно отнести к марксистским, а если уж говорить без обвиняков, то свой шанс в борьбе за власть он не упустил. Да, это горе народа, горе страны, но пока еще мы не имеем научной модели того времени, и чувствами тут не поможешь, если мы хотим извлечь урок для будущего. Чувства — чувствами, а наука — наукой. И хотя наука без чувств не может быть, но без некоторых эмоциональных характеристик, высказываний, а порой и авторских до-

мыслов можно было обойтись. Иначе работа теряет свое положительное воздействие.

В воспоминаниях В. Н. Новикова выдвигается положение о мужестве Н. С. Хрущева в разоблачении культа Сталина. Но имели место в данном случае и конъюнктурщина, и вождизм самого Хрущева, и элементарная его лукавность.

*М. А. Козырь,
с. Байгул Читинской обл.*

Очень хотелось бы узнать побольше о первых годах политической деятельности И. В. Сталина, о его участии в «эксах». В настоящее время существует несколько версий относительно убийства С. М. Кирова. Какая же из них истинная? Хотелось бы знать ваше мнение по этому вопросу. Кстати, каков сейчас порядок «рассекречивания» архивных документов? Существует ли для них «срок давности»?

*Н. В. Огарев,
г. Кириши*

Читаю ваш журнал с 1982 г., постоянный подписчик с 1987 года. 16 моих знакомых, которые от меня узнали о наиболее интересных публикациях журнала за 1988 г., в этом году стали вашими подписчиками. В 1988 г. журнал, конечно, обновился. Чрезвычайно интересны «круглые столы»: мы, к сожалению, отвыкли спорить ради отыскания истины.

Что бы нам хотелось видеть на страницах журнала?

Во-первых, историю сталинизма с привлечением большего числа архивных материалов. А самое главное — нужны серьезные теоретические разработки данной проблемы, прочное научное обоснование неизбежности или случайности произошедшего.

Во-вторых, историю коммунизма. Нарастает число молодых людей, разочарованных в коммунистических идеалах. Нужно рассказать молодежи о коммунистическом движении, причем не безликими фразами, а живыми словами конкретных его участников, вождей и рядовых, о том, что думали и думают о коммунистической теории и практике представители других партий, например, социал-демократы.

В-третьих, продолжить практику «круглых столов» и не только по вопросам отечественной, но и всеобщей истории, с привлечением зарубежных историков, философов, социологов. Сейчас, как никогда, нужны интегральные оценки, а именно их не хватает.

В-четвертых, анализ событий в Афганистане и других болевых точках планеты с мнениями не только ученых, но и непосредственных участников.

Мне очень хочется, чтобы наши дети знали историю лучше нас. И я верю в перестройку!

*А. П. Белоусов,
инженер, Новосибирск*

Мне стыдно, что по публикации актуальных материалов вы плететесь в хвосте других журналов («Наука и жизнь», «Смена», «Огонек»). Ваш журнал слишком академичен, рассчитан на узкий круг специалистов, а должен учитывать интересы самых широких читательских кругов и занимать первое в стране место по изложению исторического материала. Публикуйте больше материалов о советских полководцах, а также разведчиках, историю создания архитектурных памятников (особенно тех, что уже утрачены). Очень хотелось бы узнать подробности о соловецкой библиотеке, ее читателях.

*В. Г. Задорожный,
инженер-строитель,
Днепродзержинск*

Являюсь вашим подписчиком с 1963 года. Все мы прекрасно понимаем трудности нового качественного этапа развития науки. Хотелось бы видеть на страницах журнала больше материалов о политической жизни России до 1917 г., по истории ее политических партий. В учебниках нередко встречаются имена политических лидеров, с которыми В. И. Ленин вел ожесточенные дискуссии, и совершенно неясно, почему он уделял им такое внимание. Тем самым обедняется ленинское наследие. В частности, в нынешней непростой ситуации, когда деятельность некоторых русофильских организаций заставляет задуматься об их истоках, считаю необходимым публикацию материалов о крайне правых в русской политической жизни — черносотенцах. Очень хотелось бы понять истоки русского новинизма.

*О. Г. Вяткина,
преподаватель истории техникума
советской торговли,
Смоленск*

Число подписчиков на ваш журнал увеличилось в 4 раза не потому, что во столько раз стало больше профессиональных историков, а потому, что у людей в период нынешней оттепели возрос интерес к истории. Поэтому, если вы действительно хотите существенно изменить круг проблем, затрагиваемых в журнале, вам следует больше помещать правдивых материалов о событиях с 1900 по 1989 год. Именно этот отрезок времени освещался в школьных и вузовских

учебниках с наибольшими искажениями. Неплохо было бы расширить и публикацию читательских писем, открыть рубрику, в которой специалисты отвечали бы на интересующие нас вопросы.

*Б. Сенкевич,
кочегар, г. Копейск
Челябинской обл.*

Подписчиком вашего журнала стал впервые и сразу понял, что не ошибся в своих ожиданиях. Можете не сомневаться, что стапу вашим пропагандистом среди своих коллег и знакомых. Однако не нашел рубрику, где публиковались бы письма читателей и ответы на их вопросы. Надеюсь на то, что камни вековой истории всех народов нашей страны будут собраны и сцементированы в единый мощный фундамент идеологического обновления под знаменем коммунистических идей.

*И. М. Корецкий,
инженер, Житомир*

В № 1 «Вопросов истории» опубликованы воспоминания известного в прошлом хозяйственника В. П. Повикова, где он, в частности, утверждает, что Н. С. Хрущев не только ничего не сделал для облегчения участи невинных заключенных, но и сам давал согласие на арест тысяч

людей. Является ли это исторической правдой? На чем основывается автор? Если существуют такие документы, надо их опубликовать. Если нет — известить об этом. Как бы то ни было, «белые пятна» нашей истории не могут заполняться домыслами, субъективными оценками частных лиц. Необходима истина и взвешенность оценок и формулировок.

*В. С. Бурунов,
участник войны, г. Волжский
Волгоградской обл.*

С нетерпением ждем публикации на страницах журнала серии статей о России со времен ее основания до Октября. Наши знания, почерпнутые из школьных и вузовских учебников, весьма однобоки. В них все русские цари, князья, помещики тупые и бездарные, способные только бездельничать и угнетать народ. Но ведь была и другая сторона жизни страны — защита Отечества, освоение Сибири и Дальнего Востока. Особенно хотелось бы знать историю отношений с Польшей и Прибалтикой. Желательно, чтобы в каждом номере публиковался анонс на следующий. И не опаздывайте с доставкой каждого номера читателям.

*А. А. Берегулин,
ветеран войны и труда,
г. Гадяч Полтавской обл.*

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЙ * «РОЛЬ РЕЛИГИЙ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Комплексное изучение истории и современного состояния религии и религиозных организаций — одна из важных задач советских обществоведов. Оно имеет не только научное и культурное, но и актуальное политическое значение. В течение десятков лет социологи и религиоведы полагали, что научно-технический прогресс и развитие общества приведут к снижению влияния религии в жизни людей. Однако действительность оказалась сложнее, многие прогнозы не оправдались. Недостаточно учитывалась и изучалась связь религий с традиционной национальной культурой, значение для общества религиозных этических норм, а также формы проявления религий, их способность своеобразно отвечать на нужды изменяющегося общества, консервативная сила традиций, опирающихся на религии. Плохо исследовались внутренние объективные закономерности, присущие религиям.

Успехи науки и техники, включение в активный исторический процесс все большего числа жителей Земли, рост влияния социалистических идей, ослабление национальной и государственной ограниченности в современном мире, конечно, способствуют общему процессу секуляризации массового сознания в разных регионах мира, а тем самым и подрыву традиционных устоев религиозного сознания и питательной базы консервативных религиозных концепций. Но это развитие противоречиво. Те же самые факторы в кризисных и экстремальных ситуациях современного мира способны создавать условия для роста — подчас довольно быстрого — религиозности в традиционных формах, модернизированных и

нетрадиционных (новых) религиозных движений и культов, характер и направленность которых зависят от конкретных исторических ситуаций.

Несмотря на сдвиги, происходящие в мире за последние десятилетия, религия продолжает оставаться весомой идеологической силой, оказывающей значительное воздействие на политическую ситуацию в отдельных странах и регионах. Особенности религий и религиозные организации используются для разжигания религиозной и — шире — политической, этнической и межгосударственной розни. На основе конфессиональной принадлежности образуются межгосударственные союзы и объединения, роль и деятельность которых далеко не однозначна и требует серьезного научного анализа. Можно указать, например, на существование многих мусульманских, буддийских, индуистских организаций и объединений, придерживающихся противоположных ориентаций (от прогрессивных до ультраправых). Исключительно разнообразный и противоречивый характер имеют христианские организации — от миротворческих до экстремистских, дестабилизирующих политическую обстановку во многих регионах мира (Ольстер, Ливан, ЮАР).

При всей условности приводимых в литературе цифр число верующих по конфессиям (на 1986 г.) выглядит следующим образом: христиане — 1400 млн. (из них католиков — около 800 млн., протестантов — около 400 млн., православных и др. — около 200 млн.), мусульмане — около 800 млн., буддисты — около 300 млн., индуисты — более 600 млн., приверженцы конфуцианства — около 300 млн. человек. Противоречивость развития современного мира и человека в нем такова, что можно предположить даже увеличение числа верующих в ближайшем будущем. По прогнозам западных социологов и религиоведов, три четверти населения Земли к 2000 г. будут придерживаться различных религиозных верований.

В чем причина таких явлений, почему в условиях огромных успехов науки и техники, возрастания роли социализма в мире, подъема образования и культуры, развития средств массовых коммуникаций и т. д. прогнозируется не падение,

* Подготовлена коллективом под руководством чл.-корр. АН СССР Г. М. Боггард-Левина: В. Г. Овчинников (заместитель руководителя группы), О. В. Родик (ответственный секретарь группы), М. В. Андреев, В. П. Андросов, С. А. Арутюнов, А. М. Васильев, В. И. Гардига, Р. Н. Исмаилова, А. А. Кислова, В. И. Корнев, И. А. Крывелес, Г. В. Милославский, Л. Р. Полонская, Л. В. Пономарева, А. А. Преображенский, Р. Б. Рыбаков, А. Н. Сахаров, чл.-корр. АН СССР Я. Н. Шапов.

а увеличение числа верующих? Ответы на эти вопросы крайне важны, они требуют глубокого научного анализа силами специалистов разных дисциплин, прежде всего политологов, социологов, философов, психологов, правоведов, этнографов, историков. При изучении этих вопросов необходим учет исторических, социально-экономических, политических, психологических факторов, особенностей самих конфессий, конкретно-исторической ситуации в отдельных странах и т. д.

В настоящее время в развитии различных религиозных направлений происходят сложные идеологические и организационные процессы, характерные как для развитых капиталистических, так и для развивающихся стран, причем именно современная эпоха породила новую волну оживления влияния ислама, мистических сект и нетрадиционных религиозных организаций.

Проявившись на уровне массового сознания широких слоев населения (от крестьянства до интеллигенции, причем для каждого социального слоя характерны свои формы и проявления), эта тенденция воздействует на социальную деятельность людей, на идеологию и, что особенно важно, на формирование личности, на молодежь. Причин появления или оживления такой тенденции немало: это и страх перед ядерной катастрофой и локальными войнами, и неуверенность в завтрашнем дне в условиях эксплуататорских обществ, страх перед конкуренцией, безработицей; это и кризис системы ценностей западной культуры, идеологии и морали.

В нашей стране до сих пор не проводилось научное исследование мистицизма, хотя такие работы ведутся как на Западе, так и на Востоке. Необходимо выработать научное понимание феномена мистицизма, понятийный аппарат, наметить границы проблемы; изучить отношения между мистицизмом и религией, мистицизмом и наукой, мистицизмом и культурой, представить программу эффективной борьбы против этого явления, популярного среди некоторых групп молодежи.

Особое внимание должно быть уделено изучению религиозной ситуации в СССР и других социалистических странах. Демократизация советского общества, государственные гарантии прав личности способствуют осуществлению конституционных требований свободы совести и практике отношения к верующим и неверующим как к равноправным гражданам социалистической страны. Празднование в 1988 г. 1000-летия принятия христианства на Руси показало, что Русская православная церковь обладает не только значительными материальными средствами, но и позитивным духовным и историческим потенциалом, являясь в определенные исторические периоды выразителем и патристических тенденций, что находит признание как в обществе, осо-

бенно среди интеллигенции, так и со стороны государственных органов.

Подтверждение прав верующих и церковных организаций не исключает, а предполагает активизацию усилий по исследованию истории и современного состояния религии. Советское религиоведение должно охватывать все социальные функции религии — религиозно-компенсаторную, мировоззренческую, регуляторную (то есть связанную с системами этики и права), коммуникативную (связанную с общением людей на разном уровне социальной организации), интеграционную (отражающую сплочение религиозной общины, организация, а иногда и общества в целом).

Изучение религии — это исследование характера адаптации религии к условиям конкретной стадии общественного развития, каждого историко-географического региона. Религия содержит в себе диалектически сочетаемые элементы традиционного (принятые догматы) и временного (современные социально-политические взгляды и установки) содержания. Поэтому ее изучение должно вестись с позиций как общетеоретических, так и конкретно-исторических. Чем полнее исследуются особенности религии, пути, методы и формы ее воздействия, тем эффективнее будет атеистическое воспитание. Особую важность и актуальность в современных условиях имеет развитие религиоведческой стороны научно-атеизма, анализ происхождения, сущности и современных форм выражения религии. Критика религиозного мировоззрения сейчас, как никогда ранее, диктует необходимость расширения собственно религиоведческих исследований.

Несмотря на накопленный сравнительно обширный материал по истории религии, многие принципиально важные вопросы исторического анализа религии еще ждут своего решения. Это относится к таким проблемам, как историческая типология религий (особенно религий доклассового общества), взаимоотношения религии с другими формами общественной надстройки в различных формациях, цивилизационный аспект развития религии, роль религии в переходных общественных структурах, соотношение традиционных и нетрадиционных религиозных движений в современных развитых и развивающихся странах (общая динамика религиозного развития в центрах и на периферии современного капитализма), традиционные и современные типы этноконфессиональных общественных структур и т. д.

За последние годы в развитии самих конфессиональных систем наметились новые тенденции, которым религиозные деятели стараются придать субъективную окраску. Высшее духовенство и руководители религиозных организаций, с одной стороны, стремятся объявить общенациональными, демократическими и светскими чисто религиозные по существу движения и мероприятия; с другой —

они пытаются придать религиозную форму массовым демократическим национальным движениям, не имеющим в основе четко выраженной конфессиональной направленности. Тем самым к религии прибегают для достижения политических целей, в интересах различных политических партий и группировок. Эти процессы, конкретные события и явления нередко находят свое обоснование и оправдание в многочисленных трудах западных ученых.

Множество зарубежных научно-исследовательских институтов и религиозных центров фактически поставлено на службу различным религиозным партиям, организациям и группам. Они субсидируются не только государствами, но и богатыми религиозными фондами, существующими на пожертвования верующих и религиозных фанатиков. Хорошо известно, что целью многих из этих фондов является возбуждение религиозного фанатизма, разжигание религиозной розни (зачастую на межгосударственном уровне), подрыв национального единства страны.

Западное религиоведение, особенно его лучшие представители, стоявшие и стоящие на позициях объективного изучения исторического процесса, достигли больших успехов в изучении истории формирования и развития религий мира; изданы и переведены на различные языки основные памятники религиозной мысли; ученые создали немало капитальных трудов, освещающих различные стороны религиозных доктрин, этапы их исторического развития и т. д. Высоким научным авторитетом пользуются такие солидные научные издания, как многотомные энциклопедии ислама, христианства, католицизма, в которых приняли участие многие крупные ученые. Однако некоторые западные религиоведческие работы характеризуются явной тенденциозностью.

Серьезный анализ западных концепций необходим потому, что они зачастую неадекватно отражают процессы развития общественной мысли в целом, служат обоснованию тенденциозной политической направленности религиозных общественных движений, оказывают влияние на позиции религиоведов и религиозных деятелей в развивающихся странах. Отсутствие координации работ в этой области, явные пробелы в подготовке специалистов и планировании исследований привели к тому, что религиоведение оказалось в нашей стране одной из сравнительно отсталых научных дисциплин.

Длительная недоступность для советского читателя некоторых исторических и философских работ, написанных с идеалистических позиций, отсутствие переводов зарубежных религиоведческих трудов привели к снижению способности наших ученых к выработке собственного отношения к изложенным в этих работах концепциям и аргументации, к деформациям в научной убежденности, отста-

ванью в развитии нашего религиоведения.

Исследования, связанные с историей религии и их современным состоянием и ролью, проводятся в нашей стране разрозненно, не имеют ни общего плана, ни долгосрочной перспективы, ни даже перечня основных проблем. Отсутствует научный центр, который вел и координировал бы такие исследования в стране. До сих пор мы не располагаем широкими аргументированными исследованиями течений и направлений по ряду конфессий, неотрадиционных и нетрадиционных учений. Не исследуется социальное поведение различных слоев верующих. Задача советских ученых — вооружить практических, политических и идеологических работников творческим осмыслением сложностей эволюции религий в современном мире и прогнозами их значения как в 90-е годы, так и на более отдаленное будущее.

Учитывая разный уровень развития регионов мира и различную роль, которую там играют религии, помимо сосредоточения усилий ученых для исследования конфессий как таковых, следует одновременно проводить изучение религиозной ситуации на региональном и страноведческом уровнях. Представляется возможным условно выделить следующие основные направления работ по религиоведческой тематике в целом, которые следовало бы провести в ближайшие 10—15 лет:

- 1) возникновение и развитие мировых и локальных религий и церковных организаций (историко-типологический и сравнительно-исторический анализ);
- 2) динамика религиозного развития в конце XX в. в условиях научно-технической революции, современного состояния капитализма, трансформации и ломки общественных структур развивающихся стран; воздействие религии на массы в новых условиях;
- 3) роль в историческом развитии этноконфессиональных структур, религия в локальных и этноконфессиональных конфликтах;
- 4) фундаментализм и модернизм в религиозной жизни современного мира, роль религий в идеологии и политике, поиски «третьего пути развития» и религия;
- 5) нетрадиционные религиозные движения;
- 6) роль религии и церкви на различных этапах истории России;
- 7) роль религии в условиях социализма;
- 8) религия и культура;
- 9) религия и мораль;
- 10) религия и наука;
- 11) религия и дилемма войны и мира;
- 12) религия, церковь и государство;
- 13) религия и атеизм.

ХРИСТИАНСТВО

Изучение типологии и структуры античного общества и рабовладельческой формации невозможно без учета религиозного фактора. Истоки многих явлений,

связанных с возникновением государства, процессом классовообразования, с идеологическим обоснованием трансформации общества и конкретных политических и социальных акций и тенденций, с социальной психологией, с системой ценностей и механизмами ее реализации, не могут быть по-настоящему поняты, если недостаточно исследована сфера религиозная. Религии античности здесь были и остаются классической моделью. Без знания их терминологического и попятного аппарата, видов и форм невозможно изучение культуры, идеологии и религии Европы на всех этапах их истории.

В рамках Римской империи возникла и широко распространилась одна из мировых религий — христианство. Ее начальные этапы находятся сейчас в центре повышенного внимания теологов. Соответствующим образом переосмысленные ранние пласты христианства вошли в состав многих современных нетрадиционных религий. Постоянно ведется работа по реинтерпретации Библии в аспекте важных и актуальных проблем современности. Глубокий анализ причин, обусловивших появление и распространение христианства, представляется важным еще и потому, что в 2000 г. предстоит юбилей этой религии.

Религиоведение античности занимает сейчас одно из ведущих мест в западной историографии и все чаще привлекает внимание ученых и государственных организаций в социалистических странах. К сожалению, в общем объеме историографии их труды занимают очень малую часть. Сложившаяся ситуация оказывает прямое влияние на теоретическую и практическую разработку кардинальных проблем истории, тормозит развитие научного мировоззрения. Отсутствие изданий важнейших памятников религиозной мысли, снабженных научным комментарием, небольшое количество научных монографий и статей создают серьезные препятствия для пропаганды исторических и философских знаний, формирования научного мировоззрения у молодежи.

В советской исторической науке и религиоведении практически отсутствуют исследовательские работы, посвященные христианству раннего средневековья, идейной и политической борьбе внутри него и вокруг него, взаимодействию церкви и государства. При изучении средневековья в Европе чрезвычайно важно не просто констатировать роль религии, но показать конкретный механизм ее социального, идеологического и психологического воздействия на массы и индивида.

Актуальное исследование взаимодействий (во всем их многообразии) ортодоксальных и еретических течений в христианстве, связи и противопоставления католицизма и православия, складывание особенностей религиозных учений и характера их функционирования в различных регионах Европы. Выход на современность имеет и исследование форм народной религиозности, социально-психологических аспектов религии, устойчивости и изменчивости обрядовых и ритуальных аспектов религиозной жизни, того, что можно было бы назвать бытовой религиозностью.

менность имеет и исследование форм народной религиозности, социально-психологических аспектов религии, устойчивости и изменчивости обрядовых и ритуальных аспектов религиозной жизни, того, что можно было бы назвать бытовой религиозностью.

1. Православие.

Православие является сегодня одним из трех основных направлений христианства. Из 15 автокефальных православных церквей 8 функционируют в европейских социалистических странах. Две из них — Русская и Грузинская — действуют в СССР. Общее число их последователей, предположительно, составляет 30—35 млн. человек. Актуальность научного исследования истории православия (в первую очередь русского) и его современного состояния определяется рядом обстоятельств и прежде всего широко отмечавшимся в 1988 г. 1000-летием принятия христианства на Руси.

Одним из наименее разработанных направлений советской исторической науки является история Русской православной церкви и изучение ее роли в историческом процессе. За последние годы интерес к данной проблеме возрос (появились работы, посвященные различным аспектам истории церкви в России). Однако масштабы изучения проблемы, количество и качество трудов пока еще не соответствуют важности этой проблематики. Причины отставания в этой области исследований требуют своего осмысления.

Несмотря на ограниченный размах исследований в данной области, можно условно наметить некоторые главные направления ведущихся работ по истории православной церкви в России: изучение церковного и главным образом монастырского землевладения; изучение идейной борьбы (еретические движения, формирование идеологии русского самодержавия, старообрядчество, религиозно-политическая реакция против революционного движения в стране и др.); критика антинародной роли православия в ходе классовой борьбы; подчинение церковной организации государству. Значительно меньше изучена роль православия в духовной жизни общества, история религиозной философии, значение миссионерства в истории отдельных регионов нашей и соседних стран и др.

До сих пор отсутствуют обобщающие исследования по истории Русской православной церкви. Значительным пробелом является практическое незнание и отсутствие критического анализа новейшей западной и русской зарубежной историографии, расширивших исследование русского православия как в целом, так и отдельных его элементов. Изучение истории и современного состояния православия в социалистических странах ведется лишь отдельными специалистами по достаточно узкой проблематике (исключе-

ние в этом отношении составляет, пожалуй, Болгария). Исторически православие было одним из факторов политического и идеологического взаимодействия государств Центральной и Восточной Европы, сегодня оно существует в ряде социалистических стран в условиях секуляризации. Все это заслуживает изучения, поскольку представляет собой как исторический, так и актуальный политический интерес.

Целесообразна разработка в ближайшее десятилетие нескольких обобщающих тем по истории Русской православной церкви, а именно:

1) написание обобщающего труда по истории православия и церкви (и их ответвлений — старообрядчества и др.) в России;

2) издание подготовленной в АН СССР книги «Православие в XX веке», включающей важный исторический очерк;

3) анализ и критика существующих концепций истории русской православной церкви;

4) изучение и переиздание важнейших русских и зарубежных трудов по истории Русской церкви, православной религиозности и этики.

2. Протестантизм.

Протестантизм — одно из главных направлений в христианстве, получившее наряду с католицизмом и православием широкое распространение в мире и играющее в настоящее время значительную идеологическую и политическую роль. В наши дни протестантизм представлен большим числом церквей, объединений, общин и сект, активно действующих в разных странах и различающихся по своим конфессиональным особенностям, характеру организации, этнонациональным признакам и социально-политическим установкам. Протестантизм по традиции занимает прочные позиции в США и ряде стран Западной и Северной Европы. За последние годы влияние протестантского вероучения усилилось в странах традиционного распространения католицизма, примером чего служит «евангелическая экспансия» в Латинской Америке и Африке. «Протестантское сектантство» имеет место также в социалистических (в том числе и в нашей стране) странах. Это вызывает потребность в соответствующих научных исследованиях.

В зарубежном религиоведении проблемы, связанные с историей, догматикой и ролью протестантизма, разрабатываются давно и основательно. Издается большое число книг, посвященных как истории протестантизма в целом, так и отдельных его течений.

К сожалению, советская историография протестантизма представлена немногими работами, в том числе по сектантству в дореволюционной России, несколькими работами по современному религи-

озному сектантству в социалистическом обществе. Очень слабо изучается история протестантизма и его отдельные течения на Западе. Можно отметить лишь отдельные работы по истории американского баптизма, англиканской церкви в Великобритании, протестантскому модернизму в США, некоторым вопросам американской протестантской теологии, нетрадиционным культам в США и др. Но эти публикации не могут решить проблемы комплексного исследования протестантизма, который в настоящее время представляется одним из наиболее политизированных направлений в христианской идеологии. Далекое не исчерпывают всех проблем работы, посвященные экуменическому движению, занимающему в протестантизме особое место. Многие еще предстоит исследовать и, в частности, феномен экуменизма на национальных уровнях, в странах наибольшего распространения протестантизма.

Важнейшей задачей при изучении протестантизма является рассмотрение деятельности и мировоззрения его основателей. В связи с этим пора приступить к изданию переводов главных теологических трудов Ж. Кальвина и М. Лютера.

Необходимо активизировать исследования по истории протестантизма в странах традиционного распространения протестантских верований: ФРГ, Швеции, Норвегии, Нидерландах, Дании, Финляндии, Швейцарии, США, Великобритании. Это имеет не только научное, но и актуальное политическое значение, в том числе для понимания социально-политической жизни как в странах Западной Европы и Северной Америки, так и в развивающихся, в частности африканских, государствах (например, активная политическая роль протестантских церквей на Юге Африки).

3. Католицизм

В современном мире католики объединены в строго иерархическую систему во главе с римским папой. Помимо стран Западной Европы, наиболее сильные позиции католицизм занимает в Латинской Америке. В отличие от других религий у католицизма есть свой международный центр — город-государство Ватикан, роль и влияние которого в системе современных международных отношений достаточно велики.

Опорой Ватикана в различных странах мира являются католические церкви и большая армия священников, а также широко разветвленная сеть религиозных и светских католических организаций. Особую роль в реализации политического курса Ватикана играют христианско-демократические партии, являющиеся influentialным политическим фактором в жизни стран Западной Европы и Америки. Активно действуют католические профсоюзы и тысячи других организаций (детские, молодежные, женские, по профессиям и т. д.). Католическая церковь

имеет сильные экономические позиции, контролирует широкую сеть начального, среднего и высшего образования, в ее распоряжении имеются собственные радиостанции и издательства, газеты и журналы. Католицизм активно ведет миссионерскую деятельность, особенно в развивающихся странах, направленную на сохранение традиционных отношений господства и подчинения между капиталистическими и бывшими колониальными странами.

Католицизм — один из старейших международных институтов, обладающих огромным историческим опытом гибкого приспособления к различным социально-экономическим формациям, политическим, национальным и культурным особенностям народов мира. В условиях революционных преобразований современной эпохи католицизм проводит курс на «обновление» католической церкви. Это особенно характерно для периода, начавшегося после II Ватиканского собора (1962—1965 гг.). Пытаясь доказать свою универсальность, несвязанность с капитализмом, католическая церковь стремится навязать христианскую альтернативу «третьего пути» развития.

Католическая церковь далеко не однородна, в ней противостоят разнообразные течения и движения от крайне реакционных до революционных. Например, в странах Латинской Америки в 70-е годы появились «теология революции» и «теология освобождения», ориентированные преимущественно на социально-политические проблемы современности и отличающиеся радикальностью и нетрадиционным для католицизма подходом к идеям социальной революции и переустройства общества. «Теология освобождения» — антиимпериалистическая по своей направленности — является теоретическим обоснованием участия масс верующих в борьбе за национальное и социальное освобождение.

В связи с широким участием католиков в борьбе за мир и устранение угрозы ядерной войны Ватикан во многом пересмотрел свои позиции по проблемам войны и мира. Можно отметить, что одним из активных противников политики, направленной на гонку вооружений и реализацию программы «звездных войн», является конференция католических епископов США. В ряде своих заявлений и официальных резолюций американское католическое духовенство резко осуждает, прежде всего с позиций христианской нравственности, политику Вашингтона и программу «звездных войн».

Однако в политике Ватикана, особенно в последние годы, активизировались консервативные тенденции. Католическая церковь выступает против материализма и научного коммунизма; прямые или завуалированные политические призывы характерны для заявлений многих представителей высшего католического духовенства.

Изучение этих тенденций в истории и в современном католицизме — насущная и одна из безотлагательных задач советских ученых. Творческие усилия в этой области науки должны быть сконцентрированы на моментах научных и практических.

Зарубежные историки, социологи, политологи, философы, религиоведы и теологи уделяли и уделяют значительное внимание разработке идеологических основ католицизма как в историческом, так и в современном его аспекте. Анализируется современная интерпретация Библии, традиционных догм и обрядов различных католических течений и направлений, значительное место уделяется «человеческим ценностям» и глобальным проблемам современности. Постоянно издаются энциклопедии, словари, справочники, многотомные истории католической церкви. Исследуется социальное поведение различных слоев ее приверженцев — молодежи, женщин, трудящихся, средних слоев, интеллигенции. Цель большинства этих трудов — доказать жизненную необходимость существования католицизма и его организаций, высокую нравственную миссию Ватикана.

В советской исторической науке пока еще нет обобщающих трудов по истории католической церкви в прошлом и настоящем (эту задачу призван решить специальный том серии «Религия в XX веке»). До сих пор мы не располагаем широким аргументированным исследованием католических течений и направлений, анализом их теорий и практической деятельности в различных регионах мира.

Особое внимание следует уделить аргументированной классификации течений и направлений в католицизме, их теоретических и практических позиций по глобальным проблемам современности, а также критике клерикально-ревизионистских взглядов. Подобные исследования выявили бы действительных и потенциальных союзников среди той части мировой общественности, которая находится под влиянием католицизма. Более того, левых католиков, принимающих марксизм или сочувствующих ему (в большинстве своем они имеют о марксизме довольно смутное представление), хорошо аргументированный анализ может убедить и сделать союзниками не только в антиимпериалистической борьбе, но и в борьбе за социализм.

Необходимо начать углубленное исследование современного состояния теологии, догм, обрядов, католического культа.

ИСЛАМ

Ислам как мировая религия занимает второе место по числу последователей. На протяжении 14 столетий существования ислам играл важную роль в формировании социально-культурного облика народов, проживающих на громадной территории от побережья Атланти-

ческого океана на Западе до Китая и Малайского архипелага на Востоке, выступающая для мусульман в качестве универсального регулятора практически всех сторон общественной жизни, включая политику, хозяйственную деятельность, право и т. д.

Из всех существующих ныне религий ислам характеризуется наиболее тесной связью с нерелигиозными, светскими формами общественного бытия и общественного сознания. В районах его распространения чрезвычайно отчетливо вырисовывается связь религии и общественной жизни, включая такие ее сферы, как политика, экономика, государственная структура. В последнее десятилетие в связи с особенностями современного развития стран Востока в некоторых из них политическая и общественная роль ислама заметно активизировалась (Иран, Пакистан, Египет, Ливан).

Влияние ислама на общественную жизнь зарубежного Востока относительно устойчиво и, видимо, будет сохраняться в обозримом будущем. Вместе с тем установлена определенная волнообразность в соотношении между антиимпериалистическими радикальным и антикоммунистическим консервативным направлениями в современном исламском движении. Происходит дифференциация социально-политических сил, составляющих основу мусульманских движений и организаций; проявляется тенденция и к консолидации мусульманского мира на основе моделей «третьего (исламского) пути развития». Эти модели широко используются правящими элитами ряда стран Востока в качестве альтернативы как капиталистическому, так и социалистическому развитию.

Ислам в определенной мере является и фактором международной политики последних лет. Активизировалась деятельность международных мусульманских организаций, прежде всего Организация исламской конференции, объединяющей 45 афро-азиатских государств, в которых ислам признан государственной (или официальной) религией. Расширяют деятельность и международные исламские экономические организации.

Одновременно с этим в последние годы значительно усилилось использование исламской аргументации реакционными силами как на Востоке, так и на Западе, активизировалась «исламская пропаганда», направленная в целом против прогрессивных сил в афро-азиатских странах, против СССР и других социалистических стран. Активно используют «исламский фактор» США и их союзники в политических целях, причем при разработке форм и методов ведения пропаганды в районах традиционного распространения ислама в СССР учитывается не только реальная религиозная ситуация в этих районах (которая сама по себе достаточно сложна и характеризуется прежде всего значительно более высоким уровнем религиозности, чем по

стране в целом), но и те отступления от норм социалистической морали и правопорядка, которые выявлены в республиках Советского Востока.

Определенных успехов в исламоведении добилась отечественная наука, подходящая к этой проблематике как к комплексной дисциплине. Изучение ислама велось и ведется в нескольких аспектах (историческом, филологическом, философском, социологическом, политологическом, этнографическом, сравнительно-религиоведческом). Однако к настоящему времени сложилась практика, при которой, как правило, отдельные научные учреждения ведут исследования лишь по одному из аспектов.

Лишь с конца 70-х годов началась разработка ряда новых тем: ислам в современной политике и международных отношениях стран Востока, изучение исламской пропаганды, исследование мусульманских концепций общественного развития (теории исламской экономики, исламской революции и т. д.), деятельность международных исламских организаций. Ученые лишь приступили к изучению влияния ислама на духовную и материальную культуру народов Востока. Разрабатываются и реализуются комплексные программы исследований по актуальным проблемам современного исламоведения. Выделен ряд важных направлений, по которым должны вестись работы в ближайшее время:

1. Исследование, комментарии и перевод важнейших письменных памятников по истории ислама и мусульманской догматике (Коран — работа по его новому переводу и исследованию начата в Институте востоковедения (ИВ) АН СССР; комментарии к Корану — тафсиры; сборники преданий — хадисы; свод положений мусульманского права — шариат, а также произведения ряда мусульманских мыслителей средневековья). Работа в этом направлении должна завершиться созданием корпуса памятников по истории ислама.

2. Систематизация и описание рукописей по истории ислама, хранящихся в библиотеках страны (работа частично проделана в Ленинграде и Ташкенте).

3. Изучение средневековых истоков современных мусульманских идейных концепций.

4. Изучение социологии ислама.

5. Изучение процессов модернизации ислама.

6. Сравнительно-религиоведческие исследования.

7. Изучение истории и современной деятельности суфийских орденов и мусульманских сект.

8. Изучение деятельности международных мусульманских организаций (экономических, политических и пр.).

9. Изучение современного ислама, опирающегося на полевые исследования в зарубежных странах Востока и районах традиционного распространения ислама в СССР.

10. Изучение ислама в СССР и его влияния на образ жизни.

Работа по указанным направлениям в настоящее время вызывает значительные затруднения из-за острой нехватки квалифицированных кадров и слабой координации и кооперации научных центров страны. Существенным препятствием в подготовке кадров является отсутствие курса исламоведения для историко-востоковедческих вузов (в настоящее время работа по подготовке такого курса ведется в Ленинградском университете и Ленинградском отделении ИВ АН СССР).

БУДДИЗМ

Буддизм — древнейшая мировая религия, которая распространена в Азии к востоку от Каспийского моря и Тихого океана; в настоящее время его ареал включает Непал, Индию, Шри-Ланку и страны к востоку от них.

Идеи буддизма активно использовались в идеологии национально-освободительного движения всех стран буддийского региона Азии, в настоящее время буддийские идеи являются составной частью идеологии национализма. Многочисленные национальные буддийские церкви (сангхи) входят в международные религиозные объединения. В Советском Союзе имеется самостоятельная буддийская церковь, являющаяся членом Международной конференции «Буддисты за мир». В Бурятии и Читинской области действуют два монастырских комплекса махаянистического направления.

В области политики главную роль в северном буддизме играют массовые немонашеские организации, типа Сока-гаккай; в южном буддизме — монашеские организации, которые чаще всего используются в политике национализма оппозиционными силами. В социальной сфере буддизм упорядочивает и стабилизирует локальные общественные отношения; эта функция буддизма заметна во Вьетнаме, Лаосе, Кампучии. Изучение буддизма имеет не только научную, но и практическую значимость, особенно учитывая тот факт, что Монголия, Корея, Китай, Вьетнам, Лаос, Кампучия испытывали глубокое влияние буддизма на свою культуру и что в этих странах имеется немалое число буддистов.

В настоящее время буддология приобретает особое значение. Основатели идеологических движений стран буддийского региона постоянно обращаются к классическому наследию буддизма, черпая в нем идеи как собственно культурных, так и политических течений. Буддийские религиозно-философские учения пользуются огромной популярностью и на Западе. Одним и тем же традиционным принципам даются нередко противоположные интерпретации, вызванные идеологической ситуацией. Это повышает значимость научного анализа различных аспектов буддийской традиции.

Изучение буддизма в Советском Союзе имеет давнюю традицию, однако сейчас успехи в этой области более чем скромные. Нет специального научного центра, учебной стажировки, научной практики в стране изучения, нет печатного органа, не готовятся специалисты по большинству разделов традиционной буддологии, без знания которой невозможно разобрататься объективно и грамотно в причинах современного идеологического бума буддизма в мире, уже неоднократно трансформировавшегося в политические акции 50—70-х годов.

Роль современного буддизма изучает очень небольшое число специалистов в нашей стране (менее 10 человек), в то время как в развитых капиталистических странах имеется много институтов по изучению современного буддизма и десятки центров и обществ по изучению буддизма в целом. В нашей стране отсутствуют монографии о современном буддизме в Китае, Монголии, Вьетнаме, Лаосе, Индии, Непале, Южной Корее, Тайване, Сингапуре, Малайзии. Изучение современного буддизма выявило необходимость исследования роли «новых религий», созданных на базе учения буддизма, в первую очередь в Японии, Южной Корее и Таиланде. Одна из первоочередных задач — создание трудов по буржуазным и националистическим школам изучения буддизма. Необходимо выявить причины высокой приспособляемости буддизма к изменяющимся условиям. Чрезвычайно важно изучить реальные и потенциальные возможности буддизма в социальной, политической, идеологической жизни стран Азии, степень его влияния на молодежь развитых капиталистических стран.

Надо искать методы и формы диалога с азиатскими буддистами. В 80-х годах возобновились попытки использовать буддизм для укрепления идеологического влияния в различных районах Азии, активное участие в этом принимают Китай, Япония, Индия, Шри-Ланка, Таиланд, в эту деятельность собираются включиться Монголия и Вьетнам.

Необходимо участие советских буддологов в международных буддологических форумах, характеризующихся экуменическими тенденциями.

В 1977 г. в Улан-Удэ состоялось Всесоюзное координационное буддологическое совещание. В числе принятых решений были следующие:

- создать координационный буддологический центр;
- издавать информационный бюллетень по буддологии;
- возобновить издание серии «Библиотека Буддизма»;
- использовать бывший буддийский храм Ленинграда как филиал Музея истории религии и атеизма и одновременно как действующий храм во время приезда буддийских делегаций из стран Востока. Ни одно из этих решений пока не воплотилось в жизнь, кроме возобновления «Библиотеки Буддизма».

ИНДУИЗМ

Индуизм является главным религиозным течением современной Индии, ему следует более 70% населения страны. В ней существует огромное число религиозных, религиозно-просветительских организаций, идеология индуизма нередко рассматривается в качестве государственной, на ее основе формировались и продолжают формироваться сотни политических организаций, партий и группировок, различных по своей идейной направленности, начиная от прогрессивно-демократических и вплоть до неофашистских.

Изучение индуизма необходимо для уяснения характера и направленности всех социальных, культурных и политических процессов в Индии.

В Индии и на Западе действуют многие десятки институтов и научных организаций по изучению индуизма, издается большое число журналов. За последние годы очень активизировались индуистские организации в США и Западной Европе.

Отечественная индология добилась в свое время некоторых успехов в области изучения индуизма. Важные результаты были получены учеными, работающими над древнейшими формами этого верования, и специалистами, занимающимися общественно-политическими проблемами нового времени. Появились первые монографии, освещающие религиозные аспекты кастового деления общества, выявляющие специфические черты индуизма, нашедшие своеобразное выражение в индуистском праве.

Степень секуляризации индийского общества никогда не переоценивалась нашими учеными, и получение адекватных представлений о его состоянии, выдвижение научно обоснованных прогнозов его развития в будущем тесно увязывалось с уяснением подлинного места религиозного фактора в политических и идеологических процессах. Феномен «политизации» индуизма, такие идейно-политические факторы, как секуляризм, коммунизм, дихотомия «традиции — современность», различные проявления религиозности широких слоев населения и степень ее влияния на политическое сознание верующих находятся в центре внимания наших ученых и являются темой «круглых столов», научных конференций, дискуссий и рабочих совещаний.

Изучение индуизма на различных этапах его исторического развития, создание трудов, нацеленных на воссоздание широкой панорамы духовной жизни Индии в древности и средневековье, необходимо не только с точки зрения чисто научных интересов. Оно приобретает и большую политико-идеологическую значимость, поскольку острая идейная борьба в XX столетии неотделима от различного рода интерпретаций традиционного духовного наследия, восходящего к периоду древности и средневековья, прово-

димого с позиций различных классовых и социальных сил.

В этой связи уместно обратить внимание на крайне слабое освещение сикхизма в отечественной литературе. Появившийся якобы как результат взаимовлияния различных религиозных традиций, существующих в Северной Индии в первой половине II тысячелетия, сикхизм играет сейчас важную роль в общественно-политической жизни Индии. Поэтому представляется целесообразным содействовать изучению этой религии, углубляя наши представления как о его концептуальной основе и основополагающих принципах, так и о его роли в политической жизни страны. Особенно следует учесть тот острый политический аспект, который приобрел вопрос о сикхизме в связи с экстремистскими требованиями о создании самостоятельного государства — «Халистан».

Наблюдающемуся в последнее время оживлению в СССР интереса к религиозно-психологическим аспектам йоги, к различного рода модернистским индуистским движениям, к «экзотике» восточной духовности можно противопоставить только научную, основанную на оригинальных источниках, литературу, рассчитанную на широкого читателя.

Представляется целесообразным сосредоточить усилия на:

- целостном изучении индуизма как религиозно-философской и социальной системы (изучение философии индуизма, обрядово-культурной практики, социальных установок, форм модернизации региональных особенностей и отличий);
- проведении исследования религиозного фактора в политических и идеологических процессах, в том числе в прогрессивных, идейных и политических течениях;
- определении взаимодействия индуизма с другими религиями; выявлении его роли в инокультурной среде, в синтезе культур народов Индии, в диалоге культур Востока и Запада;
- изучении причин успеха неомистицизма.

ДРУГИЕ РЕЛИГИИ И МЕСТНЫЕ КУЛЬТЫ

Религиоведение, помимо изучения мировых религий, исследует национальные религии и различные локальные культы. Эти вопросы, получившие солидную разработку за рубежом, у нас изучаются пока слабо.

Исследование аборигенных культов представлено лишь единичными работами. Между тем в обстановке политического пробуждения индейских, а в Бразилии и странах Карибского бассейна — и негритянских масс нативистские культы играют все большую роль. Число последователей нативистских культов в Бразилии исчисляется многими миллионами, в странах Карибского бассейна — сотнями тысяч и даже (на Гаити) мил-

лионами, в США, Австралии и Океании — десятками тысяч человек. Исследование этих сект и культов почти не велось и не ведется.

Нет нужды доказывать важность изучения иудаизма. Исследование его находится у нас на низком уровне. Для углубленного анализа политической роли иудаизма и его отдельных направлений, а также многоаспектно переплетенного с ним сионизма в современной мировой политике нужно использовать материалы на иврите, а специалистов, отвечающих этому требованию, у нас практически нет.

Другие ближневосточные религии, такие, как йезидизм, мандейство, зороастризм, имеют очень ограниченное распространение. Они почти не служат объектом изучения наших религиоведов. Хотя адепты этих религий исчисляются всего лишь сотнями тысяч и даже десятками тысяч человек, они играют немалую роль в условиях нарастающей в ряде стран Ближнего Востока волны исламского фундаментализма и фанатизма.

Специальное внимание следует уделить реальному бытованию традиционных культов Сибири и Севера (практически они сошли на нет, их придерживаются лишь отдельные представители старшего поколения). Но шаманизм и другие архаичные культы имеют как объект исследования большое значение для историков первобытности, психологов, искусствоведов и т. д.

РЕЛИГИИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

К традиционным религиям Восточной Азии можно отнести: конфуцианство, даосизм, синтоизм, синкретические секты и локальные культы.

В XX в. в буржуазном Китае и на Тайване предпринимались попытки превратить конфуцианство в государственную и национальную религию китайцев. До настоящего времени культ предков и конфуцианская мораль остаются органической частью жизненного уклада китайцев на Тайване, в Юго-Восточной Азии и частично в КНР. Общее число приверженцев конфуцианства в Азии, по примерным подсчетам, превышает 30 млн. человек.

Даосизм — основная автохтонная религия Китая, представленная большим количеством независимых сект. В своем традиционном виде даосизм до сих пор существует на Тайване, даосские священники имеются и в ряде стран Юго-Восточной Азии, в частности в Лаосе, Таиланде, Малайзии, Сингапуре.

Синкретические секты исторически возникли как продукт секуляризации буддизма и даосизма и в настоящее время существуют на Тайване, среди китайцев Юго-Восточной Азии и в КНР (где они находятся на нелегальном положении). Численность их приверженцев составляет в общей сложности несколько миллионов человек.

Локальные культы сложились в результате слияния даосских и буддийских институтов с пережитками архаичных, фольклорных по своему характеру верований и носят преимущественно общинный характер. В поклонениях локальным божествам и посвященных им празднествах принимает участие практически все китайское население Тайваня и Юго-Восточной Азии. Пережитки локальных культов оказывают влияние и на сознание народных масс в КНР.

Исследование традиционных религий Китая имеет важное научное значение, поскольку является необходимой составной частью изучения истории религий и разработки проблемы типологии религиозных традиций. В странах Дальнего Востока, и прежде всего в Китае, сложился особый тип религий, не имевший аналогий на Западе и в исламском мире. Анализ этой типологии внесет значительный вклад в изучение закономерностей этнокультурных процессов в истории человечества. Исследование традиционных религий Дальнего Востока имеет и большое политическое и идеологическое значение в свете стремительного роста популярности наследия этих религий в современном мире, в частности в Западной Европе и в Америке. Традиционные религии Китая, и прежде всего даосизм, оказывают громадное влияние на различные течения неомистицизма в мире.

На Западе и в Японии появились международные научные организации, занимающиеся исследованием конфуцианства и даосизма. Благодаря усиленной финансовой поддержке в 60–70-е годы в странах Запада было опубликовано большое число научных монографий, посвященных конфуцианству.

В последние годы у нас появились первые специальные монографии по проблемам даосизма. Значительно меньше сделано в изучении китайских религий, хотя изданы некоторые источники, перевод отдельных письменных памятников, отдельные монографии и статьи по проблемам истории религий Китая. До сих пор, однако, не создано обобщающих трудов по истории различных типов религиозных традиций Китая, в том числе по проблемам религиозной ситуации в современном Китае. Эти аспекты политики КНР должны быть изучены как политологами-китаеведами, так и этнографами, и религиоведами.

Синтоизм представляет собой исконно японскую религию, распространенную только в Японии, и поэтому служит мощным средством национальной самоидентификации. На низком уровне синтоизм является совокупностью анимистических верований и культа предков. Через культ императорских предков синтоизм на всем протяжении его письменной истории связан с государством, а император считается верховным жрецом этой религии. Социальная авторитетность синтоизма в значительной степени зависит от положения, которое занимает император в

данный исторический период. Институт же императорской власти обладает исключительной авторитетностью — нынешняя династия находится на престоле около 1500 лет, причем практически никогда не наблюдалось попыток ее смещения. Верования синтоизма прочно входят в генофонд японской культуры (особенно это касается культа предков) и легко актуализируются в подходящий исторический момент (как это произошло в конце XIX — первой половине XX в.).

После поражения Японии во второй мировой войне государственственный синтоизм подвергся массовой критике в самой Японии. В настоящее время в связи с нарастанием националистических настроений вновь обостряется интерес как к национальной культуре вообще, так и к синтоизму в частности. Так, недавно был создан крупный центр по изучению японской культуры. Значительно активизируется изучение синтоизма и в других исследовательских центрах. Можно утверждать, что в ближайшие десятилетия значение синтоизма во внутренней жизни Японии будет возрастать.

К сожалению, изучение синтоизма в нашей стране находится в очень плохом состоянии. Достаточно сказать, что не переведен ни один памятник синтоизма, хотя в самое последнее время уже наметилась некоторая тенденция к улучшению ситуации. Следует объединить существующий научный потенциал для написания коллективного труда, который мог бы быть посвящен месту синтоизма в истории и культуре Японии (первый том — тексты, второй — исследования).

Для повышения квалификации советских ученых необходимы постоянные командировки исследователей в ведущие центры Японии.

ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИИ АФРИКИ

Религиозная ситуация в современной Африке отличается крайней пестротой; кроме ислама, христианства, индуизма, большую роль играют традиционные религии и культы, которые оказывают значительное влияние не только на культурно-бытовую сферу, но и на политику и характер социально-экономических и культурных реформ.

По официальной статистике насчитывается более 150 млн. приверженцев традиционных религий. Даже лица, принявшие ислам или христианство, продолжают выполнять различные обряды и ритуалы, характерные для традиционных верований. Особенно сильна приверженность традиционным религиям в сельской местности. Но и в городских районах традиционные формы религии обладают высокой степенью социальной активности. Они оказывают влияние на политику правительства, деятельность политических партий, межэтнические отношения. До сих пор (особенно в странах Западной Африки) большим влия-

нием пользуются тайные религиозно-магические общества.

Традиционные религии обнаруживают наибольшую живучесть там, где они находят себе поддержку в традиционных общественных структурах. Так, националистическая по своей направленности идеология заирского «аутентизма», влияние которой распространилось на Центральноафриканскую Республику, южную часть Чада и Того, могла зародиться лишь в стране, где большую часть населения составляли последователи традиционных религий. В тех странах, где подавляющее большинство населения исламизировано или христианизировано, официальное благожелательное отношение к традиционным религиям и культам встречается редко.

В Африке социальные процессы сопровождаются бурным, намного более быстрым, чем в Европе и Азии, процессом формирования народностей и наций в крайне сложной этнической ситуации. Отдельные этнические и субэтнические группы приобретают черты этноконфессиональных, другие уже успели их приобрести. «Конфессионализм» переплетается с «трибализмом» в социально-политической жизни и становится одним из наиболее важных факторов внутренней и даже отчасти внешней политики. Лишь выявив роль религий и религиозных организаций в прошлом и настоящем этого региона, можно составить целостную картину развития африканских обществ.

Институтом Африки АН СССР опубликована коллективная монография «Традиционные и синкретические религии Африки» — первая в 10-томной серии «Религии в XX веке», — положившая начало исследованию этой важной темы. Запланирована публикация коллективной монографии «Роль традиционных религий в общественно-политической жизни африканских государств». Следует подготовить также ряд работ, посвященных традиционным религиям и культам отдельных стран и народов.

* * *

Необходимо вести исследования особенностей массового сознания, его религиозно-мифологических черт, влияния на ценностные ориентации и установки социального поведения. Эти вопросы связаны с формированием идеологических систем теоретического и утилитарно-практического уровня с идеологическим «мифотворчеством».

Современное политическое развитие требует консолидации всех миролюбивых сил в целях создания всеобъемлющей системы международной безопасности, развития связей с некоммунистическими течениями и организациями, в том числе религиозными. Многочисленные международные встречи миролюбивой общественности показали серьезную обеспокоенность верующих и церковных кругов

империалистическим курсом на эскалацию гонки вооружений. Как показали работы советских исследователей, участие верующих и их организаций в борьбе за мир обуславливается двумя группами причин: объективно-классовыми и собственно религиозными убеждениями верующих, что определяет специфические формы их борьбы за мир, широкий диапазон подходов к этой проблеме.

К сожалению, эти миротворческие аспекты деятельности религиозных организаций, в том числе и советских, не получили подробной научной разработки; они должны изучаться специалистами-религиоведами. Для активизации исследований по проблемам религиоведения и истории религий и координации их Отделение истории АН СССР создало проблемный Научный совет «Роль религий в истории»**. В его состав вошли

** Председатель совета — чл.-корр. АН СССР Я. Н. Шапов, ученый секретарь — В. С. Румянцев. Отзывы о настоящей комплексной программе и предложения

ведущие ученые по истории религий Востока и Запада, историки, философы, этнографы, литературоведы, представители институтов АН СССР и академий наук союзных республик, университетов, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Совета по делам религий при Совете Министров СССР, научных советов АН СССР по истории мировой и русской культуры, по истории общественной мысли.

В составе Научного совета начинают свою работу секции, посвященные истории христианства, ислама, буддизма, ранних форм религий, традиционных верований и культов, и также комиссии по методологии истории религий, по подготовке кадров специалистов по истории религий и религиозных организаций и другие.

о научной, координационной и издательской деятельности Научного совета направлять по адресу: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Отделение истории АН СССР.

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ АН СССР

23 марта 1989 г. на общем собрании Отделения истории АН СССР, проходившем под председательством академика-секретаря ОИ акад. И. Д. Ковальченко, с научным докладом «Методология изучения предпосылок образования Киевской Руси» выступил акад. Б. А. Рыбаков.

Как отметил докладчик, современное состояние разработки проблемы возникновения государственности в Восточной Европе не может удовлетворить науку. Отнесение Киевской Руси то к феодальной, то к рабовладельческой формации или даже отрицание некоторыми учеными наличия классового общества в Восточной Европе вплоть до начала XIII в. свидетельствуют о слабой источниковедческой и методологической готовности к решению этой проблемы. Необходимо комплексное рассмотрение всех видов источников, привлекаемых в широком географическом диапазоне на фоне мирового исторического процесса и в хронологических рамках до трех тысячелетий. Начинать изучение русской истории лишь с 860 г., когда русская флотилия появилась под стенами Царьграда, нельзя.

Еще русские средневековые хронисты стремились включить скифов в обзоры начальной поры русской государственности. Их сведения интересны как дальние отголоски былых перепутанных событий. Примитивный норманизм ученых XVIII в. явился шагом назад, связывая появление государственности с набегами варягов. К настоящему времени советской и польской наукой достаточно полно

обрисована роль варягов в том Русском государстве IX в., которым им удалось временно овладеть при князе Олеге. Варяги участвовали в политической жизни Киевской Руси, но вовсе не строили русскую государственность и не оказали сколько-нибудь существенного влияния на ее культуру.

Внимание исследователей должно быть сосредоточено сегодня не на второстепенном вопросе о роли шведов, датчан или балтийских славян (в которых иногда ошибочно видят варягов) в создании Руси, а на поиске глубоких корней длительного процесса вызревания местной государственности с учетом различий киевского Юга и новгородского Севера. Легенда о приоритете Севера родилась в окружении князя Мстислава Великого, прожившего два десятка лет в Новгороде и являвшегося сыном английской принцессы, зятем шведского и сватом норвежского королей. Для Мстислава-Гаральда варяги были родной стихией, самая формула «призвание князей» в летописи той поры соответствовала призыванию на киевский престол его отца Владимира Мономаха в 1113 году.

Сопоставление природных условий и материальной культуры новгородско-псковско-попехонского Севера и киевско-волынско-черниговского Юга на протяжении ряда тысячелетий приводит к выводу, что земледелие на Юге возникает раньше, причем пашенное земледелие появляется на Юге (если не признавать гипотезы о пашне в трипольской культуре) в бронзовом веке; Север отставал примерно на 2500 лет. Южное зерновое

хозяйство в силу близости международного античного хлебного рынка повышает свою интенсивность и с VI—V вв. до н. э. становится экспортным. Поднепровье экспортировало тогда хлеб через Ольвию. Сарматское нашествие прервало эти торговые связи, но в римское время экспортное земледелие возобновилось, продолжалось по IV в. н. э. и прекратилось с нашествием гуннов. Север вообще не знал экспортного земледелия; и в средние века Новгород часто покупал хлеб. Юг во все эпохи значительно опережал Север, сохраняя первенство даже в периоды кочевнических натисков, замедлявших развитие Юга. Это преимущество природной среды южного черноземья было помножено на преимущество близости к высококультурной полосе античных городов Причерноморья.

Какой этнос преобладал тогда в Среднем Поднепровье? Правомерпо отождествление этого района с ареалом тшинецко-комаровской культуры, существовавшей там в XV—XII вв. до н. э. Ее хронология совпадает со временем отпочкования праславян от общего индоевропейского массива. Эта зона стала областью первичного расселения славян. Затем славянский Запад в I тыс. до н. э. втягивается в связи с кельтским миром (лужицкая культура), славянский Восток — со скифским миром. Тут в начале железного века складывается чернолесская культура, ареал которой совпадает с распространением славянских архаичных гидронимов. Около VII в. до н. э. у земледельцев днепровского Правобережья появилась возможность в связи с уходом скифов на Ближний Восток колонизовать полтавское черноземье. За пределами чернолесской культуры сгусток славянских гидронимов установлен для верхнего течения Днестра (позднейшая Галицкая земля).

Сочетание археологических и лингвистических данных позволяет относить геродотовских «скифов-земледельцев» VI—IV вв. до н. э. к праславянам. Земледельцы Среднего Поднепровья той поры (область будущего ядра Киевской Руси) четко отличаются от степных кочевников наличием городищ и особенностями погребального обряда.

На севере в прародину славян вписывалась примитивная земледельческая милоградская культура, совпадавшая с позднейшей землей древлян лесной зоны. Это земля геродотовских невров. Их соседями были праитовские племена будинов. В лесостепи Правобережья Днепра обитали племена земледельцев-сколотов. В летописное время тут размещались поляне, уличи, бужане, воляняне, белые хорваты и тиверцы. Южнее обитали ираноязычные кочевники, не знавшие ни земледелия, ни оседлых поселений. А в приморских районах и на Левобережье Днепра наблюдалась чересполосица разных племенных групп, переселившихся около VIII—VII вв. до н. э. с Правобережья. Археология уточняет размещение

четырёх сколотских племен, упомянутых Геродотом: паралаты (севернее Киева), авхаты (южнее), траспии (Западная Подолия) и катиары (Восточная Подолия) в верховьях Южного Буга. К сколотскому же лесостепному миру относились земледельцы на Ворскле и Осколе. Околостепные сколоты восприняли многое из скифской дружинной культуры и вели интенсивную торговлю с греческими городами.

Сарматское нашествие прервало связи праславян с античным миром, привело к частичному запустению пристепных районов, к понижению культуры сколотской лесостепной зоны и к более примитивному уровню культуры на сколотско-милоградской территории. Частичный отлив лесостепного населения на север и колонизация им лесной зоны привели к сложению зарубинецкой культуры III в. до н. э.—III в. н. э. После ухода сарматов античный мир вновь оказался заинтересован в получении восточнославянского хлеба. Зарубинецкая культура славян преобразуется в своей южной части в более высокоразвитую черняховскую культуру II—IV веков. С нею в северо-западной части Черноморского побережья связаны анти, тоже славяне. Их контакты с Римом иллюстрирует множество кладов римских серебряных монет, зарытых во время нашествия готов. Одним из крупных северных пунктов хлебной торговли был, уже в V в., Киев на краю лесной зоны. Резкий подъем торговых связей со II в. обрывается в IV в. нашествием гуннов и тесными ими готов.

Спрос на славянское зерно привел к подъему черняховского земледелия, достигшего тогда уровня, на котором оно находилось затем почти до XVIII века. Вот почему автор «Слова о полку Игореве» называл благоденственные века спокойной славянской жизни до гуннов «веками Троянимп» (от правления римского императора Траяна в 98—117 гг.). Данные века — эпоха второго расцвета ядра будущей территории Киевской Руси с ее более южными днепровско-черноморскими торговыми магистралями (в IX—XII вв.: Пороги, Олешье, Лукоморье, Белгород).

Достигло ли славянское общество II—IV вв. уровня государственности? Если для праславянского первого подъема, свидетелем которого был Геродот, ответ будет отрицательным, то для «трояновых веков» характерна значительно большая развитость. От той эпохи тянутся циты к русскому эпосу XII в.: некоторые былины содержат искаженный пересказ сказаний о конфликте с готским конунгом Германарихом («Данило Ловчанин»), автор «Слова о полку Игореве» четко представлял себе готов на морском берегу, гупнов, слышал о славянском князе Бусе, побежденном остготами. А летописец Нестор говорит о древних славянах дважды, воссоединяя северную область лесных славян-невров с областью земледельцев-сколотов, приобщенных благода-

ря хлебному экспорту к античному миру. Славянские поселения аптов между Днестром и Днепром отмечал историк готов Иордан. Они имели городища с каменными стенами, построенные в римское время смешанным населением. Что касается самих готов, то их «империя Германариха» в конце IV в. — просто легенда, ибо они действовали тогда лишь близ Азовского моря (остготы) и на Дунае (вестготы).

Важным фактором подготовки восточнославянской государственности были в V—VII вв. походы на Византию, переселение значительных масс славян на Балканский полуостров и сопротивление новым тюркским кочевникам — аварам и хазарам. Союз среднеднепровских славян (поляне, северяне, русь) устоял при натиске авар и не подвергся тяжкой участи дулебов. Этот союз с VI в. владел областью, которая вплоть до XII в. именовалась Русской землей: Киев, Поросье, Чернигов, Северская земля. Поскольку Киев как место стока многих рек верхнеднепровского бассейна направлял балканские походы славян, он стал центром союза, и тут формируется древнерусская дружинная культура. Потом другие славянские племена примыкали к Руси. Сплочение их в VIII—IX вв. в «союз союзов» дало начало государственности. Доклассовое первобытное общество осталось позади. Определенся третий подъем восточнославянского общества.

В прениях по докладу отмечалась необходимость уточнения двух главных его сюжетных линий: что материальные памятники, упомянутые Б. А. Рыбаковым, во II—I тыс. до н. э. были именно славянскими и что там в ходе столетий наблюдался, хотя и с перерывами, стойкий прогресс зернового земледелия как определяющий исторический фактор. Проблема в целом, как сказал в заключительном слове докладчик, нуждается в дальнейшем осмыслении, проработке и дополнениях.

На том же заседании был рассмотрен вопрос о новом директоре Института этнографии им. Н. П. Миклухо-Маклая АН СССР в связи с истечением срока полномочий акад. Ю. В. Бромлея. Новым директором был избран, с учетом предварительного голосования по предложенным кандидатурам в самом институте, доктор исторических наук В. А. Тишков.

* * *

7 апреля 1989 г. на заседании Бюро Отделения истории АН СССР В. И. Бовыкин (Институт истории СССР АН СССР) выступил с докладом «Об итогах и перспективах работы над «Хроникой рабочего движения в России, 1895—1917 гг.». Затем А. В. Елпатьевский (Главархив СССР) сделал содоклад на ту же тему. Они рассказали о деятельности большого коллектива специалистов из разных учреждений и вузов по сбору не-

обходимых материалов и поэтапной подготовке «Хроники» к печати. Редакционная коллегия «Хроники» опубликовала в 1986 г. специальное методическое пособие-инструкцию о принципах этой подготовки, положенное в основу работы. На ту же тему была помещена информационная статья в журнале «Вопросы истории» (1984, № 11) и проведен ряд рабочих совещаний в Москве, Ленинграде, Свердловске, Костроме и других городах. Размножены и разосланы на места карточки учета сведений о первичных организациях РСДРП, профсоюзах, обществах взаимопомощи, о стачках или иных формах рабочего движения с подробной рубрикацией пунктов, охватывающих различные данные о рабочем движении или связанных с ним действиях социал-демократических организаций. Увидел свет сборник статей и материалов для названной хроники («Рабочее движение в России, 1895—1904 гг.». М. 1988). Докладчики осветили перспективы дальнейшей работы и задачи, стоящие перед ее участниками.

В ходе прений был внесен ряд уточнений и предложений, нацеленных на расширение и углубление деятельности по составлению данного труда. В том числе было предложено переименовать его в «Хроника рабочего и социал-демократического движения в России в 1895—феврале 1917 гг.». Принимая во внимание научную значимость готовящихся «Хроник», Бюро Отделения решило включить в свои планы на 12-ю и 13-ю пятилетки эту работу в качестве приоритетной в рамках комплексной программы «Общие закономерности и особенности исторического развития народов СССР в дооктябрьский период» и просить Главархив СССР включить в планы работы государственных архивов СССР подготовку «Хроник». К региональным Отделениям истории АН СССР и союзных республик обращена просьба включить эту работу в научно-исследовательские планы в качестве приоритетной темы, а к Государственному комитету СССР по народному образованию — рассмотреть вопрос о включении темы в планы научно-исследовательской работы преподавателей вузов страны в качестве научных консультантов госархивов.

Для лучшего выявления сведений по рабочему и социал-демократическому движению в периодической легальной, а также нелегальной печати, в коллекциях листовок и рукописей решено обратиться в Министерство культуры СССР с просьбой подключить к работе над «Хрониками» Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина. Будут продолжены переговоры с научными и архивными учреждениями Польши, Австрии и Финляндии об их участии в подготовке «Хроник». В Москве в первой половине 1990 г. намечается провести Всесоюзную научно-практическую конференцию по обсуждению итогов работы по подготовке «Хроник» за 1895—1904 гг.

и перспектив работы по 1905–1907 годам. Сведения из «Хроник» должны быть введены в ЭВМ для создания банка данных по истории рабочего движения в России.

На том же заседании чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков проинформировал об организации в рамках Института истории СССР работы по установлению потерь советского народа в Великой Отечественной войне. С этой целью создана

рабочая группа, в которую входят также несколько специалистов со стороны. В результате прений было решено преобразовать эту группу в Комиссию при Отделении истории, расширить ее задачи и состав, обеспечить организационно ее деятельность для возможно более полного использования ею архивных и любых иных сведений.

А. Ш.

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Академия наук Белорусской ССР. Краткий очерк. Минск. Наука и техника. 1989. 158 с. с илл. 4700 экз. 1 руб. 30 коп.

Анисимов Н. Н. *Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия, 1903–1917 гг.* Свердловск. Изд-во Уральского ун-та. 1989. 151 с. 4100 экз. 65 коп.

Артамонов А. Н. К. *Крупская и Удмуртия.* Ижевск. Удмуртия. 1989. 104 с. с илл. 5000 экз. 45 коп.

Батеньков Г. С. *Сочинения и письма.* Т. I: Письма, 1813–1856. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное изд-во. 1989. 525 с. (Полярная звезда). 50 000 экз. 3 руб. 30 коп.

Вайнер Б. А. *Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне.* М. Воениздат. 1989. 303 с. с илл. 10 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Варварцев Н. Н. *Первая живые истоки.* Исторический очерк. Киев. Политиздат Украины. 1989. 111 с. с илл. 8000 экз. 55 коп.

Воздушная мощь Родины. М. Воениздат. 1989. 432 с. с илл. 22 000 экз. 2 руб. 80 коп.

Воробьев Е. *Москва: близко к сердцу.* Страницы героической защиты города, 1941–1942. Изд. 2-е, доп. М. Политиздат. 1989. 336 с. 500 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 20. Л. Наука. 1989. 320 с. 1950 экз. 4 руб. 30 коп.

Гладков Т. *Остаюсь чекистом!* О Герое Советского Союза Д. Н. Медведе. Изд. 2-е. М. Политиздат. 1989. 127 с. с илл. (Герои Советской Родины). 100 000 экз. 25 коп.

Долг и отвага. Рассказы о дивкурьерах. И. М. Майский и др. М. Политиздат. 1989. 351 с. 200 000 экз. 1 руб.

Дубинин Н. П. *Вечное движение.* Воспоминания. Изд. 3-е, испр. и доп. М. Политиздат. 1989. 448 с. с илл. 200 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Забелин И. М. *Очерки истории географической мысли в СССР, 1917–1945 гг.* М. Наука. 1989. 256 с. 1250 экз. 4 руб. 30 коп.

Во мир и безопасность народов. Документы внешней политики СССР, 1936 г. В 2-х кн. Кн. 2: Август – декабрь. М. Политиздат. 1989. 606 с. 7500 экз. 2 руб.

За Отчизну, свободу и честь! Очерки о Героях Советского Союза – горьковчанах. Кн. 7. Сост. Л. К. Тюльников. Горький. Волго-Вятское книжное изд-во. 1989. 284 с. 12 000 экз. 70 коп.

Иванов В. Н. *Историческая мысль в России XVIII – середины XIX века о народах Северо-Востока Азии.* М. Наука. 1989. 245 с. 1300 экз. 2 руб. 40 коп.

И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. Сост. и предисл. А. Л. Карамышева. Изд. 2-е, доп. М. Советская Россия. 1989. 416 с. с илл. 50 000 экз. 80 коп.

История и культура удэгейцев. Л. Наука. 1989. 189 с. 1600 экз. 3 руб. 80 коп.

Калининская областная организация КПСС в документах и фотографиях, 1880-е – 1987 гг. Сост. Л. В. Алексеева, В. Д. Чернышов. Калинин. Московский рабочий. 1989. 463 с. с илл. 5000 экз. 2 руб. 40 коп.

Карамзин Н. М. *История государства Российского.* Репринтное воспроизведение изд. 5-го, выпущенного в 3-х кн. с приложением «Ключа» П. М. Строева (1842–1844). М. Книга. 1989. Кн. 2, тт. V–VIII. 533 с. 100 000 экз. 15 руб.

Кдырниязов М. - Ш. *Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV веках.* Нукус Каракалпакстан. 1989. 175 с. 3000 экз. 95 коп.

Книги о Ленине. Библиографическо очерки. Изд. 2-е, перераб. и доп. Гос. респ. дет. б-ка РСФСР. Авт.-сост. И. Я. Линкова, А. К. Кудрова, О. И. Михайловская. М. Книжная палата. 1989. 128 с. 50 000 экз. 35 коп.

Кобрин В. Б. *Грозный.* М. Московский рабочий. 1989. 175 с. (История Москвы: портреты и судьбы). 100 000 экз. 45 коп.

Кованов В. В. *Солдаты бессмертия.* Изд. 2-е, перераб. М. Политиздат. 1989. 334 с. 100 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Конев А. М. *Красная гвардия на защите Октября.* Изд. 2-е, доп. М. Наука. 1989. 334 с. 3900 экз. 4 руб. 20 коп.

Краснознаменный Туркестанский. Изд. 2-е, испр. и доп. М. Воениздат. 1988. 414 с. с илл. 35 000 экз. 2 руб.

Культурное строительство в Пензенском крае, 1939–1977. Документы и материалы. Сост. О. Е. Блинова и др. Саратов. Приволжское книжное изд-во. 1989. 360 с. 3000 экз. 95 коп.

Курчавов И. *Городок на Шелони.* Л. Лениздат. 1989. 189 с. 25 000 экз. 55 к.

Кутузов М. И. *Письма, записки*. Сост., послес. Н. И. Рязанова. М. Воениздат. 1989. 592 с. с илл. (Ратная слава Отчизны). 100 000 экз. 2 руб. 40 коп.

Махненко Ю. *Всему начало*. Страницы хроники. М. Молодая гвардия. 1989. 255 с. 50 000 экз. 55 коп.

Мерзлякова Г. В. *Не будет подвигу конца...* О вкладе женщин Удмуртии в Победу в Великой Отечественной войне. Ижевск. Удмуртия. 1989. 110 с. с илл. 3000 экз. 25 коп.

Мокрынин В. П., Плоских В. М. *Иссык-Куль: затонувшие города*. Фрунзе. Илим. 1988. 191 с. с илл. 3500 экз. 1 руб. 25 коп.

Нарочницкая Л. И. *Россия и отмена нейтрализации Черного моря, 1856–1871 гг.* К истории Восточного вопроса. М. Наука. 1989. 224 с. 5000 экз. 1 руб. 40 коп.

Никита Сергеевич Хрущев: материалы к биографии. Сост. Ю. В. Аксютин. М. Политиздат. 1989. 367 с. 200 000 экз. 2 руб. 40 коп.

Погребной С. А. *Лавиной стали и огня*. Боевой путь 7-го механизированного Новоукраинско-Хинганского Ордена Ленина, Краснознаменного, Ордена Суворова корпуса. М. Воениздат. 1989. 128 с. с илл. 10 000 экз. 50 коп.

Пстыго И. И. *На боевом курсе*. М. Воениздат. 1989. 207 с. с илл. (Военные мемуары). 65 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Равич Л. М. *Евгений Иванович Якушкин, 1826–1905*. Л. Наука. 1989. 204 с. (Страницы истории нашей Родины). 35 000 экз. 50 коп.

Рощин И. *Твердо верю в нашу Победу*. М. Политиздат. 1989. 208 с. с илл. 75 000 экз. 70 коп.

Рубцов А., Разумов А. *Политическое завещание В. И. Ленина*. Комментарий. М. Московский рабочий. 1989. 160 с. (Первоисточники). 50 000 экз. 15 коп.

Руссиян Ю. С. *Всю войну на «малютках»*. М. Воениздат. 1988. 224 с. с илл. (Военные мемуары). 65 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Семеновский М. *Царица Прасковья, 1664–1723*. Очерк из русской истории XVIII в. М. Книга. 1989. 222 с. (Историко-литературный архив). 120 000 экз. 2 руб. 40 коп.

Сенчакова Л. Т. *Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг.* М. Наука. 1989. 264 с. 1750 экз. 4 руб. 30 коп.

Суриц Г. И. *Город на Тезе*. Очерки истории Шуи. Ярославль. Верхне-Волжское книжное изд-во. 1989. 143 с. 5000 экз. 20 коп.

Считать живыми! Сост. Д. Чаркин. Кишинев. Карта молдовеняскэ. 1989. 230 с. 10 000 экз. 65 коп.

Троев П. С. *Ишугинцы в якутской ссылке*. Якутск. Книжное изд-во. 1989. 152 с. (Судьбы, связанные с Якутией). 3000 экз. 30 коп.

Тулин Б., Шварц В. *Вспышка магния и... свет истории*. Из истории ленинских фотографий. М. Политиздат. 1989. 252 с. 100 000 экз. 50 коп.

Урбшис Ю. *Литва в годы суровых испытаний, 1939–1940*. Пер. с лит. Вильнюс. Минтис. 1989. 124 с. 10 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Установление и упрочение Советской власти в Новгородской губернии, 1917–1918. Сборник документов и материалов. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л. Лениздат. 1989. 303 с. 2 000 экз. 95 коп.

Чернуха В. Г. *Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века*. Л. Наука. 1989. 207 с. 1300 экз. 3 руб.

Чертов Ю. *Разные дни Семена Журавлева*; Рыбаковский Э. *Звездный час*; Софьявиди М. *Якутская симфония*. Якутск. Книжное изд-во. 1989. 327 с. (Судьбы, связанные с Якутией). 10 000 экз. 90 коп.

Шашков Н. И. *Исторические корни деформации социализма*. Кишинев. Карта молдовеняскэ. 1989. 195 с. 10 000 экз. 40 коп.

Всеобщая история

Текст как явление культуры. Антипов Г. А. и др. Новосибирск. Наука. 1989. 3250 экз. 2 руб.

Афганистан. История, экономика, культура. Сборник статей. М. Наука. 1989. 268 с. 3000 экз. 2 руб. 10 коп.

Егорин А. З. *Ливийская революция*. М. Наука. 1989. 266 с. 1750 экз. 3 руб.

Западноевропейская социал-демократия: поиски обновления. М. Наука. 1989. 319 с. 1100 экз. 3 руб. 60 коп.

Внеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII – начало XX в.). Иванов С. М. и др. М. Наука. 1989. 230 с. 1400 экз. 2 руб. 50 коп.

Иранская революция, 1978–1979. Причины и уроки. М. Наука. 1989. 557 с. 2150 экз. 5 руб. 50 коп.

Ковальский Н. А., Иванова И. М. *Католицизм и международные отношения*. 1989. 270 с. 5500 экз. 2 руб. 50 коп.

Копкин А. А. *Кризис стратегии «спелой пурмы»*. Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945 гг. М. Мысль. 1989. 272 с. 50 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Молчанов Н. Н. *Монтаньяры*. М. Молодая гвардия. 1989. 559 с. с илл. (Жизнь замечательных людей). 150 000 экз. 2 руб. 70 коп. – К 200-летию Великой Французской революции.

Оборотова М. А. *США: борьба с освободительным движением в Центральной Америке (1977–1988 гг.)*. М. Наука. 1989. 160 с. 1550 экз. 1 руб. 80 коп.

Проблемы коммунистического движения, ежегодник, 1988–1989. Тенденции и противоречия современного мира и революционный процесс. М. Мысль. 1988. 336 с. 11 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Рабочий класс в мировом революционном процессе. Ежегодник. М. Наука. 1989. 269 с. 2500 экз. 3 руб. 40 коп.

Рашкова Р. Т. *Ватикан и современная культура*. М. Политиздат. 1989. 416 с. с илл. 40 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Свенцицкая И. С. *Раннее христианство: страницы истории*. М. Политиздат. 1989. 336 с. (Б-ка атеистической литературы). 100 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Средние века. Сборник. Вып. 52. М. Наука. 1989. 408 с. 1850 экз. 5 руб. 80 коп.

Удалова Г. М. *Йемен в период первого османского завоевания. 1538–1635*. М. Наука. 1988. 199 с. 1200 экз. 1 руб. 80 коп.

Федосеев П. Н. и др. *Карл Маркс*. Биография. Изд. 3-е, доп. и испр. М. Политиздат. 1989. 703 с. с илл. 200 000 экз. 2 руб. 60 коп.

Французское Просвещение и революция. М. Наука. 1989. 272 с. 2700 экз. 3 руб.

Яковлев Н. Н. *Избранные произведения*. Вашингтон. Преступившие грань. М. Молодая гвардия. 1989. 607 с. с илл. 100 000 экз. 3 руб. 10 коп.

Япония. Ежегодник, 1987. М. Наука. 1989. 362 с. с илл. 25 000 экз. 2 руб. 10 коп.

Книги, переведенные
с иностранных языков

Благоев Д. *Очерки истории социализма в Болгарии*. Пер. с болг., ст.

А. С. Бейлиса. М. Наука. 1989. 490 с. (Памятники исторической мысли). 1800 экз. 4 руб. 60 коп.

Де Луттис Д. *История итальянских секретных служб*. Пер. с итал. М. Прогресс. 1989. 320 с. 50 000 экз. 2 руб. 40 коп.

Ливий Тит. *История Рима от основания города*. В 3-х т. Т. 1. Пер. с латин. М. Наука. 1989. 576 с. (Памятники исторической мысли). 100 000 экз. 5 руб. 50 коп.

Неру Д. *Взгляд на всемирную историю*. Письма к дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества. В 3-х т. Т. 1. Пер. с англ. М. Прогресс. 1989. 357 с. 30 000 экз. 1 руб. 90 коп. Т. 2, 467 с. 2 руб. 50 коп.

Роуз Ф. *Аборигены Австралии*. Традиционное общество. Пер. с англ. М. Прогресс. 1989. 319 с. 14 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Станоевич Б. *Усташский министр смерти*. Анатомия преступления Андрия Артуковича. Пер. с сербскохорв. М. Прогресс. 1989. 248 с. 50 000 экз. 60 коп.

Хайцер Х. и др. *40 лет ГДР: страна в борьбе за мир и социализм*. Сост. Х. Херинг. Пер. с нем. М. Прогресс. 1989. 184 с. с илл. 8000 экз. 50 коп.

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ В АСПИРАНТУРУ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

С отрывом от производства:

Средневековая, новая и новейшая история стран Западной Европы, Латинской Америки и Африки.

Без отрыва от производства:

Новая и новейшая история Германии.
История общественной мысли.
История Африки.
История США.

Прием документов с 1 по 25 августа, вступительные экзамены – в сентябре–октябре.

Документы принимаются по адресу: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, телефон 126-94-12.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР АН СССР ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ
В АСПИРАНТУРУ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

С отрывом от производства:

«История СССР»

История национальных отношений в СССР – 1 место.
История СССР периода капитализма и империализма (в том числе история внешней политики России) – 1 место.
История докапиталистических формаций – 1 место.
«Историография и источниковедение»
Источниковедение истории советского общества – 1 место.
В аспирантуру без отрыва от производства – 3 места.

Прием документов – до 31 июля 1989 г. Начало вступительных экзаменов – 1 сентября 1989 г.

Справки по адресу: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Отдел аспирантуры Института истории СССР АН СССР, телефон: 126-94-79.

CONTENTS

"Round Table": The Second World War: Sources and Causes. Articles: **V. I. Startsev**. Russian Freemasons of the 20th Century; **Donald Cameron Watt**. Who Plotted Against Whom? **L. N. Gumilev**. The Huns in Asia and Europe. Historical Profiles: **S. L. Agaev**. Ruhollah Musawi Khomeini. Historical Journalism: **A. V. Antonov-Ovseyenko**. Stalin and His Time. Communications: **G. T. Zhuravlev**, **V. I. Merku-shin**, **Y. K. Fomichev**. Awareness of History: An Attempt at Sociological Research; The Nationalities Question and the Inter-National Relations in the USSR: the Past and Present. The "Round Table". Historiography: Survey: **B. N. Bilunov**, **D. G. Pescha-ny**. A Chronicle of Friendship and Cooperation Between the Peoples of Bulgaria and the USSR: **R. Vasilevsky**, **D. Rezun**. Educating by History. The City in Late Imperial Russia. Bloomington; **A. G. Timoshenko**, **E. I. Kosenko**. The Youth Movement in the USA: the Past and the Present-Day Problems. Letters to the Editor. Chronicle of Academic Events. New Books in the USSR and Abroad.

SOMMAIRE

La «table ronde»: la Seconde Guerre mondiale – les sources et les causes. Articles: **V. I. Startsev**. Les Maçons de Russie du XXe siècle; **Donald Cameron Watt**. Qui a tramé une conspiration et contre qui? **L. N. Goumilev**. Les Huns en Asie et en Europe. Portraits historiques: **S. L. Agaév**. Ruhollah Musawi Homeïni. Journalisme politique historique: **A. V. Antonov-Ovséenko**. Staline et son époque. Communications: **G. T. Jouravlev**, **V. I. Merkouchine**, **You. K. Fomitchev**. Une conscience historique: expérience d'une étude sociologique. La question des nationalités et les relations entre nationalités en U. R. S. S.: histoire et époque contemporaine. Matériaux de la «table ronde» (fin). Historiographie: Aperçu: **B. N. Bilounov**, **D. G. Pestchany**. La chronique de l'amitié et de la coopération des peuples de Bulgarie et d'U.R.S.S.; **R. Vassilievski**, **D. Rezoun**. L'éducation à l'aide de l'histoire. La ville dans le bas Empire russe; **A. G. Timochenko**, **E. I. Kossenko**. Le mouvement des jeunes aux Etats-Unis: histoire et problèmes actuels. Courrier de la rédaction. Chronique de la vie scientifique. Nouveaux livres en U. R. S. S. et à l'étranger.

SUMARIO

«Mesa redonda»: La Segunda Guerra Mundial: orígenes y causas. Artículos: **V. I. Stártsev**. Masones de Rusia del siglo XX; **Donald Cameron Watt**. ¿Quién contra quién urdió la conspiración? **L. N. Gumiliov**. Los hunos en Asia y Europa. Retratos históricos: **Ruhollah Musawi Homcini**. Ensayos publicísticos históricos: **A. V. Antónov-Ovséenko**. Stalin y su época. Comunicaciones: **G. T. Zhuravliov**, **V. I. Merkushin**, **Yu. K. Fomichov**. Conciencia histórica: experiencia de la investigación sociológica. La cuestión nacional y las relaciones entre las nacionalidades en la URSS: historia y actualidad. Materiales de la «Mesa redonda» (fin). Historiografía: Resúmenes: **B. N. Bilunov**, **D. G. Peschani**. Anales de la amistad y cooperación de los pueblos de Bulgaria y la URSS; **R. Vasilievski**, **D. Rezún**. Educar con la historia. The City in Late Imperial Russia. Bloomington; **A. G. Timoshenko**, **E. I. Kosenko**. Movimiento juvenil en EE.UU.: la historia y los problemas contemporáneos. Cartas a la Redacción. Crónica de la vida científica. Nuevos libros en la URSS y en el exterior.

СОДЕРЖАНИЕ

«Круглый стол»: Вторая мировая война – истоки и причины	3
---	---

СТАТЬИ

В. И. Старцев (Ленинград) – Российские масоны XX века	33
Дональд Камерон Уотт (Англия) – Кто против кого устроил заговор?	51
Л. Н. Гумилев (Ленинград) – Хунны в Азии и Европе	64

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

С. Л. Агаев – Рухолла Мусави Хомейни	79
--	----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А. В. Антонов-Овсенко – Сталин и его время	101
--	-----

СООБЩЕНИЯ

Г. Т. Журавлев, В. И. Меркушин, Ю. К. Фомичев – Историческое сознание: опыт социологического исследования	118
Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность. Материалы «круглого стола» (окончание)	120

ИСТОРИОГРАФИЯ

Б. Н. Билунов, Д. Г. Песчаный – Летопись дружбы и сотрудничества народов Болгарии и СССР	147
И. И. Никитин – Книга о судьбах Сибири	152
Б. Н. Миронов (Ленинград) – Американские историки об урбанизации преобразованной России	155
И. Д. Гусева – Молодежное движение в США в исторической ретроспективе	158
И. С. Кремер, Г. В. Кацман. Коммунистическая партия Германии в борьбе за единство антифашистских сил (1935–1939). – Г. А. Архипова, В. С. Орлов. Рождение советской демократии: февраль 1917 – июль 1918	161
	191

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

А. Б. Закс — Как я защищала диссертацию и пыталась ее опубликовать	164
Г. М. Коваленко — Избавиться от старых схем истории внешней политики	168
В. В. Елисеев — Пора сказать всю правду	169
С. В. Богатырев — Спустя почти 44 года.	170
Реплики читателей	171

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Комплексная программа исследований «Роль религий в истории и современном мире»	173
А. Ш.— В Отделении истории АН СССР	184
Новые книги	187

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 04.05.89	Подписано к печати 15.06.89	А-01042	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 16,80	Усл. кр.-отт. 17,33	Уч.-изд. л. 19,08
	Тираж 79 000 экз.	Заказ № 2924	Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6. М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

НОВЫЕ КНИГИ

АТАНАСОВ А. **Работническата класа в България, 1948–1958 г.** София. Профиздат. 1987. 188 с.

ВЕЛЧЕВ В. **Паисий Хилендарски. Епоха, личност, дело.** 2 изд. София. Изд-во на Отечественя фронт. 1987. 224 с. (8) л. ил.

ГАНДЕВ Х. **От народност към нация.** София. Наука и изкуство. 1988. 107 с.

КАНЕВ Д. **Социалдемократията в променящия се свят. Съвременни проблеми и перспективи.** София. Наука и изкуство. 1988. 184 с.

КЪНЕВА-ДАМЯНОВА Ж. **Социални реформи – без социализъм. Из историята на швед. социалдемократия.** София. Партиздат. 1988. 237 с.

ПАНАЙОТОВ Ф. **Доктор Кръстю Раковски.** Доп. към автобиогр. му. София. Партиздат. 1988. 405 с. (10) л. ил.

СТОЯНОВ З. **Васил Левски (Дяконът).** Чърти из живота му. 9. изд.; **Христо Ботев.** Опит за биогр. 11. изд. Предг. Ефрем Каранфилов. София. Изд-во на ЕЗНС. 1987. 485 с.

ЧОЛОВ П. **Чипровското въстание, 1688 г.** София. Нар. просвета. 1988. 150 с. (8) л. ил.

A Képes Krónika. I. /Szöveg/. 146. old. 2. Latin eredetijének magyar fordítása. Ford.: Bellus Ibolya; **A kisérő tanulmányokat írta Derscsényi Dezső et al. 142. old.** Budapest. Helikon. 1987.

BÖLÖNY J. **Magyarország kormányai, 1848–1987.** Csatolva. Közös miniszterekhorv. bánok, fiumei kormányzók, 1867–1918. 3., bőv. kiad. Budapest. Akadémiai kiadó. 1987. 469. old.

KOSSUTH L. **Írások és beszédek, 1848–1849 – böl. Vál., sajtó alá rend, az osszekötő szöveget, jegyz. és névmagyarazatokat írta Katona Tamás.** Budapest. Európa. 1987. 651. old.

LUDASSY M. **Moralisták és terroristák.** (A francia felvilágosadás és a francia forradalom erkölcsi és politikai problémáiból). Budapest. Kozmosz könyvek. 1987. 233. old.

Der Nahostkonflikt – Gefahr für den Weltfrieden. Dokumente: Von der Jahrhundertwende bis zur Gegenwart. Hrsg. Inst. für Intern. Beziehungen an der Akad. für Staats- u. Rechtswiss. der DDR. Potsdam – Babelsberg. Ausgew. u. eingel. von Helmut Mardek et al. Berlin. Staatsverl. der DDR. 1987. 301 S.

OELSNER K. E. **Luzifer oder Gereinigte** Beiträge zur Geschichte der Französischen Revolution. Auswahl. Leipzig. Reclam. 1987. 330 S.

VETTER K. **Wilhelm von Oranien.** Eine Biogr. Berlin. Akademie. 1987. 194 S. (16) Bl. Ill.

WILBERG M. **Regententabellen.** Eine Zusgest. der Herrscher von Ländern aller Erdteile bis zum Beginn des 20. Jh. Berlin. Transpress. 1987. VII, 336 S.

CZUBINSKI A. **Rewolucja Październikowa w Rosji i ruchy rewolucyjne w Europie lat 1917–1921.** Poznań. Wyd-wo poznańskie. 1988. 317 s.

KULA M. **Historia Brazylii.** Wrocław etc. Zakł. nar. im. Ossolińskich wyd-wo. 1987. 411 s.

WRONIAK Z. **Polityka polska wobec Francji w latach 1925–1932.** Poznań. Uniw. im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. 1987. 223 s.

ZAWADZKI S. **The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle.** Poznan. Adama Mickiewicza Univ. Press. 1988. 176 p.

Marea răscoală a țăranilor din 1907. 2. ed. rev. și îmbun. București. Ed. Acad. RSR. 1987. 316 p.

HAVLÍČEK F. **Říjnová socialistická revoluce a současnost.** Praha. Svoboda. 1987. 211 s.

HONZIK M. et al. **Zněl zrady zvon.** Miroslav Honzik, Oldřich Mahler, Miroslav Broft. Praha. Naše vojsko. 1988. 147 s.

HRNKO A. **Politický vývin a protifašistický odboj na Slovensku (1939–1941).** Bratislava. Veda. 1988. 134 s.

BANAC I. **Nacionalno pitanje u Jugoslaviji.** Porijeklo, povijest, politika. Prev. s engl. Josip Sentija. Zagreb. Globus. 1988. 420 s.

KRALJACIĆ T. **Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882–1903).** Sarajevo. Veseilin Masleša. 1987. 567 s.

LEKIĆ B. **Arhivski izvori za istoriju socijalističke Jugoslavije 1943–1953.** Beograd. Arhiv Jugoslavije. 1987. 275 s.

Indonesian Politics: a Reader. Ed. by Christine Doran. Townsville (Q). James Cook Univ. of North Queensland. 1987. 235 p.

Internationale Tagung der Historiker der Arbeiterbewegung. Konferenz (22. 1986. Linz). Arbeitsmigration und Arbeiterbewegung als historisches Problem. Stand der Forschung zu den Volksfrontregierungen in Spanien, Frankreich u. Chile in den 30er. J. Bearb. von Gabriella Hauch. Wien. Europaverl. 1987. 454. (16) S.

PLASSER F. **Parteien unter Streß.** Zur Dynamik der Parteiensysteme in Österreich, der Bundesrep. Deutschland u. den Vereinigten Staaten. Wien, etc. Böhlau. 1987. XII, 344 S.

HARTLEY S. **The Irish Question as a Problem in British Foreign Policy, 1914–18.** Basingstoke (Hants); London. Macmillan. 1987. XI, 243 p.

The Caledonian Phalanx. Scots in Russia. Edinburgh. Nat. Libr. of Scotland. 1987. 105 p.

The Political Culture of Modern Britain. Studies in Memory of Stephen Koss. Ed. by J. M. W. Bean. Forew. by John Gross. London. Hamilton. 1987. XI, 306 p.

НОВЫЕ КНИГИ

WILSON K. M. **Empire and Continent.** Studies in British Foreign Policy from the 1880s to the First World War. London. New York. Mansell. 1987. 187 p.

BJØRNVAD A. **Hjemmehæren: Hovedtræk af det illegale arbejde på Sjælland og Lolland-Falster under den tyske besættelse, 1940–1945.** Odense. Odense Universitetsforl. 1988. 605 s.

Om Danmarks historie, 1900–1920. Festskrift til Tage Kaarsted. Odense. Odense Universitetsforl. 1988. XVII, 395 s.

INGLIS T. **Moral Monopoly.** The Catholic Church in Modern Irish Society. Goldenbridge. Dublin. Gill and Macmillan. 1987. 251, (7) p.

PRAT DE LA RIBA E. **La nació i l'estat.** Escrits de joventut. Ed. a cura d'Enric Jardí. Barcelona. Ed. de la Magrana. 1987. XXII, 144 p.

PRESTON P. **La destrucción de la democracia en España.** Reforma, reacción y revolución en la Segunda Rep. Versión castellana de Jerónimo Gonzalo. Madrid. Alianza. 1987. 289 p.

Politica in Italia. I fatti dell'anno e le interpretazioni. Ed. 1987. Ist. Carlo Cattaneo Conference Group on Italian Politics and Society. A cura de Piergiorgio Corbetta e Robert Leonardi. Bologna. Il Mulino. 1987. 262 p.

MAGRIS C. **Danubio.** 4. ed. Milano. Garzanti. 1987. 437 p.

PIROTTA J. M. **Fortress Colony: the Final Act, 1945–1964.** Vol. I: 1945–1954. XX, 444 p. Valetta (Malta). Studia editions. 1987.

RAMCHARAN B. G. **Keeping Faith with the United Nations.** Dordrecht etc. Nijhoff. (New York). UNITAR. 1987. XIX, 354 p.

MARZAL M. M. **La transformación religiosa peruana.** 2. ed. Lima. Pontificia Univ. Católica del Perú. Fondo Ed. 1988. 458 p.

RIBEIRO O. **Mediterrâneo.** Ambiente e tradição. Lisboa. Fund. Calouste Gulbenkian. 1987. 323 p. (20) f. il.

FAIRBANK J. K. **China Watch.** Cambridge (Mass.). London. Harvard Univ. Press. 1987. VIII, 219 p.

MEAD W. R. **Mortal Splendor.** The American Empire in Transition. Boston. Houghton Mifflin. 1987. XII, 381 p.

NIXON R. M. **1999. Victory without War.** New York etc. Simon and Schuster. 1988. 336 p.

SCHURMANN F. **The Foreign Politics of Richard Nixon.** The Grand Design. Berkeley. Institute of Intern. Studies. Univ. of California. 1987. VII, 403 p.

HARARI J. **Contribución a la historia del ideario del M. L. N. Tupamaros.** T. I. 208 p.+Supl. (8 p.). T. 2. 209–442 p. Montevideo. Plural. 1987.

BEUYS B. **Vergeßt uns nicht. Menschen im Widerstand, 1933–1945.** Hamburg. Rowohlt. 1987. 601 S.

Die Kapitulation von 1945 und der Neubeginn in Deutschland. Symp. an der Univ. Passau, 30.–31.10.1985. Hrsg. von Winfried Becker. Köln. Wien. Böhlau. 1987. VIII, 406 S.

HILDEBRAND K. **Das Dritte Reich.** 3. überarb. u. erw. Aufl. München. Oldenbourg. 1987. VIII. 323 S.

KOERFER D. **Kampf ums Kanzleramt. Erhard u. Adenauer.** Stuttgart. Dt. Verlags-Anst. 1987. 894 S.

LAPPALAINEN N. **Hankoniemi toisessa maailmansodassa.** Porvoo etc. Söderström. 1987. 265 s. (16) l. kuv. portr.

LATIKKA O. **Järjestäytyminen ja yhfeiskunnan muutos.** Järjestötoiminnan alkuvaiheet ja laajentuminen suomenkielisellä Etelä-Pohjanmaalla vuoteen 1908. Jyväskylän yliopisto. 1987. 419 s.

MUSTONEN P. **Keskellä kaupunkia.** Helsinki. Kirjayhtymä. 1987. 120 s. (16) l. kuv.

TARKKA J., TIITTA A. **Itsenäinen Suomi.** Seitsemän vuosikymmentä kansakunnan elämästä. Helsinki. Otava. 1987. 312 s.

GACON J. **1944–1958. Quatrième République.** Paris. Messidor. Ed. sociales. 1987. 260 p.

MURAT I. **La Deuxième République, 1848–1851.** Paris. Fayard. 1987. 533 p.

PORTELLI H. **La politique en France sous la V-e République.** Paris. Grasset. 1987. 345 p.

FREI A. **Rote Patriarchen.** Arbeiterbewegung u. Frauenemanzipation in der Schweiz um 1900. Zürich. Chronos. 1987. 217, 6 S. (4) Bl. Ill. Portr. Faks.

KYLE J. **Striden om hemmanen. Studier kring 1700-talets skatteköp i västra Sverige.** Göteborg. Medellande från Hist. inst. i Göteborg. 1987. 271, (18) s.

OLAI B. «... till vinnande af ett redigt Storskifte...» En komparativ studie av storskiftet i fem häradar. Uppsala. Acta Univ. Upsaliensis. 1987. 131 s.

Вниманию читателей!

КООПЕРАТИВ НУЖДАЕТСЯ В ЗАЩИТЕ

Говорят, что кооператоры — люди богатые. Увы, когда стихийные бедствия, пожары, взрывы, аварии, а также умышленные (неправомерные) действия третьих лиц и другие непредвиденные события наносят существенный вред имуществу, даже кооперативы часто не могут обойтись без посторонней помощи. Такую помощь им готов оказать госстрах.

По желанию страхователя с ним могут быть заключены следующие договоры:

— основной, по которому страхуется имущество страхователя или являющееся совместной собственностью кооперативных, государственных и других организаций: здания, сооружения, объекты незавершенного капитального строительства, машины, оборудование, транспортные средства, суда, продукция, сырье и другое имущество. Этот договор может быть заключен в полной балансовой стоимости имущества либо в определенной доле, но не менее 50% ее:

— дополнительный, по которому может быть застраховано имущество, полученное страхователем по договору имущественного найма или принятое от других организаций и населения;

— договор страхования животных, многолетних насаждений и урожай сельскохозяйственных культур;

— страхования имущества на случай кражи со взломом и грабежа.

Договор заключается на один год или более длительный срок. С сезонными организациями может быть заключен на срок от 3 до 11-ти месяцев.

Более подробную информацию можно получить в инспекции госстраха.

Заклучив договор страхования, кооперативные и общественные организации защитят себя от последствий неблагоприятных событий.

Правление государственного
страхования СССР

